НИКОЛАЙ ЛЕОНОВ

МЩЕНИЕ СПРАВЕДЛИВО

перехват

Н. ЛЕОНОВ МЩЕНИЕ СПРАВЕДЛИВО

перехват

перехват

НИКОЛАЙ ЛЕОНОВ

ПРЕЗУМПЦИЯ НЕВИНОВНОСТИ

ПОВЕСТЬ

МЩЕНИЕ СПРАВЕДЛИВО

РОМАН

«ЭКСМО» г Москва
«Грампус Эйт» г Харьков

1996

ББК 84Р7
Л47

Серия «Перехват» основана в 1996 г

Художник-оформитель
С Филатов

Леонов Н.И.

Л47 Презумпция невиновности: Повесть; Мщение справедливо: Роман / Художн. С. Филатов.—М.: ЭКСМО; Х.: МЧФ «Грампус Эйт», 1996.— 416 с. — (Сер. «Перехват»).

ISBN 5-85585-591-0

В книгу известного мастера криминального жанра Николая Леонова вошли роман «Мщение справедливо» и повесть «Презумпция невиновности». Главный герой произведений – полковник уголовного розыска Гуров – личность яркая и незаурядная

В повести «Презумпция невиновности» Гуров раскручивает горячее дело о массовых ограблениях и убийствах инкассаторов Жестокие, наглые налеты явно проводятся по наводке; иудой оказывается коллега Гурова.

В романе «Мщение справедливо» на плечи главного героя перекладывают опасно-скандальное расследование убийства замминистра Подозреваемые и свидетели – высокопоставленные чиновники, особы, защищенные властью

Л $\frac{4702010201-77}{96}$ Без объявл. ББК 84Р7

ISBN 5-85585-591-0

© АОЗТ издательство «ЭКСМО», 1996
© Серийное оформление,
МЧФ «Грампус Эйт», 1996.

ПРЕЗУМПЦИЯ НЕВИНОВНОСТИ

Повесть

Презумпция невиновности — основополагающее положение в уголовном праве всех цивилизованных стран мира, означающее, что человек невиновен, пока не доказано обратное.

ПРОЛОГ

Сентябрь — первый месяц осени, погода начинает ломаться. Предсказать погоду в сентябре не в силах даже Гидрометцентр, как он не может ее угадать и в остальные одиннадцать месяцев в году. В сентябре дождит и стоит жара, рано убирать купальники и вроде бы рано доставать плащи и тяжелую обувь. Странный, капризный месяц, можно было бы сравнить его с норовистой женщиной, но уж больно избито.

Человек в сентябре тоже ведет себя кое-как. Одни, схватив корзинки, кидаются в лес в поисках боровиков, другие, бережливые или просто богатенькие, усаживаются в самолеты и подаются на юга, в какую-нибудь Анталию, на Кипр или Канары, а некоторые, вконец обнаглевшие, еще дальше — во Флориду или на Филиппины.

Существует небольшая, но беспокойная категория человеков, которые в сентябре убивают, грабят инкассаторов. Эти люди меньше других зависят от погоды, они счастливые.

Старший оперуполномоченный по особо важным делам Главного управления уголовного розыска полковник Гуров не разбирался в грибах. У него не было денег, чтобы продлить свое лето и отдохнуть на берегу океана. А так как в сентябре что-то делать надо, Гуров разыскивал вышеупомянутую третью

категорию лиц, так как россияне, в своем большинстве, не понимали увлечения разбойников. Говорят, что в других странах, даже в сверхдемократической Америке, разбойников тоже не понимают.

Шутки шутками, но в этом сентябре в Москве происходил какой-то обвал разбойных нападений на инкассаторов. Грабили целенаправленно, зряче, в основном охотились за валютой.

Ух, эти доллары, и зачем их американцы придумали!.. И родились, паршивцы, каких-то двести лет назад, а натворить успели поболее, чем в тысячелетней Римской империи.

Да, доллары... Налетчики явно имели информацию, когда, куда, сколько долларов собираются перевозить. Налеты совершались дерзко, жестоко. Инкассаторов и охрану расстреливали из автоматов и пистолетов. Убивали при выходе из банка и при входе, перегораживали дорогу спецмашинам и убивали в пути, свидетелей не оставляли. Привычные к беспределу москвичи нервничали, говорили однообразные слова в адрес полковника Гурова и его товарищей, которые, мотаясь по огромному городу, ловили воздух.

— Ты опер-важняк, агентурист или мальчик на посылках? — спрашивал у Гурова его друг, начальник главка генерал Орлов. — Разбойники живут не на полюсе и не в Сахаре, а среди людей. Найди этих людей и ты получишь разбойников.

Гуров, как говорит его друг и подчиненный полковник Крячко Станислав, «уперся рогом».

Уголовную среду прослушивали внимательнее, чем опытный врач прослушивает миллионера.

Наконец Гурову удалось пробить агентурный подход в окружении налетчиков, и сыщик получил информацию, когда и где конкретно готовится очередное нападение.

Орлов создал группу захвата, не разрешил Гурову участвовать в операции, сухо напомнив полковнику, что ему пятый десяток, а хватать и стрелять должны молодые.

Гуров рассердился, но дружба дружбой, а генерал — начальник, ему решать.

Специально подготовленные ребята отправились на задержание и вернулись ни с чем. Налет не состоялся. На Гурова смотрели сочувственно, некоторые насмешливо.

Через несколько дней история повторилась. Гуров явился к Орлову, заявил, что информация абсолютно достоверная, «пацаны» засвечиваются, налетчики засекают засаду, потому все и срывается.

— Хорошо, — согласился Орлов, — следующую операцию будешь готовить и проводить сам, лично.

Глава первая

В ПОИСКАХ АГЕНТУРНОГО ПОДХОДА

— Когда вы их ждете, они знают об этом и смеются, — сказал агент. — Я, конечно, помалкиваю, но один раз вякнул, мол, кончайте, сгореть можно.

—Ты не лезь, — сказал Гуров и переложил телефонную трубку в другую руку.

Полковник находился в своем кабинете, звонок застал сыщика в дверях, и он был в плаще.

— Не лезь и отойди в сторону. Я знаю, у тебя есть через кого получить информацию, общаться напрямую категорически запрещаю, слишком опасно.

— Ладно, тебе виднее, я хотел как лучше.

— Лучше, чтобы ты жил дольше.— Гуров увидел, что в кабинет вошел Крячко, кивнул ему и продолжал: — Все это не телефонный разговор...

— Да я с автомата, с Центрального телеграфа, меня тут никто не знает и не слышит.

— Давай сегодня часиков в восемь подскакивай на наше место.

— О'кей, командир.

Гуров положил трубку, вздохнул:

— Цены парню нет, однако авантюрист. По самому краю ходит, в разведчика играет. Его любимый фильм «Мертвый сезон». — Полковник стянул плащ, взял мокрый плащ Крячко, повесил на вешалку у двери.

— Может, он и с тобой «Подвиг разведчика» разыгрывает, а мы уродуемся, словно Бобики?

— Обижаешь, полковник. — Гуров присел на край ничейного стола, который стоял вдоль левой от входа стены.

Два стола были расположены у окна, лоб в лоб, левый занимал Гуров, правый — Крячко, так что сыщики сидели друг против друга, так сказать, лицом к лицу. Когда один из них с кем-либо беседовал, другой, как правило, уходил в буфет или отправлялся в приемную генерала, где кофейничал с секретарем Верочкой.

— Обижаешь, — повторил Гуров, закуривая. — Я работаю с человеком второй год, десятки его сообщений, как ты знаешь, подтвердились. Да и отношения у нас не такие, чтобы лечить горбатого. Я его не принуждаю, решил бы со мной завязать, так бы и сказал.

— Ну, ты же сам говоришь, что он авантюрист и фантазер. Об убийствах и ограблениях газеты и телевидение сообщали неоднократно. Твой парень и решил придать себе веса, значимости. Откуда у него подходы к таким жестким парням?

— В том-то и дело, что я знаю, — ответил Гуров. — У него родная сестра фотомодель, красотка, один

из парней за ней ухлестывает, кажется, влюбился всерьез. Ну, она, естественно, девочка избалованная... «Да» и «нет» не говорите... Черно-бело не берите», — водит парня. Он однажды был в гостях, поддал, выложил на стол несколько пачек стодолларовых и говорит, мол, смотаемся в Париж на недельку. А мой пацан-головастик толкнул пачку и сказал, мол, все это фальшивое, фуфло. Малый взъярился и брякнул, что фальшивки в банке не держат. А накануне инкассаторов «взяли», одного на месте, другой скончался в «скорой». Да ты помнишь, в конце августа, на Профсоюзной.

— Так чего ты молчал?

— Я выжидал и работал. Установил шикарного гостя — некто Семен Вестник, оказался кругом положительный. Наружка за ним неделю ходила, ничего. Молодой инженер, холост, живет один, девочки, случается, заглядывают, умеренно выпивает, в расходах не шикует, ничего дорогого не покупал. Ездит он на стареньких «жигулях», работает во французской фирме, получает в валюте. Я и решил тогда, что были у парня при себе деньги фирмы, он спьяну и решил пыль в глаза пустить.

— Правдоподобно решил, — согласился Крячко.

— А две недели назад, когда эта серия налетов началась, Семен Вестник сделал моему парню предложение. Ничего определенного, мол, можно хорошо заработать, нужен водитель всего на пару часов — и десять валютных кусков в кармане. Мой не дурак, ответил, что за десять тысяч долларов дадут десять лет, не выгодно. Парень мой в юности мастером спорта по мотогонкам был, водит классно, один раз этого Вестника прокатил, тот прилип, уговаривает. Однако знакомить с дружками не спешит, разговоры ведет.

— Так какого черта ты решил, что он из банды? —

вспылил Крячко. — Петр знает, какую ты лапшу развешиваешь? Людей задергал, спецподразделение поднял на ноги!

— Потому и молчал, что предвидел реакцию, — устало ответил Гуров. — Если ты, работая со мной второй десяток лет, зная меня как свою ладонь, плюешься, то что мне ждать от других людей?

— Пойдем к Петру, посоветуемся.

— Советоваться — значит, делить ответственность, а я делить не хочу. Я за свои решения отвечаю. Я чую, что это они! Группа необычная, так? По выбору цели, манере поведения, одежде, хотя они и в камуфляже. По точности наводки чувствуется, действуют не кавказцы, нападают люди спокойные, уверенные, хорошо знающие Москву.

Гурова прервал телефонный звонок. Сыщик снял трубку, услышал недовольный голос Орлова: «Зайдите оба».

— Слушаемся, — в тон другу ответил Гуров, кивнув на дверь. — Пошли на ковер.

— Да мы, кажется, с ковра не уходили много лет, — насмешливо ответил Крячко, запирая сейф. — Не хватает рыжего парика, носа бульбочкой и штиблет пятьдесят пятого размера.

Орлов, как обычно, сидел, навалившись грузным торсом на стол, покашливал — последние дни ходил с легкой простудой.

— Присаживайтесь, сейчас подойдут господа сыщики, обсудим вопрос, как жить дальше.

— Дружно, — ответил Крячко, занимая свой персональный стул.

Гуров молча прошел к окну, присел на подоконник, здесь было его любимое место, так как давало возможность в любой момент подняться и пройтись по скромному кабинету начальника главка.

Можно перестраиваться год, можно десять, но в

России ничего не меняется веками. Так, в России чиновник имеет кабинет и обстановку, не соответствующую его должности и заслугам, а такие, какие он сумел выпросить, выбить, в общем, как говорится только у нас, россиян, «достать». В остальном мире это слово имеет иное значение.

У начальника управления кадров, тем более начальника ХОЗУ, были иные апартаменты. Начальник ведущего главка в жизни у руководства ничего не просил, не выбивал, тем более не доставал.

Потому генерал Орлов имел то, что имел. Кабинет маленький и скромный, за что его большинство сотрудников не уважали, а считали чудаком, человеком несовременным.

Итак, Гуров опирался на подоконник, пуская дым в открытую форточку, курил, когда в кабинет пришли три полковника управления, опытные сыщики, старые знакомые еще по работе в МУРе.

— Здравия желаю. Привет! Здравствуйте.

— Прошу всех садиться. — Орлов перешел со своего места за небольшой стол для совещаний, многозначительно взглянул в сторону Гурова.

Гурову пришлось слезть со своего подоконника, перейти к столу. Он пожал руки коллегам, с которыми у него были отношения не простые, что объяснялось его привилегированным положением в главке и личной дружбой с генералом, о которой, естественно, все знали.

Вновь пришедшие полковники были примерно одного возраста с Гуровым, то есть от сорока до пятидесяти, все розыскники со стажем более двадцати лет. Начальники отделов, они были по должности выше Гурова, но ни одному из них не приходило в голову вмешаться в его работу, тем более что-либо ему посоветовать, не дай Бог, приказать. За что же, спрашивается, они могли его любить?

— Ну-с, господа офицеры, цвет российского сыска, каковы наши дела? — спросил, скорее риторически изрек, так как ответа не ждал, генерал, и, вздохнув, продолжал: — Интересно мне знать, почему, коли мы такие многоопытные, забрались в дерьмо по самую макушку?

— Господин генерал, следует отвечать или достаточно молча согласиться? — поинтересовался Крячко.

— Заткнись, Станислав, я лишаю тебя слова до того момента, пока я к тебе лично не обращусь.

— Понял, — кивнул Крячко и закрыл глаза.

— Когда мы не можем раскрыть заказное убийство, россиянин возмущается. Мы, профессионалы, знаем, что убийца — одиночка, не имеющий связей в уголовном мире, потому найти к нему подход крайне трудно. Мы это знаем, хотя наши трудности, естественно, никому не интересны и нас не оправдывают.

Орлов вздохнул, потер нос и шишковатый лоб, еще раз вздохнул, очень не любил говорить, однако продолжал:

— Ладно, о киллерах разговор особый. Но сегодня банда с автоматами, нападают в центре Москвы на инкассаторов, убивают людей, а мы словно слепые котята... Позор! Павел Петрович, расскажи коллегам, что тебе удалось раскопать.

Полковник Усов, полноватый, лет сорока пяти, с заурядным, незапоминающимся лицом, кивнул, взглянул почему-то на Гурова и сказал:

— Мы, кажется, получили агентурный подход к банде. По моим данным, их пятеро, работают на двух машинах — «вольво» и «жигули», номера неизвестны. Имеем три имени, две клички, по нашей картотеке не проходят. Возраст около тридцати, образованные, связи с уголовниками не имеют. Возможно,

связь есть, но нами пока не установлена Можно предполагать, что налетчики имеют информатора в банковской системе, так как нападают не вслепую, а зряче, зная точно, когда везут валюту и солидную сумму. Сейчас они готовятся, место нападения пока не известно. Да, еще: определив объект, они выезжают на место часа за три до нападения, изучают обстановку, возможное присутствие спецслужбы, в общем, бандиты — люди грамотные, а не гопстопники. Сейчас надо ждать, будем надеяться, что мой канал не заглохнет и не оборвется.

— Молодец, Паша! — сказал Гуров. — Ты большой молодец! Я аплодирую! Когда освободимся, заглянем ко мне. Я тебе дам, что имею, ты мне дашь имена и клички. Договорились?

Полковник Усов кивнул, ответив невнятно.

— Итак, господа сыщики, будем ждать и готовиться. В случае поступления информации Гуров возглавляет группу захвата. Все свободны...

— Петр Николаевич, — негромко сказал Гуров и постучал пальцем по столу.

— Минуточку, — остановил Орлов поднявшихся из-за стола офицеров. — Есть все основания полагать, что бандиты в милиции имеют информатора.

— То бишь среди нас предатель? — сказал полковник Меньшов, высокий сутулый человек, явно не отличающийся здоровьем, потому раздражительный. — Это версия явно полковника Гурова. Надо же както оправдать три проваленных операции по захвату. Ведь группы захвата выходили по данным, полученным от самого Гурова, следовательно, данным точным.

— Простите, Александр Иванович, я могу продолжать? — спросил Орлов. — Я убежден, что среди нас нет предателя. Но факт, бандиты о нашей работе информацию получают. Я полагаю, что течет не в

нашей лавочке, даже не в министерстве. Течет из групп захвата. Мы побеспокоимся, чтобы дырку залудить. Однако вы должны учитывать, что утечка существует, и в каком месте дыры, мы точно не знаем. Предупреждать вас излишне. Всем спасибо. Гуров, задержитесь.

Когда все вышли, Орлов оглядел Гурова с интересом, даже поднялся из-за стола, прошелся.

— Лева, ты охамел или недоумком прикидываешься? Ты как со старшими разговариваешь?

— Это Паша Усов старший? — Гуров взглянул недоуменно. — Мы с ним годки. Когда в МУРе я имел отдел, то Пашу с ладошки оперативными мудростями кормил.

— То было, и ты забудь. Сейчас Усов начальник отдела, а ты опер, его хвалишь таким тоном, каким учитель хвалит двоечника, случайно решившего сложную задачу. Лева, тебе пятый десяток, пойми, люди ранимы и обидчивы. Ты их раздражаешь, унижаешь, они не виноваты, что Бог дал некоему Гурову больше. Кстати, твоей заслуги в этом тоже нет, так случилось.

— Петр Николаевич...

— Помолчи. Можешь курить, хотя ты никогда разрешения и не спрашиваешь. Ты думаешь, этим офицерам приятно знать, что когда неприятности в верхах, то приглашают не их, как по должности положено. Сейчас я назначил старшим группы тебя, а не полковника Усова. Хотя агентурные данные получил именно Усов. Но я знаю, что ты лучше. А каково это знать Паше? Ты когда-нибудь думал об этом? Все твоя гордость! — Орлов поморщился и, неожиданно резко сменив тон, произнес: — Лева, будь настоящим другом, прими отдел. Я тебя через полгода своим замом сделаю.

— Петр, ну не хочу я быть начальником, — ответил Гуров и посмотрел на друга сочувственно. — Как

это мы с тобой не можем понять друг друга, двадцать лет вместе и все пинаем друг друга, как бильярдные шары. Ты пойми, я киплинговский кот, который гуляет сам по себе. Я больше всего на свете ценю свободу.

— Ох, кот, иди, гуляй. Я тебя понимаю, завидую, в свое время у меня на это сил не хватило, я надел штаны с лампасами. Удачи.

— Не горюй, дружище, я и Станислав всегда с тобой.

Гуров секунду постоял, хотел сказать что-то еще, лишь вздохнул и вышел из кабинета, зашел к себе, но полковника Усова, с которым сыщик договорился обменяться информацией, не застал.

— Ушли очень сердитые, — объяснил Крячко.

Гуров усмехнулся, позвонил Усову, сказал:

— Господин полковник, извините, меня генерал задергал, разрешите зайти?

— Ты знаешь, где я сижу? — спросил Усов. — Тогда заходи, разрешаю.

— Слушаюсь, господин полковник! — Гуров подмигнул Крячко и вышел в коридор.

Кабинет начальника отдела полковника Усова не многим уступал кабинету Орлова. Гуров вошел, огляделся и согласно кивнул, мол, все так и должно быть.

— Присаживайся, — сказал Усов. — А ты знаешь, что ты в данном кабинете впервые?

— Вроде так.

— А ты знаешь, как часто старший опер заходит к начальнику отдела? — Усов потер полноватые щеки, словно проверяя, чисто ли выбрит. — По нескольку раз на дню. Но ты из генеральского не вылезаешь, тебе начальник отдела без надобности.

— Окстись, Паша. — Гуров сел на стул. — Сначала Петр мне выволочку устроил, что я непочтителен с

руководством, то есть с тобой, теперь ты выступаешь. Я живу тихо, никого не трогаю, чем я сегодня тебя обидел?

— Ты сегодня был такой же, как всегда: Гуров обыкновенный. Хам, который считает, что он сыщик, остальные лишь прохожие. Ты знаешь случай, чтобы опер снисходительно похвалил начальника?

— Я искренне, от всей души, ты действительно большой молодец.

— Ты, естественно, свой тон не слышишь, никто себя не слышит. Разговариваешь ты, как мэтр, как звезда экрана разговаривает с поклонниками.

— У меня нет знакомых звезд, Паша. Допускаю, что тон у меня противный. Но ведь о человеке следует судить не по тону разговора, а по поступкам. Мы знакомы более десяти лет, я был твоим начальником, сейчас ты старше по должности, но никогда, ни раньше, ни сегодня, я тебе ножку не подставлял, гадость не сказал. Пашу я не меньше остальных, а что дружен с генералом, никто не виноват, так жизнь легла.

— А почему ты отдел не берешь, сидишь в операх?

— Писать не люблю. И я не сижу, а бегаю.

— И так в операх до пенсии?

— Не загадываю. Давай кончим обсуждать мою персону, перейдем к делу. У меня есть человечек, я его не оформлял, держу накоротке.

— Твоя манера известна, потому ты по показателям чуть ли не худший в управлении.

— Знаю, социализм — это учет. Социализм приказал долго жить, может, и у нас начнут судить о работе человека не по галочкам — папочкам отчетов, а по конкретным результатам.

— Не доживешь.

— Возможно, но мне плевать. Так вот, у моего человека имеется сестра. Красавица, фотомодель. В

нее влюблен некий парнишка по имени Семен Вестник. Шикарный парень, при баксах. Я убежден, что он налетчик. Проверь по своему каналу, никто из членов банды не ухлестывает за красавицей и фотомоделью? Таким образом мы выясним, об одной группе идет речь или о разных.

Усов смотрел настороженно, после паузы сказал:

— Если выяснится, что об одной, получится, что ты вышел на бандитов раньше меня.

— Не получится, — успокоил Гуров. — По моим сообщениям устраивали засады трижды. Я мажу в молоко, если твоя информация подтвердится, тебя наградой не обойдут. Я предлагаю готовить задержание и проводить его вместе. Как говорится, одна голова хорошо, а две лучше. Ты как?

— У тебя есть соображения?

— Кое-что, необходимо поставить людей из группы захвата в условия, при которых предатель не сможет предупредить бандитов.

— А выявить коррумпированного?

— В данный момент я такой возможности не вижу.

— Что же, я согласен, работать вместе с самим Гуровым — большая честь.

— Паша, ты нормальный сыщик. Сейчас занимаешь генеральскую должность, лампасов не дают, ты комплексуешь.

— Твой дружок, Петр Николаевич Орлов, держит. Мне в кадрах сказали: как начальник управления представит, так мы не мешкая...

— Петр мужик с норовом, тут я бессилен помочь. Наша дружба на том и держится, что я ни разу ни о чем не просил. Я днями загляну в группу захвата, познакомлюсь с людьми. Ты со мной поедешь?

— А отдел? — Усов хлопнул ладонью по столу. — Нет уж, я не опер, уехать на целый день не могу.

— Хорошо, — согласился Гуров, пытаясь говорить

как можно мягче. — Я съезжу один, позже расскажу, каково впечатление.

В спортивном зале тренировались ребята, точнее, мужчины в возрасте двадцати пяти — тридцати лет. Милиционерам надоело одалживаться, обращаясь в «Альфу» и другие спецподразделения в случаях, когда возникала необходимость задерживать вооруженную группу.

Заместитель министра распорядился, чтобы начальники управления выделили из числа оперативников молодых, физически крепких офицеров. Среди присланных, учитывая, что ни один начальник не отдаст хорошего парня, провели отбор, оставили двадцать человек, в основном недавних спортсменов, пригласили из «Динамо» тренеров по рукопашному бою и стрельбе, подготовили свою группу захвата.

На тренировку такой группы и приехал Гуров. Он заранее созвонился с тренером, его визит не был неожиданностью. Гуров надел тренировочный костюм, кроссовки, вошел в застланный зеленым паласом зал и, присев в сторонке на шведскую скамейку, наблюдал за тренировкой.

Картина была хорошо знакомая, раз в неделю Гуров сам занимался в таком зале. Сыщик мгновенно определил, что тренируются люди сильные, ловкие, уже хорошо подготовленные. Но на горьком опыте Гуров давно убедился, что прекрасная подготовка в спортзале порой мало помогает в боевых условиях. Отличные парни, недавние чемпионы гибли от ножа наркомана, который не только ни одного приема не знал, а на ногах-то стоял плоховато.

К Гурову подсел тренер, Юлий Бочаров, в прошлом призер мировых чемпионатов по дзюдо.

— Как вам наши мальчики? — спросил он.

— Как они нам, жизнь покажет, — ответил Гуров. — Сегодня меня интересует, как они вам?

— Мне что? — Бочаров пожал плечами. — Парни крепкие, азы усвоили, для уличной публики вполне достаточно.

— Полагаете, на улице легче, чем в зале?

— Я не полагаю, господин полковник, знаю. Я по улицам хожу, случается, меня шпана достать пытается. Недавно попался здоровенный амбал, килограммов на полтораста, так он, падая, чуть асфальт не проломил.

— Случается, — согласился Гуров. — Выделите парочку ребят, хочу размяться, боевой контакт, до поражения.

— Извините, господин полковник, вам сколько лет? Вы отдаете отчет в своих действиях?

— Мне сто лет, — ответил Гуров. — А ты действуй, командуй, готовь врача.

Бочаров глянул насмешливо, встал, захлопал. В зале стало тихо, тренировка остановилась.

— Ребята, присядьте. — Он повернулся к Гурову и жестом пригласил подойти. — К нам приехал старший оперативный уполномоченный по особо важным делам полковник Гуров Лев Иванович.

— Он действительно Лев или это только имя? — спросил кто-то. Но Гуров мгновенно говорившего засек, сказал:

— Вы хотя сейчас и в спортивном зале, но, насколько мне известно, младшие офицеры, так что извольте соответствовать. — Он умышленно создавал конфликтную атмосферу.

— Извините, господин полковник. — Бочаров глянул на учеников строго, добавил: — Говорунов лично отлуплю. Лев Иванович желает, — он еле сдержал улыбку, — провести с одним из вас схватку, полный боевой контакт. Есть добровольцы? Вес примерно восемьдесят.

— Восемьдесят пять, — поправил Гуров.

— Лейтенант Фатеев, — один из парней поднялся с пола, — разрешите вопрос?

— Валяйте, — кивнул Гуров.

— Ежели боевой контакт, возможны травмы. Что будет лейтенанту, ежели он покалечит господина полковника?

Гуров узнал в лейтенанте человека, который неудачно пошутил в отношении имени сыщика, спросил:

— Сколько вам лет, лейтенант?

— Двадцать семь, господин полковник.

— Когда вы пошли в школу, я один на один задержал Юрия Мельникова по кличке Митя Резаный. Ему грозила вышка, он был вооружен и очень не хотел в тюрьму. Если вы решаете попробовать, выходите.

Бочаров развел руками, мол, я за последствия не отвечаю, отошел в сторону; полковник и лейтенант встали друг против друга.

— Бой! — сказал Бочаров.

Гуров сделал шаг в сторону, посмотрел лейтенанту за спину, спросил:

— Что еще?

Фатеев непроизвольно оглянулся. Гуров ребром стопы нанес резаный удар по голени опорной ноги лейтенанта. Когда тот вскрикнул и, согнувшись, начал опускаться на пол, сыщик ударил его чуть ниже уха, лейтенант отключился полностью.

— Помогите бойцу, — равнодушно сказал Гуров.— Кто следующий?

Шок прошел, в зале зашумели, раздались возмущенные выкрики: «Нечестно!», «Это подлянка!», «Дайте я ему врежу!»

Лейтенанту помогли подняться, повели из зала. Гуров, стоя в центре, спокойный, чуть насмешливый, сказал:

— Кто желает врезать, может выйти.

— Старший лейтенант Медовой. — На ковер вышел оперативник лет тридцати, роста одного с Гуровым, но массивнее и тяжелее килограммов на десять.

— Лев Иванович, — вмешался Бочаров, — Медовой не вашей весовой категории.

— У нас не соревнования. — Гуров отстранил тренера. — Бандиты не интересуются весовыми категориями. — Он повернулся к противнику, поднял руку.

Медовой смотрел недобро, мягко переступал с ноги на ногу.

— Старлей, слушайте меня внимательно, — сказал Гуров. — Бой прекращается, только если я скажу слово «конец». Вы поняли?

— Хватит, полковник, я за Бориску сейчас тебе выдам!

— Намерение естественное и понятное, но я бы вас просил, громко и отчетливо, чтобы ваши товарищи слышали, ответить, понятны вам условия схватки?

— Мне все понятно!

— Отлично. — Гуров повернулся к Бочарову: — Командуйте.

— Бой! — выкрикнул тренер.

Мягко пружиня, Медовой двинулся на Гурова, который легким боксерским шагом пошел по кругу.

Если бы в зале появилась муха, все бы услышали, как она потирает лапки.

Гуров пошел на сближение, сделал ложный выпад, отскочил, тяжелая рука старлея схватила воздух. Гуров начал двигаться быстрее, лицо заблестело от пота, он сделал несколько ложных выпадов, начал задыхаться, махнул рукой и с трудом произнес:

— Нет, не по годам. Сдаюсь! — Он повернулся к противнику спиной, затем развернулся и поднял руки.

Медовой сплюнул под ноги, процедил:

— Жаль, еще пару минут, и я бы до тебя добрался, начальник.

— Наверняка, — ответил Гуров и протянул руки. Когда Медовой собрался их пожать, Гуров ударил противника в солнечное сплетение. Старлей всхлипнул, согнулся. Гуров ударил его ногой в голову, Медовой рухнул на ковер.

— Спокойно, — без всякой одышки сказал Гуров. — Вы все слышали, как человек отчетливо сказал, что условия боя понял. Слышали? Так чего у вас морды, словно у цепных псов, которых подразнили колбасой, а кусок не дали?

Когда старшего лейтенанта увели, Гуров продолжал:

— Всем сесть, молчать, пытаться меня понять. Оперативнички, вы полагали, что полковник, старший опер-важняк, приехал к вам выяснять, кто выше на стенку писает? Вы знаете, сколько убили ментов, которые купились на поднятые руки и возглас «Сдаюсь!»? У меня служил парень. Крепкий парень, оперативник средний, самоуверенный. Однажды задерживали особо опасного, человек под вышкой ходил. Так вот мой, тоже старлей, да не один, их трое лопухов было, этого бандита достал. Тот руки протягивает и говорит, мол, не стреляй, давай свои «браслеты». Мой вместо того, чтобы взять руку преступника на перелом, полез за наручниками. А у Сони — такая ласковая кличка была у убийцы — в рукаве нож. Хоронили старлея обыденно, как ментов хоронят. Мне влепили по завязочку, но это уже другая история... Вы, господа хорошие, тренируетесь, но на улице, в боевой обстановке, все эти подсечки, глупости со стрельбой по летящим консервным банкам у вас из головы вылетят. Захват вооруженного преступника, которого вышка ждет, дело нервное. В

момент огневого контакта вам одновременно следует учесть... Что следует учесть? — Гуров указал на оперативника, сидевшего напротив.

— Ну, — парень поднялся, — стрелять надо по ногам, убьешь — не отпишешься... Сначала предупредительный в воздух...

— Понятно, садитесь. — Гуров махнул рукой. — В какой Хацепетовке вас разыскали, господа? Вы думаете, что работаете в подразделении «Хватай мешки — вокзал отходит»? Так вот, в момент перед началом огневого контакта в городе вы должны учесть, не находятся ли между вами и преступником, за его спиной и за вашей спиной, люди посторонние. Никакое задержание не стоит человеческой жизни. Вы обязаны исключить риск полностью, вплоть до того, что не отвечать на выстрелы преступника, если за ним находятся посторонние люди. В это же мгновение вы должны решить, куда вы укроетесь, прыгнете, упадете и покатитесь либо иным способом максимально себя обезопасите. Ваша собственная жизнь стоит на втором месте, на первом, как я уже сказал, жизнь постороннего человека. В тот же момент вы должны решить, в зависимости от дистанции и вашего мастерства, будете ли вы вести огонь на поражение вообще или на обесточивание вооруженной руки или ноги преступника. В основном все.

Гуров сел на пол и жестом предложил оперативникам сесть рядом.

— Вопросы?

— Господин полковник, вы считаете, что сегодня, так расправившись с нашими товарищами, поступили правильно, нравственно? Было в этой расправе что-то нечестное, жестокое.

— Да, согласен, было нечестное и жестокое, — ответил Гуров. — Однако считаю себя абсолютно правым. Вскоре я вас поведу на захват банды, в

течение секунд, от силы минуты, может оказаться несколько трупов. И дело не в том, что за жизнь каждого из вас я отвечаю, дело не в моем ответе, а в вашей жизни. Я убежден, словами человеку объяснить можно крайне мало. Я мог бы начать с такого разговора, а не, используя свой опыт и навыки, избивать ваших товарищей. Серьезных увечий я не причинил, боль и кровоподтеки пройдут, а память о сегодняшнем дне останется, возможно, она спасет кому-то из вас жизнь. Она, жизнь, не очень честная, предельно жестокая штука.

Гуров замолчал, вгляделся в лица сидевших вокруг молодых оперативников. Увидел на лицах некоторых сомнение, даже протест, тяжело вздохнул и продолжал:

— Первый, лейтенант Фатеев, просто мальчишка. Старлей Медовой — человек опасный, в первую очередь опасный для самого себя, тип самоуверенный, самовлюбленный и глупый. Уверен, он любит бороться, кто кому руку на столе пережмет, всегда побеждает. Верно?

Кругом заговорили, кто-то громко сказал:

— Точно!

— Я поговорю в управлении кадров. Медовому следует, пока он жив, с оперативной работы уходить. А уж из вашей группы его отчислят завтра. Вы думаете, удар ногой по лбу его чему-нибудь научил? Ничуть! Он понял, что глуп? Никогда. Он считает, что падла полковник, сука и гад. Разберем ситуацию. Тебя как зовут? — Гуров положил руку на плечо сидевшего рядом белобрысого парня.

— Женя... Евгений, — ответил белобрысый.

— Скажи, Онегин, ты с наперсточником станешь играть?

— Я не припадочный.

— Отлично. Разберемся. Вам представляют меня

Старший опер-важняк, полковник. Он предлагает контактную схватку. Ваши первые мысли: мужику за сорок, значит, больше двадцати в сыске; опер-важняк, значит, не дурак. Так от такого человека никаких предложений принимать нельзя. Любое его предложение проиграно многократно. Выслушав своего тренера и мое предложение, следовало минуточку подумать и ответить, мол, господин половник, вы ошиблись, дураки живут в соседнем подъезде. Нет, мальчишка Фатеев бросается на амбразуру. Готов! Подумайте! Попал на домашнюю заготовку? Да, попал, но чертов полкаш предлагает продолжить. Следовательно? У него не одна домашняя заготовка. А когда они кончатся, полковник схватки прекратит, видно же, что не дурак, человек битый, опытный и не станет с молодыми вести открытый бой. Эх вы, оперативнички! Группа захвата! Группа захвата! Вы себя за одно место ухватили. Таблицу умножения выучите, только тогда в университет ступайте.

Послышались смешки и тихие комментарии по вопросу, есть у них в мозгу извилины или они начисто отсутствуют.

— Старлей Медовой не мальчик, опер со стажем, сначала не подумал, урок с Фатеевым пропустил. Медовому было необходимо самоутвердиться, не просто положить руку старого полковника, а оторвать ее к чертовой матери. Он не хотел понять: уголовники с ним соревноваться не будут, тихо подойдут сзади и перережут горло.

— Хороший оперативник не допустит, чтобы к нему подошли сзади, — сказал кто-то.

— Верно, должен не допустить. Но даже хорошему оперативнику, я не говорю про Медового, сделать это порой крайне трудно.

Гуров вел машину аккуратно, не обращая внима-

ния на пролетавших рядом асов, чьи машины грудой металлолома громоздились у постов ГАИ.

Сыщик вспомнил Бориса Вакурова, своего ученика, отличного парня, уже приличного опера, которого убили в упор в спину... Вакурова отвлекли нападением на палатку: парень вел машину в центре города, услышал выстрелы, остановился, выскочил на тротуар и прозевал подъехавшего сзади убийцу.

Гуров хотел было рассказать молодым об этом трагическом случае, происшедшем всего два года назад, но промолчал, не хотел трепать имя и память погибшего товарища.

Познакомившись с группой захвата, Гуров понял, что в случае стычки с налетчиками рассчитывать на помощь неразумно. Эти парни могут застрелить человека или погибнуть, захватить серьезного преступника они не способны. Нужно несколько машин, и в каждой должен находиться настоящий сыщик. «Одну поведу я, затем Станислав, Усов, нужны еще двое, и мы устроим «карусель». Никакая наружка нас не засечет».

Приехав в контору, он поднялся на свой этаж. Выйдя из лифта, услышал:

— Лев Иванович, приветствую!

К Гурову, протягивая руку, подошел вечно улыбающийся полковник Акулов, старший опер главка. Неплохой сыщик, Акулов нравился Гурову, только постоянная улыбка раздражала. Не может нормальный человек постоянно находиться в хорошем настроении, значит, Акулов фальшивый, изображает Возможно, Гуров, сам человек сдержанный, улыбающийся редко, сталкиваясь со своей противоположностью, относится к Акулову с предубеждением. Но в целом коллега Гурову нравился, ну, слишком жизнерадостный, так во благо окружающим.

— Привет, Костя! — Гуров пожал товарищу руку — Как оно, ничего?

— У нас делишки. — Акулов взял сыщика под руку, отвел в сторону. — Как смотрятся наши боевики?

— Как боевики и смотрятся, — ответил Гуров. — Дерутся, стреляют, не более того. А от кого ты узнал, где я был?

— Обижаешь, старина, — развел руками Акулов, — сыщик не разглашает свои источники информации.

— Костя, жизнерадостный ты мой, — сказал Гуров, когда они вышли на лестничную площадку и закурили. — Мы служим в организации, где в основном имеют дело с секретной информацией, а течем, как дырявое ведро. Полковник Гуров ездил проверять подготовку группы захвата. Вроде бы секрет не большой, но трепаться об этом не следует. Если сволочь умная, то она и из данного факта может сделать определенный вывод. Гуров не кадровик, сыщик, раз проверяет, значит, готовится. К чему готовится? И так далее.

— Лев Иванович, так я кому сказал? Тебе. — Акулов привычно улыбнулся.

— А какое-то трепло сказало тебе, значит, может сказать и другому. Так я тебе задним числом скажу, что у меня трижды в засаду налетчики не пришли. Так и работаем: трепемся на каждом углу, преступников предупреждаем, а когда дело срывается, грешим на утечку информации.

Акулов, с трудом погасив улыбку, сказал:

— Ты прав, считай, я ничего не говорил.

— Ладно. Слушай, Константин, я тут готовлю операцию по захвату группы, что грабит и убивает инкассаторов. Я придумал один номер, позже объясню, а мне не хватает сыщиков. Боевики, которых я сегодня видел, могут только хватать и стрелять, а мне нужны живые преступники. В каждом экипаже дол-

жен быть ас. У меня имеется Крячко, Усов, ну, и я сам. Мне нужно еще двоих. Ты не хочешь принять участие?

— Ты за старшего? — Акулов улыбнулся. — С удовольствием, давненько мы вместе не работали.

Гуров вздохнул, покачал головой.

— Мы знаем, что налетчики люди грамотные, следовательно, знают, что статья их предусматривает и высшую меру. А у них как минимум два «калашникова», может, больше. Какое, к черту, удовольствие? У тебя вроде семья?

— Семья, — Акулов кивнул. — Но у меня еще и ты, и другие коллеги. Так почему они должны лезть, а я нет?

— Ты прав. — Гуров хлопнул сыщика по плечу. — Договорились. Я скажу о тебе генералу. Когда раздастся звонок, предупрежу.

— Жду, можешь рассчитывать, — ответил Акулов.

Сыщики пожали руки и расстались.

Наступил октябрь, теплый — в общем, бабье лето. Москвичи сняли промокшие плащи, девчонки вновь обнажили все, что могли, ну а порой что и не следовало бы людям показывать. Московские бульвары оделись в золотой наряд.

Сыщикам уголовного розыска подобные радости были чужды, они выжидали, когда затаившаяся банда продолжит свое кровавое дело.

Полковник Усов сказал Гурову, что действительно в банде есть парень, который ухлестывает за красоткой, чьи фотографии можно увидеть в журналах; недавно девчонку показывали по телевизору, она рекламировала мыло или шампунь. Гуров об этом уже знал, но он был также осведомлен, что роман фотомодели с налетчиком дал трещину, и сыщик потерял свой источник информации. Он, источник,

был слабенький, большой роли не играл, все зависело от человека полковника Усова.

Как оно всегда случается, звонок, которого напряженно ждали, раздался неожиданно: «Московский городской банк на улице Щепкина. Валюту повезут куда-то на Щелковское шоссе. Налетчики собираются в полдень, точное время нападения и в каком месте оно произойдет — неизвестно».

Но раз известны день и место, откуда пойдет машина с валютой, и того достаточно. Остальное — дело техники. Получив сообщение, Гуров собрал коллег. Присутствовали полковники Крячко, Усов, Акулов, начальник группы захвата, тоже полковник, Мирский.

— Завтра каждый из нас возглавит экипаж из трех боевиков, людей отберет полковник Мирский, — начал совещание Гуров. — Официальная версия — готовится захват бандгруппы в районе Звенигорода. Много говорить об этом не следует, оберегать как бы действительно секретную операцию. Тот, кто нами интересуется, все равно узнает.

Гуров расстелил на столе карту Москвы, на которой были уже помечены улица Щепкина и Щелковское шоссе, проложен путь следования машины с валютой.

— Прежде чем экипажи сядут в машины, предупредите, чтобы люди сходили в туалет, так как позже, до конца операции, никто из машины выпущен не будет. — Гуров оглядел собравшихся, отметил, что никто не улыбается, все серьезны, спокойны, как и положено профессионалам. — Банда собирается в двенадцать, мы в этот час должны уже отъехать от подъезда, следовать на улицу Щепкина, где, по нашим сведениям, уже будут находиться соглядатаи налетчиков. Видимо, у них есть договоренность об опознавательном знаке, который открывает дорогу.

У нас двадцать человек в пяти машинах. У них пятеро, возможно, больше, в двух машинах. На нашей стороне опыт и выдержка, на их стороне — выбор времени и места, внезапность нападения. Мы должны думать о людях, которые окажутся на месте схватки. Налетчики будут поливать свинцом, как говорится, от живота. Мы проезжаем мимо банка, едем со скоростью общего потока, с интервалом в тридцать-сорок секунд, таким образом, визуальной связи между нами не будет, переговариваться только в случае крайней необходимости. Мы двигаемся по кольцу, сохраняя равные интервалы прохождения машин мимо банка, но таким образом, чтобы один из нас постоянно вход в банк наблюдал.

Гуров на карте пометил улицы и переулки, по которым будут следовать машины оперативников.

— Через каждые пятнадцать минут останавливаемся, меняем номера. Один из экипажей должен находиться в зрительной связи с подъездом банка, чтобы в случае нападения мгновенно оказаться на месте. Вступая в бой, дам сигнал тревоги. Мы не знаем, подъезжают бандиты на машине или оставляют ее за ближайшим углом. Мы не знаем, готовится нападение непосредственно у банка, в пути следования или в месте назначения. Ну, в случае, если придется провожать машину банка до места назначения, идем следом, меняя головную машину каждые две минуты. Вопросы.

— Лев Иванович, а ты не мудришь? — спросил Усов. — Почему не попросить директора банка предупредить нас за десять минут до отправления денег?

— Павел Петрович, ты этого директора знаешь? Я — нет. Мы не знаем, где у них осведомитель.

— А нельзя заменить одного из охранников? — спросил Акулов.

— Считаю, нельзя, — ответил Гуров. — Коллеги.

мы не можем рисковать. Если завтра мы промахнемся, то послезавтра у нас может не быть. Преступники — не простые налетчики, они достаточно интеллектуальны, умны. Если их вновь предупредят о засаде, они могут либо рассыпаться, либо осесть на дно, заняться чисткой окружения, выясняя, от кого мы получаем информацию. Вашего человека, Павел Петрович, либо убьют, либо уберут из окружения. Мы ослепнем и будем вновь ждать, когда, где и скольких человек убьют.

— Лев Иванович прав, — сказал Крячко. — Мы должны сегодня создать запас прочности такой, как в лифте. Я не знаю, сколько там точно, слышал, вроде стократный. Ничего, помучаемся часик-другой, не первый год замужем.

— У тебя, Станислав, известно, Гуров всегда прав, — усмехнулся Усов.

— Паша, подумай о душе и о Боге! Он, — Крячко указал на потолок, — всех видит: и талантливых, и завистливых.

— Станислав, — одернул друга Гуров, — мы завтра, выражаясь высокопарно, пойдем под пули. Кто-то может не вернуться своим ходом, кого-то, возможно, привезут. Только мы, а не молодые парни с автоматами решим исход операции. Бандиты нужны живыми, необходимо выявить и арестовать предателя, пресечь утечку информации, невозможно жить, работать и знать, что тебя продают. Если мы ликвидируем банду и оставим здесь эту суку, то завтра другие налетчики в других местах начнут убивать и грабить. А мы вновь начнем дергаться, словно мартышки во время родов.

— Ты принимал роды у мартышек? — ехидно поинтересовался Крячко.

— Станислав, тебе не понять, у меня же есть фантазия.

— Согласен, фантазии у тебя в избытке. — Усов поднялся. — Я могу быть свободен, — не спросил, сказал утверждающе и вышел.

Полковника Усова можно было понять. Он, начальник отдела, добыл агентурные данные о готовящемся налете, сидел на равных с оперативниками и выслушивал наставления самовлюбленного Гурова. А что он, Усов, в свое время служил под началом этого Гурова, полковник давно забыл.

— Баба с возу, — сказал Крячко.

— Станислав, Паша неплохой парень, хороший сыщик, а что честолюбив и завистлив, так кто без греха? — сказал Гуров, но с уходом Усова тоже почувствовал некоторое облегчение. — Последнее, что я хочу сказать. Скажите своему экипажу, если кто-нибудь из них выстрелит прежде, чем выстрелите вы, завтра же останется без погон, на улице.

На следующий день, в двенадцать часов, мимо банка на улице Щепкина прокатилась серая «волга», через тридцать секунд задрипаный «москвич», следом «волга», затем «жигули», снова «москвич». Через две минуты кольцо замкнулось.

«Карусель» вертелась, пока не отъехала машина с валютой. Оперативные машины змеей скользнули следом, меняясь местами, проследовали на Щелковское шоссе.

Валюту доставили по назначению. Оперативные машины развернулись в обратную сторону, только тогда по внутренней связи раздалась матерная ругань.

В кабинете генерала Орлова все было как обычно. Хозяин кабинета, сидя за столом, подпирал тяжелую голову ладонями, Крячко сидел на стуле рядом, Гуров присел на подоконник, курил и пускал дым в форточку. Молчали плотно, тяжело.

Наконец Гуров подошел к столу генерала, разда-

вил в пепельнице окурок, достал из кармана лист сложенный вдвое, развернул, положил перед начальником и другом, сказал:

— Здесь девять человек, один из них предатель, даю голову на отсечение.

Орлов взглянул на листок, затем на Гурова, вновь на листок, перечитал, шевеля губами, севшим голосом произнес:

— Ты сошел с ума?

— К сожалению, я абсолютно здоров. — Гуров кивнул и вышел из кабинета.

Глава вторая

В ПОИСКАХ ИУДЫ

Октябрь задождил, москвичи натянули куртки и плащи, прикрылись зонтами, смирившись, что наступила осень. Но в один ненастный день тучи расползлись, вылезло солнце, а ветер пропал. Не успевшая пожухнуть листва засверкала золотом, казалось, вернулось бабье лето.

Солнце поблескивало в окнах домов, заглянуло оно и в окно одного из кабинетов прокуратуры. Старший следователь по особо важным делам Игорь Федорович Гойда пребывал в скверном настроении и встретил солнечный луч недовольной гримасой. Он поглядывал на сидевшего напротив убийцу без злобы и отвращения, а равнодушно, несколько недоуменно. После долгой паузы Гойда сказал:

— Не понимаю вас: серьезный человек, все законы вам известны. Вы отказываетесь давать показания, подписывать протоколы, хотя взяты с поличным на месте преступления. Конкин, вы не первый раз арестованы, даже не второй, вам прекрасно известно, что своим поведением вы лишь осложняете соб-

ственную жизнь, задерживаете следствие, продлеваете свое пребывание в тюрьме.

Конкин, человек неопределенного возраста, в районе пятидесяти, а может, и сорока, глянул на следователя равнодушно, ответил:

— Я никуда не тороплюсь. Менты с Петровки, сопляки, лепят мне чужое. Я на дурацкие вопросы отвечать не буду.

— Давайте разберемся, что ваше, что чужое, — безнадежно произнес следователь.

— Я не попугай, в деле имеется мое объяснение. Убил, никакого умысла не было, к наркоте я никаким краем.

— Но имеются ваши пальцевые отпечатки, — возразил Гойда.

— Я объяснял, что ты имеешь. — Конкин указал на лежавшее на столе «дело». — Мне чужого не надо, своего хватает. Я просил этих молокососов позвать полковника Гурова. Они, видите ли, такого не знают. Начальник отдела, сыщик, брал меня. Недавно.

— Неправда. Гуров давно на Петровке не работает, — сказал Гойда.

— Давно? — Конкин наморщил лоб, зашевелил губами. — Так, я отсидел, на воле три года, да уж лет восемь минуло. Время течет. — Он вздохнул. — А вы Гурова знаете?

— Допустим.

— Устройте мне с ним встречу, я с Гуровым переговорю и начну давать показания.

— Вы сотрудничали? — спросил Гойда.

— Я никогда на ментовку не работал! — Конкин обернулся на конвойного, стоявшего у дверей. — Все менты сволочи, но Гуров человек.

Гуров и Крячко сидели за своими столами, то есть друг против друга, молчали, поглядывали без симпатии.

— Хорошо... — Крячко подвинул к себе тонкую папочку, открыл. — Начнем от печки. Ты назвал девять человек. Я в твои расчеты и интуицию верю. Мы провели поверхностную проверку, какую смогли. Установлено, пятеро из девяти живут на ментовскую зарплату, сводят концы с концами. Согласен, дураку ясно, располагая деньгами, такой цирк в быту не устроишь. Остаются четверо, у которых деньги в жизни проглядывают. Но ведь это ничего не доказывает. Деньги могут поступать от родителей, иных родственников, побочных заработков.

— Уймись, с тобой никто не спорит, — сказал Гуров. — Я лишь продолжаю утверждать, что иуда — один из этой четверки. Мы должны его выявить, арестовать, судить.

— Должны, — согласился Крячко. — Люблю это слово, я с ним родился, с ним меня похоронят. Как выявить? Допустим, ты сумеешь. Как доказать? Что нести в прокуратуру и в суд?

Зазвонил телефон. Гуров снял трубку.

— Слушаю.

— Лев Иванович? Здравствуйте, Гойда из прокуратуры...

— Приветствую, Игорь Федорович, легок на помине, только что здесь произнесли слово «прокуратура».

— Надеюсь, доброжелательно?

— Пес с котом всегда любили друг друга. Игорь, выкладывай, зачем менты понадобились?

— Сидит напротив меня гражданин. Взяли его твои коллеги с Петровки с поличным. А гражданин давать показания отказывается. Уперся рогом, твердит, мол, пока с полковником Гуровым не увижусь, слова не скажу. Лев Иванович, дорогой, ты представляешь, какая мне морока?

— Кто такой?

— Конкин Михаил Сергеевич...

— Какой масти, когда я его брал... Конкин...Конкин...

— В настоящее время он человека убил. А в прошлом...

— Подожди, узнай, не Жук ли его кликуха? — Гуров, ожидая ответа, усмехнулся. — Крестник вызывает на помощь.

— Лев Иванович, — отозвался Гойда, — вы угадали, тот самый.

— Я не угадал, а вспомнил, — буркнул Гуров. — Чего ты хочешь? Чтобы я подъехал?

— Буду крайне признателен.

— Хорошо, ждите. — Гуров положил трубку. — Правы люди, ни одно доброе дело не остается безнаказанным.

— Любят тебя уголовники, — ехидно заметил Крячко.

— Я душевный, уголовник — человек ранимый, чувствительный. Не то что менты!

Гуров вышел, хлопнув дверью.

Когда Гуров вошел в кабинет следователя, Конкин встал.

— Здравия желаю, господин полковник, узнаете?

Гуров глянул, пожал Гойде руку, присел на диван, посмотрел на преступника внимательно, вздохнул:

— Ты у меня не единственный.

— Разбой, в Сокольниках! — сказал Конкин так радостно, словно напоминал о счастливом событии.

— Дело-то я помню, фамилию и кличку, а при встрече узнал бы вряд ли.

— Наговариваете на себя, Лев Иванович, — льстиво сказал Конкин.

— Ну, вы тут беседуйте, вспоминайте молодость, а я схожу в буфет. — Гойда поднялся из-за стола и вышел из кабинета.

Гуров занял место следователя, сказал:

— Ну, ты звал меня. Выкладывай.

— Лев Иванович, скажите, что за пацаны в МУРе обосновались? — Конкин возмущенно всплеснул руками.

— В МУРе, как везде, люди разные. А вы без эмоций, изложите факты.

— Третьего дня, в понедельник, — начал Конкин, — я зашел к знакомому, ныне покойному, вору. Мир его праху. — Он перекрестился. — Теперь наши дела отпали и не интересны. Ну, сидим, выпили. Я и не знал, что Муха, кликуха его, ширяется, наркоман то есть.

— Можешь не переводить, я понимаю, — усмехнулся Гуров.

— Вам бы не понять! Вы все понимаете, Лев Иванович. Да, время, поначалу не приметил, сейчас вижу. Виски-то у вас того, словно инеем припорошило.

— Это от безделья. Вы остановились на том, мол, не знали, что Муха наркоман.

— Не знал, мы корешами не были. Выпили бутылку на двоих, я принес. Как пузырек кончился, я говорю: двигай в палатку. А он, падлюга, отвечает, что обойдемся, так закайфуем. Достает пакетик с белым порошком, шприц, ну, я не вчера родился, говорю, мол, я не ширяюсь и не советую. Ну, он меня послал, приготовил дозу, ширнулся. Мне бы, мудаку... Простите, господин полковник.

— Двигай дальше. — Гуров закурил, дал сигарету Конкину. — Давай, давай, мне деньги платят за то, что я вас выявляю и задерживаю, а не исповеди выслушиваю.

— Сижу, не знаю почему. Муха захорошел, давай прошлое вспоминать. У нас были дела. Он одно вспомнил, на меня попер. Он тогда пятерик схлопо-

тал. Тут попер, мол, я заложил. Муха мужик здоровый, схватил бутылку, я нож со стола, стыкнулись... Я ему аккурат в сердце угодил. Что точно в сердце, мне позже на Петровке сказали. А на хате, когда Муха завалился, я сначала к дверям, потом подумал, что на ноже мои пальцы остались, схватил нож и почему-то пакет с наркотой, говорят, с героином. Я хотел в ванную пройти, нож вымыть, наркоту в толчок спустить, только шагнул — дверь выбили, ворвались, меня в железо и на Петровку. Чего вам объяснять? Теперь вяжут торговлю наркотиками, ведь на пакете мои пальцы. И умышленное убийство, мол, доходы не поделили.

— Допустим, я верю. Чего ты от меня хочешь? Почему эту историю следователю не расскажешь?

— А чего ему рассказывать, когда он в бумажки муровские смотрит, мою биографию изучает. Доверие к человеку должно быть. Дай человеку, что положено, ему мало не покажется. Зачем навешивать?

— Ну, а я-то здесь при чем? — Гуров погасил сигарету, поднялся, открыл форточку.

— Слушай, сыщик, ты человек с понятием. Сделай, что можешь, а я тебе наперед интересную вещь скажу. Сумеешь отблагодарить — сделаешь, не сумеешь — Бог тебе судья.

— Ты не торопись, — сказал Гуров. — Ты наперед и я наперед. Я в должниках ходить не привык. Я следователя знаю, он меня тоже знает. Мы вместе одно крупное дело разматывали. Так вот, я тебе говорю, следователь твой — человек тоже с понятием, считай, повезло. Я ему скажу, мол, тебя помню, твои показания в прошлом подтвердились. Я тебя выслушал и верю. А уж как следователь решит, я за это не в ответе. Годится?

— Годится, господин полковник!

— Тогда ты говоришь, я слушаю.

— Значит, такие дела, — начал Конкин. — В Москве готовится большая разборка среди авторитетов. Они несколько раз съезжались, ума хватило, на спуск никто не нажал. Договорились они собрать своих представителей, ну, вроде министров иностранных дел, чтобы те потолковали спокойно, договорились мирно, без крови. А потом этот договор представили своим боссам на утверждение...

— Ратифицировали, — подсказал Гуров.

— Вот-вот, по телеку говорят, я запомнить не могу. Соберутся, конечно, головы не пустые, разговор у людей будет не простой, потому встреча будет не накоротке, поселятся за городом основательно.

— Когда, кто, где?

— Чего не знаю, того не знаю. Кто? Думаю, сегодня никто не знает. Каждый из авторитетов решит, кого посылать. Я знаю человека, сволочь и паскудина, которого заложу с удовольствием. Он чужими руками гребет, людскими жизнями распоряжается, сам в лимузинах раскатывает с красотками. Эта падла на том совещании наверняка будет. Если вы его сумеете прихватить, все узнаете.

Безразличие с лица Гурова давно исчезло, он слушал с вниманием и интересом. Конкин данный факт мгновенно засек, потому с именем тянул, зажег потухшую сигарету, сильно затянулся, ждал, может, мент чего пообещает. Гуров, усмехнувшись, откинулся в кресле, сказал:

— Чего обещал, то сделаю, не больше, не меньше. Информация твоя, не буду кривить душой, интересная. Сумеем ли мы ее использовать, не знаю. Хочешь назвать имя, говори, не хочешь — молчи, ничего для тебя не изменится.

— За это тебя, Лев Иванович, люди и уважают, что ты не обещаешь, а сказал, так исполнил. Обычно

человека взяли, он молчит. Ему менты златые горы обещают, чуть ли вместо срока премию получишь, только расколись. Человек рот открыл, менты записали, подпись получили, все забыли, сигареткой не угостят.

— Случается, — согласился Гуров. — Менты, как все люди, разные.

В кабинет вернулся Гойда, сыщик поднялся из-за стола, освобождая чужое место.

— Харитонов Борис Михайлович, кличка Барин, живет в высотке на Котельнической.

— Лады, — сказал Гуров. — Ты изложи господину следователю свою версию. Я за него ручаюсь, он попытается тебя понять.

Гуров пожал хозяину кабинета руку и сказал:

— Закончишь, позвони.

Кивнул Конкину и вышел.

Борис Михайлович Харитонов, сорока двух лет от роду, был преступником не простым, так как родился трусоватым, со школьных лет любил творить людям неприятности, но не сам — зачем рисковать? — а подбивал товарищей, организовывал.

С годами творимое Харитоновым из неприятностей переросло в преступления, привычка не рисковать, не пачкать рук, осталась, стала устойчивым жизненным принципом. Был он человеком не шибко умным, но потрясающе хитрым, не отягощен нравственностью, женой и родителями. Жениться он не хотел, девочек хватало, а родители скончались, чему Харитонов был рад. Ох уж этот сыновий долг!

Работать Харитонов не любил. Работать большинство людей не любит. Но большинство, однако, работает. Одних принуждают обстоятельства, дурная привычка ежедневно хоть что-нибудь есть, других вынудили работать родители; человек как надел ярмо, так

и не в силах его сбросить. В общем, причин для того, чтобы человек работал, множество. Есть даже больные, которые без работы, как без хлеба, помрут. Харитонов ни к одной, тем более к последней, категории не принадлежал.

Он никогда не работал, однако хлеб с маслом, штаны и ботинки всегда имел, даже на девочек оставалось.

Борис, отчество появилось позже, был врожденным консультантом и руководителем. Почему он двинулся в криминальную, а не в партийную среду — неизвестно.

О том, что криминальная и партийная деятельность суть одно и то же, было объявлено, когда Борис Михайлович занимал в уголовном мире достаточно прочные позиции. Была в моде спекуляция — он консультировал и организовывал спекулянтов. Появилось нелегальное производство ширпотреба — Харитонов тут как тут. Ну а когда объявили гласность, выяснили, что с социализмом вышла промашка, харитоновы поднялись в полный рост. Борис Михайлович был роста среднего, но за последние годы так выпрямился, а бумажник его так потяжелел, что Харитонов стал выглядеть просто гигантом.

Из Харитонова мог получиться коммерсант средней руки. Однако опять же надо работать, к тому же еще и рисковать. Такое не годится. Он оглянулся, увидел, как поднимается волна преступности — беспощадной, но не организованной, — познакомился с бандой рэкетиров, умело начал подсказывать, с кого следует брать меньше, с кого больше, с кем вообще связываться не следует.

Через год в районе, где Харитонов жил, главари мелких банд уже его знали, приглашали в кабаки. Одни просили совета, другие просили замирить с соседом, так как из-за одной чертовой палатки замо-

чили двух отличных парней; работы хватало, круг влияния расширялся.

Прошлой весной, в один из вечеров, который Борис Михайлович коротал в частном ресторане в обществе двух милых девиц и крутого парня, державшего за горло всю округу, за соседний стол сел молодой мужчина.

Крутой парень только глянул на нового соседа, наступил Харитонову на ногу, чуть шевеля губами, прошептал: «Выйдем», — и направился в туалет.

— Пардон, девочки. — Харитонов с проститутками — с другими женщинами не встречался — был всегда любезен. Он встал, кивнул и последовал за приятелем.

Крутой мыл руки, увидев Харитонова, спросил:

— Ты знаешь, кто сел рядом?

— Я не взглянул, — ответил Харитонов.

— Это сам Лялек, у него группа стволов в сто, может, больше. Не могу понять, почему он один? Видно, «быки» пасут вход на улице. Наверняка у него здесь назначена встреча. Я рассчитываюсь за стол, ты бери девок и уматывай. Нам здесь ловить нечего.

— Хорошо, — быстро согласился Харитонов. Как уже сказано выше, он был трусоват от рождения.

Когда они вернулись к столу и Харитонов, не присаживаясь, собрался пригласить девочек в машину, он услышал негромкий голос:

— Борис Михайлович, присядьте за мой стол. — После паузы добавил: — На минуточку.

Забыв извиниться перед «дамами», Харитонов сел на предложенный стул, с трудом сглотнув, поднял глаза, взглянул на соседа. На вид ничего особенного: шатен, лет тридцати, заурядная физиономия, заурядный костюм, взглядом не за что зацепиться. Вот только бриллиант на безымянном пальце правой руки великоват и улыбка... С улыбкой у мужчины был

какой-то непорядок. С одной стороны, человек улыбается нормально, как все люди. Но почему тогда от этой улыбки становится зябко, слабеют ноги, хочется куда-нибудь спрятаться?

Всю эту гамму чувств и мыслей Борис Михайлович ощутил и пережил за несколько секунд, с трудом оторвав взгляд от тонких губ незнакомца, и заставил себя сказать:

— Добрый вечер. Мы, кажется, незнакомы. Чем могу быть полезен?

— Решим, Борис Михайлович. Я пришел сюда, чтобы встретиться с вами, предложить работу. Консультантом. — Мужчина говорил тихо, очень четко выговаривая слова, словно робот.

— Консультантом по какому профилю? — спросил, глупо улыбаясь, Харитонов.

Крутой паренек, приятель Бориса Михайловича, подошел к столу, за которым сидели девочки, махнул Харитонову рукой и, подхватив проституток, подался на выход. Не будь Харитонов таким трусом, не испугайся до колик в животе, он даже при его уме догадался бы, что его элементарно подставили. И сделал это его крутой приятель, который существовал под авторитетом Ямщиковым Яковом Семеновичем, известным в уголовной среде под ласковой кличкой Лялек. Сообразил, что его подставили, Харитонов позже, а в тот вечер потел от страха и беспомощно бормотал:

— Какой консультант, у меня ни диплома, ни специальности.

Лялек, прекрасно осведомленный о хитрости Харитонова, об его умении предвидеть последствия тех или иных действий, скривил тонкие губы:

— Я тебя покупаю без диплома и специальности. Днями за тобой придет машина, привезет ко мне в офис. Ты с этого момента принадлежишь мне. Ни с

кем дел не иметь, никаких консультаций не давать, болен. Если очень будут доставать, скажи, мол, Лялек не велел. — Он поднялся, кивнул и ушел.

А Харитонов сидел ошарашенный, впервые в жизни поступивший на службу. В тот вечер он изрядно напился, хотя в принципе спиртное почти не употреблял.

Через год, то есть весной того года, когда происходили данные события, Харитонов исправно ездил на «службу», располагал иномаркой, молчаливым охранником, занимал роскошный кабинет в помещении некой торговой фирмы. Кабинет был обставлен современной мебелью, оборудован новейшей техникой, нет лишь телефона правительственной связи. Харитонов не без основания полагал, что это дело времени.

За прошедший год под умелым, осторожным руководством Харитонова Лялек снизил взымаемый «налог» с частных предприятий, зато «проглотил» двух конкурентов, более чем вдвое увеличил количество стволов и расширил границы своей империи.

Задумывались операции Харитоновым таким образом, чтобы провести их можно было без стрельбы, практически без крови. Лялек понимал, «начальник штаба» прав, но спокойная, размеренная жизнь порой надоедала, и он устраивал кровавые разборки без крайней нужды, просто для устрашения, чтобы криминальная Москва не забывала его имени.

Авторитет Харитонова настолько возрос, что он порой делал выговоры шефу, который молча их выслушивал, на время свою кровавую натуру усмирял. Борис Михайлович, который получил в том году кличку Барин, считал, что необходимо иметь своих осведомителей на Петровке и в Министерстве внутренних дел. Он убедил шефа выделить на вербовку значительную сумму, сориентировал агентуру на по-

иски кандидатов, объяснив, какими качествами они должны обладать.

На Петровке один опер запутался сам, другой полковник сдался через некоторое время, помогла его обожаемая супруга, которая хотела значительно больше, чем могла себе позволить, располагая скромным окладом порядочного мужа.

Харитонов никогда не встречался с завербованными ментами, получая от них информацию через третьи руки. Он и шефу объяснил, что лучше иметь половину возможной информации, но прямых контактов не поддерживать. Многовековая история агентурной работы неопровержимо доказывает, что любой, самый хитро законспирированный агент, в конце концов проваливается. Спасая свою жизнь, он сжигает все свои связи. «Потому он нас с тобой, — повторял Харитонов, — знать не должен. Ты, шеф, не торопись, дальше уедешь, целее будешь».

Завербовав первых ментов, Харитонов нацелил их на поиски подходящей кандидатуры среди сотрудников министерства. Буквально через пару месяцев такая кандидатура была названа. Харитонов организовал ментам небольшой банкет, приурочив его к какому-то юбилею, пришел на него сам с красавицей фотомоделью. Девица познакомилась с кандидатом, потанцевала с ним, естественно, кокетничала, взглядом чего-то обещала, затем представила своему боссу, который якобы занимается шоу-бизнесом.

Подвыпивший полковник был очарован красавицей, минут двадцать пил и трепался с ее шефом. Полковник был ментом многоопытным, прекрасно понимал, что бизнесмен с красоткой спит, но данный факт полковника не волновал, так как жениться он не собирался. В разговоре с бизнесменом не было ни слова о службе, коснулись вскользь о росте преступности. Так кто о ней сегодня не говорит? Полковник

в тот вечер лишнего не выпил, ему и в голову не приходило, что его готовят к вербовке. Через пару дней он позвонил красавице, еще через день ужинал с ней, через неделю спал и блаженствовал. Обычная история: бурный роман требовал денег. Красавица уломала щепетильного любовника, заставила взять у нее «взаймы», до лучших времен. Когда они наступили, полковник был по уши влюблен, изучен Харитоновым досконально. Внезапно красавица попала в автокатастрофу. Естественно, ее попросту убили, обстоятельства смерти инсценировали. Полковник узнал о смерти своей любви, когда ее уже кремировали. Через некоторое время, когда боль потери начала затухать, а образ красавицы занял подобающее место в кладовой памяти полковника, с ним познакомился интеллигентный тихий человек. Чуть позже — Харитонов никогда не торопился — новый знакомый полковника передал ему плотный конверт, предложил ознакомиться с содержимым на досуге.

Даже не вскрывая конверт, полковник понял, что схвачен. Он был опытный опер, повидал в своей жизни достаточно. Поначалу мелькнула мысль отнести конверт в особый отдел, вскрыть вместе с начальником, вместе ознакомиться с содержимым, вместе принимать решения. Он отмел идею как излишне поспешную и категоричную, двое суток конверт не вскрывал. В воскресенье, когда семья уехала к родственникам, полковник достал припасенную бутылку коньяка, нарезал лимон, сварил кофе, вскрыл пакет.

Сидя за столом, полковник главка уголовного розыска разложил перед собой содержимое пакета. Один небольшой конверт и видеокассета. Полковник откинулся на спинку кресла, выпил рюмку, съел дольку лимона, сделал глоток кофе, закрыл глаза, вспомнил свою жизнь, события последних месяцев, лицо и тело погибшей красавицы и ясно себе пред-

ставил, что в конверте его ждет и что на экране телевизора. Полковник все понял до конца, не мог лишь определить окрас отправителя. Это мог быть иностранец, сотрудник спецслужбы, возможно, это крупный авторитет уголовного мира.

Он выпил еще одну рюмку, вскрыл конверт. Как полковник и ожидал, в конверте лежали его расписки в получении от любовницы денег, конечно, фотокопия и короткая, напечатанная на машинке записка: просьба позвонить по телефону... Никого не вызывать, лишь назвать свое звание, но не имя. Полковник не дрогнул, он уже знал, что его ждет. Единственное, в чем проявилось его волнение, он не наполнил рюмку, хлебнул из бутылки, прихватив ее с собой, взял кассету, прошел в гостиную, к телевизору.

На экране полковник увидел то, что на нем и должно было появиться. Знакомая гостиная, спальня, он сам, почти раздетый, обнаженная красавица во весь рост, затем все последующее, что обычно происходит между любовниками.

Полковник приложился к бутылке, вынул кассету, вернулся в кабинет, сел, закрыл глаза.

Сдаться? Но кому? Своим, в конторе? Позор, увольнение, потеря семьи, возможно, арест и суд. Это как повернут. Сдаться победителю? В конце ведь то же самое, однако отсрочка, и финал не обязательно такой мрачный. В случае его разоблачения новый хозяин данных материалов не выдаст. Он, полковник, опытный опер, прямых улик в руки следствия не даст. Увольнение наверняка, следствие наверняка, суд и тюрьма под большим вопросом. И даже если делом будет заниматься Гуров, то получить против него, многоопытного сыщика, полковника милиции, доказательства будет ой как сложно. Он подвинул телефон, набрал указанный в записке номер. Ответил девичий голос:

— Слушаю.

— Говорит полковник.

— Минуточку, включаю записанное для вас сообщение. — Через непродолжительное время раздался уверенный мужской голос: — Здравствуйте, я рад, что у вас хватило благоразумия позвонить, а не нагрянуть в помещение, где стоит данный магнитофон. Девочка, которая здесь работает, ничего не знает, ей купили шоколадку, передали магнитофон, сказали, что его следует включить, если позвонит полковник. Повторяю, я рад, что вы позвонили, расцениваю ваш звонок как согласие начать переговоры. Хочу вас предупредить, если вы внезапно передумаете и захватите человека, который придет на встречу с вами, то последствия будут плачевные. Человек этот тоже ничего не знает, а вам придется заплатить по всем счетам. Ждите нашего звонка. До свидания.

Заиграла веселая музыка, полковник слышал похоронный марш.

Как Харитонов ни убеждал шефа, что стрелять в Москве бессмысленно и опасно, но летом несколько стычек произошло. Пять человек погибли, шестерых арестовали. Они об организации ничего не знали. Потери были бы значительно больше, удалось уберечься благодаря предупреждению из МУРа и звонку полковника из министерства. Харитонов настоял, чтобы авторитеты встретились и переговорили мирно, сам ехать отказался.

Ямщиков — Лялек очень ценил своего зама по политчасти и начальника штаба. На его, руководителя банд-группировки, взгляд, Барин был помощником бесценным. Умный, хитрый, осторожный, Харитонов не лез в долю от доходов, довольствовался окладом, правда, деньги он получал такие, какие не

снились ни одному министру. Оклад ежеквартально увеличивался в соответствии с ростом инфляции. Лялек знал, что Харитонов своим положением доволен, ни с кем из людей связи не поддерживает, сторонится, следовательно, шефа не подсиживает, так как к власти не стремится. Советы и рекомендации Харитонова точны, предупреждения в большинстве случаев сбываются.

В конце сентября произошло несколько налетов на инкассаторов со стрельбой и убийствами. Лялек приказал разобраться, самостоятельных бандитов привести пред светлые очи руководства либо ликвидировать.

— Без моего ведома мочить кассиров, брать деньги не позволительно, — закончил свои указания Лялек.

— Выйдите, обождите в приемной, — приказал страже Харитонов, случайно присутствовавший в кабинете шефа.

«Контрразведчики» взглянули на незнакомого мужика недоуменно. Лялек недовольно сказал:

— Выйдите и ждите. — Когда бойцы вышли, шеф повернулся к начальнику штаба: — Что еще? Ты, христианин, советуешь не трогать рабов Божьих, которые нарушают заповедь «Не убий»?

— Защищаю, потому что неразумно резать курицу, которая может нести золотые яйца. Я изучил эти налеты, пришел к выводу, что действуют люди образованные, умные. Группа недавно сформировалась, у нее нет контактов с нами, они не знают установленных порядков, но они разумные, сильные ребята, зачем же их убивать? Нужно создать самостоятельное подразделение, присоединить к твоей «империи».

— А если они платить долю не захотят?

— Крестный отец Корлеоне говорил: «Сделай ему предложение, на которое нельзя ответить отказом». Ты установи новичков, дай мне их координаты, остальное — не твоя головная боль. Сколько они должны платить?

— Двадцать процентов.

— Они будут платить двадцать пять, — сказал Харитонов. — Но то, что они уже взяли, облагать налогом не будем.

— Пробуй. Если тебе такое удастся, я повышу твой оклад.

Через неделю Харитонов получил данные одного из молодых налетчиков; вечером позвонил, состоялся короткий, содержательный разговор.

— Добрый вечер, молодой человек.

— Добрый. Кто говорит и кто вам нужен?

— В нашем деле имена только вносят путаницу, ведь настоящее никто не назовет. Я вам позвонил, значит, я вас знаю.

— Может, вы ошиблись и не туда попали?

— Вы интересуетесь валютой? Переводите государственную валюту на личные счета?

— Допустим.

— Значит, я соединился правильно, попал, куда и хотел. Слушайте, молодой человек, не перебивайте старших. Вы залезли в чужую песочницу, лепите в ней свои куличики. Так дело не пойдет. Каждый четвертый куличик следует отдавать хозяину песочницы.

— Четверть? Дядя, ты не подавишься?

— Молодежь! Сколько у вас лопаточек? Три? Четыре? Пять? У хозяина песочницы их более двухсот. Лопаточки у вас отнимут, вас сильно отшлепают. Совсем! Я ясно выражаюсь?

— Ясно, только я не убежден, что вы говорите правду, а не шантажируете на пустой кулак.

— Фу, какие выражения! Ведь песочницу охраняет не только хозяин, но и участковый. У нас с ним неплохие отношения, мы знаем, что он заинтересовался вашими проказами. Если вы не примете наше предложение, мы вас не тронем, но и не предупредим, когда участковый будет вас у песочницы ждать.

— А вы можете предупредить?

— Конечно, иначе бы я не звонил.

— Хорошо, я посоветуюсь. Перезвоните завтра в это же время.

Назавтра Харитонов вновь набрал номер:

— Здравствуйте, вы посоветовались?

— Естественно. Мы решили не платить вслепую, нам требуется подтверждение ваших полномочий.

— Разумно. Вы получите подтверждение. Но в таком случае вы уплатите четверть не с того, что добудете, а со всей суммы, которую уже захватили.

— Время покажет.

Через неделю Харитонов позвонил вновь.

— Здравствуйте, вы готовите налет на Бакунинской. Не ходите туда, вас ждут.

— Откуда я знаю...

— Сопляк! Не веришь — сходи и выясни!

Еще через несколько дней Харитонов снова позвонил:

— Ты хочешь взять инкассатора на Солянке, не делай этого.

— Сдаюсь; когда и где я могу с вами встретиться?

— Ты не дорос, чтобы со мной встречаться. Тебе позвонят, назначат встречу. Ты молча отдашь четверть добытого, договоришься с человеком о связи, будешь поддерживать с ним связь и не дергаться без нашего разрешения. Оглянись вокруг себя, тебя закладывают ментовке.

Таким образом группа молодых налетчиков вошла в группировку Лялька.

Когда Харитонов настоял, чтобы авторитеты встретились и договорились, Лялек через посредников уломал конкурентов; встреча состоялась.

Съехались за городом ночью, согласно договоренности, каждый приехал лишь на одной машине, вышел на шоссе один, без охраны. Договориться ни о чем не сумели: как звери, столкнувшись ночью на одной тропе, вздыбились, порычали, оскалившись, кося взглядом на машины, в которых сидели автоматчики, и разбежались, договорившись встретиться через неделю.

Вторая встреча прошла так же, лишь с той разницей, что по предложению старого, разменявшего второй полтинник авторитета договорились устроить совещание доверенных лиц. «Политруки» должны собраться в уединенном доме отдыха, встретиться без охраны и оружия, пожить вместе, сколько потребуется, договориться и вернуться к хозяевам на утверждение договора. После этого авторитеты вновь встречаются, но уже не ночью на шоссе, а как нормальные люди днем в ресторане обедают, вносят в договор свои предложения и поправки. Не приславший своего представителя на совещание или не явившийся на обед на утверждение договора объявляется в Москве вне воровского закона со всеми вытекающими последствиями.

Узнав о такой договоренности, Харитонов обрадовался: он уже видел себя начальником объединенного штаба, то есть человеком, власть которого немногим уступает власти мэра Москвы, а в чем-то ее и превосходит.

Начались переговоры. Решали, где, когда, обсуждали систему связи, топтались на месте, если продвигались вперед, то очень медленно. Все затрудняла перестраховка, каждый знал, что бы газеты ни писали, уголовный розыск еще жив и не спит, агентура

действует. Поэтому никто на личные контакты не шел, договаривались через посредников.

В середине октября, когда осень взяла свое, поднялся ветер, согнал облака в темные тучи и поливал город ежедневно, Харитонов обедал в небольшом частном ресторанчике. Барин был один, без женщины, так как собирался через час созвониться с нужным человеком, договориться о встрече. Неожиданно к столу подошла молодая женщина, не профессионалка, это он определил сразу. Она сказала:

— Здравствуйте, Борис Михайлович, извините, я буквально на минуточку. — И села за стол.

— Здравствуйте, слушаю. — Он поставил чашку с кофе, бросил взгляд на дверь, за которой должен был стоять телохранитель.

— Не беспокойтесь, Борис Михайлович, я мирная несчастная женщина. Меня зовут Ирина Петровна. Я имела неосторожность поссориться с Яковом Семеновичем Ямщиковым. В круговерти нашей жизни Яков Семенович, видно, меня подзабыл. Благодаря этому я имею возможность с вами беседовать.

— Какой Яков Семенович? — вполне искренне спросил Харитонов.

Имя, отчество и фамилия шефа на секунду выпали из памяти. Место встречи и сама тихая, невзрачная дамочка никак не вязались с равнодушным убийцей Лялькой.

Затмение прошло. Борис Михайлович пришел в себя и сказал:

— Простите, Ирина Петровна, признаюсь, пошутил весьма неудачно; продолжайте, я весь внимание.

— Случается. — Женщина кивнула и вынула из сумочки плотный конверт, приоткрыла, достала из него пачку долларов, сунула пачку обратно в конверт, сказала: — Здесь двадцать тысяч. Для Якова Семеновича мелочевка, но у меня больше нет, кля-

нусь. Прошу, Борис Михайлович, Христом Богом заклинаю, передайте конверт Ямщикову. И, пожалуйста, скажите, мол, Ирина приносит свои извинения.

— Мне не трудно. — Харитонов хотел взять конверт.

Проходивший мимо их столика пьяный качнулся, упал на спину Харитонова. Тот выпрямился, повернулся, пьяница сполз на пол, что-то бормоча. Подбежали официанты, подняли пьянчугу, начали извиняться.

— Ладно, случается, — благосклонно произнес Харитонов, повернулся к соседке. — Россия. Ее умом не понять. — Он взял со стола конверт, положил во внутренний карман пиджака. — Уважаемая Ирина Петровна, не сомневайтесь, все сделаю в лучшем виде.

— Я не сомневаюсь, Борис Михайлович, ваша репутация известна. — Женщина встала, кивнула и пошла к дверям.

Не успел смолкнуть стук ее каблуков, как сидевший за соседним столом мужчина переместился за стол Харитонова и положил перед ним удостоверение в красной обложке.

— Полковник Крячко, Министерство внутренних дел. Борис Михайлович, не дергайтесь, не опускайте руку в карман, я за вас расплачусь, потом сочтемся. Одно лишнее движение — и я защелкну на вас наручники. О'кей?

Они вышли из ресторана под руку, словно старые приятели. Харитонов оглянулся, охранника, естественно, не было. «Мерседес» сиротливо стоял в стороне, но без водителя.

— Поедем на вашей, — сказал полковник. — Сейчас опасно оставлять машину без присмотра. Ключи у нас имеются.

Из другой, стоявшей неподалеку машины вышел мужчина, достал из кармана ключи, сел за руль «мерседеса» Харитонова.

Полковник держал Харитонова под руку вежливо, но жестко, усадил на заднее сиденье, сам разместился рядом.

— Господин полковник, что произошло? Вы, случаем, не ошиблись? — спросил спокойно Борис Михайлович. Не зная за собой никаких доказуемых грехов, он еще не успел испугаться, хотя в нижней части живота уже знакомо покалывало.

— Ошибся? Это вряд ли, — ответил Крячко любимым выражением Гурова. — Тут поблизости отделение милиции, заедем, разберемся. Если я ошибся, принесу извинения.

В отделении их явно ждали, ничего не спрашивая, провели в кабинет начальника. Харитонов не понимал, за что его прихватили, но видел, что попал серьезно. За столом начальника сидел майор, как оказалось, следователь. На стульях, в сторонке, мужчина и женщина читают журналы. Понятые, понял Харитонов и безвольно опустился на ближайший стул.

— Рано вы присаживаетесь, Борис Михайлович, — сказал Крячко. — Подойдите к столу, выньте все, что находится в ваших карманах. Понятые, прошу вас тоже подойти.

Харитонов слегка успокоился, его явно с кем-то спутали. Он вынул из брючных карманов носовой платок и мелкие деньги, из карманов пиджака — записную книжку, авторучку, бумажник, конверт с долларами, связку ключей.

Майор кивнул, бросил взгляд на Харитонова, открыл лежавшую перед ним папку, что-то написал на бланке и спросил:

— Гражданин Харитонов, что находится в белом конверте?

— Двадцать тысяч долларов, — ответил Борис Михайлович. — Времена, когда за хранение валюты людей сажали, слава Богу, прошли.

Лицо майора было спокойно, бесстрастно. Полковник, который задержал Харитонова, куда-то исчез. Этот человек больше всего волновал Бориса Михайловича. Он отлично понимал, что полковники главка не шатаются по кабакам за просто так и не задерживают по подозрению. Охранника и водителя сняли заранее, тут явно что-то не так. Единственное объяснение, что волкодавы ошиблись, придушили не ту дичь, на которую охотились.

Майор посмотрел на Харитонова равнодушно, зевнул и сказал:

— Понятые, будьте любезны, откройте белый конверт, ознакомьтесь с содержимым.

Женщина взяла конверт, отдала мужчине. Он открыл конверт, заглянул, сказал: «Здесь еще один конверт», — и достал его.

— Вскройте, только осторожно. — Майор протянул понятому нож для резки бумаги.

У Харитонова внезапно ослабли ноги, он попытался встать, чья-то тяжелая рука легла ему на плечо. Борис Михайлович понял, что это конец, собрался с силами, хотел закричать, но лишь забормотал:

— Это не мое, я объясню.

— Обязательно, — сказал стоявший за спиной Харитонова полковник, — обязательно объясните, только чуть позже.

Понятой разрезал второй конверт, на пальцы мужчины высыпался белый порошок. Понятой положил конверт на стол, сказал:

— Белый порошок. Я такой по телеку видел, полицейские обычно слизывают его с пальца, пробуют на вкус. Так я же не понимаю. Белый порошок.

— Эксперты разберутся. Вас, граждане, я попро-

шу расписаться на данных конвертах, садитесь, скоро вы сможете идти домой и большое спасибо.

Понятые расписались, заняли свои места.

— Что это за порошок, Борис Михайлович? — Следователь вновь зевнул и начал писать.

— Понятия не имею, мне подсунули! — Харитонов пытался говорить уверенно, не получалось.

Он хотя и не был судим, но как человек опытный понимал, что его подставили, он сгорел. Майор ничего не решает, он только писарь. Власть в руках полковника, который задержал, сейчас стоит за спиной; оправдываться и что-либо объяснять в данном кабинете совершенно бессмысленно.

— Вы не знаете, что находится в конверте, который вы достали из своего кармана в присутствии понятых, — продолжал писать следователь. — Откуда у вас данный конверт с белым порошком? Кто и когда вам его передал или продал?

Монотонно и безнадежно Харитонов рассказал все как было, опустив лишь имя Лялька, сказал, что переданные женщиной доллары предназначались его, Харитонова, знакомому, человеку высокого ранга. Имя высокого чиновника он назвать не может, так как долларов нет, в конверте неизвестный порошок, то и имя адресата следователю ни к чему.

Майор зевнул, кончил писать, сказал:

— Сколько с наркотой задерживаю, ответ один: не знал, подсунули. Распишитесь, придумайте что-нибудь пооригинальнее.

Харитонов расписался в протоколе, взглянул на улыбающегося полковника и спросил:

— Теперь куда? Неужели вы запрете меня в камеру?

— Я не решаю, возможно, и в камеру. Сейчас мы проедем в МВД, с вами желает побеседовать очень большой начальник, — ответил полковник и привычно улыбнулся.

— Майор непрестанно зевает, полковник все время улыбается! Какое министерство, ночь на дворе!

— День недели, утро, день или ночь для сыщика не имеет никакого значения. Поехали, Борис Михайлович.

В полночь Борис Михайлович Харитонов сидел на гостевом стуле в кабинете и рассказывал Гурову свою печальную историю. В отличие от зевающего майора и улыбающегося Крячко полковник Гуров был серьезен, смотрел доброжелательно, слушал внимательно, согласно кивал.

Гуров и Харитонов вели спокойную беседу. Гуров подкупил Барина тем, что при знакомстве пожал руку, придвинул стул и сказал полковнику, привезшему задержанного:

— Спасибо, Станислав, спокойной ночи.

— Да не за что, господин полковник, счастливо оставаться. — Крячко хитро улыбнулся и ушел.

— Вы, Борис Михайлович, на него не обижайтесь, он всегда улыбается. Садитесь, рассказывайте, как вы вмазались в такую грязную историю.

Харитонов с первой минуты проникся доверием к серьезному, спокойному полковнику с седыми висками и голубыми глазами, повторил свою историю подробно, стараясь не упустить ни одной мелочи.

— Очень похоже на правду, — сказал Гуров. — Только зачем Якова Семеновича Ямщикова, по кличке Лялек, обзывать крупным чиновником?

— Так вы все знаете, значит, вы все и подстроили? — возмутился Харитонов.

— Обижаете, Борис Михайлович. Я старший опер по особо важным делам, полковник, подобными делами не занимаюсь. Я сыщик, естественно, использую агентурные сообщения. Мне позвонили, сказали, интересующий вас Харитонов будет находиться вечером в таком-то ресторанчике, имея при себе

наркотики. Я удивился, по моим сведениям Барин наркотиками не занимается. Но так как вы меня крайне интересуете, я послал своего друга проверить сообщение. Сейчас мы имеем то, что имеем. — Гуров погладил лежавшую перед ним тонкую папочку.

— Так какая же сволочь сварганила мне такую подлянку? — вскипел Харитонов.

— Покопайтесь в своем окружении, вспомните друзей, которым вы перешли дорогу, врагов, боящихся расправиться собственноручно. Времени у вас будет предостаточно, года три минимум.

— Так вы же знаете, что все это липа! Дамочка показала мне доллары, когда ее напарник свалился мне на плечи, и я отвлекся, она, сучка, подменила конверт.

— Обязательно. Убежден, что все так и было. Однако между тем, что я знаю, и тем, что имею на руках, как говорят в Одессе, две большие разницы. А я имею на руках человека, которого задержали с солидной партией наркотика, предположительно героина. По закону я обязан вас допросить, задержать и передать в руки следствия.

— Но вы же знаете, что все подстроено?

— Предположим.

— Так надо действовать по совести, а не по дурацкому закону.

— По совести, а не по закону? — спросил Гуров, взглянул на Харитонова с интересом. — Согласен, давайте по совести.

— Браво! Я сразу понял, только увидел: вот человек, а не мент.

— Спасибо. — Гуров кивнул. — Значит, по совести, а не по закону? Согласны?

— Согласен!

— Попробуем. Я знаю, что Борис Михайлович Харитонов, по кличке Барин, является серьезным

преступником. Он правая рука некоего Ямщикова Якова Семеновича, кличка Лялек. Харитонов — вдохновитель и организатор многочисленных краж и ограблений, повлекших за собой перестрелки, убийства. И по совести я должен Харитонову предъявить обвинение по всем перечисленным преступлениям По совести должен, но доказательств у меня нет предъявить обвинения я не могу, так как закон не позволяет. Так как будем вести дело, по совести или по закону?

Гуров закурил, откинулся на спинку кресла, посмотрел на Харитонова внимательно. Тот, ошарашенный, долго молчал. Гуров тоже молчал, никуда не торопился. Сыщик знал, что кастрюлю с огня надо снимать только тогда, когда похлебка сварится.

Естественно, Харитонов сдался и сказал:

— Нет уж, лучше по закону.

— Следовательно, следствие — суд — зона, — равнодушно констатировал Гуров, после небольшой паузы продолжал: — Я сыщик, а не следователь прокуратуры, играю на грани фола, соблюдаю закон, но могу выбирать дорогу, которая ведет к справедливому, полезному для людей разрешению ситуации Пока документы в моих руках, у нас есть возможность выбора. Вы меня поняли?

— Вы вербуете меня?

— Обязательно; результат зависит от вас, время до утра. Вас отправить в камеру или вы примете решение здесь, в кабинете?

Харитонов платком вытер потное лицо, проглотил застрявший в горле комок и прошептал:

— Согласен. Мне написать согласие на сотрудничество?

— Написать. — Гуров указал на стул Крячко положил на стол бумагу и ручку. — Но не расписку я не вербую таких людей, как вы. Садитесь, я вам продиктую.

Харитонов сел за стол, Гуров начал диктовать:

— В прокуратуру города Москвы, от такого-то, проживающего по адресу... Заявление. Я, Харитонов Борис Михайлович, хочу сообщить, что с такого-то года состою в преступной группировке Ямщикова Якова Семеновича по кличке Лялек.

Харитонов положил ручку, крикнул:

— Добровольное признание! Вместо трешника, в крайнем случае пятерки, я получу пятнадцать.

Гуров встал из-за стола, прошелся по кабинету, затем положил на стол Харитонова зажигалку.

— Я работаю в сыске третий десяток лет и ни разу не ударил задержанного. Вам не понравится написанное, вы листок сожжете. Теперь по сути вопроса. Если я двинусь умом и эту бумагу передам в прокуратуру, то вас задержат; вы заявите, что написали под давлением милиции, знать ничего не знаете, и через двое суток вас освободят. С юридической точки зрения эта бумажка — лишь бумажка, не более того. Вам ясно? Берите ручку и пишите.

Харитонов задумался; он был человеком опытным, понял, что полковник говорит правду, взял ручку и продолжал писать.

Гуров диктовал:

— Ямщиков — Лялек стоит во главе преступной группировки, которая на территории Москвы совершает грабежи, разбойные нападения, убийства, занимается рэкетом. Абзац. Если мне будет дана гарантия, что лично я не буду судим, либо мне вынесут условный приговор, то я готов дать официальные показания. Число, подпись. Прочтите, решайте, отдать бумагу мне либо сжечь и отправиться в камеру, в суд, по этапу.

— А что вы сделаете с писулей?

— В прокуратуру не понесу, официального хода не дам. Бумага будет лежать у меня в кармане.

— Не понимаю, но это ваши сложности. — Харитонов протянул листок Гурову.

Полковник прочитал написанное, сложил бумагу запер в сейф, сказал:

— Вы мне будете служить верой и правдой. Но так как я вам не верю абсолютно, предупреждаю... — Гуров достал сигарету, закурил, — если вы начнете темнить, валять дурака, попытаетесь скрыться, то ваше сочинение тут же окажется в руках Ямщикова. Мне известно, что он не Спиноза, но сличить ваш почерк догадается, найдет вас, последствия понятны. Вы будете умолять, чтобы вас убили быстро.

Лицо Харитонова стало таким мокрым, словно он только что умылся.

— Я понял.

— Я знаю, вы догадливый. Что за совещание вы готовитесь провести? Когда? Где? Кто будет присутствовать?

— Вы и это знаете? — Харитонов утерся.

— Я знаю много, но недостаточно.

— Собираются заместители, если хотите, начальники штабов авторитетов Москвы. Мы должны разрешить мирно ряд спорных вопросов, затем доложить своему руководству на утверждение. — Харитонов криво улыбнулся. — Когда и где — еще не решили, ведем переговоры.

— Так. — Гуров прошелся по кабинету, подошел к столику, записал на листке номера телефонов.— Это мой рабочий и домашний, выучить наизусть, листок уничтожить. Узнать, где собираются. Когда. Кто конкретно будет присутствовать. Доложить мне немедленно.

— Ясно, господин полковник! — Харитонов сложил листок и убрал в карман. — Заучу и согжу.

— Значит, вашего охранника и водителя мы взяли. Вы должны немедля Ямщикову об этом рассказать.

Им будет предъявлено обвинение за ношение оружия, вы об обвинении ничего не знаете. Оперативники вас, как владельца «мерседеса», забрали из ресторана, проверили документы, обыскали, мурыжили в отделении до глубокой ночи. Все. Дело в том, что рано или поздно охранник и водитель передадут на волю, как и за что их арестовали. Вы должны быть вне всяких подозрений. Переходим к следующему вопросу. Мне известно, что вами завербован один из старших офицеров нашего главка. Вы называете фамилию, и я сжигаю на ваших глазах все бумаги о вашем задержании с наркотиком.

Харитонов мгновенно сообразил: если он сдаст завербованного мента, того арестуют. Арест ценнейшего агента сразу же после ареста водителя, охранника, задержания Харитонова и его мгновенного освобождения — даже дебил разберется, что к чему.

— Я слышал об этом, даже имел косвенное отношение к вербовке. Ко мне обращались за консультацией, я составил схему, как подойти к офицеру милиции высокого ранга, на чем его можно прихватить. Позже я узнал, что вербовка прошла удачно, полковник сдался, дает информацию. Я сам дважды использовал информацию, поступившую из вашего ведомства.

— Вы начали врать, — сказал Гуров. — Вы знаете больше, чем говорите, я могу вас задержать на несколько суток, подождать, пока в вашей голове просветлеет.

У Харитонова задрожали руки, он убрал их со стола, что, конечно, не миновало внимания Гурова. Здесь сыщик допустил роковой просчет и очень усложнил свою жизнь в дальнейшем. Он посчитал, что ложь была маленькой и ее разоблачение не стоит того, чтобы, задержав Харитонова, поставить его под угрозу разоблачения. Гуров понял: задержанный по

своей природе труслив. Сыщик отнес замеченное волнение только на счет трусливости, вздохнул и сказал:

— Я не буду вас задерживать, так как боюсь спалить. Вы поедете домой... Кто и когда консультировался с вами по вопросу вербовки сотрудника милиции?

Харитонов сумел взять себя в руки, якобы вспоминая, поморщился:

— Когда? В прошлом году, кажется, летом. Мне позвонил Лялек, сказал, мол, к тебе обратятся за консультацией, помоги. Через день позвонил неизвестный, сослался на Ямщикова — Лялька, попросил консультации по вопросу вербовки мента крупного калибра. Я послал его, сказал, что подобные разговоры по телефону не ведутся. Через день приехал, себя не назвал, неприметный, лет сорока, два «быка» сопровождали. Ну, я выставил охрану за дверь, а этому типу рассказал. Вербовка в основном проводится на использовании человеческих слабостей. Деньги. Женщины. Тщеславие. Вино. Самое лучшее начинать с женщины. Если объект увлечется вашей приманкой, лучше влюбится, вы будете иметь постоянный контакт, обрывки информации. Потом, используя женщину втемную, следует задействовать деньги. Если объект начнет у «любимой» деньги брать, считайте, вы дело сделали. Кандидата на вербовку следует с женщиной сфотографировать, лучше снять на видео. Затем женщину ликвидировать...

— Хорошо, хорошо, — перебил Гуров, которому надоело слушать прописные истины. — Кстати, я вас завербовал, не используя ваши методы.

— Вы вербовали не снизу вверх, а сверху вниз. Наши силы и возможности не равнозначны. Вы считаете меня наивным? Полагаете, я поверил, что меня так профессионально подставил кто-то из соперников? Это ваша работа...

— Думайте, что хотите. — Гуров указал на дверь. — Идите, четвертый час.

Стоя у машины, Гуров сказал:

— Будьте осторожны. Если вас зарежут, мне будет жаль потерять источник и свое время, которое я сегодня затратил.

Харитонов поклонился и язвительно ответил:

— Обязательно. Я так и понял, что мы полюбили друг друга с первого взгляда.

Гуров хотел было одернуть агента, но лишь посмотрел на него внимательно, сел за руль своей «семерки» и уехал.

Глава третья

ПОДГОТОВКА К БРОСКУ

Как обычно, утром Гуров доложил генералу Орлову результаты работы за прошедший день. Крячко как всегда, сидел на своем месте, молчал, шутить в такой момент он не рисковал.

— Ну что, господа сыщики? — Орлов глянул из-под нахмуренных бровей. — Поздравить вас рано, хвалить — только портить. Сработали на уровне, профессионально, как и должны.

— Спасибочки, господин генерал, — привстал Крячко. — Я всегда Льву Ивановичу говорю, что Петр Николаевич к нам как отец родной. Да если подобную вербовку провернул бы не Гуров, кто-нибудь иной, так вы бы из-за стола вышли, обняли бы паршивца, в приказе благодарность.

— Обязательно. — Орлов хмыкнул и улыбнулся. — Паршивца следует обнимать и поощрять. Полковник Гуров сыщик особого калибра. К тому же, Станислав, Лева абсолютно не нуждается в твоей или

моей похвале. Он сам себя судит и оценивает. Спроси!

— Чего спрашивать, я и так знаю.

— Все, перекур закончен, к делу. Лев Иванович, а ты не считаешь, что Харитонов что-то утаил, возможно, главное? — спросил Орлов.

— Утаил наверняка. Главное? Это вряд ли. Я считал неразумным его задерживать, по причинам, тебе отлично понятным.

— Согласен. Немножко пустопорожних рассуждений. Наши клиенты из числа бандитов и убийц не блещут умом. Они не занимаются вербовкой, если не считать таковой бутылку, поставленную постовому, ящик коньяка участковому, расценки мне не известны. Вербовщик из данной среды — случай далеко не ординарный. А вербовка полковника главка просто ни в какие ворота не лезет.

Орлов замолчал, потер нос, взъерошил волосы, продолжал:

— Ты рисуешь Харитонова как человека трусливого, но умного и хитрого, образованного. Я среди налетчиков такого и не припомню.

— Что-то с памятью моей стало...

— Станислав! — Орлов глянул на Крячко грозно; увидев обиженное лицо Крячко, вздохнул: — Видно, горбатого только могила исправит.

— Конечно, старший младшего завсегда может в угол поставить. Коллеги, что по коридору ходят, завидуют, мол, вы с генералом дружбаны. Знали бы они, чего мне терпеть приходится.

— Пойди к Верочке, выпей кофейку, ты мне мешаешь, — сказал Орлов и, подождав, пока обиженный Крячко выйдет, продолжал: — Я говорил, что Харитонов для данной среды явление редкое. Нечего делать интеллектуалу в подобной группировке. Он может за такие деньги найти в криминальной среде работу почище, главное, безопаснее.

— А Харитонов? — спросил Гуров.

— Я к тому и веду. Харитонов — исключение из правил. А много исключений не бывает. Вербовку полковника проводил или руководил непосредственно человек неординарный. Рассказ Харитонова об инструктаже мне видится чистым вымыслом.

— Выспавшись, выпив поутру чашечку кофе, рассуждать легко. А в три ночи все видится иначе.

— А я тебя не виню. Я с тобой советуюсь. — Орлов улыбнулся. — Опытный ты, много битый, а молодой.

— Как говорится, со временем пройдет.

— Не сбивай, я без тебя запутаюсь. Инструктаж — липа, убежден. Ты утверждаешь, что, перечисляя методы вербовки, Харитонов говорил плавно, размеренно, без запинок. Так и бывает. Подобная манера речи свойственна человеку, когда он рассказывает о чем-то хорошо знакомом. Видится мне, что твой новоиспеченный агент рассказывал, как он завербовал нашего человека. Женщина. Деньги. Деньги. Видеосъемка. Ликвидация женщины. Вербовка. Видится так.

— Видится так, — повторил Гуров. — Значит, я промахнулся.

— Ни черта! Ты можешь взять Харитонова в любой день и вынуть из него все до донышка. Выждем, что он скажет о сходке. Даже если он назовет истинное имя иуды, мы не получим оснований для ареста.

— Будем искать доказательства. Иуду ты отошлешь в командировку на Камчатку, месяца на два. Мы перережем канал утечки информации, разыщем доказательства. Когда он будет в этом кабинете, — Гуров топнул ногой по ковру, — докладывать итоги своей инспекционной поездки, я защелкну на нем наручники.

— Мысль верная, — кивнул Орлов. — Нужна

командировка в дальний край. Взглянем, кто у меня просит помощи. — Он выдвинул один из ящиков стола, достал папку, открыл. — Так, Тверь, Екатеринбург, Омск, Иркутск, Красноярск, Владивосток...

— Любой из городов годится, важно не сколько часов лететь, сколько он там пробудет.

— Сколько прикажу, столько и пробудет.

— А кого посылать?

— Кто сказал, что надо посылать одного? Ты оставил под подозрением четверых, я пошлю в командировку двоих. Притом, не в разные концы, а парой, в один город. Иуда окажется связанным, лишнего звонка не сделаешь.

— Отлично, генерал. Пара уедет, пара останется. Если Усов получит донесение, что бандиты готовятся в налет, мы вновь устроим «карусель». Если налет состоится и мы бандитов возьмем, значит, иуда — один из командированных. Если налетчики вновь не придут, значит, иуда один из двух оставшихся. Готовь приказ, генерал.

Через три дня Гуров позвонил Харитонову, услышав его голос, сказал:

— Здравствуйте, Борис Михайлович. Рад слышать ваш бодрый голос, свидетельствующий, что вас не прирезали.

— Спасибо, Лев Иванович. Вы, как всегда, остроумны. Собирался вам звонить, нужно встретиться.

— Хорошо, в какое время вам удобнее?

Харитонов чуть не поперхнулся от удивления. Он не понимал, что Гуров в первую очередь сыщик-профессионал, а потом уже человек со своими симпатиями и антипатиями. Для сыщика Харитонов был ценный агент и его безопасность стояла на первом месте.

— Что молчите? Просчитываете время? — спросил Гуров.

— Да-да, минуточку, — промямлил Харитонов. — Если в четырнадцать?

— Значит, в четырнадцать. — Гуров продиктовал адрес конспиративной квартиры. — Приходите, звоните, я уже буду на месте. На всякий случай знайте, в данной квартире якобы проживает, на самом деле только прописана, Анна Шемякина, симпатичная женщина тридцати двух лет. В случае крайней необходимости Анна может быть показана любопытным До встречи. Повторите адрес.

Харитонов повторил, услышал частые гудки, положил трубку и стал думать. «Завербованный полковник силен, но Гуров сильнее, рано или поздно сыщик моего человека достанет. И что? Агент не знает обо мне ничего и не сумеет вспомнить мимолетную встречу на банкете. С этой стороны мне бояться нечего» Но где-то в животе болезненно ныло — Харитонов трусил.

В полдень Гуров поднялся из-за стола, черкнул в календаре Крячко несколько слов и вышел из кабинета. Сыщик любил приезжать на явочную квартиру заранее, сначала гулял у дома, затем поднимался, брал тряпку, вытирал пыль, расставлял чашки, кипятил воду. Агент должен чувствовать себя уютно, а не сидеть , как на вокзале в ожидании поезда.

Но было еще слишком рано, и Гуров зашел к Орлову.

— У Петра Николаевича полковник Усов, — предупредила Верочка.

— Да? — Гуров остановился у массивных дверей. За последнее время взаимоотношения с Пашей Усовым у Гурова улучшились. По агентурным данным полковника было задержано несколько уголовников, находящихся в розыске много лет. Гуров, человек независтливый, уважающий хорошую работу, изме-

нил свое отношение к Усову, полковник почувствовал это, взаимоотношения из чисто служебных переросли в товарищеские.

Узнав, что Паша разговаривает с Орловым, Гуров остановился. Случаются разговоры, при которых присутствие третьего человека, каким бы своим он ни был, мешает.

— Верочка, доложи генералу, что я уезжаю на встречу, хочу попрощаться.

Девушка взглянула удивленно, нажала кнопку звонка, предупреждая, что сейчас войдет. Гуров открыл тяжелую дверь, Верочка зашла и тут же вернулась.

— Просят.

— Спасибо. — Гуров вошел в кабинет. — Здравия желаю, господин генерал. — Он протянул руку Усову. — Приветствую, полковник.

— Здравствуй, Лев Иванович, — ответил Усов крепким рукопожатием, — не врываешься без стука, обращаешься через секретаря, деликатным стал. Или приболел?

— Все течет, все изменяется, Павел Петрович. — Гуров подмигнул Орлову, который с улыбкой наблюдал за пикировкой полковников.

— Присядь, Лев Иванович, не торчи у окна, можешь закурить. — Зная, что Гуров терпеть не может мягкие кресла, Орлов указал на стул. — Полковник устроил мне сцену у фонтана. Павел Петрович возмущен, что я посылаю Меньшова и Сулькина в Красноярск. Якобы я раздеваю его отдел.

Усов не знал о проводимой операции, не знал и о недавней вербовке Харитонова. Генерал и Гуров договорились, что о данном деле не знает никто; исключение составлял Станислав Крячко, без услуг которого обойтись невозможно.

— Полковник прав, — пожал плечами Гуров. — Какой начальник отдела обрадуется, когда у него забирают двух старших офицеров?

— Я пойду... — начал было Усов, но махнул рукой. — Глупости, никуда я не пойду, буду терпеть. Петр Николаевич, вы говорите, что в Красноярске неблагополучно, посылаете туда двух асов. А во Владивостоке благополучно?

— Согласен. Я посылаю двоих, так как практика показывает, офицер центра, прибыв в область, одинок. Людей знает плохо, коррупция разрастается, ему и посоветоваться не с кем. Двое уже сила. Меньшов и Сулькин поработают в Красноярске, затем перелетят во Владивосток.

— Тогда молчу, — сказал Усов. — Хотя о ребятах, их семьях забывать негоже.

— Теперь я молчу, — ответил Орлов. — Хотя нам всем следует не забывать, мы работаем в МВД России. Она велика, никто в этом не виноват.

— Хорошо. — Усов встал. — Желаю здравствовать, господа сыщики. — Поклонился и вышел.

— Ну, что скажешь? — спросил Орлов.

— Я позвонил Харитонову, он попросил о встрече. В разговоре мне касаться темы иуды?

— Мимоходом, без нажима, поинтересуйтесь и только, — сказал Орлов. — Он ценный агент, может многое, за выдачу иуды мы вынуждены будем заплатить, снять строгий ошейник. А без удавки на шее Харитонов тут же уйдет, словно сорвавшаяся с тройника щука.

— Обязательно, — согласился Гуров.

К приходу Харитонова квартира была уже прибрана, чайник вскипел. Гуров просматривал газеты, курил, пил кофе.

Агент вошел в гостиную, равнодушно огляделся, сел в кресло. Чувствовалось, что Харитонов находится в спокойном, уверенном состоянии.

— Вижу, объяснение с шефом прошло успешно, — сказал Гуров.

— Никакого объяснения попросту не было, — ответил Харитонов, принимая от Гурова чашку с кофе. — Я рассказал о происшедшем. Лялек кивнул, сказал, мол, знаю, ребят замели за пушки. У вас, господин полковник, течет из всех дыр.

— Течет, — согласился Гуров. — Но в конкретном случае ваших людей умышленно содержали в отделении с временно задержанными. Так что информация уехала поутру, когда мелких хулиганов выпустили.

— Вы обо мне заботитесь?

— Профессия. Перейдем к делу. У вас нет новостей по поводу завербованного мента?

— К сожалению. Но у меня имеется очень интересная информация о готовящейся сходке.

— Я весь внимание. Говорите.

Словно великий актер, Харитонов выдержал паузу и наконец заговорил:

— Сходка назначена на двадцатое. Съезд в двенадцать дня, место назовут лишь в девять утра.

Гуров молча кивнул. Харитонов был несколько разочарован сдержанной реакцией сыщика.

— Условия следующие. Каждый авторитет присылает своего представителя, иметь подлинные документы запрещено. Никаких водителей или иного сопровождения, сам за рулем и точка. Предупредили, телефонной связи не будет.

— Все верно, а с телефоном дураки, — обронил Гуров. — При сегодняшнем техническом уровне каждый будет иметь связь. По телефону вряд ли сказали бы важное, однако какую-то информацию можно было бы получить. А так каждый будет вести переговоры с шефом по своему каналу. Важная, второстепенная, вся информация минует контроль. Вы, Борис Михайлович, принимали участие в составлении программы?

— Лишь частично.

— Врете. — Гуров допил кофе, поставил чашку. — Запомните на будущее: меня обмануть трудно, а лично вам — невозможно. Составляли программу вы, а по телефону выслушали лишь пожелания и замечания.

— Откуда такая уверенность?

— Профессия. Продолжайте. Вы, естественно, принимаете участие.

— Конечно. Кого еще Ямщиков может послать?

— Информация интересная, не более того. Вернетесь, расскажете, как прошло совещание на высшем уровне. Больше ничего?

— Все, господин полковник.

— Тогда с Богом. Желаю удачи!

Когда Харитонов ушел, Гуров еще долго сидел за столом, курил, разглядывал стоявший у стены сервант с посудой.

Вечером министерство пустеет, работает лишь дежурная часть, еще в нескольких кабинетах горят окна.

В кабинете Орлова, кроме самого генерала, верхом на стуле сидел Станислав Крячко, Гуров по привычке расхаживал от стены к окну и обратно.

— Лева, присядь, не мельтеши. — Орлов помахал ладонью перед глазами. — Мешаешь сосредоточиться.

Гуров присел на подоконник, закурил. Молчали. Думал только генерал, Гуров пришел с готовым решением, а Крячко зря никогда не напрягался, знал: начальники обратятся к нему лишь из вежливости. Он в ответ схохмит, получит достойный ответ, затем приказ: когда, где, что именно полковник Крячко должен сделать. Так зачем, спрашивается, напрягаться, думать, когда надо просто подождать?

— Так, ясненько. — Орлов повернулся к Гурову,

указал на стул: — Сядь сюда, я тебе не мартышка, чтобы крутиться.

— Слушаюсь, мой генерал. — Гуров пересел.

— Значит, ты хочешь заменить Харитонова и сам взглянуть на собравшихся, выслушать лично.

— Обязательно.

— Ты считаешь, полученная информация заслуживает того, чтобы рисковать твоей жизнью?

— Информация о совещании и внешние приметы собравшихся, конечно, не заслуживают.

Крячко, не сдержался, сказал:

— После конца съезда, на выезде, мы их всех задержим, проверим, установим личности, сфотографируем на память, фальшивые документы отберем, еще за решеткой продержим, пока прокурор не охрипнет.

— Умница. — Генерал кивнул Крячко, посмотрел на Гурова. — Станислав, я всегда ценил твою сообразительность, знал: ты трезвый мужик, а не авантюрист.

— Спасибо, Петр Николаевич, только не стоит восстанавливать против меня начальство, — сказал Крячко.

— Ты взгляни на него. Он неподвижен и молчалив, словно Будда. Бьюсь об заклад, что он нас и не слушает.

— Слушает, — сказал Гуров. — Просто он ждет, когда вы кончите изрекать истины и спросите: Лева, что у тебя на уме?

— Лева, что ты думаешь? — спросил Орлов.

— Я полагаю, что, используя мое присутствие среди авторитетов, можно установить, в Москве иуда или в командировке. Если в Москве, то при удачном раскладе установить точно, кто из двоих.

Орлов и Крячко переглянулись.

— Поясни, — сказал генерал.

— Завтра ты пишешь приказ о командировании Гурова в Омск, Томск, Челябинск. Я уезжаю двадцатого, в двенадцать я приезжаю на съезд. К концу рабочего дня генерал Орлов в присутствии одного из подозреваемых «проговаривается», что сыщик Гуров находится не в Мухосранске, а на слете авторитетов. По установленному каналу связи Станислав сообщает мне, что «выстрел» сделан. Утром я слежу за реакцией окружающих. Если один из авторитетов узнает, что среди них сыщик, то обязательно проявится. А я данный факт, конечно, засеку, и пока он будет крутить головой и выяснять, кто есть кто, я сяду в автомобиль и уеду. Если первый день пройдет у меня тихо и спокойно, то генерал в присутствии второго подозреваемого вновь проговаривается. Я буду следить за реакцией окружающих. Если до конца съезда ничего не произойдет, значит, иуда в командировке. Суточный интервал с «выстрелами» не очень гарантирует нам точность попадания. Мы не знаем, какая реакция у противника. Но в любом случае, результат проведения такой операции оправдывает риск.

— У тебя все? — Орлов подпер голову ладонями, задумался. Минут через двадцать сказал: — Станислав.

— Много чего можно возразить. Я скажу одно. Десять против одного, предупреждение, что на съезде мент, будет передано отсутствующему Харитонову.

— Сто против одного, сообщение передадут другому участнику съезда, — сказал Гуров.

— Поясни. — Орлов взглянул на друга.

— Да нет, уж вы валите все в кучу. Я сказал, что предупреждение пойдет другому, значит, так оно и будет. — Гуров встал, прошелся, вновь опустился в кресло.

— Мы с тобой, Станислав, не доросли, — сказал Орлов. — Точнее, ты не дорос, а я состарился. Хорошо. Допустим, Лева, все как ты утверждаешь. Ты среди уголовников, предупреждение приходит на первые или вторые сутки. Одновременно с предупреждением высылают бойцов. Авторитет, предупрежденный о твоем присутствии, получает твой словесный портрет, знает твой рост, вес, возраст. Авторитет не крутит головой, не мечется, как мартышка при родах. Твое выражение. Он ждет прибытия бойцов, встречает, указывает на тебя пальцем. Я высокого мнения о твоих боевых качествах. Но и Сталлоне, и Шварценеггер бессильны против нескольких автоматчиков.

Гуров кивнул и спросил:

— У вас все?

— Тебе показалось мало?

— Я разочарован. — Гуров закурил. — Вы, друзья, знаете, что я имел время анализировать ситуацию. Так какое право вы имеете полагать, что за считанные минуты вы разберетесь в позиции, над которой Гуров размышлял несколько часов? Обидно, господа, черт побери! Я что, из деревни? Или, как выражается Станислав, прохожий и заглянул на чашку чая?

— Ну, извини, — сказал Крячко.

— Давай, Лева, учи нас, недоумков. — Орлов облокотился на стол, подпер ладонями тяжелую голову.

— Чего вас учить? Просто скажу, что если иуда в Москве, его предупреждение будет передано не Харитонову, а другому авторитету. Согласен, он, конечно, вызовет ликвидаторов, но пальцем на меня не укажет, начнет разбираться, кто есть кто, и я, безусловно, его беспокойство засеку. А сделаю я все это следующим образом...

Утром следующего дня Гуров пришел на службу позже обычного. В управлении уже все знали, что полковника Гурова командируют в Пермь с инспекторской проверкой. Удивлению не было конца, офицеры переглядывались, обсуждали новость, пожимали плечами. Сыщиков такого калибра, а полковник Гуров к тому же стоял особняком, не используют на инспекторской работе. Такие поручения дают службистам, офицерам дисциплинированным, розыскникам посредственным, серым.

Гуров вышел на своем этаже из лифта, и сразу же его остановил малознакомый опер, сочувственно улыбнулся и сказал:

— Приветствую, Лев Иванович. Поздравляю, вас назначили проверяющим.

— Отстань, не говори глупостей! — Гуров отстранил нахала, зашагал по коридору, где тут же встретил начальника отдела, полковника Усова. Он взял Гурова под руку, вывел на лестничную площадку.

— Лев Иванович, что у тебя вчера после моего ухода из кабинета произошло с генера́лом?

— Как обычно. — Гуров пожал плечами. — Ты же знаешь, Паша, у нас дружба и служба сосуществуют порознь. Мы поспорили по одному принципиальному вопросу.

— Он не сказал, что посылает тебя в Пермь с инспекторской проверкой?

— Брось, Паша. — Гуров достал сигареты. — Шутка дурного тона.

— Какая шутка, зайди в канцелярию, ознакомься с приказом. Ты вылетаешь завтра.

Гуров смерил собеседника взглядом, смял незажженную сигарету, швырнул в урну и направился в канцелярию.

Когда он вошел, в комнате, где находилось несколько человек, стало тихо.

— Здравствуйте, — громко сказал Гуров. Ему нестройно ответили, глядя с любопытством. — Людочка, прелесть моя, — обратился он к одной из девушек, сидевших за деревянным барьером, — мне что-нибудь есть?

— Есть, Лев Иванович, — тихо ответила девушка и, потупившись, протянула листок с приказом.

Гуров прочитал приказ, нахмурился, взглянул еще раз, положил на стойку и спросил:

— Генерал на месте?

— Не знаю, с утра видела.

— Спасибо. — Гуров круто развернулся и вышел.

Он вошел в приемную, кивнул Верочке, затем на дверь генеральского кабинета:

— У себя?

— Да, но у него...

Гуров не дослушал, распахнул тяжелую дверь, вошел, сухо поздоровался. В кабинете находился полковник Сутеев, которого Гуров считал подозреваемым номер один. Гуров ему кивнул, сказал:

— Господин генерал, мы расстались вчера вечером. Что за приказ? Какая командировка? Какая Пермь? Вы же отлично знаете, я занят важнейшей разработкой...

— Не горячитесь, полковник, — перебил Орлов. — Из Перми поступил очень тревожный сигнал. У них большие неприятности с агентурой. Вам известно, данное направление работы проверяем мы, а не штатные инспектора. Учитывая ваш опыт...

— Благодарю за доверие, генерал! — Гуров развернулся и вышел.

— Воспитал на свою голову, — пробормотал Орлов, нервно, без надобности переложил лежавшие на столе бумаги, взглянул на притихшего полковника. — Ничего, перемелется, мука будет. Николай Михайлович, на чем мы остановились?

Гуров расхаживал по квартире, пикировался с Крячко, который орудовал на кухне.

— Почему картошку должен чистить я? — рассуждал Станислав. — Ты огромадный эгоист, Лев Иванович.

— Что выросло, то выросло. — Гуров встал в дверях. — Ты зачем приехал? Ты прибыл, чтобы успокоить друга, с которым обошлись несправедливо. Ты должен друга накормить, налить ему стакан.

— Ты дал зарок! — Станислав поставил на плиту сковородку, плеснул масла, высыпал картошку. — Мужчина обязан держать свое слово.

— Обязательно! В принципе! — Гуров подошел к холодильнику. — Но зароки и слова дают специально, чтобы было что нарушать. — Он наполнил две стопки. — Иначе жизнь становится пресной и скучной, как стареющая девственница. За твое здоровье, Станислав!

— За такой тост грех не выпить. — Крячко со скорбной улыбкой широко перекрестился и выпил. — Бог все видит и простит.

Зазвонил телефон. Гуров снял трубку.

— Слушаю.

— Лев Иванович? — спросил молодой мужской голос.

— Допустим.

— Здравствуйте, мне ваш телефон дал телевизионный комментатор... Турин. Он сказал, что вам требуется опытный режиссер...

— Молодой человек, — сказал Гуров, — представьтесь, пожалуйста.

— Извините. Козлов Игорь... Можно без отчества.

— Игорь, значит, вы режиссер? — Гуров вздохнул, посмотрел на Крячко. — А кроме вас кто-нибудь знает, что вы режиссер?

— Турин... В Москве меня знают только в узком

кругу профессионалов. Но на Каннском фестивале я получил приз за лучшую режиссуру. — Голос звенел, но обрел уверенность.

— Ну, лучше, если бы вы получили «Оскара». Шучу, Игорь, шучу. Канн для меня достаточно. Как у вас со временем?

— Я снимаю некоммерческое кино, сейчас в простое, проще говоря, бездельничаю. Лев Иванович, у меня ничего нет, а времени предостаточно, девать некуда.

— Тогда приезжайте в гости. Вы москвич?

— Москвич. — Игорь вздохнул.

— Тогда вы найдете меня легко, возьмите ручку, запишите адрес.

— Я готов, Лев Иванович.

Гуров продиктовал адрес, попросил режиссера повторить, сказал: «Жду», — и положил трубку.

— Старые мы, Станислав. Для нас кто моложе тридцати, тот пацан.

— Пройдет несколько лет, и для нас человек моложе сорока будет тоже пацаном, — философски изрек Крячко, — если раньше не убьют.

— Спасибо на добром слове. Когда он прибудет, ты закройся на кухне. Можешь слушать, но не показывайся, парень начнет стесняться.

— Я могу уйти.

— Не можешь, ты мне нужен.

Режиссер Игорь Козлов был высокий, худой, лохматый, с огромными черными глазами. Джинсовый затертый костюм болтался на нем как на вешалке, видно, нужного размера раздобыть не удалось. Здороваясь, он взглянул вызывающе: так смотрят люди стеснительные, неуверенные.

— Проходите, Игорь, располагайтесь. — Гуров указал на диван и кресло. На столике стояли чашки, кофейник, бутылка коньяка, рюмка и пепельница. —

У меня курят. Я на минуточку отлучусь. — Он без надобности ушел на кухню.

— Ну? — Крячко отложил книгу. — Каков?

— Не приглядывался, он стесняется, пусть пообвыкнет.

Гуров вернулся в гостиную, сел в нелюбимое низкое кресло.

— Вы Сашу Турина давно знаете?

— Не очень, года два.

Гуров разлил кофе по чашкам, плеснул в бокалы коньяка.

— Со знакомством, за здоровье. — Гуров поднял бокал, пригубил. — Саша говорил, кто я, какова моя профессия?

— Сказал, что мент, розыскник.

Гуров понял, что молодой режиссер обманывал, у него с Туриным состоялся обстоятельный разговор, который, видимо, закончился предупреждением комментатора, что сыщик не любит болтунов.

— Да, я сыщик, — сказал Гуров. — Судя по моему возрасту, понимаете, что я старый сыщик.

— Вы совсем молодой!

— Не лги, нехорошо, мне пятый десяток.

— У вас потрясающая внешность, сочетание крайне редко встречающееся, — увлеченно заговорил режиссер. — Вы обаятельны, одновременно излучаете силу и угрозу. Я с удовольствием снял бы вас в главной роли.

— Невозможно, у меня нет времени, и я боюсь камеры, каменею.

— Пустяки, вас надо просто увлечь... Ну, мне не дают денег, так что разговор пустой. Я вас слушаю, чем могу быть полезен?

— Не обижайтесь, Игорь, я вынужден вас предупредить, наш разговор коснется совершенно секретных дел. Ни Саше Турину, ни любимой девушке...

— Я понимаю. — Режиссер неожиданно повзрослел, смотрел спокойно.

— Надеюсь. От вашей сдержанности будет зависеть моя жизнь. Может, звучит высокопарно, и вы бы такой текст не пропустили, но я говорю как есть.

— Я понимаю, — повторил режиссер.

— Значит, такая ситуация. Я вскоре буду присутствовать на собрании крупных воровских авторитетов. Они в лицо меня не знают, однако слышали, что такой мент существует. Вскоре одного из них предупредят, что сыщик пробрался в «святая святых». Людей будет немного, кроме меня, четверо. Выбор невелик, как вы уже заметили, внешность у меня броская, приметы авторитету сообщат. Если он меня вычислит сразу, то и убьют сразу. Надо мою внешность изменить так, чтобы, получив предупреждение, человек, который меня уже видел, не опознал по описанию.

— Сложно, — после долгой паузы произнес режиссер. — Ведь надо еще сделать так, чтобы еще до предупреждения, сразу, в момент знакомства, на вас не обратили внимания.

— Да уж постарайтесь.

— Лев Иванович, встаньте, пройдитесь по комнате.

Гуров поднялся, начал разгуливать по гостиной.

— В первую очередь убрать выправку. Вы держитесь, как Яковлев в «Гусарской балладе», где он играл поручика Ржевского. Представьте, что вы возвращаетесь домой после тяжелого дня и в каждой руке у вас сумка с картошкой.

Гуров сосредоточился, слегка ссутулился, опустил руки и пошел, как ему казалось, изобразив здорово.

— Прекратите, садитесь. — Режиссер махнул рукой. — Вы естественны, как плохой провинциальный актер в роли князя Болконского.

— Благодарю, но у меня другая профессия.

— Молчите! Здесь говорю только я! — Игорь обжег Гурова взглядом. — Я подумаю и с вашей выправкой справлюсь. Какова среда обитания, что за люди будут вас окружать?

— Я точно не знаю, могу лишь предположить. Они явно не дураки и богаты. Культурный уровень средний, двое моего роста, примерно моего возраста. Я так предполагаю, могут прибыть и другие.

— Не много же вы знаете.

— Если бы я знал много, не лез бы в пекло.

— Понимаю, — в который уже раз вздохнул режиссер. — В обыденной жизни грим не годится. Вы можете оказаться небритым?

— Отпадает. Думаю, что белая рубашка обязательна.

— Но ведь галстук можно повязать и плохо?

— Такое возможно.

— Нечищенные туфли?

— Это вряд ли.

— Нужен серый твидовый костюм.

— У меня нет, и в министерстве нет костюмерной.

— Дорогая куртка, кожаная, лучше лайковая, имеется?

— Я вам покажу, что у меня имеется, а вы отберете. — Гуров встал, прошел в спальную комнату, открыл шкаф.

Режиссер брал вешалку, оглядывал костюм, куртку с брюками, вешал обратно, наконец закрыл шкаф, вернулся в гостиную, налил себе коньяка и выпил. Перед Гуровым предстал совершенно другой человек, а не тот стеснительный юноша, что топтался недавно на пороге.

— Ваш гардероб не годится, одежда паршивого интеллигента, спортсмена, опять же паршивого интеллигента. Костюм, туфли, галстук я вам достану. — Режиссер принюхался. — Одеколон надо сменить,

дадите денег, я выберу и куплю. С внешностью мы справимся. Что делать с речью? С манерой говорить?.. Сколько у нас времени?

— Два дня.

— Немало. У вас есть знакомый авторитет?

— Имеется, к сожалению, не один. — Гуров улыбнулся.

— Вы берете одного, которого знаете лучше. К завтрашнему дню составьте перечень его любимых слов и выражений. Я приеду вас одевать, посмотрю, отберу, что годится. Вы за ночь выучите. Да, мне нужна машина с водителем.

Гуров поднялся, открыл дверь на кухню:

— Станислав, выходи, знакомься. Режиссер Игорь Козлов, полковник Крячко.

— Очень приятно, — сказал Крячко, пожимая руку, и откровенно зевнул.

Режиссер, взглянув на Крячко испытующе, спросил:

— А может, Станислава и послать? Извините, Лев Иванович, но господин полковник лучше вас, значительно.

— Станислав от рождения актер, согласен.

Крячко довольно хохотнул, налил себе рюмку коньяка. Гуров рюмку у него отобрал.

— Станислав, ты поступаешь в распоряжение господина Козлова, садишься за руль своего «мерса».

— Как скажете. — Крячко с завистью взглянул на Гурова, который выпил коньяк. — Подчиненный, он завсегда готов. Как я понимаю, мы поедем на «Мосфильм» выбирать одежонку. Я всегда тебе, Лев Иванович, говорил, что ты одеваешься кое-как, солидным людям твой вкус не понять.

Режиссер одобрительно кивнул, сел, подвинул телефон.

— Я позвоню на «Мосфильм», закажу пропуска.

— Не стоит, мы и так пробьемся, — сказал Крячко. — В принципе я сумею договориться, но лучше, проще, если вы позвоните в съемочную группу, чтобы они нам дали своего костюмера.

Игорь смутился, после паузы сказал:

— Понимаете, я не Михалков, не Рязанов, по телефону мне такого вопроса не решить. Надо побродить по коридорам, разыскать знакомых.

— Поехали, розыск моя профессия. — Крячко повернулся к Гурову: — Вот так, Лев Иванович, я всегда тебе говорил. — Он вздохнул и направился к дверям. — Идем, Игорь! Хорошего актера тебе не дают, будешь мучиться с Гуровым.

Когда дверь за полковником и режиссером захлопнулась, Гуров прошел в ванную, уставился в зеркало, помял лицо и сказал осуждающе:

— Действительно, что-то здесь не так.

Глава четвертая

СЫЩИКИ И АВТОРИТЕТЫ

Утром двадцатого октября лужи замерзли, ветер гонял по обледенелым тротуарам и мостовым первые снежинки, обертки «Сникерсов», обрывки газет с портретами вождей и прочий мусор, который москвичи и их гости выбросили за ненадобностью. Когда дворники получали гроши, то исправно выходили на службу и плохо ли, хорошо, но лопатами скребли. Сегодня дворник, обслуживая два участка, может заработать столько, сколько никакому инженеру и не снилось. Однако никто к лопате не рвется, легче что-либо купить, перепродать, выпить и клясть чертовых демократов, сгубивших великую державу и обрекших россиян на голод и нищету.

Борис Михайлович Харитонов поднялся затемно, около семи. Собрался он с вечера, да и что собирать, уезжая под Москву на два-три дня.

Спал Борис Михайлович плохо, часто просыпался, все ему что-то виделось, казалось, в общем, чудилось. И что крутиться, запивать элениум коньяком, когда защищают человека с одной стороны Лялек с автоматчиками, с другой — полковник МВД? Да о такой защите ни один банкир или приватизатор мечтать не может.

Харитонов прошлепал босиком в ванную, долго стоял под душем, пуская попеременно холодную и горячую воду. Удовольствия никакого, одна жуть, но, говорят, полезно. И точно, когда он вылез из-под душа и начал бриться, то почувствовал себя превосходно.

В девять он, сидя за столом, пил вторую чашку кофе. Перед Борисом Михайловичем стоял телефонный аппарат, рядом лежали блокнот и две шариковые ручки. В пять минут десятого телефон вздрогнул, звякнул. Харитонов снял трубку.

— Слушаю.

— Вы заказывали номер в пансионате?

— Заказывал, заказывал.

— Запишите адрес. — Спокойный, невыразительный голос продиктовал адрес. — Платить наличными, кредитные карточки не принимаются, паспорт обязателен, регистрация заканчивается в двенадцать тридцать. Всего хорошего.

В одиннадцать часов Борис Михайлович вышел из дома, вывел машину из гаража. К нему подошел гаишник, стукнул по окну жезлом, представился и сказал:

— Хозяин, подвези сменщика.

— Охотно, если по дороге, командир.

— Ему по дороге. — Гаишник отошел, махнул жезлом, останавливая «жигули», проскочившие на желтый свет.

Харитонов открыл правую дверцу, мельком взглянул на штатского и воскликнул:

— Опять вы, полковник?

— Борис Михайлович, вы припаркуйте, а то в аварию попадем. — Крячко придержал руль.

Харитонов притормозил, прижался к тротуару.

— Меня прислал полковник Гуров, который решил ехать на сходку вместо вас. Место встречи и пароль, — протянул руку Крячко. — Давайте, давайте, у вас есть бумажка с адресом.

— А откуда я знаю...

— Слушай, козел! Я не Гуров, интеллигентностью не болею. Еще один вопрос, и я заткну твою паршивую глотку. Усвоил?

— Раз так решили, — промямлил Харитонов, вынимая из кармана листок с адресом.

— Молодец, будешь слушаться, все будет о'кей! — Крячко достал из-под куртки телефонную трубку с антенной, крутанул диск, продиктовал адрес и пароль, хлопнул Харитонова по плечу. — Двигай.

— Куда?

— Пока на Тверскую, дальше зависит от тебя. Договоримся — поедем на конспиративную квартиру, где ты поживешь, пока ваш съезд не закончится. Не договоримся — двинем прямиком в тюрьму.

— Простите, но Лев Иванович...

— Ты меня слушай, вякать опосля будешь, когда осознаешь. Гуров мой начальник, я его уважаю. Но с его методами работы не согласен. Генерал тоже не согласен. Гуров, конечно, ас, слов нет. Он в конторе в авторитете, но его фигли-мигли с вашим братом не всем нравятся. Я это к чему? У тебя когда первый выход на связь с Лялькой?

— В двенадцать тридцать.

— Вот и ладушки, правь в сторону этого пансионата. Не доезжая двух километров, остановишься. В двенадцать тридцать ты доложишь шефу, а в конце завопишь, что машинка отказывает, присылать никого не надо... На связь больше не выйдешь.

— Зачем рисковать? — Харитонов понял, как Гуров рискует. Агенту на жизнь мента было, конечно, наплевать. Но теперь его, Харитонова, жизнь намертво скована с жизнью полковника. Гуров провалится, Харитонова зарежут, хоть на воле, хоть в камере или зоне, но зарежут или повесят наверняка. — Зачем рисковать? — повторил он. — Лялек человек неуправляемый. Потеряв со мной связь, он чего угодно может выкинуть. Набьет две машины автоматчиков и заявится в пансионат. У меня с ним связь в двенадцать тридцать, а затем в двадцать три или в ноль часов. Пусть Гуров сочинит сообщение, вы его примете, мы подъедем к пансионату, и я сообщение передам.

— Не хочешь в камере сидеть, чую, не хочешь. Ладно, раз ты такой умный и покладистый, будешь жить как человек. Лучше, чем обычный человек, тебя будут надежно охранять.

Пансионат «У озера» — двухэтажный особняк, построенный в начале века, — некогда принадлежал русскому купцу Петру Мамонову. Пришли большевики, Мамонова не растреляли, так как он, по случаю, проживал в данный момент в Ницце, где забавлялся, проигрывая жалкие копейки в рулетку.

Большевики, люди исправные, жителей особняка согнали гуртом, особо не разбирая, кто барин, кто слуга, и погнали в Сибирь. Как положено, дорогую обстановку растащили, сожгли, мраморную лестницу побили, паркет изуродовали, поселили семьи крас-

ноармейцев и активистов из соседних деревень. Во что превратилась барская усадьба — описать невозможно.

Когда власть встала прочно и партия натянула вожжи, разобралась, что же от России осталось, в особняке разместился райком.

В годы войны райком уехал, заглянули в особняк немцы, обустроиться не успели, бежали.

В последующие годы жили в особняке кто придется, ставили печки-времянки, взламывали паркет на растопку.

Партия была крепка и вернулась. Как люди не издевались над особняком, он, красавец, временами ободранный, растрелянный, так и стоял в вековом бору — особняком. Секретари менялись, время текло, люди рождались и умирали, в общем, жили, и некоторые дотянули до перестройки.

Демократы партийных функционеров разогнали, особняк отобрали, куда его девать — решить не могли, руки не доходили.

Партийцы надели другие костюмы, вступили в другие партии, наприватизировали деньжат и на аукционе, буквально за копейки, называется «по остаточной стоимости», особняк купили.

Если бы Петр Мамонов на день воскрес и узнал, за сколько продали его загородный дом, купец моментом бы спрятался назад, в фамильный склеп под Парижем.

Умывшись, слегка подрумянившись, особняк, наращивая цену, переходил из рук в руки. Наконец ему повезло. Пришел Хозяин. Он оценил качество постройки, высоту потолков, вложил в реконструкцию миллионы долларов, назвал особняк пансионатом «У озера» и начал сдавать его за валюту иностранцам и всяким американцам, выгребать лопатой вложенную в реконструкцию и оборудование валюту.

Около полудня на стоянку у особняка подкатил «мерседес-300», замер, но из машины никто не вышел. В течение пятнадцати минут, сверкая лакированными телами, подкатили еще четыре иномарки, водители вышли из машин, приблизились друг к другу.

— Здравствуйте, господа.

— Здравствуйте, отличная погода.

— Здравствуйте, рад знакомству.

— Здравствуйте, надеюсь, здоровье в порядке?

— Здравствуйте, спасибо, не жалуюсь.

Когда коллективный пароль был собран, приехавшие, раскланиваясь, уступая друг другу дорогу, прошли в особняк.

Здесь приехавших ждали. Молодой, лет тридцати, мужчина в элегантной тройке российского пошива, с фальшивой улыбкой и идеально выведенным пробором, поклонился достойно, сказал:

— Здравствуйте, господа. Я благодарю вас за честь, которую вы мне оказали своим прибытием, надеюсь, останетесь довольны. Имеется бар, где вы можете перекусить и пообедать, при желании вы можете заказать еду и напитки. Небольшая формальность: несмотря на то, что особняк находится в частном владении, прошу сдать паспорта. Собственность частная, но она находится в России, порядки соответствуют. Власти о нас не забывают, порой заглядывают.

Господа сухо ответили на приветственную речь, отдали свои паспорта, после чего гостей развели по апартаментам.

Встречавший гостей директор, администратор или мажордом, можно назвать как угодно, Рубен Юрьевич Воронов внимательно изучил паспорта. Делал это он по укоренившейся привычке, так как догадывался, что документы липовые.

Аблынин Юрий Семенович, прописан в Москве, сорок пять лет, холост.

Басов Игорь Николаевич, москвич, сорок лет, холост.

Кольцов Валентин Сергеевич, москвич, сорок два года, холост.

Чертов Николай Андреевич, москвич, тридцать восемь лет, холост.

Файт Александр Александрович, москвич, сорок один год, холост.

Рубен Юрьевич собрал паспорта в стопку, запер в сейф и подумал, что собравшиеся друг друга не знают, каждый выписывал себе паспорт индивидуально, потому все уроженцы Москвы и холостые. Хороший опер, если посмотрит все пять паспортов вместе, сразу поймет, что липа. Пять мужиков в таком возрасте и все холостые. Липа, так не бывает.

Крячко остановил свой «мерседес» на шоссе у въезда в заповедник и повернулся к сидевшему рядом Харитонову:

— Что ни говори, а деньги — сила. Неплохое местечко выбрали авторитеты.

— Они и знать не знают, — ответил Борис Михайлович. — Я к благоустройству отношения не имел, но судя по голосу, манере говорить, вопрос решал человек, окончивший университет, а не прошедший через КПЗ и зону. Мне пора выходить на связь.

— Сейчас выйдете.— Крячко взглянул на часы, вынул из кармана рацию, сказал: — Привет, коллега.

Гуров ответил почти сразу:

— Привет, Станислав. Собрались, нас пятеро, люди культурные, одеты хорошо, говорят грамотно, особо я пока не приглядывался. Двухэтажный роскошный особняк, построен в начале века, оборудование современное. Станислав, в помещении с такими высокими потолками я в жизни не жил...

— Хватит ерунду пороть, командир. Главное, ты знакомых встретил?

— Это вряд ли, у меня память на лица отличная Если кто-нибудь из них меня и видел, так мельком, узнать не сможет. Будь здоров, передавай привет. я приму душ, выпью рюмку и направлюсь обедать.

— Удачи. — Крячко отключился. — Слышал? Связывайся со своим ублюдком-шефом, докладывай.

Обедали в баре, за большим, персон на двенадцать, столом, так что разместились свободно — так было сервировано. В центре стола хозяева разместили напитки, в основном импортного производства. Пепси-кола, кока-кола, тоник, сухие вина из Франции, Италии, Грузии, водка, виски, джин. В хрустальных ладьях сверкала икра красная, черная, зернистая и паюсная. Балык, осетрина горячего копчения и заливная, грибочки маринованные и ... Что говорить, накрыто было богато, со вкусом.

Чуть в стороне стояли три девушки: блондинка, брюнетка и рыженькая, все хорошенькие, в меру подкрашенные, одеты фирменно, улыбаются, молча кланяются, встречают легким поклоном, тихим приветствием:

— Здравствуйте... Добро пожаловать... Милости просим.

Гости входили свободно, здоровались, некоторые целовали хозяйкам руку, рассаживались, кто где пожелает. Когда все собрались, чуть мешкая посмотрели друг на друга. Первым заговорил Басов, мужчина элегантный, спокойный:

— Господа, уверен, некоторая неловкость, которую мы ощущаем, вполне естественна, но скоро пройдет. Я предлагаю выпить за нашу встречу; сегодня о делах не говорить, знакомиться, пообвыкнуть. Завтра утром мы решим, когда и где мы сядем за круглый стол. Забыл представиться, — он слегка наклонил голову, — Басов Игорь Николаевич.

Налили, выпили по первой, начали, не торопясь, закусывать.

— Господа, недавние товарищи, — сказал один из сотрапезников, голубоглазый, чуть выше среднего роста, с приятным, слегка замороженным лицом. — Считаю, негоже нарушать порядок, при котором мы родились и выросли. Коли есть политбюро, должен быть и генсек. — Он налил себе виски. — Нарушать негоже, а не нарушать мы не умеем. Выпьем за нас, людей свободных, отбросивших условности, переступивших через мещанский закон. Меня зовут Юрий Семенович Аблынин. — Он привстал и поклонился.

— Браво, Юрий!

— Вы в свободное время не пишете?

— Сегодня не пишу, — улыбнулся Аблынин. — Но десять лет назад писал приветственные речи для товарищей из ЦК. Говорят, что однажды — сам я, правда, не слышал — один из абзацев моих творений включили в выступление Леонида Ильича.

— Коллеги, меня зовут Валентин Сергеевич Кольцов.— Говоривший был высок и грузен, лет пятидесяти, возможно меньше, просто полнота придавала ему солидности.— Господа, дайте выпить и закусить, а то слушаешь вас, открыв рот, забываешь о главном.

Сидевшие за столом рассмеялись, зазвенели бокалы, застучали ножи и вилки. Стоявшие поодаль девушки шептались, затем высокая полногрудая брюнетка отделилась от подруг, подошла к столу.

— Приятного аппетита. Могу предложить солянку из осетрины, борщ украинский, куриную лапшу. — Она кокетливо улыбнулась.

Гости начали благодарить и от первого блюда отказываться, лишь бритоголовый русак, окая, спросил:

— А можно из куриной лапши отлить чашку бульона? Меня зовут Александр Александрович.

— С превеликим удовольствием, Александр Александрович. — Брюнетка поклонилась, хотела отойти, но Басов взял ее за руку:

— Извините, красавица, как вас зовут? Неудобно окликать вас, как в забегаловке, «девушка»!

— Люся. — Брюнетка сделала книксен и убежала.

— Интересно, она обслуживает только за столом? — произнес Кольцов и сыто захохотал.— Коллеги, выпьем по предпоследней и будем жить дружно.

Он был широкоплеч, грузен и очень обаятелен, Басов Игорь Николаевич.

— Я единственный, кто не представился, — тихо сказал мужчина лет сорока, но совершенно седой. Он поправил массивные очки и продолжал: — Чертов Николай Андреевич.

— Ваше и наше здоровье, Николай Андреевич, — окая, сказал Александр Александрович, поглаживая бритую голову. — Я когда представлялся, назвал лишь имя-отчество, опустил фамилию. Тут девица стояла, а моя фамилия Файт, при моей русопятости требует объяснений. У меня прадед был Самуил Файт. Я на одну шестьдесят четвертую еврей. В школе меня «жидом» обзывали, я поклялся фамилию сменить. Когда повзрослел, задумался. Дед не сменил, отец не сменил, чего это я стану менять? Я мужик, как видите, русский, окаю не нарочно, отучиться не могу. Антисемитов не люблю. Полагаю, нелюбовь не от прадеда, а от образования.

Все снова выпили. Аблынин белоснежной салфеткой вытер губы, сказал:

— Делить людей по национальности может только кретин. Люди бывают умные и глупые, честные и подонки, а не черные и белые. — Он вновь наполнил рюмку. — Но принимать на работу, не учитывая национальность вообще, тоже глупо. Я очень настороженно беру на службу или приближаю к себе

кавказцев. Я их не разделяю по национальности, сторонюсь.

— Разделяю — Басов выпил. — Мы, русские, интернациональны, нас много, землю никто не мерил. Никакой начальник не возьмет на работу человека, при других равных условиях, только потому, что человек — русский. А грузин грузина, еврей еврея возьмет. У маленьких народов, у людей, чьи предки были разбросаны по нашему шарику, большая тяга друг к другу.

Обедали долго, из-за стола поднялись не разом, расходились по-английски.

Крячко поселил Харитонова на конспиративной квартире, оставил двух оперативников, приказав: «На улицу не отпускать, глаз не сводить, в уборную сопровождать, ночью попеременно дежурить», — и уехал к Орлову.

Генерал, сидя в своем кабинете, отвечал на телефонные звонки, принимал людей, не очень вникая, решал третьестепенные вопросы. Орлов ждал возвращения Станислава Крячко.

Полковник вошел, плотно прикрыл массивную дверь и, не обманываясь сдержанностью генерала, сказал:

— Все нормально.

Орлов откинулся в кресле, сцепил пальцы на животе, кивнул и закрыл глаза.

— Рассказывай.

Крячко доложил о происшедшем коротко, но достаточно подробно, в конце сказал:

— Голос у Льва Ивановича ровный и спокойный.

— У него всегда один и тот же голос. Однажды, когда очередной министр громыхал кулаком по столу и кричал, что отдаст Гурова под суд, Лева ответил, что суд будет позже, а графин с водой упадет сейчас.

— Да, Лев Иванович может. — Крячко даже за глаза никогда не называл друга по имени.

Орлов откинулся от спинки кресла, навалился на стол:

— Ты знаешь, где тонко?

Станислав понимал, что ответа не ждут, и молчал.

— Лева не знает ни границ территории, которую курирует группировка, ни споров с соседями.

— Так следовало с Харитоновым обсудить.

— Я Леве сказал, он воспротивился. И он по-своему прав. Пойми, Станислав, вопрос о территории и спорах с соседями возник после того, как было объявлено, что съезд назначен на двадцатое. Оставалось два дня. Начни Гуров обсуждать с Харитоновым, как, что и так далее, хитрый авторитет мог догадаться, что полковник собирается предпринять. Как он распорядится полученной информацией, неизвестно. Возможно, и предупредит шефа, мол, имею информацию, что менты собираются на съезд проникнуть.

— Так надо было его задержать... — Крячко замолчал, сообразив, что говорит глупость.

— Вот именно, говорить — рискованно, задерживать просто нельзя, ехать, не имея информации, тоже рискованно. Гуров решил, что наименьший риск — это ситуация, когда вопрос разрешает он сам. Я согласился.

— Да, налево пойдешь — плохо, направо — тоже нехорошо. — Крячко почесал за ухом. — Если за круглым столом начнется выяснение спорных вопросов, Гуров окажется на сковородке.

— Потому на съезде Лева, а не Крячко. Хотя ты говорил, что режиссеру больше понравился Станислав Крячко.

— Я никогда в жизни с Львом Ивановичем силой и талантом не мерился.

— Лжешь, в молодости мерился.

— Так в детстве в кроватке писался.

— Все. Закрыли вопрос. Сейчас ты найдешь полковника Сутеева, скажешь, мол, генерал просит заглянуть. Скажешь без нажима, между прочим.

Николай Михайлович Сутеев, полковник и старший оперуполномоченный, субтильного телосложения, сидел напротив Орлова и, теребя тесемочки папки, которую держал в руках, взволнованно говорил:

— Петр Николаевич, может, я и ошибся, а может, и нет...

Орлов жестом остановил Сутеева и снял трубку зазвонившего телефона.

— Генерал Орлов слушает. — Он поморщился, жестом остановил пытавшегося выйти Сутеева. — Слушаю, господин генерал-полковник. Понял, буду называть вас товарищем, хотя вам прекрасно известно, что мы таковыми не являемся. — Орлов отстранил трубку, вздохнул, слушая крик на расстоянии, потом вновь прижал трубку: — Разрешите заметить, генерал-полковник, я полковника Гурова ни в какие командировки не посылал, Гуров выполняет специальное задание под Москвой, через день вернется. — Орлов положил трубку на стол, слушая выкрики, пробормотал: — Жаль, не курю. Выпить что ли? — Взял трубку и четко сказал: — Понял, мой генерал! Будет выполнено! — И положил трубку на аппарат. — Так и живем, все думают, что генералам жить вольготно.

Генерал помолчал, глянул на Сутеева испытующе, словно прикидывал что-то, и сказал:

— Николай Михайлович, вы данного разговора не слышали. Полковник Гуров находится в командировке.

— Так точно, господин генерал! — Полковник встал.

— Всего доброго, полковник, свободны.

Когда Сутеев вышел, Орлов снял трубку, крутанул диск, буркнул: «Зайди», — положил трубку, откинулся в кресле и закрыл глаза.

Сыщик Гуров расхаживал по роскошным апартаментам — прихожая, гостиная, огромная ванная комната, собственно ванна оборудована гидромассажем. Сыщик ею пока не пользовался, да и не знал, как ее включать. Он попытался вспомнить, как такая ванна называется, не вспомнил. У него в квартире, которую ему взамен старой предоставил милиционер Юдин в пору, когда Гуров уходил из органов и работал в частном сыске, была ванна с массажем. Но она была значительно меньше, и отсутствовали никелированные ручки и разноцветные кнопочки.

Гуров рассмотрел все рассеянно, вздохнул и ушел в гостиную, заперев входную дверь, достал «вальтер», опустился в низкое кресло, закурил.

Он вспомнил обед, всех присутствующих, разговоры, кто и что конкретно говорил. Информации не хватало. Сыщик не сумел разобраться, кто умен, опасен; он был уверен, что в рукопашной одолеет любого. Придя к такому выводу, он вновь прошелся по апартаментам, проверил запоры на всех окнах, вновь проверил дверь, разулся, вернулся в кресло, вытянул ноги, положил руку с «вальтером» на живот и задремал.

Вечером Гуров собрался было заказать ужин в номер, но передумал, спустился в бар, занял маленький столик в углу. Ел сыщик без аппетита. Когда ему подали кофе и рюмку коньяка, в баре появился Николай Андреевич Чертов, увидел Гурова, подошел.

— Разрешите?

— Прошу.

Чертов сел напротив, заказал виски с содовой и сказал:

— Насколько я понимаю, коллега, мы соседи. Я представляю группировку Смольного.

— Рад знакомству. — Гуров кивнул, пригубил кофе.

— Я считаю, нам ни к чему при всех выяснять отношения. — Чертов замолчал, выждал, пока официантка поставит перед ним заказанную выпивку и уйдет. — Столкновения происходят в основном из-за рынка. Полагаю, вопрос, кому принадлежит рынок, следует решить четко и бесповоротно. Уступившая сторона компенсирует потерю. Каковы ваши предложения?

Гуров задумался. Он понятия не имел, о каком рынке идет речь. Какова его цена, что конкретно можно предложить за право владения и что разумно принять в качестве откупного. Сыщик решил идти по проторенному пути политиков, отвечать не по существу.

— Вопрос решить можно и должно, главное, чтобы не было войны.

— Я приветствую такую позицию, слышал неоднократно, что вы последовательно придерживаетесь принципов мирного урегулирования. Мы и собрались, чтобы разрешить наболевшие вопросы. Необходимо от слов перейти к делу.

— Абсолютно согласен. — Гуров кивнул, понюхал рюмку с коньяком, сделал осторожный глоток. — Я слушаю ваши предложения.

— Вы старший, вам первое слово.

— Николай Андреевич, вам бы следовало знать, что в армии Кутузова... или Наполеона, точно не припомню, на совещаниях младшие всегда высказывались первыми.

— Чтобы лейтенант не имел возможности поддакнуть генералу? — Чертов заразительно рассмеялся. — Они были чертовски умны, наши предки! — Веселость исчезла с его лица. — Но раз вы не помните точно, Кутузов ввел подобный порядок или Наполеон, нам не обязательно следовать по пути предков. Я слушаю ваши предложения, коллега.

— Видите ли, уважаемый Николай Андреевич... — Гуров поставил рюмку, выдержал паузу. — Вы подошли ко мне, не я к вам. Разговор о делах тоже начали вы, хотя мы договорились о делах сегодня помалкивать, отложить их на завтра. Я сижу, расслабился, думаю о приятном. Вы тащите меня из теплой, душистой ванны на борцовский ковер, требуете, чтобы я сражался. Я не готов. Увольте.

— Да вы сто раз обсуждали с Ляльком вопросы рынка. Сообщите мне ваши условия, я буду думать, проконсультируюсь!

— Вы с шефом тоже данный вопрос обсуждали, имеете свое решение. — Гуров чуть отодвинулся от стола, освобождая место для маневра. — Скажите мне, чего вы хотите? Я подумаю, проконсультируюсь...

— Слушай, падла, интеллигент вонючий! — Чертов хотел подняться, но не успел.

Гуров опрокинул на него тяжелый стол. Сыщик не встал, лишь отодвинулся в сторону. На грохот мгновенно подбежали девушки, два широкоплечих парня в униформе.

— Русскому человеку следует пить водку, а не этот проклятый виски, — сказал Гуров и пересел за другой столик.

Когда поддерживаемый местными охранниками Чертов проковылял к выходу, Гуров мило улыбнулся взволнованной официантке и сказал:

— Я не допил кофе с коньяком, будьте любезны.

Гуров выпил кофе и рюмку коньяка, денег с него не взяли, он раскланялся и вышел на улицу. На крыльце он натянул теплую куртку, которую взял из номера заблаговременно, и стоял, покуривая, привыкая к темноте. Освещена была лишь стоянка автомашин с будкой охранника и асфальтированная дорога, ведущая через бор к шоссе. Сыщик достал из кармана «вальтер», передернул затвор, опустил в наружный карман куртки, спустился по мраморным ступенькам, вошел в лес. Тьма кромешная; он постоял у дерева, подождал, пока не стал видеть несколько ближайших деревьев, обошел дубок, у которого стоял, достал радиотелефон, набрал номер.

Крячко ответил мгновенно:

— Добрый вечер, шеф, слушаю вас.

— Добрый вечер, Станислав, — ответил Гуров. — У меня новостей практически нет. Пристал было один тип с непонятными вопросами. Какой-то рынок он поделить не может. Я ответил обтекаемо, ему не понравилось... Дело происходило в баре. Надоедливого мужика увели, мне пришлось сесть за другой стол, прежний почему-то развалился.

— Ты кончишь паясничать? — вскипел было Крячко, но тут же взял себя в руки. — Тридцать минут назад разговаривали с Ямщиковым — Лялько. Он уже знает, что мент проник на съезд. Получил твое описание.

— Интересно, — сказал Гуров. — Кому вы сообщили?

— Кольке Сутееву.

— Тоже хорошо. Я учту. Дай трубочку Харитонову.

— Добрый вечер, как вы устроились? — произнес неуверенно Харитонов.

— Спасибо, вашими молитвами. Кто такой Смольный?

— Наш сосед.

— Какой рынок вы не можете поделить? Каковы ваши условия? С кем еще вы соседствуете, что делите?

Харитонов объяснял. Гуров напряженно слушал, клял себя за лопоухость. Такой опытный, битый, а магнитофон взять с собой не удосужился. Сейчас бы прижал магнитофон к трубке — и никаких забот.

— Достаточно, — прервал Харитонова Гуров, когда понял, что больше запомнить не может. — Передайте трубку соседу.

— Слушаю, — сказал Крячко. — Чуть было не забыл сказать. Харитонов не исключает возможность, что Лялек передаст полученную информацию другим авторитетам, соседям.

— С этого следовало начинать, Станислав, — сухо сказал Гуров и отключил аппарат.

В эфире велись переговоры:

— ...Сорок пять лет... Рост сто восемьдесят, чуть выше... Подтянут, отлично сложен... Шатен, виски седые... Глаза голубые...

Глава пятая

СЫЩИКИ И АВТОРИТЕТЫ
(окончание)

Городские телефоны в пансионате были отключены, но местные работали, и утром участники съезда перезвонились, условились собраться в пятом номере в одиннадцать.

Завтракали все порознь, никто ни к кому не подсел, здоровались сдержанно, казалось, температура в баре понизилась до нуля.

Гуров все понял, переложил «вальтер» в наружный карман пиджака вместе с зажигалкой. Прием старый, как мир, однако везде срабатывает. Человек, даже предельно настороженный, привыкает, что собеседник достает из кармана зажигалку. Когда он опускает руку в карман, да еще при этом разминает сигарету, то на опущенную в карман руку никто не реагирует.

Когда все собрались в пятом номере, хозяин, Басов Игорь Николаевич, запер дверь, ключ положил на стол и сказал:

— По техническим причинам наше совещание прерывается. Как писал Николай Васильевич, у меня есть пренеприятнейшее известие. — Он оглядел собравшихся. — Среди нас мент.

— Я знаю, — сказал Чертов.

Наступила пауза, наконец, кто-то произнес:

— Говорите, Игорь Николаевич.

— Сыщик высочайшего класса. Его истинная фамилия, имя и отчество значения не имеют. Его приметы: сорок пять лет, рост сто восемьдесят, чуть выше, фигура спортивная, шатен, глаза голубые.

Молчали, приглядывались друг к другу. Встал Валентин Сергеевич Кольцов, вышел на середину комнаты.

— Я тоже получил сообщение, что среди нас мент. Приметы те же. Я стою перед вами, вы имеете возможность приглядеться. Мой рост сто восемьдесят восемь. — Кольцов поднял ногу. — Каблуки отсутствуют. Насчет фигуры... — Он снял пиджак, обнажив вислые плечи и выпирающий животик. — Глаза голубые, таким мама родила. Можно сесть?

— Садитесь, Валентин Сергеевич, — сказал Басов, который руководил разборкой.

Кольцов сел. Поднялся сидевший рядом с ним Юрий Семенович Аблынин, вышел на середину, снял пиджак.

— Раз начали с голубоглазых, я тут. — Он повернулся.

Присутствующие глянули с интересом, но тут же его потеряли, начали переглядываться. Аблынин, как говорится, ростом не вышел. Он был не маленький, выше среднего роста, но на сто восемьдесят никак не тянул, да и брюшко, в общем, Аблынин не годился. Поднялся, вышел на середину Николай Андреевич Чертов. Ему и рта не дали открыть.

— Николай Андреевич, сядь, пожалуйста, — сказал Басов.

Чертов был просто мал, широкоплеч, походил на человека, которому заменили ноги, и вместо положенных длинных присандалили чужие, короткие.

— И глаза у меня карие, — сказал он, возвращаясь на место.

Бритоголовому Файту, который было поднялся, не дали выйти на середину, одернули. При росте около ста семидесяти он весил примерно центнер.

— Игорь Николаевич, — сочным баритоном произнес Кольцов, — не сочтите за труд, выйдите.

— Верно. — Басов начал раздеваться, снял пиджак, рубашку, обнажился по пояс. — Во мне сто восемьдесят, у меня светлые глаза, не голубые. Но так сказать можно. — Он напряг хилые мышцы. — Противно демонстрировать свои недостатки. Атлетом меня назвать трудно.

— Агент в бане с сыщиком не был, а в костюме вы смотритесь.

— Судите, как хотите, воля ваша. — Басов начал одеваться. — Имеется еще особая примета. Мента однажды прострелили. У него сквозное ранение груди.

Гуров опустил руку в карман, достал зажигалку, начал ее крутить между пальцами.

— Игорь Николаевич... — Кольцов откашлялся. — Мы люди взрослые, не глупые. У меня, к примеру дырка была не слева, а справа. Вы глянете, скажете, мол, агент стороной ошибся. Результат?

— Верно, — согласился Файт, — искать на ощупь бессмысленно.

— Так что, нам наплевать на сигнал? Который, кстати продублировали. — Басов указал на Чертова.

— Я глупостей не предлагаю. — В голосе Кольцова звучало раздражение. — При наличии подозрения продолжать совещание невозможно. Я хотел бы обратить внимание присутствующих на следующие моменты.

Он сделал паузу. Авторитеты ожили, напряжение спало. Люди усаживались удобнее, некоторые закурили.

— Да... — Кольцов вздохнул. — Сообщение продублировали, но в Москву оно поступило из одного канала. Вы все работаете с агентурой, объяснять глупо, я лишь напомню. Агент может сообщение сочинить. Будь он хоть генералом МВД. Если агента держат за горло, он может соврать что угодно. А данный источник, безусловно, держат за горло, позволяют дышать, не более того. Второе. Агент честен, но сам получил недоброкачественную информацию. Либо все правильно, сыщик заслан, но какой-то генерал в последний момент послал не одного сотрудника, а другого.

— Хорошо излагаете, — сказал Басов. — Словно на оперативном совещании в МУРе.

— Естественно, если я проработал в розыске пятнадцать лет, уважаемый. — Кольцов привстал и поклонился. — Правда, не в Москве.

— Ну, раз у вас такой опыт, давайте ваши предложения, — сказал Аблынин.

— Строить — не разрушать, думать надо, — отве-

тил Кольцов и повернулся к Басову. — Игорь Николаевич, распорядитесь, чтобы нам принесли перекусить. Я пока подумаю. А вы, господа, — он указал на Аблынина, Чертова и Файта, — втроем, обойдите свои номера, соберитесь, возвращайтесь сюда с вещами. Из каждого номера звоните сюда. Звоните, разговаривайте со мной. Сотрудник угро, пусть не атлет, может вырубить обоих. Если разговор прервется, мы с Басовым начнем преследование.

— А если он, как вы выражаетесь, «вырубит» нас в коридоре? — спросил тучный Файт. — При моей комплекции...

— Понял! — прервал Кольцов. — Басов будет стоять на пороге и видеть коридор. Я буду сидеть у телефона и видеть Басова. Хозяин номера входит с сопровождающим, остается на пороге, видит, что происходит в номере, и видит Басова. Получается замкнутая цепь. Вы стрелки, конечно, аховые, но с пяти метров не промахнетесь. И я уверен, опытный мент сейчас дергаться не станет.

— Нас всех надо послать на высшие ментовские курсы, — сказал Чертов, направляясь к двери следом за Аблыниным и Файтом.

Басов вынул из кармана пистолет, встал в дверях. Кольцов переставил столик с телефоном, перенес кресло, чтобы, сидя, видеть Басова, вынул пистолет, отработанным движением передернул затвор.

Гуров собрал в ванной бритвенные принадлежности, зубную щетку, одеколон, уложил все в кейс, где лежали белая рубашка, галстук и носки, захлопнул крышку, взглянул в зеркало, но не на свое отражение, а на маячившего за спиной авторитета.

Вырубить этого мозгляка — секундное дело, второго, что стоит на пороге в апартаменты, отшвырнуть в коридор, дверь запереть и уйти через окно. Но делать этого сыщик не собирался. Грязная работа,

сгорит Харитонов, а он еще может пригодиться. И бывший опер угро, сегодня скрывающийся под именем Валентина Сергеевича Кольцова, человек, безусловно, серьезный. Выскочив в окно, можно попасть под автоматный огонь. Нет, следует играть до конца, уйти он сумеет, случалось и хуже — пока жив.

Сыщик взял кейс и вышел из ванной.

Вновь собрались, как говорится, с вещами, в номере Басова, перекусили, выпили кофе, пригубили коньяк.

— Валентин Сергеевич, — сказал Басов, — вы что-нибудь придумали? Или мы разъедемся по домам, словно ничего не произошло?

— Мы не разъедемся, но поедем, — ответил Кольцов. — Мы все вместе поедем по своим хозяевам. Авторитетам. Каждый хозяин возьмет своего «посла» и посадит на его место боевика, таким образом мент выпадет в осадок. Всем достать оружие, снять предохранитель. Оружие держать обнаженным. Я убежден, что мент на полное поражение стрелять не будет. Нас четверо против одного, как бы быстр он ни был, один из нас успеет. Кроме того, он не может убить, так как существует прокуратура, где в агентурных комбинациях сыщиков разбираться не станут. Убили человека, убийцу арестовывают, налетают газетчики... Менту конец, он это отлично понимает.

— Но лучше суд, чем смерть, — сказал Аблынин. — Он может открыть огонь.

— Если он начнет не с тебя, стреляй. Оставшиеся в живых подтвердят, что ты оборонялся, — ответил Кольцов.

Пять стволов уперлись друг в друга.

— У кого «мерседес-600»? — спросил Кольцов.

— У меня, — ответил Басов.

— Едем на нем, остальные машины оставляем, позже заберем. — Кольцов попятился к двери, продолжая держать присутствующих под прицелом.

«Мерседес» был просторный, пятеро мужчин разместились свободно. При выезде на шоссе стояла машина ГАИ. Одинокий инспектор поднял жезл.

— Не вздумайте стрелять, — сказал Кольцов. — Если это ГАИ, то нет проблем, если розыск, нам никогда не отбиться, только срок намотаем. А так нам, кроме фальшивых паспортов и наличия оружия, предъявить нечего.

Сидевший за рулем Басов затормозил. Инспектор козырнул и представился.

— Обычная проверка: документы, откройте капот и багажник, попрошу всех выйти из машины.

— Финита, — сказал Файт.

— Полагал, что в розыске работают дураки. — Кольцов опустил пистолет в карман, открыл дверцу. — Убежден, мы из особняка иным путем тоже бы не ушли.

— Какой ты умный, следовало тебя там, на месте, пристрелить, — сказал Чертов, выходя из машины. — Пусть бы искали убийцу, доказывали.

Когда все вышли, к «жигулям» ГАИ подкатили четыре машины, из которых вышли мужчины в штатском, но цивильные костюмы не скрывали истинной сути этих людей. Лишь один был в возрасте, полноватый, видимо, старший.

— Господа, мы не ставим вас лицом к машинам, не направляем на вас автоматы. Я, генерал милиции, начальник уголовного розыска России, знаю, кто вы; убежден, люди опытные, не станете совершать глупости. Сдайте ваши пистолеты, вас развезут по кабинетам, с каждым разберутся.

Авторитеты сдали свои пистолеты, молчаливые

оперативники провели формальные обыски. Басова усадили в его же «мерседес», но на заднее сиденье. Он опустил окно и крикнул:

— Мент, ты выиграл! Объявись! Дай взглянуть на тебя!

— Отъезжайте, — сказал генерал и почесал висок.

Через несколько секунд на перекрестке стояла лишь машина генерала. Сам Орлов, Крячко в форме инспектора ГАИ и ... Аблынин, точнее, полковник Гуров. Крячко собрался обнять друга, сыщик его отстранил.

— Обожди... — Сыщик скинул плащ и пиджак, начал снимать брюки. — Теперь я знаю, что такое пытка.

Ноги Гурова были согнуты в коленях, кожаные крепления прочно держали их в таком положении.

— Я спал, поджав колени. — Гуров опустился на сиденье машины, расстегнул ремни, начал массировать ноги.

Сыщик поднялся, стал вновь высоким, снял с себя пояс с набрюшником, расправил плечи, начал делать гимнастику.

Орлов и Крячко наблюдали за другом, негромко переговариваясь.

— Значит, Колька Сутеев? — спросил Крячко.

— Значит, — кивнул Орлов. — Интересно, как мы будем доказывать.

Крячко взглянул на отжимающегося от асфальта Гурова, повернулся, увидел тормозящий «жигуленок», оторопевшее лицо водителя, поднял жезл, подошел, представился:

— Старший инспектор Голопупенко. Интересно... — Он указал жезлом на приседающего Гурова. — А ну дыхните.

— Вчера поминки, — забормотал водитель. — Клянусь, не опохмелялся!

— Значит, со вчерашнего? — Крячко нахмурился, указал жезлом на Гурова. — Он тоже со вчерашнего. А вы знаете постановление девяносто ноль семь? Водителя транспортного средства, оказавшегося за рулем трезвым, но с запахом алкоголя, предписано раздеть и заставить делать гимнастику до пота.

— Товарищ инспектор...

— Тамбовский волк тебе товарищ, а я — господин старший инспектор! — перебил Крячко.

— Господин, — водитель провел ладонью по мокрому с похмелья лицу, — я и так мокрый, а разденусь, обсохну, начну приседать — помру.

— Молитесь Богу, что у меня времени нет! Проезжайте, но учтите! — Крячко махнул жезлом, проводил взглядом вмиг исчезнувшие «жигули».

Полковник Гуров и Борис Михайлович Харитонов на конспиративной квартире пили чай. Сыщик сообщил агенту, что четверо авторитетов задержаны с оружием и поддельными паспортами.

— Возбудят уголовные дела, возьмут подписку о невыезде и освободят, — закончил Гуров.

— И меня убьют, в лучшем случае быстро, — сказал Харитонов.

— Это вряд ли, я никогда не подставляю своих людей. Я, Борис Михайлович, профессионал.

Побледневший было Харитонов натянуто улыбнулся, вздохнул.

— Завтра вы позвоните своему шефу, сообщите, что задержаны вместе со всеми. Звоните из кабинета следователя, который любезно предоставил вам такую возможность. Вас скоро освободят, подробности при встрече. Звонить будете, как я сказал, завтра, в моем присутствии.

— А дальше?

— Вы выйдете из этой квартиры в тот день и час,

когда освободят ваших коллег, отправитесь по месту службы, доложитесь, пошлете людей за вашей машиной.

— Через день-другой авторитеты установят, что на съезде от Лялька был не я, а другой человек. Меня вздернут на дыбу. — Харитонов обхватил худые плечи.

Гуров смотрел на агента с интересом, осуждающе качал головой.

— И с таким интеллектом вы руководите группировкой? Интересно.

— У меня нет времени подумать, и я боюсь.

— Что боитесь, я вижу, а времени подумать у вас будет предостаточно. Никто вас ни в чем уличить не сможет, даже пытаться не станет. Ваших коллег, которые вернутся из тюрьмы, авторитеты как минимум вышвырнут на улицу. Людей, находившихся под следствием и освобожденных, ни один авторитет держать рядом с собой не станет.

— А если станет?

— Значит, больной. Оставшиеся в группировке, даже если их окажется двое, будут сидеть тихо, закапывая происшедшую историю, а не раскапывая ее, раздражая хозяев и вытаскивая на свет Божий собственный гроб.

— Пожалуй, — согласился Харитонов.

— Не пожалуй, черт вас подери! — не сдержался Гуров. — А обязательно!

— Конечно, конечно! — Харитонов съежился.

— Теперь рассказывайте! Кого? Когда? Каким образом вы завербовали старшего офицера МВД?

— А компрматериал? — прошептал Харитонов. — Ну, тот, когда я был задержан с наркотиками.

— Время торговли прошло, вы его упустили, Борис Михайлович. Захочу — уничтожу те бумаги, захочу — буду хранить в сейфе. А вы, хотите или нет, сейчас все в деталях расскажете, затем и напишете.

Харитонов рассказывал. Гуров сидел с непроницаемым лицом и курил. Когда агент замолчал, сыщик сказал равнодушно:

— Ваш рассказ совпадает с нашей разработкой. — Он положил перед Харитоновым стопку бумаги и ручку. — Пишите. Ваше сочинение будет храниться под грифом «Совершенно секретно», ни один человек, кроме моего начальника, этой бумаги не увидит. Пишите, а я пойду смотреть телевизор.

Сыщик прошел в соседнюю комнату, включил телевизор, опустился в кресло, уставился на экран.

Очнулся Гуров, когда скрипнула дверь. На пороге стоял Харитонов.

— Заснули, Лев Иванович? Понятное дело, такая работа, вся на нервах.

Гуров вернулся в гостиную, посмотрел написанное Харитоновым, сказал:

— Значит, вы видели полковника лишь однажды? Вербовку лишь организовывали?

— Точно.

— Значит, вы не свидетель.

— Вербовку осуществлял, встречался, платил деньги... — Гуров заглянул в листок. — Меньшиков Евгений Тихонович?

— Так точно.

— Отдыхайте, я завтра приеду. Охрану я с квартиры снимаю, можете выйти погулять.

— Нет уж, увольте!

— Как желаете, до завтра. — Гуров ушел.

Харитонов долго стоял, глядя на захлопнувшуюся дверь.

Для задержания иуды требовались доказательства. За его вербовщиком и хозяином была пущена наружка, домашний телефон прослушивался, разговоры записывались. За иудой наблюдение не велось.

— Он опытный, битый оперативник, — сказал Гуров, — почувствует наблюдение, может скрыться.

— Скрываться он не станет, но связь порвет, — возразил Орлов. — Будем ждать.

И ждали, наблюдали, фотографировали, вели видеосъемку, записывали телефонные разговоры. Капля за каплей, крупинка к крупинке, казалось, можно и супчик сварить.

Гуров упирался, возражал:

— Рано, мы не докажем. Прокуратура и суд оценят наши материалы по-своему, они люди посторонние, у них не болит, они объективны, равнодушны. Это нам все ясно, а им такие доказательства недостаточны.

— Надавим,— сказал Крячко.

— На кого? На помощника прокурора Грача? Он знает нас с тобой, давний приятель Петра, но Грач порядочный мужик, слуга закона и против него не пойдет.

— Так что ты предлагаешь? — спросил Крячко.

— Ждать, работать. Иуда — человек, каждый человек в конце концов ошибается.

Сотрудники, ведущие наружное наблюдение за Меньшиковым, который завербовал полковника МВД, получал от него данные, выплачивал деньги, взбунтовались, написали рапорта, что они занимаются пустым делом. Генерал, начальник службы наружного наблюдения, подал рапорт на имя заместителя министра.

Орлова вызвали «на ковер». Он вернулся спокойный, злой, пригласил Гурова.

— Все, Лев Иванович, я получил приказ. Нам дают двое суток, затем наблюдение за вербовщиком снимают. По-своему они правы, дел много, людей не хватает.

— Петр Николаевич, не каждый день удается

выявить коррумпированного полковника министерства, — сказал Гуров, понимая, что разговор пустой.

— Я не девица, меня уговаривать бессмысленно.

— Понимаю. — Гуров помолчал. — Я разгадал систему связи между агентом и вербовщиком. Нами установлено, что вербовщик Меньшиков посещает пять адресов, по которым проживают люди, чьи биографии далеко не хрустальны.

— Ты старый сыщик, не говори глупости. Хрустальных людей не бывает.

— Считай, что данного слова я не произносил. — Гуров закурил, направился к окну.

— Сядь здесь, — Орлов указал на кресло.

Гуров вернулся, но в кресло не сел, продолжая стоять.

— Агент знает день и час, когда хозяин находится в той или иной квартире, звонит туда из автомата, сообщает новости, получает задание. Вербовщик оставляет у доверенного лица деньги, через несколько дней агент, десять раз перепроверившись, нет ли хвоста, заходит к связному, забирает свои тридцать сребреников. Если у него что-то есть срочное, существует телефон связи, который используется втемную.

— Возможно, Лева, возможно, — ответил генерал. — Что ты предлагаешь? Телефоны всех установленных квартир, которые посещает вербовщик, поставить на контроль? Кто тебе разрешит?

— ФБР не получало бы разрешения.

— Работай в Америке.

— Петр, если серьезно, мы можем установить прослушивание без разрешения?

— Можем, но не будем. Лева, если мы с тобой начнем преступать закон, мы не сможем его охранять.

— Мы охраняем не закон, а Человека.

— Я сказал. — Орлов навалился на стол. — Я работаю в милиции немногим меньше, чем ты живешь. Меня можно похоронить, переделывать поздно.

— Значит, будем брать без достаточных доказательств?

— Не хами. — Орлов потер лицо, без всякой надобности кому-то позвонил, говорил о постороннем, положил трубку, вздохнул. — Значит, так, мы снимаем сегодня же наблюдение за Меньшиковым и переставляем людей у установленных адресов, которые он посещает. Ждем, пока агент в данную квартиру придет, и на выходе иуду берем. Возможно, при нем будет валюта. Одновременно берем Меньшикова, ты с ним работаешь, раскалываешь, проводим очную ставку.

— Наличие валюты — сегодня не доказательство.

— За неимением гербовой будем писать на простой.

— А на чем я буду раскалывать Меньшикова?

— Не прибедняйся, сообразишь.

— Допустим, на очной ставке один будет утверждать одно, второй — другое.

— Такова наша судьба. Выполняй.

В ноябре погода в Москве была отвратительная. С неба сыпалось что угодно, кроме денег.

На тротуарах либо слякоть, либо гололед. Дворники заняты, они пьют. Кто не пьет — избираются в депутаты разных уровней. Говорят, что два дворника пить не бросили, наоборот, усовершенствовались, потренировались, просто закусили и вызвали на дуэль самого Жириновского. И перепили, теперь они члены ЛДПР и готовятся к избирательной кампании в Думу.

Короче, дворников практически нет. Схватившие-

ся за лопаты и метлы студенты с работой не справляются, так как вконец оголодали, их качает на осеннем ветру.

В ноябре одно хорошо — поток машин значительно поредел, по улице, кто умеет, либо неумен, может проехать. Большинство частников поставили своих «лошадей» на прикол. Кто побогаче, запрятали в зимний гараж, победнее — прикрыли «ракушкой», остальные — встали во дворе, унеся в дом аккумуляторы.

В такой слякотный, осклизлый день в кабинете генерала Орлова собрались начальники отделов, несколько старших, наиболее уважаемых оперов.

Старшие офицеры, все в штатском, переглядывались, никто не знал, зачем их собрали. Станислав Крячко знал, но помалкивал.

— Господа офицеры, добрый день, — сказал угрюмо Орлов, оглядев собравшихся. — Хотя, как вы сейчас убедитесь, день сегодня не добрый, можно сказать, черный. Вы все знаете, в Москве за последнее время произошла серия налетов на инкассаторов, убито шесть человек, раненых не считали. Многим из вас известно, что многократно устраивались засады. Оперативники выходили по точным агентурным данным и ловили воздух. — Орлов замолчал, опустил тяжелую голову, собрался с силами и выпрямился. — Мы проанализировали ситуацию и пришли к выводу, что среди нас, старших офицеров Главка, предатель.

Заскрипели стулья, кто-то закашлялся.

— Была проведена оперативная разработка, — Орлов взглянул на полковника Сутеева, — предателя установили, занялись сбором доказательств.

— По этому делу и командировали Гурова? То-то он так быстро обернулся, — сказал один из оперов.

Орлов не ответил, снял трубку, сказал: «Зайди». Он взглянул на офицеров.

— Сейчас я вам представлю иуду. Всем молчать, пока его не уведут.

Крячко поднялся, открыл двери. Через несколько секунд вошел Гуров, замешкался на пороге и ввел полковника Усова.

Начальник отдела был в наручниках, левая сторона лица заплывала кровоподтеком. Гуров взял его за плечи, повернул, толкнул за порог, где Усова подхватили конвойные. Гуров пересек кабинет, присел на подоконник, закурил.

Затянувшаяся пауза лопнула.

— Ну, падла!

— Кто бы сказал, убил бы говоруна!

— Не может того быть!

— Не может, — согласился Орлов. — Однако есть! Лев Иванович, скажи. Только коротко.

Гуров погасил сигарету, выпрямился.

— Коротко? Красивая женщина. Роман. Фотографии, видеосъемка. Деньги взаймы. Женщина погибает в автомобильной катастрофе. Петля. Вербовка.

— Спасибо, полковник, что не размазал по тарелке. — Орлов встал. — Все свободны. Работайте, господа офицеры, если сможете. У кого нет сил, отправляйтесь домой, сегодня объявляется траурный день.

Выходили молча, остались Гуров и Крячко. Орлов вызвал секретаря. Когда Верочка вошла, генерал распорядился:

— Кофе, пожалуйста. — Повернулся к Гурову: — Зачем наручники? Что у него с лицом, неужели оказал сопротивление?

— Я в жизни не ударил человека в кабинете, — ответил Гуров. — Мы были на улице.

Задержанного Меньшикова содержали в изоляторе на Петровке. Гуров позвонил начальнику МУРа,

договорился, чтобы выделили кабинет, предупредил, что будет работать дня два, возможно, три.

МУР встретил сыщика холодно, оперативников, работавших в былые годы, почти не осталось, пошли на повышение, начальники — на пенсию. Бегающие по коридорам молодые оперы смотрели на Гурова как на чужака. Ничего удивительного, полковник Гуров — не диктор телевидения, а по коридору МУРа ходят люди разные.

Сыщик расположился в точно таком же кабинете, в каком проработал многие годы. Два стола, два сейфа, несколько стульев, облезлый шкаф, вешалка, на стене плакат Аэрофлота.

Конвой привел Меньшикова.

— Вы свободны, — сказал Гуров. — У нас разговор долгий, я вас вызову. — Он расписался, что задержанный доставлен.

Конвойный оценивающе взглянул на Гурова, мол, не набьют ли тебе морду, начальник? Понял, что не набьют, и вышел.

— Присаживайтесь, Евгений Тихонович, — указал на стул сыщик. — Я полковник Гуров, меня зовут Лев Иванович. — Он быстро заполнил бланк протокола, прочитал вслух, спросил: — Все правильно?

— Верно. — Меньшиков смотрел настороженно. — С каких это пор человека, задержанного за ношение пушки, допрашивает полковник? Или у вас какие серьезные дела повисли, и вы из меня вешалку хотите изготовить?

— Евгений Тихонович, говорите нормальным языком. Я вас знаю хорошо, вы закончили университет, владеете английским, объясняетесь на немецком, не изображайте блатного.

— Да? — Выражение лица у Меньшикова изменилось, он взглянул озабоченно. — Извольте. Значит,

меня задержали не случайно и держат здесь не за пистолет?

— Задержали вас не случайно, а держат за пистолет, — ответил Гуров. — Вы человек образованный и опытный, понимаете, все зависит от меня. Вы можете до суда содержаться в изоляторе, получить два года и отбывать их от звонка до звонка. Колония общего режима — штука страшная. Беспредел. Ни воровских законов, ни иерархии. Вам будет трудно. Или мы договоримся, я вас освобожу сегодня же под расписку о невыезде, пистолет мы «потеряем», документы задержания уничтожим.

— Тоже беспредел, — сказал Меньшиков.

— Нет, все в рамках закона. Наказание за ношение оружия зависит от личности задержанного. Личность оценивается на предварительном расследовании, то есть милицией.

— Лев Иванович, я вас понимаю. Что вас интересует?

— Полковник Усов Павел Петрович.

— Полковник? У меня таких знакомых не имеется.

— Евгений Тихонович! — Гуров покачал головой. — Давайте уважать друг друга. Запишу я только то, что вы пожелаете. Если сейчас включен магнитофон, вам известно, магнитофонная лента юридической силы не имеет. Мы просто разговариваем, не более того.

— Допустим, я знаю Павла Петровича. Я говорю, «допустим». Что из этого следует? Когда, где и при каких обстоятельствах мы познакомились? Либо вы знаете, тогда вам мои показания ни к чему. Либо вы не знаете, тогда я вам ничего не скажу.

— Я знаю, Усов арестован вглухую.

— Он будет молчать, человек опытный.

— Мы тоже не мальчики, на показания Усова не рассчитываем.

— Рассчитываете на мои, потому и взяли. Лев Иванович, вы обо мне знаете много. Но я о вас тоже наслышан. Павел вас очень не любил, но даже он признавал, что вы чертовски талантливы. Должен сказать, дальше следовали слова, которые не найдешь у Даля.

— Понимаю. — Гуров кивнул. — Паша был человек, вы его сломали. Вы полагаете,что когда его взаимоотношения с Верой Тополевой шагнули через порог, он интуитивно не чувствовал, куда его ведут?

— Думаете, чувствовал?

— Не сомневаюсь. Он был сыщик настоящий. Павел понимал, не хотел в этом признаться даже самому себе. Молодая, интересная...

— Красивая, — вставил Меньшиков.

— Красивая, — повторил Гуров, — с огромными деньгами. Зачем ей нужен Павел Петрович Усов? Мужику за сорок, ни роста, ни внешности, ни обаяния. Зачем?

— Действительно, я как-то об этом не думал. Значит, он знал, но лез?

— Он догадывался, думать не желал. Сейчас хорошо, а завтра наступит лишь завтра.

— Интересная психология.

— Распространенная, психология человека слабого.

— Лев Иванович, говорите вы убедительно, красиво, но, как известно, прокуратура и суд — не худсовет. Нужны доказательства. — Меньшиков взглянул испытующе.

— С доказательствами сложнее. — Гуров ответил Меньшикову прямым взглядом. — Я рассчитываю на вашу помощь.

— Зачем мне нужна вторая статья? Хранение огнестрельного оружия у меня уже имеется, мне хватит.

— Не будем торговаться, Евгений Тихонович. — Голос Гурова стал жестче. — Я уже сказал, пистолет я могу забыть. Приобрел человек для самозащиты, таких случаев сотни. Если каждого сажать, тюрем не хватит. Усов офицер, торговал совершенно секретными данными. Вы их принимали, оплачивали и передавали.

— Прямое соучастие.

— Соучастие в совершении преступления доказать сложно, а посадить вас за ношение оружия легко.

— Надо подумать.

— Разумно, — согласился Гуров. — А думать вы собираетесь здесь или в камере? Может, вы хотите там переночевать?

— Пока буду думать здесь. — Меньшиков откинулся на спинку стула. — Потом решу.

— Вы пересядьте за стол напротив, там кресло удобнее, — сказал Гуров, развернув газету.

Когда Меньшиков пересел, устроился, даже закрыл глаза, Гуров, просматривая газету, как бы между прочим сказал:

— Праздный вопрос, к делу не относится.

— Пожалуйста

— Когда вы получили сообщение Усова о том, что на совещание внедрен сыщик, вы передали его только Ляльку, никому более?

— Ну... — Меньшиков замялся. — Это действительно к делу отношения не имеет.

— Мне любопытно.

— Какое это имеет значение? Я не верил в оперативные способности Харитонова...

— И продублировали сообщение Смольному.

— Откуда вы знаете? — удивился Меньшиков.

— Догадался, — усмехнулся Гуров и продолжал: — Чтобы вам легче думалось, хочу предупредить, что

ваши связные выявлены и допрошены. Апрятин Павел Викторович, проживающий на Арбате. Глазман Израиль Цалевич, Тверской бульвар. Винокуров Александр Борисович, Плющиха. Каланбаев Арарат Актаевич, Бакунинская. Гаджиев Мамед Ибрагим-оглы, Гнездниковский переулок. — Гуров развернул газету, выдержал паузу. — Они дали показания, как под копирку. Вы приходили к ним в определенные дни. Вам звонили по телефону, вы слушали и записывали, оставляли конверт с долларами и уходили. Платили хозяевам исправно — сто долларов за визит. Позже в квартире появлялся мужчина.

— Они опознали Усова ? — Меньшиков приподнялся в кресле.

— Опять «МММ»! — Гуров отбросил газету. — Надоело! Опознали? Я не проводил опознания. Да и какое вам дело? Вас, Евгений Тихонович, все пятеро опознают наверняка. Пять очных ставок, ваше молчание станет смешным. Когда дело поведет следователь, встанет вопрос о вашем соучастии. А дело уже уйдет из-под моего контроля.

— Я не хочу возвращаться в камеру.

— Вольному — воля, спасенному — рай. — Гуров протянул через стол стопочку бумаги и ручку. — Пишите.

Сыщик закурил, развернул журнал.

Гуров свою работу закончил, за дело взялся следователь прокуратуры. Владельцы квартир, через которых передавались деньги, Усова не опознали. Он приходил в темных очках и берете, носил усы, в квартире находился менее минуты, брал конверт и уходил.

Дело сводилось к очной ставке между Усовым и Меньшиковым.

Гуров и Крячко вели очередную разработку, да

прокуратура и не привлекала к расследованию сыщиков. Каждый должен заниматься своим делом.

Банду налетчиков наконец повязали, обошлось без стрельбы.

Жизнь в Москве шла своим чередом.

Эпилог

Наступил декабрь. Как и положено, зимой в Москве снежно, морозно, порой бьет вьюга.

Чуть южнее Москвы российские войска начали штурм российского города Грозного.

Преступность к декабрю девяносто четвертого захлестнула Россию. Правительство и коммерсанты торговали автоматами, ракетами и танками. Кому продано, значения не имело, главное — получить деньги.

Когда в Грозном бандиты вооружились не хуже Таманской дивизии, они Москве сказали, мол, вы — русские, мы — чеченцы, пошли бы вы...

Президент России, мужик крутой, приказал, может, его помощник распорядился по телефону, чтобы министр обороны навел порядок.

Началась война. Бойня! Россия исстари на войне убитых не считала, порой не хоронила. Война — так война. До победы, мы за ценой не постоим!

А что стало с иудой по фамилии Усов? Да ничего, его подержали в камере, выяснили, что он оружия в руки не брал, даже на месте преступления не присутствовал.

Министр обороны тоже оружия в руки не брал и в атаку не ходил.

Усов лишь руководил. Хотя это еще доказать требуется. Усова из-под стражи освободили за отсутствием в его действиях состава преступления.

Какая вода в ведре, такая она и в капле воды, взятой из этого ведра.

И все правильно, ибо, как говорится, закон есть или его нет, третьего не дано! Верно, следует судить по закону, а не по совести. Ибо судей много, у каждого своя совесть. А закон один и распространяется на всех.

Законы принимают в Думе, девяносто процентов наших избранников ни черта в законах не понимают, у них иные заботы.

Может, избрать в Думу профессиональных юристов и экономистов, а не сладкоречивых политиков, которые обещают накормить и защитить нас в понедельник?

А может, не стоит. Легче жить по старинке, ждать, пока не убьют.

Сентябрь — декабрь 1994 г.
Москва

МЩЕНИЕ СПРАВЕДЛИВО

Роман

ПРОЛОГ

Он сидел у себя в кабинете за письменным столом и бездумно наблюдал, как пузырится и тает в стакане таблетка аспирина. Голова болела несколько суток, не очень сильно болела, но постоянно, без пауз. В телевизионной рекламе аспирин помогал безукоризненно. Реклама существует для отъема денег у людей доверчивых, к которым он не принадлежал, однако растворимый аспирин распорядился купить. Теперь смотрел на пузырьки и понимал, лишь совсем никчемный, наивный человек может рассчитывать, что голова, заболевшая от мыслей об убийстве, может быть излечена столь примитивным способом. Совершенно некстати вспомнилась пошлая шутка, что безотказное средство от головной боли есть лишь одно — гильотина.

Он залпом осушил стакан, вкуса не почувствовал, пригубил из рюмки коньяка и включил лежавший перед ним магнитофон.

— На Руси, коллеги, издревле все действия начинались от печки, — произнес спокойный, слегка насмешливый голос полковника Гурова.

Старший оперативный уполномоченный по особо важным делам Главного управления уголовного розыска Министерства внутренних дел России полков-

ник милиции Гуров выступал, если угодно, читал лекцию, в Высшей школе МВД. Перед началом своего выступления полковник сказал:

— Уважаемые коллеги, попробуем разобраться в причинах, которые мешают нам разыскивать наемных убийц...

Он выключил магнитофон, вспомнил самоуверенного полковника, который говорил четко, рублеными фразами, порой повторяя некоторые слова, видимо, придавая им особое значение, посидел некоторое время в состоянии прострации, вновь нажал клавишу магнитофона.

— Для сыщика, работающего по розыску наемника, крайне важно точно определить, что именно в конкретном деле следует принять за «печку». Для примера мы возьмем убийство, когда проведенные оперативные мероприятия успеха не принесли. Период «хватай мешки, вокзал отходит» закончился. Начальство разъехалось по теплым кабинетам, эксперты собрали свои чемоданы, следователь прокуратуры дал нам соответствующее поручение... Труп в морге, родственники убитого в трауре, накрывают столы. Вы на свой обшарпанный стол выкладываете стопочку бумаги и начинаете сочинять план оперативно-розыскных мероприятий. К черту план! Я не лектор, вы — не ученики, мы с вами — сыщики. Мы отлично знаем, что бумага нужна начальству для отчета...

Он хлопнул по магнитофону ладонью, известный сыщик заткнулся. Запись была сделана неделю назад. Он слышал Гурова в зале, затем неоднократно прокручивал пленку, выучил выступление сыскаря наизусть. Он никогда не держал в руках оружия, разве что в тире парка отдыха. Он и дрался лишь в детстве и не слишком успешно. Убить человека? Моральная сторона дела его не волновала. Как человек на земле

организовался, так и начал убивать, убивает по сей день и будет убивать, пока существует. Дело не в морали. Он знал себя, понимал, что убить не сумеет, и не оттого, что струсит, не хватит ловкости, силы воли, решительности. Он кран водопроводный, штепсель починить не может, не рукастый от рождения. Не боги горшки обжигают! Верно, не боги. Но и не пианисты или, к примеру, математики. Каждый должен заниматься своим делом. А когда кухарка начнет управлять государством, мы имеем то, что имеем, конкретно — Россию. Вроде все есть, а на самом деле ничего нет.

Ты финансист, политик, чиновник, короче, Головастик. А убивать должен убийца! Так где его взять? Правильно этот чертов мент говорил, мол, газеты, телевидение, радио неустанно повторяют: наемный убийца — человек обреченный, его ликвидируют непосредственно после выполнения задания. Данную истину постигла даже тетя Маша из Херсона. Все знают! А наемники этого не знают и продолжают убивать! Откуда же они берутся, недоумки?

Он помнил, когда полковник Гуров сделал паузу, как тронул пальцами седой висок и продолжал в том же духе, что самое простое и есть наиболее сложное. Взять хоть колесо телеги, хоть таблицу умножения. И говорил полковник еще часа два.

Он слушал Гурова, сидя за столом президиума между двумя генералами, которые, судя по их взглядам друг на друга и на расхаживающего по сцене полковника, были последним крайне недовольны, однако помалкивали.

Жизнь загнала его в тупик, выход существовал, но его перегораживал один человек, обойти которого не представлялось возможным, следовательно, необходимо было убрать. Читаешь газеты, так в Москве убивают ежедневно, практически убийц не находят.

Бандиты стреляют в бандитов, что естественно. Но убивают и людей солидных, не имеющих прямого отношения к преступным группировкам. Вот и Он не имеет, а убить необходимо, так как самому жить очень хочется, причем жить красиво и свободно, а не существовать.

И Он, Головастик, обязан вопрос решить. Все-таки не зря Он организовал выступление этого сыщика, кое-что Гуров сообщил поучительного. Сколько раз прослушал пленку, но так и не узнал, где найти исполнителя и как совершить убийство, зато понял нечто очень важное — чего в таком деле совершать не следует.

Глава первая

Полковники Гуров и Крячко занимали один кабинет. Столы стояли боком к единственному окну, «лбами» друг к другу. Таким образом, сыщики, сидевшие друг против друга, глаза в глаза, хотя и были закадычными друзьями, изрядно надоели друг другу. У каждого за спиной, в углу, стоял сейф, еще один письменный стол находился у стены, слева от входной двери, за которым «гости» и подчиненные порой писали рапорта, объяснения, заявления и, конечно, бесчисленные жалобы.

— Если на сыщика не «катят бочки», значит, он не сыщик, а сторож садового участка, — говорил порой Крячко и следил, чтобы на гостевом столе всегда лежала папка с чистой бумагой и шариковая ручка, которая регулярно исчезала.

Станислав, обнаружив очередную пропажу, записывал подозреваемого в краже на страничку отрывного календаря, грозился привязать шариковую ручку к ножке стола и клал на «жалостливую» папку

новую, которую сам недавно позаимствовал в чьем-нибудь кабинете.

В общем, кабинет старших оперов главка угро никак не походил на каземат, в котором зачастую плакали мужчины, рыдали женщины, матерились менты, некоторые в генеральских погонах. Никто в этом кабинете никого и пальцем не тронул, но человек очень болезненно реагирует, когда ему в лицо говорят о нем правду. А добывать правду и порой излагать ее вслух являлось профессией хозяев этого обычного канцелярского кабинета.

Гуров работал в сыске двадцать лет. Высокий, стройный, элегантный, с задумчивыми светлыми глазами под темными бровями, он очень нравился женщинам и крайне не нравился начальству.

Крячко был ниже ростом, шире в талии, проще лицом и одеждой, любил балагурить, жаловаться на жизнь, и внешностью и манерами временами походил на знаменитого солдата Швейка.

Сыщики знали друг друга давно, пережили и взаимную неприязнь, и недоверие, ссорились и вновь шли рядом, порой ползли, сплевывая кровью. Они были очень разные, но их прочно объединяли такие качества, как честность, которая не мешала порой хитрить и недоговаривать, верность своему слову, опыт розыскной работы, дружба и взаимная любовь, коей они стеснялись и порой говорили друг другу вещи достаточно неприятные.

У Гурова и Крячко был еще один друг — генерал, начальник главка Петр Николаевич Орлов. Гуров знал его без малого двадцать лет, работал с ним в одной опергруппе МУРа, когда Орлов был не генералом, а старшим группы и отнюдь не другом. Работа в розыске — не война на передовой, не будем кощунствовать, но это мужская «соленая» работа, где тоже грязи и крови хватает и мало не покажется. Крячко

пришел в группу Гурова спустя два года, так что эти три человека работали бок о бок черт знает сколько времени, так как жизнь в сыске считать день за день несправедливо, а никакого коэффициента еще не придумали.

Кабинет оперов находился в одном коридоре с генеральским, и когда секретарь сообщила, что «сам просит заглянуть», сыщики через несколько секунд вошли в «предбанник». Хозяйка приемной, влюбленная в начальника и в обоих сыщиков, причем в каждого по-разному, взглянула на вошедших строго и сочувственно, тем предупреждая, что ничего хорошего друзей не ждет и шуточки следует оставить здесь, молча кивнула на дубовые двери. Женщина работала у Орлова давно, соответственно и давно знала оперативников, но и ее опыта не хватало, чтобы понять — данное предупреждение излишне, так как вызов не самолично, а через секретаря говорил сам за себя.

Крячко распахнул перед Гуровым тяжелую дверь, состроил подружке «рожу», демонстративно одернул пиджак и вошел следом за другом.

Орлов был в мундире, который терпеть не мог и надевал в случаях крайней необходимости. Петр Николаевич меньше месяца назад получил вторую генеральскую звезду. Гуров моментально просек, что Петр сей момент вернулся с выволочки, не стал переодеваться, значит, торопится, настроение у друга говенное не только из-за недавнего разговора в верхах, но и в связи с тем, что генерал в мундире и вроде бы хвастается повышением в звании. Стараясь разрядить обстановку, Гуров сказал:

— Добрый день, Петр Николаевич. — В официальной обстановке они разговаривали на «вы».

Однако Крячко, хотя тоже все понимал, не сдержался и по-строевому четко произнес:

— Здравия желаю, господин генерал-лейтенант!

Орлов даже не изобразил желания приподняться, махнул короткопалой рукой, буркнул:

— Располагайтесь. Не знаю, кто из вас хуже: один хитер и неискренен, второй не способен из вежливости прикинуться человеком тактичным.

— Что выросло, то выросло. — Гуров прошел через небольшой кабинет и пристроился на любимом подоконнике.

Крячко занял «свой» стул, оглядел скромный кабинет, не соответствующий должности хозяина, и серьезно, даже душевно сказал:

— Петр Николаевич, разрешите мне в ХОЗУ словечко сказать? Вам вмиг надлежащие апартаменты выделят.

Орлов не ответил, даже не взглянул, расстегнул пуговицы, ослабил узел галстука, почесал лысеющую макушку, потер нос-картофелину, вздохнул:

— Шестьдесят, и никуда не денешься. Сколько по утрам утюгами ни махай, какой водой ни обливайся, меньше ни на один день не станет. — Он грузно повернулся к Гурову. — Ты, парень, который день из отпуска возвратился, о своих родителях ни слова, вроде не чужие. Все там же, в деревне, под Херсоном? Здоровы? Ты привет от меня передал?

— Обязательно. — Гуров кивнул. — Отец к дому веранду пришпандорил собственноручно, горд до ужаса, кланяться велел. Мама просила целовать, она такая же красивая, только совсем седая.

— Да, жизнь. — Орлов крепко потер лицо ладонью. — Как и следовало ожидать, ФСК в деле по убийству Скопа Игоря Михайловича уперлась... — он выругался, что случалось редко. — Решили, что мы должны подключиться к делу.

— Что значит подключиться? — возмутился Крячко. — Казалось просто, налетели, теперь обратный

ход? Дело было спервоначалу наше. Теперь уже это ихний поезд ушел, а не наш.

— Станислав! — Гуров произносил имя друга с ударением на втором слоге, отчего оно звучало по-иностранному. — Кто ведет следствие в прокуратуре?

— Гойда, дружочек твой, — ответил Орлов. — Ему и поклонись; когда коллеги, отчитываясь, в словах путаться начали, старший следователь прокуратуры твое имя назвал.

— Игорь Федорович, — усмехнулся Гуров, — отнюдь не худший следователь, считай, нам повезло.

— Кому повезло? — От возмущения Крячко начал заикаться. — Хоть какая-то справедливость должна существовать?

— Это вряд ли, — ответил Гуров. — И не плюйся вслед ушедшему поезду. Решение уже принято, не наезжай на Петра Николаевича, защитить нас обязан был министр, а не начальник главка. А министр наверняка рта не раскрыл. И никого в верхах не интересует, что со дня убийства прошла неделя, и кто должен был начинать по горячим следам — отвратительное выражение, в жизни не видел горячего следа, — тоже не интересует, и как мы будем с тобой кувыркаться, всем, кроме Петра, наплевать.

— Ты отпуск не догулял, считай, на работу еще не вышел, а Петр Николаевич может внезапно заболеть. Вы меня оба старше и кругом главнее, но в житейских делах я вам обоим фору дам. В это дело лезть нельзя. В контрразведке ребята битые, раз они отступились, значит, точно — петля. Когда Скопа грохнули, ты, гений, грядки в деревне копал. Ты основных свидетелей знаешь? Помощник по безопасности, заместитель начальника охраны Президента, председатель Думского комитета и вице-премьер. Он же хозяин фазенды, на веранде которой и уложили трупик. Тебе это надо? Нас всех перевешают!

— Станислав, веди себя прилично, не плюйся, — сказал Орлов. — Никого не тронут, в России не принято наказывать виновных. Меня отправят на пенсию и только, давно пора. Они и дело нам передали, потому как заранее определили, кого отдать легче. Начальник главка, генерал-лейтенант уволен! Звучит солидно. Множество заказных убийств не раскрыто, будет еще одно. Конечно, время у нас украли, затем подставили, но в политике такие правила. Ты же не удивляешься, что в футбол играют только ногами и головой, хотя руками удобнее. Парни, вы бы видели, как они на меня поглядывали. Я и слова не сказал, и не от стеснительности, а чтобы удовольствия им не доставлять. Они ожидали, я попытаюсь сопротивляться.

— Нам передали розыскное дело? — Гуров отошел от окна, закурил. — Успеха они не добились, но семь дней оперативники чем-то занимались, отсутствие результата — тоже результат. Важно знать, что ребята проделали, и не топтать проторенные дорожки.

— По-моему, ты учишь меня жить. — Орлов взял лежавшую на углу стола тоненькую папочку, протянул Гурову. — Осмотр места, заключение врача, фотографии, опросы трех охранников. Да, забыл, поручение прокуратуры и заключение эксперта по баллистике.

— За семь дней? — Гуров взял тоненькую папку.

— Лев Николаевич, не прикидывайся недоумком, не получается, — сказал зло Крячко. — Я знаю, что ты более-менее в курсе, дело казалось легким, дилетантским, «соседи» курируют зону, оказались на месте первыми и захотели отличиться.

— Пять минут назад ты возмущался, утверждал, что дело было изначально наше, ментовское, теперь вроде как защищаешь гэбэшников.

— Я не защищаю, а понимаю, каждый служивый

желает выслужиться, — огрызнулся Крячко. — А папочку ты взял зазря, абсолютно напрасно.

— Прекратите. — Орлов тяжко поднялся, начал стаскивать мундир. Крячко подскочил, принял у начальника мундир, взвесил на руках. — Тяжела ты, шапка...

— Могу дать сфотографироваться, — перебил Орлов. — Будь другом, повесь в шкаф, дай мой пиджачишко. Лева, я понимаю, ты со следователем прокуратуры ладишь. Он просил срочно позвонить.

— Я с каждым приличным мужиком могу поладить. Игорь Федорович в порядке, мы с ним в фазенде бывшего спикера работали.

— Извините, парни, но такую жизнь придумал не я. Удачи! Докладывать ежедневно, — сказал Орлов.

— Обязательно. — Гуров кивнул и направился к дверям.

— И вам, Петр Николаевич, спасибо, — сказал Крячко, открывая перед Гуровым дверь.

— Полковник Гуров, надеюсь, вы понимаете? — Орлов кашлянул.

— Они не понимают, но мы им объясним. — Крячко юркнул из кабинета и поспешно прикрыл за собой дверь.

Когда сыщики вернулись в свой кабинет, Гуров бросил полученную папку на стол Крячко, сел в свое кресло, подвинул телефон и сказал:

— Господин полковник, назначаю вас старшим по розыску преступника, совершившего данное убийство. Ознакомьтесь с материалами, доложите свои предложения, а я пока переговорю с прокуратурой. — И начал набирать номер.

— Убили замминистра, а вы шутить изволите. — Крячко уселся напротив Гурова, раскрыл папку, вытряхнул из конверта фотографии. — Хорошо, что никто тебя не слышит.

Гуров согласно кивнул, услышал в трубке знакомый, чуть шепелявый голос, сказал:

— Здравствуй, Игорь Федорович. Гуров беспокоит. Спасибо за протекцию, материал получил.

— Здравствуй, Лев Иванович, — ответил следователь прокуратуры Гойда. — Не стоит благодарности, свои люди.

— Прокуратура и розыск — свои люди? — Гуров вздохнул. — Это нечто новое. Оставим, Игорь Федорович, ты в деле с первого дня?

— Производил осмотр места.

— Прекрасно. Когда встретимся?

— Сейчас. Вы подъедете в прокуратуру?

— Лучше ты к нам. У тебя будут мешать, заходить, звонить. Машина есть или за тобой заехать?

— Выделяли... — Гойда никогда не ругался матом, пробормотал нечленораздельно. — Сейчас выезжаю.

— Ждем. — Гуров положил трубку. — Со следователем нам повезло.

— Мы вообще счастливчики. — Крячко сложил документы и фотографии в папочку, перебросил ее на стол Гурова. — Лев Иванович, ты как полагаешь, мы с тобой вполне нормальные или все-таки того?.. — Он покрутил пальцем у виска. — О чем угодно мы способны говорить несерьезно. Убили человека, мы подшучиваем друг над другом, пикируемся.

— Ты видел, как работает патологоанатом? Как он разговаривает, распиливая человеческий череп, слышал? Конечно, следует следить за собой, не превращаться в циников. Однако, извини, Станислав, за повторы, но что выросло, то выросло. Лучше мы уже не станем.

Старший следователь горпрокуратуры Игорь Федорович Гойда был невысок, округл, быстр в движениях и аккуратен в словах, умный, дотошный, в меру

циничный. Они познакомились с Гуровым около двух лет назад, работая по убийству горничной на фазенде тогдашнего спикера парламента, особо не сдружились, но симпатизировали друг другу, что во взаимоотношениях сыщика и прокурорского чиновника случается не часто.

Когда Гойда вошел, Гуров взял у него плащ, уступил свое место, предвидя, что Станиславу придется писать, а сам Гуров, слушая, любил расхаживать по кабинету.

— Здрасьте, здрасьте, орлы-сыщики, — сказал Гойда, зябко потирая свои маленькие ладошки и усаживаясь на предложенный стул. — Значит, в такой обстановке вы и творите свои беззакония. — Ловко открыл портфель, выхватил из него канцелярскую папку с тесемочками.

— Творим, Игорь Федорович, кто без греха? Знакомься, мой напарник Станислав Крячко. — Гуров кивнул на друга. — А это, Станислав, наш новый начальник, следователь-важняк, зануда и буквоед, но дело знает.

— Знакомы. Ты, Лев Иванович, обеспамятовал. И то, скажи, почти два года минуло, а делов-то провернулось: парламент разогнали, расстреляли, Думу собрали, Чечню изничтожили. — Он встретился взглядом с Гуровым, замолчал и продолжал деловито: — Заместитель министра финансов Скоп Игорь Михайлович убит выстрелом из винтовки в 19 часов 12 минут 24 марта 1995 года на веранде дачи, принадлежащей на правах личной собственности вице-премьеру правительства России Барчуку Анатолию Трофимовичу. Пуля пробила лобную кость, застряла в черепе. Смерть наступила мгновенно. Выстрел произведен с расстояния сорока восьми метров, винтовка брошена на месте выстрела. После изъятия пули и проведения соответствующей экспертизы доказано, что найденная винтовка является орудием убийства.

Гойда собрался добавить, мол, картина в принципе знакомая, выполнена простенько и со вкусом, но, глянув в хмурые лица, сыщик воздержался, пробормотал невнятно, что должно было означать матерную ругань.

— Продолжай, не стесняйся, — сказал Гуров, присаживаясь на край ничейного стола.

— В момент убийства на веранде находились хозяин, президент коммерческого банка, сопредседатель множества чего, миллионер Якушев, имя-отчество запамятовал, председатель одного из комитетов ЛДПР Олег Кузьмич Еркин.

— Где-то я похожую фамилию слышал, — пробормотал в задумчивости Крячко.

Еще бы! Разве забудешь фамилию родного министра! Гуров глянул на друга презрительно, сказал:

— Извини, Игорь Федорович.

— Свои люди, — кивнул Гойда и продолжал: — Помощник Президента Юрий Олегович Ждан и заместитель начальника охраны Президента Егор Владимирович Яшин. Жены отсутствовали, мальчишник собрали по случаю обмывания данной дачи. В доме находились еще двое из прислуги, четыре охранника сидели на кухне. Выстрела никто не слышал, винтовка была с глушителем. Никто ничего не видел, у всех стопроцентное алиби.

— «Следствие закончено — забудьте!» — сказал Крячко, положив подбородок на скрещенные ладони.

— Ты заткнешься? — тихо спросил Гуров.

— Младшего обижаете, я лишь напомнил название знаменитого итальянского фильма. Фамилию маэстро забыл. Ну, извини!

Гуров махнул на Крячко рукой, повернулся к Гойде, спросил:

— И что у тебя имеется?

— Труп и начальство, что же еще?

— Мои коллеги неделю копали и ничего?

— Какие-то машины проверяют, ничего конкретного. Когда поедешь смотреть?

— Завтра поутру. А чего ФСК вцепилась? Почему не вызвали сразу территориальных розыскников? Что-то казалось? Что-то блестело?

— Лев Иванович, у них поймешь? В чем дерьмо — тебе понятно. Высоких гостей надо работать, а они — «да», «нет», «не знаю», «занят». Ясно, стрелок пришел со стороны, но непричастность всех присутствующих я принять не могу, а работать не дают. Потому и контрразведчики отступили.

— Теперь нужен мент-говновоз, который бы всю эту ароматную кучу на себя взвалил и тащил до упаду. Чуть погодя все спустят в канализацию.

— Ты в горловину не пройдешь, у тебя плечи широкие. — Крячко поднялся из-за стола и неожиданно застучал костяшками пальцев по столу. — Этих людишек надо заставить исповедоваться. Нужен железный характер. А железнее тебя — только отбойный молоток, и то, как ты сам любишь повторять, «это вряд ли»!

— Знаешь, за что я тебя особенно люблю? — усмехнулся Гуров.

— Знаю! — Крячко вытер ладонью пот со лба, встряхнул мокрыми пальцами. — Признаю, ты гений. Но для них ты — никто. Про себя я не говорю. Ты же понял, они Петра хоронят — первого сыщика России. И вообще, дискуссия закончена. С самолета мы прыгнули, не хочешь открывать парашют — не открывай, я тебя на себе донесу. Ребята, хотите свежий анекдот?

Гойда посмотрел на друзей изумленно, затем неуверенно сказал:

— Мне нравится ваш оптимизм, но сложность в

том, что эти люди и в прокуратуру не являются, а уж в милицию не придут абсолютно точно.

Гуров задумчиво улыбался и молчал. Крячко в своем эмоциональном всплеске выдохся и уже жалел о сказанном, и не оттого, что испугался, а сочувствовал Гурову, который на самом деле отнюдь не железный и вообще — «на хрена козе баян»?

— Нормальные люди с возрастом умнеют, — пробормотал он. — Видно, я принадлежу к иной категории.

— Это вряд ли, — спокойно возразил Гуров. — Ты простой хитрый мужик, знаешь, чтобы меня запрячь, надо сначала разозлить. У нас есть сто причин заниматься этим делом. Во-первых, приказано, чего вполне достаточно. Исповедоваться, конечно, никого не заставишь. Не те люди, Игорь, говоришь, они в прокуратуру не являются?

— Все вежливо, Лев Иванович, звонит помощник, приносит извинения, мол, готовят срочный документ для Президента, или другое вранье, и просит встречу отложить.

— Я понимаю. — Гуров кивнул. — Мы люди не гордые — сами залетим на огонек.

— Не примут. — Гойда развел руками. — Десяток способов существует. Позавчера я в приемной вице-премьера Барчука попытался шуметь, так он сам, лично, из кабинета вышел, извинился, я чуть со стыда не сгорел.

— Ничего, у нас предохранители здоровые, выдержим, — заметил Крячко.

— Игорь, у высокопоставленных свидетелей просматривается очень слабое место. Когда они данный факт как следует усвоят, мы козырями сравняемся.

— Какое место? Чего ты задумал? Докладывай, следствие ведет прокуратура.

— Обязательно. Вот ты и дай мне поручение повторно произвести осмотр места преступления.

— Что ты там найдешь?

— Вдохновение.

— Об узком месте сейчас не скажешь?

— Без вдохновения не получится, — серьезно ответил Гуров. — Они тебя так сразу закрутили, что ты ослеп. Со мной такое случалось неоднократно. Завтра поутру мы со Станиславом выезжаем на фазенду господина Барчука. Ты, господин полковник, на своем ворованном «мерседесе» заезжаешь за мной в восемь.

— Подаренном, — огрызнулся Крячко.

— Известно, каждый жулик утверждает, мол, не украл, подарили.

Видимо, у Гурова созрел некий план, который с каждой минутой сыщику нравился все больше, и он весело продолжал:

— Игорь Федорович, тебе известно, что мы отсюда сбегали в «частный сектор»? Решили обогатиться за счет знаний, полученных на службе Отечеству. Но остатки совести пробудились, и мы возвернулись, но корысть уже заела. Я, как более скромный, прихватил у «капиталистов» «жигули», новенькую седьмую модель, а господин Крячко, истинно русская душа, упер «мерседес-190».

— А двухкомнатную квартиру с дырявыми полами, клопами и крысами кто на трехкомнатные апартаменты поменял? — Изображая судью, Крячко поднялся и вытянул в сторону Гурова указующий перст.

— Стас, закладываешь друга по-черному. Грешно.

— Я с детства в Павлика Морозова играл, потому и в ментовку служить пошел.

— Не богохульствуй, мы ментовку как угодно ругать можем, не без греха она, да и мать родная, но меру знай, — строго сказал Гуров. — Значит, договорились, завтра поутру выезжаем.

Супруга Крячко с дочкой уехала на лето к родне; он поднялся ни свет ни заря и явился к Гурову, когда тот, издеваясь над организмом, делал гимнастику.

— Завтрак готовь, не люблю, когда меня разглядывают, — сказал Гуров, впуская друга и проталкивая в кухню.

Крячко послушно загремел посудой, но время от времени подсматривал, как начальник «качается» на тренажере, затем, проделав серию кувырков в разные стороны, начал падать на пол. Эта часть гимнастики всегда потрясала Крячко: друг падал виртуозно, словно каучуковый, как профессионал, переворачивался, вставал в полный рост, вновь опрокидывался, тут же оказывался на ногах, проделывая все это почти бесшумно. И это при росте сто восемьдесят с лишним и весе свыше восьмидесяти килограммов, а о возрасте лучше не вспоминать, начинали лезть в голову нехорошие мысли о собственных годах. И хотя Станислав был моложе друга чуть ли не на пять лет, однако сороковник не за горами, на улице зовут «мужик», скоро-скоро «отцом» величать начнут.

Когда Гуров занимался в тренировочном костюме, то смотрелся мужиком ладно скроенным, крепким, не более того. Но после душа, в плавках, еще не окончательно вытеревшись, он вошел на кухню переливающимся тугими мышцами суперменом. Увидев в глазах друга иронию, Гуров принял позу культуриста и рекламно оскалился:

— Меняй коньки на санки, шлепай прямо в Голливуд. Обучишь меня массажу, я при тебе прокормлюсь.

Сам Крячко спортом почти не занимался, но от природы был ширококост и здоров на удивление, хотя тугой животик уже видимо округлился.

— Насчет Голливуда не уверен, но у меня отец, отставной генерал-лейтенант, пашет на земле. Как

конь двужильный, и рядом борозда всегда найдется. Так что мы с тобой действительно не пропадем.

Крячко глянул на шрам на груди Гурова, знал, что под лопаткой у него рубец значительно толще, и спросил:

— А мне ты скажешь, что конкретно учуял в деле?

— Некогда! — Надев халат, Гуров принялся за яичницу. — Начни тебя с ложечки кормить, ты вообще мышей ловить перестанешь. Думай, шевели ушами, мы с тобой историю убийства одновременно слышали.

Дом, вилла, замок, или, как сейчас модно называть загородные строения, фазенда вице-премьера Барчука находилась всего в нескольких километрах от Окружной и в двух километрах от шоссе, неподалеку от Клязьминского водохранилища. Здесь строилось одновременно десятка три кирпичных уродцев самой причудливой формы. Несколько крепостей уже готово, среди них и четырехэтажный замок Барчука стоял на небольшом возвышении и поглядывал на подрастающее поколение с кривой усмешкой.

Над стройплощадками мотались разноцветные журавлиные шеи кранов, под ними топали, месили весеннюю грязь мужики в телогрейках, одни — в касках, другие — в ушанках, третьи — вообще с босыми головами. Чувствовалось, работа идет споро, даже весело: здесь, хоть и не шахта и не дальний Север, платят достойно, да еще приплачивают.

Измызгавшись по дороге, «мерседес» Крячко смотрелся среди других чумазых иномарок нормально, внимания не привлекал.

— Хозяева заезжают взглянуть на строительство родового имения, — сказал Крячко.

— Для имения земли маловато, соток по тридцать-сорок, не более, — задумчиво ответил Гуров. — Я,

конечно, не большой знаток Руси, но и спьяну в старину таких уродов не громоздили. Ведь для себя строили, детям, внукам, а из таких башен удобно лишь круговую оборону держать.

— А чего такие махины громоздят? Семья-то наверняка раз-два и обчелся. — Крячко обломил тоненькую веточку с набухшими почками. — Капитал зарывают, торопятся, пока у кормушки стоят, а шуганут, так на зарплату нынче и шалаш Ильича не построишь.

— Недобрый ты, Станислав. — Гуров повернулся к бледному, но уже пригревающему солнцу.

— Нормальный российский мужик, к воровству давно пообвыкший. А ведь просто как! Проверка яйца выеденного не стоит. Спросить декларацию о доходах, положить рядом строительную смету и поинтересоваться, мол, откуда дровишки?

— Любопытный, переобувайся, а то в твоих штиблетах с шоссейки не сойдешь. — Гуров забрался в машину, скинул туфли, натянул резиновые сапоги, прихватил заготовленный рюкзак, где, аккуратно завернутые, лежали две бутылки водки, шмат ветчины, огурцы, стаканы, иное необходимое.

Уже законченный дом, принадлежавший «на правах личной собственности» господину Барчуку, чуть ли не единственный был обнесен двухметровым железным забором, только красной звезды не хватало и КП с часовым — форменная воинская часть. Но одна стена у забора отсутствовала, на смежном участке громоздился длиннющий кран.

Оперативники торопливо обошли участок, пока не оказались с незащищенной стороны.

— Мужики, чего потеряли? — окликнул их ладный мужчина в телогрейке, с распаренным и обветренным лицом. — Тут не музей, может по голове так шлепнуть, что она враз с тапочками сравняется.

В говорившем не чувствовалось злобы или загнанной усталости. И Крячко ответил в тон:

— Мы верткие, в нас сразу не попадешь. Приехали глянуть, что у вас получается.

— Нормально. А вы кто такие, если не секрет? — Мужчина подошел вплотную, достал пачку «Явы», закурил. — Не угощаю, вы наши не курите. — Он взглянул на Гурова, угадывая в нем старшего.

— Прохожие мы, — усмехнулся Крячко. — Хотели домишко себе приобрести или построить. Да больно у вас тут все размашисто, нам бы поскромнее.

— Как быстро строите? — отодвигая Крячко в сторону, спросил деловито Гуров. — Вон тот домишко, к примеру, за сколько поставили? — И указал на четырехэтажный замок Барчука.

— Как понимать — «поставили», господин хороший? — Рабочий сильно затянулся, выщелкнул недокуренную сигарету. — Если фундамент, коробку под крышу и накрыть голый кирпич — это одно...

— Работаете в две смены, в три? — перебил Гуров.

— Как платят, так и работаем. — Строитель смачно сплюнул, собрался уходить. — Небось секретарем обкома служили? Так то время кончилось, надо денежки на бочку...

— Не плюйся, еще попить попросишь. — Гуров взял его за рукав, дернул на себя. — Сколько дней от нулевого цикла до последнего плафона? Вопрос понял?

Русский мужик всегда уважал силу, взглянул на Гурова с пониманием.

— Строитель?

— Вроде того.

— Сейчас все сменилось, не поймешь, я вроде сменного мастера. Семеном звать.

— Гуров. — Полковник пожал протянутую руку, затем перевернул пустой ящик из-под цемента, вы-

нул из кармана газету, застелил, сел, указал Семену на место рядом. — Станислав, плесни мне чуток, зябко стало.

Крячко распорядился быстро, аккуратно.

— Тебе не предлагаю, Семен, у тебя служба. — Гуров ловко выпил, хрустнул огурцом. — Бригады постоянные, комплектуетесь в фирме?

— Так. — Семен кивнул и взглянул на бутылку в руках Крячко с сожалением.

— Налей человеку, только не светись, — сухо сказал Гуров, выждал, пока Семен выпил, и продолжал: — Так за сколько эту уродину поставили?

— Мы там не работали; когда мы фундамент клали, они отделочные работы начали.

— Что же вы фундамент клали зимой?

— Копали осенью, потом перерыв сделали...

— Сезонных рабочих брали?

— Я же говорю, зимой стояли, тут пара сторожей ошивалась...

— Огляди подъездные пути. — Гуров кивнул Крячко, вновь повернулся к Семену. — Говоришь, все свои, знакомые?

— У них свои, у меня свои, ты, видать, с головой, соображаешь, каждый объект сколько людей требует?

— Понятное дело. — Гуров плеснул еще граммов по сто. — А заболеет кто, другой по пьянке не выйдет? Ты можешь пособника со стороны взять?

— У меня денег нет, чтобы из своего кармана платить. — Семен отодвинул стакан, затем не удержался, выпил и поднялся. — У нас с этим строго. Вчера на свадьбе был, оттого и позволил.

— На воздухе вмиг оттянет. — Гуров убрал бутылку и стаканы, свою порцию незаметно вылил. — Вижу, организовано у вас серьезно.

— Так тут каждая бригада сама по себе. Никто не знает, сколько соседу платят.

— Вижу, не обижают.

— Думаю, не обижают, народ кругом трезвый, за место держатся. Капитализм в действии.

— И со стороны не берут? — вновь спросил Гуров.

— Растрепался с тобой, спасибо за угощение. — Семен кого-то увидел или сделал вид, что увидел, и заспешил к крану.

Как писал следователь Гойда, у основания этого крана и нашли винтовку. Гуров сидел почти на месте стрелка. Кирпичная собственность вице-премьера громоздилась практически рядом. Сыщик понимал, что такое ощущение возникало из-за размеров дома. Сейчас веранда была закрыта, жалюзи опущены, поверху еще витиеватая решетка. В общем, условия для стрельбы неважные. Ну, в тот вечер окна были открыты, жалюзи раздвинуты, хотя погода рассиживаться на веранде никак не располагала. Люди вышли на веранду якобы на несколько минут, хозяин хвастался обустройством и вывел одного из гостей под пулю. А решетка-то довольно густая и наверняка не съемная, сквозь такую помеху может только настоящий мастер стрелять.

Подошел Крячко, тоже взглянул на дом и веранду, сказал:

— Для снайпера смешное дело. — Он повернулся к крану. — Шоссейка, по которой мы подъехали, огибает строительство и вскоре возвращается на Дмитровку. А в принципе сюда подъехать и уехать можно по-разному. Машину можно оставить за любым поворотом, у брошенной бытовки, неработающего крана.

— Спасибо, ты настоящий сыщик. — Гуров кивнул на рюкзак с посудой и закуской: — Сидор возьми и пошли, а то мы слишком долго тут светимся.

— Один выпей, другой убери, все по справедливости.

— А где ты встречал, чтобы все по справедливости? — удивился Гуров.

— В дом не пойдем? Так зачем мы сюда пилили?

— За вдохновением, Станислав. — Гуров широко зашагал по вязкой земле, выбрался на шоссейку, начал топать, пытаясь стряхнуть с сапог грязь.

Крячко подобрал обрывок газеты, зашел в лужу, аккуратно обмыл сапоги.

— Багажник у моего автомобиля не примет твою обувку. Придется тебе ее в руках до Москвы везти.

— Тиран и собственник, — тяжело вздохнул Гуров, шагнув в лужу, и последовал примеру товарища.

Глава вторая

Финансист, президент коммерческого банка Виктор Михайлович Якушев, сидя за фигурным столом своего офиса, разговаривал по телефону, точнее, слушал абонента, кисло морщился, даже положил телефонную трубку на стол, вытер платком вспотевшую ладонь, взял трубку и, прерывая собеседника, сказал:

— Чушь собачья, даже слушать не желаю. — И положил трубку.

Якушеву было под сорок; холеный, элегантный, почти всегда спокойный, он был обыкновенным русским гением. Это все враки, что в России гениев больше нет, что их извели вконец. Гениев на шарике разбросано довольно равномерно, но вот рождаются они редко. Музыканты, художники, скульпторы и врачи. Якушев родился финансистом. Задержись перестройка на десяток лет, и сидеть бы ему безвылазно в остроге, так как неуемная страсть делать деньги была в нем сильнее остальных чувств. Соловья мож-

но убить, но не петь соловей не может. То ли земля под Россией повернулась вовремя, то ли Витька Якушев родился в самый раз, но к сорока годам он получил все условия для удовлетворения своей страсти. Гениев не любят, что, собственно, закономерно. Признавая человека гением, сам грешник автоматически превращается в пигмея. Кому приятно? Карузо — ладно, Пушкин — Бог с ним, они своим существованием не унижали хотя бы потому, что уже померли. Но без арий и поэм может легко прожить подавляющее большинство человечества, жить и не ежиться. Деньги нужны всем, каждому абсолютно. И если некто умеет делать деньги в сто, тысячу раз быстрее и легче, то такой факт многих раздражает.

Якушев обо всем этом был прекрасно осведомлен, способности свои тщательно скрывал, о его состоянии ни один человек, тем более мать с отцом, даже не догадывались.

Офис Якушев себе построил шикарный, не забыв предупредить художника и архитектора, чтобы все было по самому высшему классу и при этом ни в коем случае не бросалось в глаза. Только настоящий знаток мог оценить количество и качество мебели и прочий неброский интерьер помещения, звукоизоляцию, упругость покрытия под ногами.

За подковообразным столом хозяина, почти в углу, стояла статуя девушки, казалось, она смотрит в окно и одновременно лукаво поглядывает на присутствующих. Мраморная прелестница стоила миллионы долларов, но большинство посетителей Якушева не обращало на скульптуру внимания; кто и замечал, считал статую блажью хозяина, его данью моде и преклонением перед Западом. Однажды французский банкир отвлекся во время беседы, отошел к окну, глянул на мраморную девицу мельком, и посте-

пенно улыбка исчезла с его тонких губ, он взглянул на статую внимательно, нагнулся, даже присел, чтобы получше рассмотреть клеймо автора.

Через год многие, очень многие иностранцы знали, что в кабинете господина Якушева стоит подлинная статуя одного из учеников Микеланджело Буонарроти, статуя входит в каталог такой-то, а цена ее вот эдакая.

Якушев был гений и умел делать деньги. Русский рынок был дик, непредсказуем, сильно смущал финансиста, но другой родины у него не было. Он и раньше знал, а недавно вновь убедился, что будь то Рим, Париж, Берлин, везде едино — финансист без корней, эмигрант в первом поколении, в лучшем случае второй сорт. А для Якушева существовал лишь один сорт — высший, он же и единственный.

Финансист продолжал сидеть за столом. Состоявшийся разговор по телефону вывел Якушева из себя. Он был лучшего о себе мнения... Позвонил секретарь, Якушев нажал кнопку, пригласил войти.

Массивная дверь приоткрылась, девушка вошла бесшумно. Негромко, но отчетливо сказала:

— Виктор Михайлович, вас хочет видеть сотрудник милиции. Я сказала, что существуют приемные часы, но он настаивает.

Якушев вновь бросил недовольный взгляд на телефонный аппарат, словно он и был виновником сегодняшних бед, заставил себя улыбнуться и саркастически произнес:

— Ну, если господин пристав предлагает садиться... Просите.

Якушев был не только гениальный финансист, но и опытный психолог. Человек вошел не сразу, дверь успела закрыться, значит, милиционер не топтался рядом, а читал, сидя в кресле, или стоял у окна.

Одним взглядом хозяин оценил и осанку гостя,

великолепную фигуру, и костюм, не новый, но отлично вычищенный и отутюженный, туфли не люкс, но достойные, носки и рубашка в цвет.

— Полковник Гуров. — Он поклонился, а так как освещение в кабинете не давало вошедшему сразу увидеть лицо хозяина, то сыщик на Якушева и не посмотрел, а оглянулся вокруг. — О вашем кабинете, Виктор Михайлович, наслышан. Редкий случай, когда люди сплетничают не зря. А вот знаменитую девушку у окна оценить не смогу — не знаток.

Якушев не собирался выходить из-за стола, но был вынужден, так как полковник не приближался, ждал.

— Здравствуйте... Лев Иванович, кажется? — Якушев обогнул крыло стола, протянул руку.

— Лев Иванович. — Гуров пожал хозяину руку. — Вроде того.

Якушев отодвинул одно из стоявших перед столом кресел, нажал на педаль, выдвинулся сервированный для кофе столик.

— Присаживайтесь, господин полковник, — указал он на кресло.

— Благодарю. — Гуров взял хозяина под руку, помог сесть, сам занял место напротив, лицом к двери.

— Ловок, ценю, — рассмеялся Якушев, пытаясь сохранить тон превосходства хозяина, принимающего гостя, который пришел без предупреждения.

— Простите, вы давно были знакомы с покойным? — спросил неожиданно Гуров.

— Нет, почти не были, хотя оба занимались деньгами. Вы, конечно, читали протокол моего допроса и не станете начинать сначала?

— Дело я получил позавчера, просмотрел, но не читал, плохо разбираю чужой почерк.

— Значит, я с вами намучаюсь.

— Обязательно.

— А если я откажусь повторно отвечать на одни и те же вопросы? — Якушев не сдержался и постучал холеными пальцами по инкрустированному столику.

Чашка тончайшего фарфора мелодично зазвенела. Гуров передвинул чашку, впервые посмотрел хозяину в глаза, улыбнулся:

— Это вряд ли, уважаемый Виктор Михайлович. Не имело смысла демонстрировать оборудование, — указал он на столик. — Столь изящный сервиз и так пошло прерванный разговор.

Якушев разлил по чашкам кофе, налил до половины коньяка в пузатые рюмки, приподнял свою и сказал:

— Здоровья и со знакомством. Приятно встретить столь интеллигентного и уверенного человека.

— Здоровья, — кивнул Гуров, пригубил коньяк. — А знакомство одностороннее. Я вас, Виктор Михайлович, больше года знаю. Впервые услышал о вас сразу после заказного убийства Михаила Михайловича Карасика, затем обратил на вас внимание, когда вы улетели из Москвы непосредственно перед покушением на господина Бисковитого, да еще перед этим был застрелен депутат Сивков.

— Выходит, я крупный мафиози, — усмехнулся Якушев, но голос коммерсанта не вязался с усмешкой.

— По-настоящему крупный вы финансист. В остальных видах своей деятельности вы обыкновенный дилетант, однако человек умный, потому я к вам пришел к первому. Дураки, признаюсь, утомительны.

— К черту, полковник! Ни о каких убийствах мне неизвестно... — Якушев смешался. — Конечно, известно, только я не имею к ним никакого отношения. И мне странно слышать, когда столь опытный сыщик упоминает о недоказуемых делах годичной давности.

— При знакомстве принято обмениваться визит-

ными карточками. Данный офис, ваши счета в банке — ваша визитка. Моя визитка, сыщика, — лишь мои знания.

— Предположения; точнее, фантазии.

— Кто конкретно и когда пригласил вас в гости к Барчуку?

— К Барчуку? — Якушев зябко передернул плечами, допил коньяк. — Ужасный дом, фантасмагория, в нем невозможно жить. Сначала позвонил Олег. — Он пояснил: — Еркин Олег Кузьмич. Он...

— Простите, знаю.

— Так вот, Олег спросил, не соглашусь ли я в мужской компании обмыть это страшилище, именуемое домом. Я согласился; тогда позвонил Барчук и пригласил официально.

— А почему вы согласились, коли были едва знакомы?

— Во-первых, я мало был знаком с убитым, во-вторых, приходится бывать не только там, где желаешь. Любишь кататься — люби и саночки возить.

— Вы на веранде фотографировались.

— Мы фотографировались во многих местах данной обители.

Гуров достал из кармана блокнот и ручку, нарисовал стрелку, пояснил:

— Стрелка указывает на окна. — Он поставил четыре крестика в ряд, один поодаль. — Чуть в стороне человек с фотоаппаратом. Не откажите в любезности, пометьте, кто где стоял. — И протянул хозяину блокнот и ручку.

Якушев отодвинул чашку, рюмку и вазочку с печеньем, положил блокнот и задумался. Он прекрасно помнил, кто где стоял на веранде, когда внезапно упал заместитель министра. Якушев вспомнил, когда в последний раз он, всесильный миллионер, молча и беспрекословно, главное, совершенно бездумно слу-

шался другого человека. Ясно, полковник не блефует, знает точно, что и самовлюбленный Сивков, и глупый Карасик убиты по указаниям и за деньги финансиста Якушева. Сыщик все знает давно, но доказать ничего не может.

— Не думайте о глупостях, Якушев, — сказал Гуров. — Я назвал Сивкова и Карасика не для того, чтобы вы решали, каким способом от меня избавиться.

— Шантаж?

— Возможно. Вам звонили вчера и сегодня?

Якушев понял, о каком звонке спрашивает полковник, отвечать не собирался, а как можно беспечнее пожал плечами, усмехнулся:

— Мне звонят сотни людей в день.

— Я редко задаю вопросы без серьезных оснований. Вы человек умный, думайте. Хочу вам напомнить, что о Сивкове, Карасике и покойном Галее знает еще один человек из контрразведки. И моя жизнь, которую, кстати, крайне трудно отнять, ничего не решает. Вас нельзя посадить на скамью подсудимых, но уничтожить как банкира и крупного бизнесмена очень даже возможно. Я воевать с вами не собираюсь, но контрразведке найти ваших противников — или деловых партнеров? — труда не составит, а они не следствие, не суд. Для них материалов о ваших связях с покойным киллером будет более чем достаточно. Правда, материалы против вас хранятся у меня, а не у контрразведчиков.

— Что вы хотите?

— Помощи. Я не вербую людей силой и на компрматериале, но вы излишне самовлюбленны и горды по-плохому.

— Не воспитывайте меня, господин милиционер.

— Господин миллионер, я просил вас пометить на листочке, кто где стоял, когда застрелили Скопа.

Якушев быстро написал против каждого крестика фамилию. Гуров смотрел на листок довольно долго, затем спросил:

— Когда вы вышли на веранду, окна были открыты?

— Открыты. Было прохладно, но хозяин сказал, мол, рамы свежепокрашены.

— Вы встали, хотели сфотографироваться... Местами не менялись?

— Я стоял на месте, мне бесконечные снимки надоели. Кто-то толкался, маленький Еркин не хотел стоять рядом с высоким Яшиным. Впрочем, не уверен.

— Проверим. — Гуров убрал листок в карман. — У меня к вам большая просьба, Виктор Михайлович... — Но в голосе Гурова никакой просьбы не звучало, и Якушев мгновенно это почувствовал.

— Упомянув об убийствах, вы решили, что можете шантажировать меня, хотите начать...

— Я сказал — просьба, Виктор Михайлович, — безразлично произнес Гуров. — Насколько мне известно, эти люди считаются с вашим мнением. Позвоните каждому из них, посоветуйте принять меня без всяких штучек-дрючек, без ссылок на занятость и прочее вранье.

— С Еркиным и Барчуком будет несложно, мы связаны деньгами, а Яшин, как я понимаю, человек с норовом, работает в охране Президента. Не знаю.

— Вы позвоните, там посмотрим.

— Я завтра должен лететь в Цюрих.

— Надолго?

— Два-три дня.

— До того, как увлеклись фотографией, вы обедали?

Якушев взглянул недоуменно, кивнул:

— Ну, ели что-то, выпили.

— Сидели за одним столом или разбились на группы?

— Нас всего было шестеро. — Якушев не понимал смысл вопросов и раздражался.

— Значит, двое могли сесть в сторонке и поговорить о своем.

— Насколько я помню, все находились за столом, когда пили кофе, хозяин принес фотоаппарат.

— Вы были выпивши?

— С чего это? Я никогда не бываю выпивши.

— Врете, да Бог с вами! Но если в вечер убийства вы были абсолютно трезвы, то почему употребляете выражение «насколько я помню».

— Не придирайтесь, у меня просто такое выражение.

— Опять врете. — Гуров хотел вывести хозяина из равновесия. —Такой человек, как вы, лишних слов не употребляет.

— Я сказал, что завтра улетаю в Цюрих.

— Меня это не касается. Деловые разговоры за столом велись?

— Не без этого. — Якушев пожал плечами.

— Виктор Михайлович, сосредоточьтесь и скажите ваше мнение. Люди собрались туда виллу посмотреть и отдохнуть или у кого-то была цель? Например, встретиться с определенным лицом, обсудить серьезный вопрос, обратиться с просьбой?

— Вы неправильно понимаете взаимоотношения деловых людей. Определенные задачи были у каждого, даже у меня. Но каждый решал свои вопросы по-своему и по обстановке.

— Спасибо, что просветили. Хорошей погоды и счастливого пути. — Гуров поднялся, оглядел кабинет. — Здорово, очень красиво и удобно; вы, безусловно, очень умный человек и не станете совершать необдуманные поступки.

— Что вы имеете в виду, черт побери? — Якушев тоже встал, шагнул к дверям. — Мне не нравится ваша манера как бы между прочим ронять упреки.

— Не нравится? Факт вашей биографии. Запомните: если вам позвонит неизвестный и попросит крупную сумму денег, а вы данный факт от меня скроете, то сделаете первый шаг из данного офиса в небытие.

Крячко сидел за рулем своего «мерседеса», ждал Гурова. Когда Гуров вернулся и молча сел рядом, Крячко ничего не спросил. И так как маршрут был оговорен заранее, поехал с Полянки, где находится офис Якушева, на Петровку. Гуров хотел взглянуть на винтовку убийцы и поговорить с экспертами.

— Если тебе интересно, могу сообщить: мужик он головастый, что-то скрывает; и неудивительно, у такого человека должны быть секреты.

— Как у сучки блохи, — ответил Крячко. — Надеюсь, ты не осуществил свою безумную идею и не вспомнил смерть Карасика и Сивкова?

— Вспомнил. Обязательно.

Крячко так обомлел, что встал на желтый свет.

— Ты оборзел, на что же ты рассчитывал?

— Хочу слегка подвербовать и вынудить на нас поработать, — ответил Гуров. — Ты знаешь, я против силового давления, но с Якушевым иначе невозможно.

— Он заказчик двух убийств.

— Догадки, не более того. Он финансовый туз, остальное бред нашего сыщицкого воображения. Потом, я же не собираюсь брать с него подписку, присваивать псевдонимы, заводить дело, ставить на учет. Пусть бегает, комбинирует, ворочает своими миллионами, но знает: есть люди, подсчитывающие его ошибки, возможно, преступления.

— Он улетит, и с концами.

— Баба с возу... Одним покойником здесь будет меньше.

— Я не говорю, что ты свихнулся, так как в спорах

с тобой выигрываю редко. Но ты сам посуди, таких богатых людей не убивают. Миллиардеров шантажируют, крадут с целью выкупа, даже, случается, пытают, чтобы получить деньги немедленно, но никто не убивает золотого тельца.

— Возможно, ты и прав, — неохотно согласился Гуров.

Крячко въехал между стоявшими у ГУВД машинами, чуть не поцарапав «волгу» с милицейским «галстуком». Из нее высунулся капитан и обложил Крячко трехэтажным матом.

— Я по-русски не понимаю. — Крячко вылез из-за руля, ждал, пока Гуров тоже выйдет и захлопнет дверцу со своей стороны.

— Сейчас объясню, вмиг поймешь! — Капитан тяжело выбрался из-за руля. — «Мерс» засранный приобрел, думаешь, и власть твоя?

Крячко поскучнел лицом, глянул на Гурова, но тот любовался стоявшей церквушкой, словно увидел впервые, а не ходил мимо десяток лет да не по одному разу.

Капитан был служивый, сообразил, кто водила, а кто хозяин, и что хозяин встревать в ссору не намерен, значит, не велика птица.

— Да ты поддатый здорово, документы! — распалялся капитан.

Гуров стоял в двух шагах, чувствовал амбре от капитана, который, видно, вчера выпил, сегодня потушил похмелье пивом, и старому сыщику стало тоскливо. У здания Главного управления милиции столицы, средь бела дня, нетрезвый сотрудник милиции хамит, сейчас попытается получить взятку, и ничего с этим не поделаешь. Конечно, он, полковник, способен сделать с капитаном многое. Но на его месте может оказаться любой гражданин. О каком авторитете милиции мы говорим?

— Товарищ капитан, да этот «мерс» числится в угоне! — На помощь капитану подбежал старшина.

Гуров нагнулся, выдернул из замка зажигания «волги» ключи, опустил в карман, предъявил свое удостоверение.

— Я иду в научно-технический отдел, если ваше начальство торопится, пусть найдет меня. А нет, так ждите здесь. — Гуров кивнул Крячко и зашагал к подъезду.

Старшина, который, судя по всему, был абсолютно трезв, чувствовал себя увереннее, догнал Крячко, схватил за рукав.

— Удостоверение разверните, красная книжечка у каждого имеется. Я при исполнении. — И начал хвататься за кобуру.

Гуров коротко ударил старшину ребром ладони по бицепсу, рука повисла пустым рукавом; полковник вновь вынул удостоверение, развернул, поднес к самому носу.

Гуров заранее предупредил о своем приезде, всегда занятый эксперт принял полковника сразу. Винтовка, из которой был убит вице-премьер, лежала на столе. Пришел и начальник НТО, некогда знавший Гурова и Крячко, встретил сослуживцев избитой милицейской фразой:

— Такие люди и без охраны! Приветствую орлов-сыщиков! Какие вопросы к скромным труженикам науки?

— Привет, Алексей. — Крячко пожал руку начальнику, кивнул эксперту. — Вопрос всегда один: где убийца?

— Станислав, — одернул друга Гуров, — в этих кабинетах люди всегда заняты, некогда ля-ля разводить.

— Для дорогих гостей несколько минут найдем.

— Спасибо. — Гуров кивнул, указал на винтовку: — Что вы можете рассказать об этой штуке? Документы я читал.

— Это карабин, СКС, находится на вооружении у спецназа, — пояснил начальник отдела.

По взгляду, которым эксперт наградил своего начальника, Гуров все понял. Если сыщики хотят выжать из орудия убийства максимум, следует от начальника любыми способами избавиться.

Распахнулась дверь, и в лабораторию ввалился полковник милиции в шинели и папахе.

— Господин полковник, вы табличку на двери видели? — вкрадчиво спросил начальник НТО.

Гуров сунул ключи от «волги» Крячко и пробормотал:

— Станислав, убери их всех отсюда.

— У меня работа, я опаздываю! — закричал полковник, но из лаборатории, на которой красовалась табличка «Вход воспрещен», вышел. — А какая-то крыса из министерства...

Крячко шагнул через порог, потянул за собой начальника отдела, прикрыл дверь и гаркнул:

— Смирно! Снимите папаху, господин полковник, или вы ее больше никогда не наденете!

Гуров подмигнул эксперту, указал на дверь и зашептал:

— Сейчас будет цирк.

Крячко владел техникой разносов в совершенстве. Главное — тон, безапелляционность и скорость слов в единицу времени. Смысл слов значения не имеет, он даже мешает, так как дает возможность для контрответа.

— В папахе в здании ГУВД могут находиться лишь три человека: начальник управления, министр и его первый заместитель. Вы слышите? И никто более! — Крячко нес полную чушь.

Шаги и голоса в коридоре удалялись. Крячко было уже едва слышно: «Ваши ключи, и молите Бога...»

— Он большой начальник? — спросил у Гурова эксперт.

— Обязательно. Простите, как ваше имя?

— Александр.

— А я Лев Иванович. — Гуров осторожно взял карабин. — Саша, как специалист, что вы можете сказать об этом оружии? В данный момент вы даете неофициальное заключение, можете высказываться предположительно. Например, из данного карабина часто стреляли?

— Не думаю.

— Хозяин ухаживал за ним, часто чистил?

— Карабин тщательно чистили непосредственно перед выстрелом. Может быть, я скажу глупость, но мне кажется, что стреляла женщина, причем женщина физически очень слабая.

— Давай-давай, — одобрительно сказал Гуров. — Чем парадоксальнее, тем мне интереснее.

— К данному выводу меня подталкивают два момента. Спусковой механизм обрабатывался напильником вручную и доведен до такого состояния, что достаточно лишь тронуть пусковой крючок, как раздастся выстрел, то есть никакого усилия не требуется. Стрелять из такого оружия крайне сложно, требует определенных навыков. Обычно в момент прицеливания указательным пальцем выбирается свободный ход, и только когда цель на мушке, курок выжимается. При этом усилии новичок дергает руку и мажет. Отстреливая данный карабин, я совершил два непроизвольных выстрела, пока не понял, в чем дело. В момент прицеливания вообще не следует держать палец на спусковом крючке, и лишь когда прорезь, мушка и мишень совпали, положить палец на крючок, его вес достаточен, чтобы произвести

выстрел. Многие оперативники подтачивают «макарова», уж больно у него тугой спуск. Но здесь, — эксперт погладил карабин, — все выполнено до предела, словно стрелять будет ребенок или очень слабая женщина.

— Интересно, очень интересно, — одобрительно сказал Гуров. — Чувствую, Александр, у вас имеются и другие соображения.

— Скорее предположения, Лев Иванович, — неуверенно произнес эксперт. — С одной стороны, это не факт, с другой — неизвестно, имеет ли мое предположение какое-либо отношение к роковому выстрелу.

— Смелее, выкладывайте, затем решим, что к чему имеет отношение. — Гуров, чувствуя неуверенность эксперта, поощрительно улыбнулся. — Вся сыскная работа основана на предположениях, чудовищных по своей несуразности.

Эксперт вновь погладил карабин, пожевал губами.

— Вот, на ложе имеется вмятина, в этом месте обычно карабин поддерживают левой рукой в момент прицеливания и стрельбы. Так вы можете не увидеть, проведите кончиками пальцев, а лучше я вам лупу дам.

Гуров осмотрел в лупу указанное место и увидел на полированном дереве небольшую вмятину.

— Вижу, ну и? — Гуров пожал плечами. — Могли ударить об железку.

— Это вряд ли, — сказал эксперт и с удовлетворением взглянул на расхохотавшегося Гурова. Откуда молодой парень мог знать, что произнес одну из любимых фраз полковника?

— Извини, коллега. А почему не могли ударить?

— В случае удара повредили бы лак, а здесь вмятина. Чтобы так промять жесткое дерево, нужны тиски. Обратите внимание, Лев Иванович. — Экс-

перт осторожно перевернул карабин. — На обратной стороне аналогичная вмятина. Мое предположение: карабин зажимали в тиски, предварительно обернув фланелевой тряпочкой. Не хотели царапать дорогую вещь. Поэтому я и полагаю, что зажимали карабин не во время стрельбы. Ведь убийца знал, что после убийства карабин выбросит, так ему все равно, будут на ложе царапины или не будут, поэтому фланельку он подкладывать не стал.

Эксперт взял одну из пробирок, стоявших в штативе, взглянул на свет, показал Гурову.

— Несколько волосков, которые я обнаружил на карабине именно в месте сжатия. Установлено: волоски от ткани типа «вельвет», у меня где-то и артикул записан.

— Молодец, очень хорошо, — сказал Гуров, проникаясь к эксперту искренней симпатией. — Возможно, из этих волосков и суп сварим. Продолжаем фантазировать. Допустим, что, готовя убийство, карабин закрепили в тисках, но ведь тиски тоже надо пришпандорить к чему-то. — Он прекрасно помнил махину подъемного крана, к которому можно было привинтить не только карабин, а и противотанковое ружье. — Значит, от тисков должен отходить металлический стержень, а на его конце тоже тиски либо другое крепление. Как ты такую железку представляешь? Нарисуй.

Остро отточенным карандашом эксперт начертил простое крепление, пояснив:

— Вот тиски, которые держат карабин; от тисков отходит металлический палец длиной сантиметров тридцать, на его конце скобы типа щипчиков для сахара и винт с ушками; поворачивая уши, можно зажать такую штуковину насмерть. — Он пририсовал и карабин, а чуть в отдалении — голову человека с рожками. — Карабин можно нацелить заранее; как

чертик появится, стоит спусковой крючок тронуть, и организуется покойник. Простенько и со вкусом.

— Умница, только рожки ты не тому нарисовал. Рожки над карабином торчат, а не под пулей.

На обратном пути от Петровки до министерства Крячко возмущенно рассказывал, каким гнилым оказался полкаш, с чьей «волги» они забрали ключи.

— Я вышел с ним на улицу, не поленился, хотел сказать несколько слов мордатому капитану. Того и след простыл; водителем оказался шустрый старшина. Капитан якобы не из их подразделения, просто попутчик. Ты видел, чтобы капитан просил полковника подвезти? Да еще сидел в машине, покуривая?

— Ладно, Станислав, пока ты занимался воспитательной работой, я кое-что интересное выяснил, — перебил возмущенного друга Гуров.

— Тебе хорошо! — не унимался Крячко. — А эта папаха мне четыре новеньких баллона предлагал. На цену не плюнешь, практически задаром. Взятку совал, чтобы мы лишнего не болтали. Тебе, с твоей окаменевшей улыбочкой, взятку может только душевнобольной совать. А такой харе, — он оттянул тугую щеку — каждый норовит в душу плюнуть.

— Да успокойся! Твоя внешность лишний раз подтверждает, что она не у каждого человека соответствует содержанию.

— Философ! — Крячко проехал на желтый свет и погрозил кулаком гаишнику, который стоял к ним спиной. — А ты знаешь, как мне новые колеса нужны? А сколько они для моей тачки стоят? Да мне до исподнего надо раздеться, чтобы купить.

— Не переживай, не взял взятку сегодня, возьмешь завтра.

— Не было там взятки, нет состава, принял подарок

за просто так. Ладно, черствая твоя душа, рассказывай, что ты в лаборатории раскопал.

Сыщики сидели в своем кабинете друг напротив друга. Дурашливая беспечность исчезла с лица Крячко, он смотрел хмуро, даже озлобленно.

— Это как понять? Нам предлагается что-то новенькое?

— К чему нам новенькое, когда со стареньким в дерьме по уши?

— Ну, что ты по данному поводу думаешь?

— Свои мысли я знаю, интересно услышать твои соображения.

Крячко состроил кислую рожицу, пробормотал:

— Вроде давно распределено: я бегаю, ты руководишь. Надоело штаны просиживать — давай поменяемся. Я думаю, — он повертел у виска пальцем — данное убийство выполнено не киллером. Если такая железка существует, ее соорудил не стрелок. С пятидесяти метров в человека из винтовки с оптическим прицелом даже я не промахнусь.

— Хорошо, дальше, — ободрил учительским тоном Гуров.

— Этот человек стрелять не умеет, но мозги у него работают исправно. А чего ты еще хочешь?

— Чтобы ты думал, Станислав. Ты отличный сыщик, но в последнее время обленился. Ты хорошо соображаешь, когда рядом нет меня. А находясь со мной, думать ленишься, мол, чего напрягаться, Лева доработает.

— Хвастун.

— У меня есть и другие недостатки. Хорошо, подтолкну лентяя. А зачем убийца свою систему разработал? Оставил бы все как есть, какая разница?

— Чтобы сбить со следа, — быстро ответил Крячко.

— Ну, при твоей версии след короткий, по нему далеко не пробежишь. Устроил упор, кстати, ты заметил на меже участков крохотный подъемный кран, там без всяких приспособлений было обо что опереться. Но убийца пошел на дополнительный риск, развинтил крепления и только после выбросил карабин. Значит, для него было очень важно, чтобы никто не догадался, что карабин находился в креплении. Надо снова ехать на дачу.

— Верно, следов там никаких изначально не оставлено, слишком жидкое месиво под ногами, а вот найти крепление можно. Убийца систему разработал, карабин в одну сторону бросил, крепление в другую, там строительного мусора до... и больше, никто и внимания не обратит.

— Тебя тряхнуть, так из тебя идеи как из дырявого мешка сыплются. Утром и поедем, но к крану не подойдем, железку будем искать не мы. Если убийца увидит, что менты что-то ищут, он может насторожиться, а нам это ни к чему. Попросим мы Мишку Захарченко, помнишь такого?

— Забыл! — огрызнулся Крячко. — Когда ты начинаешь из себя профессора изображать, мне тебя стукнуть хочется.

— А бывает? — Гуров подвинул телефон, начал набирать номер. — У него вид босяцкий, приблатненный, на него и внимания не обратят.

— Ты такой неродной бываешь, только Петр и я терпеть можем, остальные люди тебя терпеть не переваривают. Ты самую простую мысль можешь произнести таким тоном, что ясно, вот человек, он мыслит, а остальные — так, прохожие, на чашку чаю зашли без приглашения.

— Не топчи, ботинки изотрешь, — усмехнулся Гуров, но было видно, слова приятеля задевают, даже скребут. Он поднял палец, давая знак, что соединил-

ся, и хрипло спросил: — Мишаня, ты? Во повезло, с первого захода попал. Не узнаешь? — И уже нормальным голосом продолжал: — Здравствуй, Михаил, здоровье в норме?.. Молодец, верно подметил, давно не виделись. Друзья жить не мешают?.. Что?.. Ты трезвый?.. Может, ты не один и тебя слушают?.. Точно-точно? Сам видел?.. Ну, раз за руку здоровался, так верю. Я к тебе по другому делу, но раз так, тем более свидимся. Ты где работаешь?.. Ну, не важно... Поутру к «Варшаве» подскочить можешь?.. Мне без разницы, главное, чтобы тебе удобно... Тринадцать? Жду!

Гуров положил трубку, но руки от аппарата не отнимал, в глазах у него металась сумасшедшинка.

— Ну что? Что? Говори, мать твою! — Крячко шарахнул кулаком по столу.

— Галей... Борис... Сергеевич, — с трудом выговорил Гуров и уже обычным тоном продолжал: — Галей Борис Сергеевич, живой и здоровый, вернулся домой, живет в собственной квартире с родным братом Александром. Плющиха гуляла неделю. Галей рассказывает, мол, пребывал в далеком далеке, так как ментовка на него чужие трупы вешала. Сейчас, мол, все выяснилось, невиновность его установлена, он в законе, открывает свое дело.

— Какое дело, Господи? Прошлой осенью мы Галея автогеном вырезали из его «шестерки».

— Ты тело видел?

— Нет, конечно, мне покойники неинтересны. Ты полагаешь, что полковник контрразведки Ильин инсценировал смерть Галея и киллера такого класса оставил в живых? Заслал его в Тьмутаракань до лучших времен, теперь расконсервировал?

— Не думаю, — ответил Гуров. — На строительство версии материала не хватает. Можно лишь гадать да прикидывать. Раз «горячий» «вальтер» в про-

шлом году, ранее принадлежавший Галею, сунули в руки Ионе Доронину, значит, от услуг Галея отказались. Если от киллера отказываются, его уничтожают. И по дошедшим до нас сведениям, ребята из контрразведки обнаружили тело Галея в принадлежавшей ему машине, которая врезалась в опору моста. Таковы факты. Теперь, как я уже говорил, начинаются предположения. Галея решили сохранить, подсунули труп постороннего. Я не верю, что опытный разработчик полковник Ильин мог оставить киллера в живых. Это равносильно тому, что положить во внутренний карман гранату и рассчитывать, что чеку никогда не выдернут. Киллер, сорвавшийся хоть раз, уже непредсказуем.

— Можно подумать, что ты всю жизнь работал с киллерами, — Крячко был с другом согласен, возражал из желания повздорить.

Гуров на провокацию не поддался, даже подмигнул:

— Брось, Станислав, в колоде только четыре масти, и мы работали со всеми, да до сотрудничества с киллером не докатились, надеюсь, что и не докатимся.

— Не зарекайся!

— Верно, стопроцентную гарантию дают только сопляки. Контакт с киллером я не исключаю хотя бы потому, что можно работать с человеком и не знать его истинную суть. Вернемся на грешную землю. Полагаю, история с Галеем проста: его хотели использовать, но он стал опасен, и опытный Ильин разобрался в парне. Контрразведчики забрали у киллера «горячий» «вальтер», сунули его в видеокамеру, вручили Доронину; дальнейшее известно. А с Галеем решили дедовским способом: оглушили, усадили за руль собственных «жигулей», вытянули подсос, врубили передачу и направили в мир иной. Машина разбилась, тело извлекли, дальше обыкновенное российское разгиль-

дяйство. Галей пришел в сознание то ли в катафалке, то ли в морге, и дело замяли. Борис Сергеевич Галей человек обученный, опытный, отлежался где-то, возможно, и брат об этом знал, теперь объявился; у него наверняка и паспорт старый в порядке. А в местной милиции, где его сызмальства знают, он сказал, мол, меньше пить надо, мужики.

— Но убийство на даче не его рук дело, — сказал Крячко. — Галей теперь не скоро возьмет в руки оружие.

— Обязательно, — согласился Гуров. — Ему сейчас, после воскрешения из мертвых, надо первым делом свои отношения с контрразведкой урегулировать. Иначе они его быстренько в морг вернут. Ты представляешь, сколько он сейчас о наших незадачливых коллегах знает?

— Все это интересно, однако чужая головная боль. Чем занимаемся мы? — спросил Крячко.

— Разыскиваем убийцу заместителя министра Игоря Михайловича Скопа. Завтра у кинотеатра «Варшава» я встречаюсь со своим крестником Мишей Захарченко, даем ему задание поискать на стройке, недалеко от дачи вице-премьера Барчука, интересующую нас железку, а сами прибудем на данную дачу, познакомимся с обстановкой.

— Веранда пустая.

— Вот я и хочу убедиться, что она действительно пустая. — Настроение у Гурова заметно улучшилось, он даже начал насвистывать. — Понимаешь, Станислав, ни черта людям верить нельзя. Сообщают, что человек мертв, тело автогеном из машины вырезают. А человек жив-здоров! В протоколах записано, что веранда, на которой замертво упал человек, абсолютно пуста, а мне сдается, что даже такой следователь, как Игорь Гойда, так ошалел от правительственных чиновников, что кое-что, даже очень важное, на веранде просмотрел.

— Ну, флаг тебе в руки и попутного ветра! И ты хочешь, чтобы я в твоем присутствии думал? — Крячко возмущенно развел руками. — Третью неделю грамма не разрешаешь выпить, и у меня мысль только одна.

— Вот если завтра при осмотре пустой веранды установлю, что она совсем даже не пуста, тогда вечером мы твою мысль обмоем.

Глава третья

На следующий день после убийства на даче вице-премьера, то есть примерно за неделю до описываемых событий, полковник Игорь Трофимович Ильин сидел за столом своего рабочего кабинета и пребывал в крайне сумеречном настроении. Убийство — уголовное преступление, и заниматься им должна прокуратура и уголовный розыск, а отнюдь не контрразведка. Однако с начальством не поспоришь, и, получив указание генерала, поручение прокуратуры, полковник собрал жалкие остатки оперативного состава отдела — основную часть забрали после убийства телеведущего, — провел инструктаж. И голос начальника, и лица подчиненных выражали полную безнадежность. В их глазах была тоска и абсолютное непонимание, чего же это от них хотят? Так смотрит загнанный конь, пусть и отличных кровей, который уже давно перестал ощущать ожог хлыста. Побежать-то я побегу, но лишь дурак может ожидать, что измученное животное вернется на старт победителем.

Ильин лениво подвинул папку с неразобранной почтой. Было время, каждую газету прочитаешь от первой до последней строчки, а газеты кончались значительно раньше, чем рабочий день. Золотые денечки, каждый иностранец имеет номер, известный

маршрут, вылизанные связи. Иностранцы — люди привередливые, посещают изысканные рестораны, контрразведчик кушает неподалеку, и еще неизвестно, кого с большим вниманием обслуживает официант — помощника посла солнечной Гваделупы или великого лейтенанта Пупкина.

Да, было время, только глянул — все дышать перестали, сегодня практически с рядовыми ментами сравнялись, по одним помойкам лазаем, ни чести тебе, ни уважения.

— Игорь Трофимович, — раздался из динамика голос выписывающей пропуска девицы. — К нам тут какой-то гражданин рвется. Документов у него нет и ведет себя шибко самостоятельно. Ваше имя-отчество называет.

Ильин собрался послать самостоятельного гражданина куда подальше, вздохнул тяжело и миролюбиво сказал:

— Девочка, если гражданину так приспичило, видно, невтерпеж. Скажи дежурному прапорщику, чтобы проводил ко мне.

Ильин отодвинул газеты, гадая, кто сейчас явится. Видно, кто-то из бывших стукачей освободился, паспорта нет, а справку показывать не хочется.

В дверь тихо постучали, затем приоткрыли, заглянул дежурный.

— Здравия желаю, господин полковник! Разрешите завести?

— Проси, — усмехнулся Ильин и так и остался с прилипшей к губам усмешкой.

Отстранив дежурного, в кабинет вошел Борис Галей.

Ильин хотел встать, но вцепившись в подлокотники кресла, остался сидеть.

— Присутствовать? Или обождать за дверью? — спросил прапорщик.

Галей взглянул на опешившего полковника, спокойно повернулся к сопровождающему, не разжимая губ, произнес:

— Иди, сынок. Я с того света вернулся. Видишь, Игорь Трофимович переживает. — И закрыл за охранником дверь.

Галей, готовясь к предстоящей встрече с полковником, который приказал убить киллера, успокаивал себя, боялся сорваться и наделать глупостей, даже зашел в аптеку, купил валерьянки. Странно, увидев знакомое лицо с легким прищуром светлых глаз, прибитую сединой голову, непринужденно улыбнулся и неожиданно для себя сказал:

— Да не бери ты так близко к сердцу, Игорь Трофимович! Чего только в жизни не случается.

— Ну, раз зашел, присаживайся, — взяв себя в руки, сказал Ильин. — Признаюсь, не ко времени, у меня без тебя забот уйма.

— Знаю, вчера к вечеру на даче большого начальника другого холуя застрелили. Пишут, выстрел был хорош, в центр лба залепили. Я хотел попозже, где-нибудь через недельку к тебе заглянуть. А новость прочитал, понял, следует явиться, засвидетельствовать почтение да сказать, что дело не мое. Рано или поздно узнаешь, что Борис Галей живой, пошлешь своих пацанов обувку изнашивать. Ты знаешь, я винтовкой не пользуюсь, вообще цвет сменил. У меня после того, как я с того света возвернулся, к покойным, эта, как ее, аллергия, во! Ты, полковник, запиши, в момент убийства этого лоха, где-то в районе девятнадцати часов, как газеты пишут, раб Божий Галей Борис Сергеевич находился в кругу друзей и двух ментов из отделения милиции, которые отмечали его, Галея, возвращение в отчий дом. Чего не пишешь?

— Запомню.

— Во-во, у меня память отличная. Хотел я тебя закопать... — Голос у Галея сорвался, оттянуло в хрип, он тяжело сглотнул, достал пачку сигарет. — Вот курить научился, даже рюмку могу выпить, ведь знаешь, раньше этого со мной не случалось.

Ильин почувствовал, как сердце придавило; он пошарил в ящике стола, достал бутылку коньяка, сделал крохотный глоток.

— У! Да ты совсем плохой. Сосуды! Вот блядская жизнь, полковник! Чужими жизнями распоряжаешься, как дерьмом! А свою сохранить — проблема! Ты брось, береги себя, я на тебя серьезные виды имею. Опять же мне обида, коли я тебя не сам кончу, а ты от дряхлого сердчишка завалишься.

Ильин еще раз глотнул из бутылки, убрал в стол, заставил себя подняться с кресла, даже прошелся по кабинету. Оказавшись за спиной Галея, с ненавистью взглянул на его затылок. Галей угадал мысли полковника.

— Некачественно твои пацаны сработали, поленились вывести из машины, в салоне ударили, а замаха-то нет, да и удар чуть выше положенного места пришелся, потому и живой, — спокойно, несколько задумчиво произнес Галей.

— Халтурщики, простого дела не выполнили, — в тон Галею сказал полковник и вернулся на свое место. — Теперь с тобой мороки не оберешься.

— Господин полковник, давайте расставим все точки над «и»! — Галей перешел на «вы», заговорил деловито. — Я от власти не борзею, меру знаю, мне такой умный и могущественный противник не нужен. Вам известно, я вашу школу закончил, опыт страховки имею, потому вы меня тронуть никак не можете.

— Твои дела не доказываются, мои тоже не доказываются. — Голос Ильина набрал силу.

— Верно, они в суде не доказываются. Но для служебного расследования и увольнения без выходного пособия на вас, Игорь Трофимович, вполне хватит. Я материал по разным норкам рассовал, вам все не разыскать. Да и людей у вас таких, кому бы вы могли довериться, нет и быть не может. Так что ежели я под троллейбус случайно попал, то телеги на вас в тот миг и поехали. И не вашим засранным генералам, которые, оберегая себя, вас спасать начнут, а в такие места, где на моем материале вмиг из полковника Ильина героя всея России сделают, да и за пределами прославят. Все, Игорь Трофимович! Я не угрожаю, и больше вы от меня ни одного непочтительного слова не услышите. Шантаж — дело крайне опасное, мне ведомо.

— Так что ты хочешь? — Ильину не терпелось еще хлебнуть, но он удержался.

— А ничего, живут люди, каждый сам по себе и друг друга не трогают.

— Больно ты прост. — Ильин смотрел недоверчиво.

— Ну, я не совсем прост.

— Тогда говори.

— Я за эти месяцы много чего передумал, решил со стрельбой кончать. Не хлебное дело. Я иное решил.

— Хлебное?

— Очень. Половина ваша.

— Нет! — быстро ответил Ильин.

— А вы, Игорь Трофимович, не зарекайтесь. Дальний банк — это надежно, но уж больно он дальний. А наличные — они завсегда наличные. И не мне вам, уважаемый, подсказывать, что жизнь порой так сдает, что по сравнению с ней самый классный исполнитель заезжим лохом окажется. Я один. Сашку моего можно не считать, ничего не знает и знать не

будет. Я слегка обернусь, потом вы решите, падаете в долю или в стороне от денег остаетесь.

И раньше Ильину Галей нравился, сейчас понял, что цены парню нет. И надо же такому случиться, что малый оказался на другом конце веревки.

— На что же ты жить будешь, пока вернешься? — Ильин спросил и удивился своей глупости. — Мы же твой тайник нашли и доллары изъяли.

— Знаю. По совести, Игорь Трофимович, «зеленые» следовало бы вернуть, но ведь там не один человек шарил, значит, деньги оприходованы. А своих у вас нету, я с нищих не беру. У меня малость осталось, в одно место все яйца только последний кретин кладет. У вас сейчас одна задача: дать мне надежный канал связи. Естественно, никаких посредников. У вас наверняка имеется конспиративная квартира, мы там встретимся, я объясню вам суть дела, согласитесь — вы, ничего не делая, в доле, а нет — значит, нет.

— Если я ничего не делаю, зачем я вам нужен?

— Законный вопрос. В вашу контору может обратиться высокопоставленный и глупый человек, который скажет, что его шантажируют убийством и требуют деньги. Так он врет, его не шантажируют, убийством не угрожают. Об этом сигнале я должен знать.

— Наконец-то, — облегченно вздохнул Ильин. — Значит, ты хочешь сделать из меня осведомителя.

— Я? — искренне удивился Галей. — Господь с вами, Игорь Трофимович! Если хотите знать, я вообще ничего не хочу. Я практически ни за что предлагаю вам серьезные деньги. Я побеспокоюсь, чтобы человек не был круглым идиотом и никуда о моей скромной просьбе не сообщал. А наша беседа и ваше согласие вас ни к чему не обязывают. Желаете — предупреждаете, не желаете — я без претензий.

— Ничего я тебе не отвечу, так как не понимаю. — Ильин продиктовал адрес. — Запомнил?

— Ну?

— Если я позвоню и спрошу, состоится ли сегодня «пулька», ответишь — мол, ошиблись номером. На следующий день в двенадцать придешь по этому адресу. Там решим, если перестанешь темнить, конечно.

— Всего наилучшего, Игорь Трофимович, звони, чтобы меня вывели. И не будь дураком, сотри запись нашего разговора.

Ильин выпил еще коньячку, чего раньше никогда себе не позволял, откинулся на спинку кресла и задремал.

Сквозь дрему он философски рассуждал, чего только черт не делает, когда Бог спит. Очень полковнику нравился спокойный и рассудительный парень Борис Галей. Многоопытный кэгэбэшник отлично понимал, что на предложение бывшего киллера соглашаться нельзя. Но тот же опыт утверждал, что ему, полковнику контрразведки, никто никакого предложения и не делал. Его просто поставили перед фактом, точнее, перед выбором — помогать преступнику и получать деньги. Или не помогать, деньги не получать, но если он провалится, в том и другом случае сгорит дотла. Если полковник не помогает Галею, тот рискует больше, а при аресте Галея он сдает гэбэшника, и горят оба. Ильин горит значительно ярче, а уж вони будет больше неизмеримо.

«Разберем варианты. Я отказываюсь, денег не беру, Галей ошибается, его берут, он не может вывернуться и закладывает меня. Что мне предъявить со слов уголовника?»

От такой перспективы Ильин резко выпрямился, сонливость пропала. «Полковник Ильин говорит о

визите — отрицать его невозможно. Раскручивается вся история с неудачной вербовкой уголовника и выплывает мое указание ликвидировать Галея. Авария и изъятие его тела зафиксированы. Моих парней потрясут, и хоть один да посыплется, за ним расколются остальные. Отмывая себя, оперативники все свалят на Ильина. Газеты поднимают дикий вой. Это уже не отставка — суд и тюрьма.

Вариант второй. Я принимаю предложение и беру деньги. В случае провала результат тот же, да не совсем. Галей считает, что у полковника Ильина счет в далеком банке. В том банке ильинского даже кучи говна не найдешь. Если я играю с Галеем, то вряд ли такой ловкий и осторожный парень сыпанется на первом же деле, да еще при моей страховке. Он один раз обернется, я получу тысяч двести, о меньшей сумме Галей не начинал бы разговора. Человек, имеющий в кармане двести тысяч долларов, уже совсем другой человек, и возможности у него совершенно иные».

Итак, полковник Ильин сделал выбор. А если бы он знал, о каких деньгах идет разговор, то все его выкладки и рассуждения оказались бы значительно короче.

Погода стояла промозглая, март к концу, пора бы москвичам привыкнуть, из года в год одно и то же. Под ногами темная жижа, наледь проступает, лужи расползаются, в общем — мразь.

На что уж ботинки на Галее добротные, подошва толстая, рифленая, носок шерстяной, а ногам зябко, все кажется, что промочил, а не должно. В ноябре, когда его так неудачно грохнули, на улице было немногим лучше. Четыре месяца он в Москве не был, изменилось мало, цены подросли, так Галей точно не помнит, какие они были.

Следовало поесть, спокойно обдумать, чем же закончился разговор с гэбэшником. По первому взгляду он, Галей, козырем вышел, однако известно: первый взгляд, случается, в десятку бьет, а может и в «молоко» увести. Он открыл дверь неприметного с виду кафе, колыхнув портьеру, навстречу шагнул охранник. То, что малый, хоть и в форменном пиджаке с золотыми пуговицами, не официант, тем более не хозяин, Галей определил сразу. Охранник поправил бабочку под белоснежным воротничком, переступил с ноги на ногу; обычно он безошибочно определял, кому помочь раздеться, кому указать на табличку «Мест нет». Но вошедший был прост и одновременно опасен. И чего в неказистом госте опасного — не разберешь; несмотря на молодость, вышибала за год приобрел изрядный опыт, нутром чувствовал — мужик «ряженый» и суть его не в одежде.

Галей оглядел небольшой уютный вестибюль, ткнул взглядом в швейцара, определил, что малый сопливый, хоть и «качок», сомнения его понял, прервал просто. Галей стянул мокрый плащ, швырнул в парня, пригладил мокрые волосы ладонью, которую тут же вытер о штаны, и шагнул в зал.

Из шести столиков занят был лишь один, за ним гуляли две шумные пары, явно при деньгах и из местных. Галей, хотя и был чист, как новорожденный, занял столик в углу, лицом в дверям и подальше от уже пьяной компании. Девицы были, конечно, блондинки, а парни в костюмах-балахонах, размера на два больше, чем требовалось. На запястье одного тускло блеснули золотые часы. Даже на таком расстоянии Галей определил, что «бока» настоящие «рыжие», не подделка, браслет массивный, в общем, мальчик деловой, либо только вылупился и красится под крутого.

— Здравствуйте, господин хороший! — прощебе-

тала подбежавшая официантка, протянула меню. — Я вас слушаю.

— Сто пятьдесят «Абсолюта» в стакане, пачку «Мальборо», салат с мясом, кусок мяса с кровью и с картошкой, чашку кофе.

Официантка крутила в наманикюренных пальцах карандаш, не знала, что записать, мялась, затем тихо спросила:

— Простите, вам наши цены известны?

— Коли не хватит, у тебя, красавица, займу. — Галей вынул пачку сигарет, вытряхнул последнюю, закурил и вздохнул.

Галею не нравилось, что он начал пить и курить, хотя тем и другим занимался не всерьез, больше для баловства, чтобы отвлечься. Настроение было хреновое, ежели рассудить, так без причины. Он живой, здоровый, голова давно не болит, встреча с гэбэшником прошла нормально, хотя последний окончательного согласия не дал, но мужик он головастый, вмиг сообразит, что деваться ему некуда.

Вернулась официантка, накрыла ловко, умело и, чуть размыкая сочно накрашенные губы, прошептала:

— Вы меня простите, хотела как лучше, у нас недоразумения случаются.

— Я, сестренка, с понятием. — Галей выпил водку одним глотком, зажевал листиком салата, затем достал из брючного кармана пачку долларов, отслюнил сотенную, положил на стол, указал на стакан. — Повтори, пожалуйста.

— Мы вообще-то валюту не берем... — Девица смахнула сто долларов и исчезла.

Галей жил по принципу: только вперед; катился, как паровоз, не имеющий заднего хода и привычки оборачиваться. Что было, то прошло и уже неинтересно, забыто и не нужно. Профессиональный кил-

лер, он не помнил имена и лица ликвидированных. У него была избирательная память, она выталкивала из небытия факты, имена, даже номера телефонов, если в них оказывалась сиюминутная надобность.

Однако сейчас он, не ощущая вкуса, ел салат и смотрел черно-белое немое кино последних месяцев своей жизни.

Прошлой осенью, когда он был взят спецслужбой, познакомился с полковником Ильиным и жил в гэбэшной загородной резиденции, то вначале не дергался. Он знал себе цену, таких не ликвидируют. Ведь никто не швырнет в пруд золотую монету, чтобы посчитать, сколько кругов от ее всплеска разойдется. Для такой забавы под ногами сколько хошь камешков валяется.

Но когда Ильин стал как танк лезть вперед в отношении «горячего» «вальтера», Галей забеспокоился. Он почуял, что «вальтер» нужнее стрелка, и он, Галей, тут интерес не главный. Какую-то темноту служба замыслила, и в исполнении замысла «горячая» пушка важнее исполнителя. Тем более что ни одно дело Галея, даже при наличии орудия убийства, в суде не доказывалось. Уж об этом он заранее позаботился.

Тогда Галей поздно понял, где оплошал, просто свалял дурака. Он выставился перед полковником слишком умным и хватким, гэбист его понял, испугался, что такой конь под уздой не ходит, — может по желанию забить и понести куда не следует.

Галей догадался — решили обойтись без его услуг, хватит и стреляного ранее «вальтера». Киллер не отдавал пистолет до последнего, пока не понял, что дошел до самого края, времени у полковника нет, а он в игре не «джокер». Шлепнут упрямого малого, может, и жалко, да так легло, и выбора у Ильина нет. Тогда Галей требуемый «вальтер» отдал, но и тут

лишку допустил. Не просто тайник указал, а в присутствии оперов пистолет втихую забрал, пронес в ихнюю «малину» и шикарным жестом выложил перед полковником. Галей хотел лишний раз доказать свой класс, мастерство, а вышло наоборот, выпендрился; полковник убедился, что киллер спецслужбе не по зубам, пистолет забрал, а Галея решил ликвидировать наверняка.

Получив «вальтер», Ильин из особняка исчез. Через два дня, когда стемнело, знакомые охранники, уже кореши, предложили киллеру поехать взглянуть на место предстоящей «работы». Но усадили не в свой «мерс» или «волгу», а в «жигуль» Галея, и он понял, что его везут убивать. И даже догадался, как именно станут убивать. Стрелять не собираются, организуют аварию, потому и взяли машину Галея. «Сейчас главное не показывать, что я все понимаю Поверили, посадили рядом с водителем, не боятся, что я выброшусь из машины на ходу. Ударят по затылку, пересадят за руль и спустят машину под откос».

За спиной зашебуршились, он как бы невзначай обернулся, один из ребят держал стакан, второй открывал бутылку коньяка.

— Жаль, не пьешь, а то бы как раз на троих, — сказал один, старательно отворачиваясь от взгляда Галея.

— А я не знаю, пью или нет, — беспечно ответил тот, даже хохотнул. — Давай, раз такое дело, попробую.

— Неужто и впрямь в жизни не пробовал? — удивился державший стакан, повернулся — из-под ляжки у него торчала монтировка.

«Значит, бить будет он, когда ему нальют и он начнет глотать, я могу выпрыгнуть. Но справа от шоссе тянется ровное поле, спрятаться негде Как

ловко я ни упаду, пока поднимусь, они машину назад подадут, догонят и убьют. А нет, так пристрелят».

Все правильно просчитал Галей, а момент удара пропустил. Много позже он понял: амбал ударил, когда передавал товарищу стакан. Они и возню с коньяком устроили, чтобы создать максимально мирную обстановку.

Сознание вернулось, когда в машине уже никого не было, она летела по шоссе. Галею казалось, что он выныривает из-под воды, еще секунда, можно вздохнуть...

Только позже он понял, что «жигули» врезались в опору столба, потому Галей из-под воды не вынырнул, ушел в глубину.

...Он вновь пришел в себя, услышав мужской голос:

— Повезло парню, ноги, руки вроде целы...

— Затылок видел? Наверняка шейные позвонки поехали, коли выживет, урод на всю жизнь.

Галей шевельнул пальцами ног — получилось. Он приоткрыл глаза, понял, что уже в «скорой». Мелькнула дурацкая мысль, мол, здорово у нас «скорая» работает.

В приемном покое он окончательно пришел в себя, двинул ногами, руками, сел, коснулся запекшегося в крови затылка. Здесь на Галея никто не обращал внимания. В операционную стояла, точнее, лежала, очередь, кругом стонали, кричали, матерились. Какой-то, невидимый Галею, осипший мужик выл и искал свою ногу.

Галей потихоньку слез с каталки и примостился на стул между двумя мужиками, такими же, как он, окровавленными, к тому же пьяными.

Две женщины — одна в халате, другая в пальто, не обращая ни на кого внимания, разговаривали между собой.

— Ну, счастливого тебе дежурства, — говорила в пальто.

— Ты скажешь, — отвечала в халате, — сейчас еще привезут, мало в крови, так еще и...

— Не греши, дуреха, — перебила в пальто. — Слушай, а ты мне тысячонок десять до получки...

— С ума сошла? Бывай! — Сестра в халате вильнула круглым задом и скрылась за углом.

Галей понял — вот его шанс; собрав всю силу воли, поднялся, взял женщину в пальто под руку и сказал.

— Выйдем.

Она хотела отстраниться, взглянула на его голову, сказала: «Да вам к хирургу требуется», — но к двери шагнула.

Они вышли на припорошенное снегом крыльцо. Галея замутило, он чуть было не осел, но ведь с детства бился за жизнь, устоял.

— У меня деньги есть, а тут загнусь в очереди. — Вынул из кармана пачку денег, сунул женщине. — Помоги, сестра.

— Меня зовут Настя, ты оскользнулся, упал, давно знакомы. — Она взяла его под руку жестко, по-мужски. — Спустимся, дай Бог, ног от земли не отрывай, волочи...

Счастье улыбнулось Галею, как в голливудской комедии. Настя оказалась в меру душевной, корыстной, по-русски пьющей. Жила она неподалеку в отдельной квартире одна.

— Странный вы какой-то, — сказала официантка, присаживаясь к его столу. — Вроде и одеты никак, не больно молоды и красивы, не фигуристы, а чувствуется в вас мужицкая сила.

Галей согласно кивнул, взял принесенный девушкой стакан водки, отпил ровно половину, доел салат и только после этого сказал:

— Хозяин прислал, интересуется, что за птица залетела? Передай, не из органов и не блатной, просто вольный человек.

— И пачка баксов в кармане.

— Так к вам другие не ходят.

— Не так одеты и держитесь не так, опасный вы человек.

Галей нахмурился, волк не должен выглядеть волком, могут пристрелить, спросил:

— Тебя как зовут?

— Душечка, милочка, лапочка, — ответила девушка, кокетливо улыбаясь.

— Разведенная, ребенку сколько?

— В школу ходит, пацан, у матери живет, а я абсолютно свободная.

— Ты мне нравишься, лапочка, только я девкам деньги не плачу. Умная меня так полюбит, а дурочка мне ни к чему.

Официантка фыркнула и отошла. Галей проводил ее взглядом. Девица смотрелась, лет двадцати семи, тело в норме, где требуется — выпуклости, но не раскормленная, косметика на месте, но лишнего нет, губки пухлые, глазки хитрые, значит, не дура. Женщина была Галею нужна не для постельных дел, хотя мужик он был нормальный, а после выпивки и темпераментный, требовалась женщина с квартирой, где можно появляться, при необходимости отлежаться.

Медсестра Настя, с которой Галею поначалу так повезло и у которой он прожил несколько месяцев, почуяв у мужика деньги, начала тянуть на себя. Дело было не в деньгах, спрятал, не дал, при необходимости дал по шее. Настя начала пить и много болтать. Явился участковый, к тому времени Галей уже получил у Сашки свой паспорт, разговор с ментом кончился мирно, выпили по рюмашке. Но жить с болтливой пьющей бабой было совсем ни к чему. Однажды,

когда Настя дежурила, Галей шагнул за порог и захлопнул за собой дверь.

Странное дело, с одной стороны, Галей определенным женщинам нравился, с другой — совершенно не умел с ними знакомиться. Он стеснялся. Смешно? Возможно. Только Галею от такого смеха было не легче. Ладно скроенный, хорошего роста, спокойный и уверенный, он не умел подойти к женщине и сказать слова, которые с легкостью произносили миллионы мужчин, не обладающих его внешностью и умом, не говоря уже о деньгах. У Галея существовал некоторый недостаток: он был киллером, наемным убийцей. Но, во-первых, мужчины при знакомстве о своих недостатках говорят необязательно, во-вторых, кто без греха?

Когда женщина обращала на него внимание первой, Галей чувствовал себя уверенно. Официантка явно клюнула, слова о его уверенности и прочее можно пропустить, девица увидела деньги. Она не стояла на улице, не торговала собой в открытую, но явно была «платная девочка». Не то чтобы Галей был таким девственником, что никогда женщинам не платил, случалось, но в принципе они есть у каждого, он хотел от женщины ласки естественной, деньги не за любовь, а как бы в придачу, в виде подарка.

Официантка проводила шумных гостей. Галей остался в ресторанчике практически один, если не считать скромную парочку, сидевшую в противоположном углу. Галей приподнял руку, когда девушка подошла, сказал:

— Счет, пожалуйста.

— Все о'кей, вы уже заплатили.

— Черкни мне свой телефончик, лапочка, и не вздумай дурочку валять. Я парнишка не ленивый, зайду... В общем, поняла.

— Грубиянов не люблю. — Девушка вырвала из блокнота листок, записала свой номер.

— Спасибо и до скорого! — Галей сунул листок в карман, в гардеробе позволил надеть на себя плащ, дал десять долларов и вышел под моросящий дождь.

Михаил Захарченко, которому Гуров назначил встречу у кинотеатра «Варшава», жил на Масловке, рядом с домом, где обитали братья Галеи.

Малолеткой Мишка отсидел около двух лет за карманную кражу, следовательно, прошел лагерную «школу» и имел определенный авторитет среди местной шпаны и разномастных уголовников мелкого разлива. Парень он был смелый, физически крепкий, не амбал, не качок, но в уличной драке совсем не последний человек, промышлял в районе по мелочи, был смел и дерзок. Местные авторитеты взяли Мишку Захарченко на заметку и однажды пригласили его для «разговору».

Ссылаясь на «просьбу» людей очень серьезных, Михаилу предложили за солидные деньги и пропуск в круг избранных под видом ограбления замочить одного мужичка. При этом авторитеты забыли упомянуть, что мужичок тот известный мент, всегда вооружен и в уличной схватке крайне опасен. Короче, бросили Мишку с его друзьями-малолетками прямо в пасть сыщику Гурову.

Поздним вечером «банда» из четырех сопляков подстерегла Гурова в переулке у двора его дома. Схватки, естественно, не получилось, один из нападавших был оглушен паралитическим газом, двое бежали, а Мишку сыщик захватил, приволок к себе домой, где беседовал с ним до утра.

Гуров никогда не упускал возможности подвербовать человека «из среды». Полковник не заводил дел, не отбирал подписок о сотрудничестве, устанавливал

человеческий контакт и, если за парнем не было серьезного криминала, отпускал на все четыре стороны, давал советы, в действенность которых Гуров, конечно, не верил. Так сыщик поступил и с Михаилом Захарченко. Да, он с дружками напал на человека, могли ограбить, а то и убить, но ведь в конкретной ситуации отвести парня в отделение милиции равносильно тому, что выпустить на волю. Состав преступления не доказывался. Но пройдя через отделение, тумаки районных оперов, бессмысленные допросы дознавателя, в Москве появился бы еще более озлобленный, чувствующий себя победителем — ведь не доказали — грабитель, возможно, убийца. Гуров же выпустил парня, увидевшего окружающий мир в несколько ином свете, уверовавшего, что среди ментов есть мужики стоящие, на которых в трудный момент можно положиться.

Конечно, тот факт, что Михаил жил в соседнем доме с разрабатываемым Гуровым убийцей, был чистой случайностью. И помочь Гурову в разработке Бориса Галея он вряд ли чем мог, так как дружил с младшим братом киллера, увечным Сашкой, который о делах брата особо не знал. Однако, как в песне поется: «Раз ступенька, два ступенька — будет лесенка».

Вот и в субботу, раздумывая, кого бы послать на поиски крепления, удерживающего карабин, из которого убили Скопа, полковник вспомнил приблатненного Михаила Захарченко. А «крестник» и преподнес сыщику новость, что воскрес давно забытый киллер Галей.

Оставив «семерку» в стороне от кинотеатра, Гуров протиснулся среди торгующих москвичей, которые продолжали осваивать «рыночные отношения», и то ли не знали о постановлении мэра об упорядочении уличной торговли, то ли уже «отстегнули»

кому положено, потому что продавали пачки «Явы», бюстгальтеры и кожаные куртки неизвестного производства.

Преодолев все преграды, Гуров не успел дойти до «Варшавы», когда его толкнули под локоть и негромко спросили:

— Господин, вас что конкретно интересует?

Гуров голос Мишки узнал. Не оборачиваясь, продолжая смотреть под ноги, чтобы не оступиться в лужу, он ответил:

— Меня интересует, когда ты поумнеешь, но, видно, не дожить. Ходи за мной, в машину сразу не лезь.

Сыщик сделал небольшой круг и вернулся к своим «жигулям».

Он сел за руль, включил мотор, выждал, пока не усядется Мишка, и поехал прочь от опасной толкотни, где не поймешь, кто тебя видит. Гуров свернул в переулок, затем в другой, въехал во двор, где стояло две машины, остановился рядом, повернулся к Михаилу.

— Здравствуй, парень, рад видеть.

Мишка молча кивнул, глядя в серьезные глаза, в глубине которых мелькали то ли чертики, то ли смешинки, наконец ответил:

— Здравствуйте, Лев Иванович. — И вздохнул: — Не пойму я вас.

— Чего меня понимать? — Гуров положил локти на спинку сиденья. — Я мужик приличный, остальное не суть важно. Как живешь? Рассказывай.

— Вот, Борис Галей объявился, долго отсутствовал...

— О Галее потом, ты сам-то как? В криминале не увяз? После схватки с полковником Гуровым ты должен был подняться. Работаешь, нет? На что живешь, чем промышляешь? Куда тебя Батя определил?

— Боитесь, не увяз ли ваш агент в мокрухе?

— Миша, не присваивай себе званий. — Гуров усмехнулся. — Ты на меня напал, мог замочить? Факт. Я тебя должен был в острог упрятать, а выпустил. Во мне совесть шебуршит, может, я в тебе ошибся и людям плохое сделал?

— Сколько я ментов повидал, а такого...

— Ну, сколько ты ментов повидал, парень? — перебил Гуров. — Ты из себя шибко бывалого не строй. А менты, как все люди, разные. Черные, белые, серо-буро-малиновые. Ты филисофию брось, расскажи, как живешь.

— Живу, лавка у меня, торгую, в общем, как все. Ну еще, по указу Бати за соседними лавками приглядываю, гляжу, чтобы чужие не лезли, не обижали. Ну, когда я в «законе» укрепился, Батя решил меня к какому-то серьезному делу пристроить. Я, честно сказать, перетрухнул, так как мне сразу пушку дали. Я к Галеям пошел, младшему говорю, мол, так и так, пушку показываю. Ну, Сашка на костылях, вы знаете, мне своим костылем по горбу как въедет, аж белый стал: «Брось немедля!» Я ему, мол, как бросишь, когда пистоль сам Батя передал. Сашка желваки под скулами двинул и говорит, мол, отдай пушку тому, кто ее тебе дал, скажи, Борис Галей иметь не велел, а я с братаном потолкую... Знаете, Лев Иванович, — продолжал Михаил вспоминать дела прошлогодние, — я имел понятие, что старшой Галей в авторитете, но чтобы в таком огромадном — не подозревал. С того дня и по сегодня со мной вся округа низко раскланивается, сам Батя к моей лавке подошел, пачку сигарет купил; я от денег отказываюсь, он скривился и говорит: «Бери, парень, иначе проторгуешься». Сигаретку зажег, пыхнул разок и продолжает: «Торгуй беспошлинно, палатки, что по энтой стороне улицы, — под твоим приглядом. Если

толковище начнется, на меня сошлись. А у Галеев будешь, Борису Сергеевичу поклон передай». Я понимаю, Борис меня неспроста прикрыл, он Сашку любит, а я дружок, опять же в магазин сгонять, пьянчугу с квартиры выкинуть. Но за такую мелочь стальную крышу получить — великий фарт. На мне теперь ни кражонки, ни кровинки, авторитет в округе огромадный, хоть в церковь на исповедь.

— Молодец, рад за тебя. — Гуров оглядел ладную фигуру парня, кожаное пальто, водолазку под горло. — Из сопливого гоп-стопника в коммерсанта превратился. А когда Галей исчез, тебя не тронули?

— Он и раньше отъезжал. — Михаил замялся, увидев смешинку в глазах полковника, но продолжал: — Сперва дня три его не было, ночью объявился на иномарке в мужской компании. Тетка Авдотья, форточница, она водкой ночью алкашей поддерживает, видела. Приехал, мол, Бориска, как фон-барон, два мужика спереду идут, два в сопровождении. Пробыл он дома всего ничего, так же фасонисто вышел и укатил.

«Это гэбэшники за «горячим» «вальтером» привозили», — понял Гуров, спросил:

— Но потом Галей надолго исчез, болтали, что разбился на своих «жигулях»?

— Было дело, у нас тоже шептали разное, к Сашке и участковый заглядывал, интересовался, звонит брат или как? Сашка и так худой, а в ту пору почернел, только глаза живые, сам будто мертвяк. Вскоре, дней через несколько, я ему продукты приволок. Сашка прыгает по квартире, насвистывает, бросил на стол конверт, говорит, что старшой звонил, занят сильно, просит паспорт подвести. Ну, мне не трудно, я паспорт отвез, Борис братану тысячу «зеленых» передал, велел все брату покупать и мне два стольника баксов сунул.

— Это когда было? — спросил Гуров.

— В конце ноября вроде.

— Чего же ты мне не звякнул?

Михаил глаза прикрыл, затем оскалился и злым шепотом, словно слышит кто, ответил:

— А вы, Лев Иванович, меня за стукача держите? Я от Галеев, кроме доброго, ничего не видел, закладывать их не буду! Чего хотите делайте, желаете — старое подымайте! Там, если пошарить, кое-чего найти можно!

— Не плюйся, Миша! — улыбнулся было Гуров, но улыбка тут же с лица сползла. — Стучать на других — грех, только стук — он разный бывает, и стучать в разные двери можно, в мою — так всегда дело доброе. Ты погоди пылить. Я над этим вопросом думал, сегодня думаю, сколько тебе лет, столько и бьюсь над этим вопросом. Только ответа однозначного у меня никак не получается.

Михаил съежился, сник. Гуров закурил, опустил стекло, молчал долго, затем тяжело, нехотя, начал:

— Вот раньше, в книжках, в кино, коли наш человек чего творит, документы секретные крадет, так «Подвиг разведчика» получается. А если ихний у нас заводскую трубу сфотографирует, так подлый шпион и наймит. А разведчик или агент, он что американский, что русский, эфиопский, он свою работу выполняет и каждый не за просто так, не за одну идею, деньги за работу берет. Возьми меня, вроде я людей от зла оберегаю, такой правильный, памятник при жизни ставь и флаг мне в руки. А если приглядеться? Сколько душ я повыкручивал? Думаешь, я тебя прошлым летом за просто так отпустил?

— Не дурак, знаю, что должник, — буркнул Михаил. — А на Галеев доносить не заставите. Я о возвращении Бориса сказал, потому как он сам в дом вернулся, люди видели.

— Цель оправдывает средства? — продолжал Гуров. — Умные, интеллигентные люди утверждают что слова эти фашисты придумали, чтобы свои нечеловеческие поступки оправдать. Я, к примеру, не дурак и не зверь, в университетах обучался, но ответа на вопрос не знаю. Оправдывает или не оправдывает? Я так полагаю, что данную фразочку не фашист придумал, а некий философ, чаек попивая, от нечего делать, ради большого умствования сочинил. Потому как слова одни и содержания не имеют Какая цель? Какие средства? Кабы этому философу за спиной его жену с детишками поставить, а в руки топорик вручить, а супротив старуху с косой выставить и потом спросить: милок, ответь — цель оправдывает средства? Рассуждать просто. А вот в конкретном случае конкретные действенные решения принимать, так не дай Бог! Врагу не пожелаю!

Лицо Гурова затвердело, лишь на виске билась вена. Мишка, глядя на полковника со страхом, лизнул сухие губы и сказал:

— Лев Иванович, тебе стакан принять требуется.

— Мне, Михаил, много чего требуется. — Гуров вынул из бардачка бутылку «Тоника», отвинтил крышку, сделал несколько крупных глотков, протянул бутылку агенту. — Да, парень, в каждом конкретном случае решать приходится. Верно решил, значит, ты человек и мужик настоящий, неверно — ты стукач, мусор и говно. Я тебя стучать на Галеев не подталкиваю, учти только, что братья они родные, а люди совершенно разные. Сашка, хоть и увечный, а, видно, душевный. А когда ты с Борисом стоишь, учти, что для него жизнь твоя плевка не стоит. Думал, говорить тебе, не говорить, смалодушничал и предупредил. Видишь, как жизнь хитро карты кладет: вроде предупредил, доброе дело сделал, а загляни в меня поглубже, увидишь — старый опер не от доброты

предупредил, покой свой оберегал. Если теперь тебя Борис убьет, я не в ответе. Ты, Михаил Захарченко, предупрежден был, а дурака свалял и не уберегся.

— Кончай рубашку рвать, Лев Иванович, я и раньше в глазах Бориса смерть видел, — усмехнулся Михаил. — Улица знает, Борис в ЧК ликвидатором работал.

— Знает улица и знает, ЧК так ЧК, к тебе просьба не велика. Если увидишь, что у Галеев с деньгами напряженка спала, позвони. Договорились?

— Это запросто!

— Теперь слушай задание. — И Гуров объяснил агенту, куда надо подъехать, где и какую железку поискать, и дал чертеж предполагаемого крепления.

— Плевое дело, — улыбнулся, облегченно вздохнув, Михаил. — У меня теперь тачка имеется. Борис братану подарил, мне дает на рынок сгонять, другие дела. Оденусь поплоше, прохари отыщу, все облазаю, ежели ваша железка там имеется, доставлю в лучшем виде.

Глава четвертая

В понедельник утром Гуров по «вертушке», которую якобы отменили, позвонил вице-премьеру Барчуку.

— Доброе утро, Анатолий Трофимович, вас беспокоит полковник Гуров Лев Иванович. Я не ворвался на совещание?

— Здравствуйте, я один, но занят, — вежливо, но достаточно сухо ответил Барчук.

— Понятно. Как у вас складывается день? Мне нужно с вами подъехать на вашу дачу.

— Сегодня отпадает, завтра тоже...

— Тогда давайте через час прямо на даче и встретимся.

Сидевший напротив Крячко наблюдал за другом с любопытством и некоторой долей иронии.

— Я все уже рассказал, добавить мне нечего, а свободного времени у меня нет.

— Минуточка имеется? Я вечером встречаюсь с газетчиками. Они, как вам известно, ребята разные. Человека убили. Пусть он и не тележурналист, но и не чеченец, к убийству которых уже привыкли. Так вот, некоторые журналисты могут вас не понять.

— Это шантаж.

— А я считал, что гражданский долг.

— А это демагогия.

— Вы что-то говорили о сильной занятости, господин вице-премьер.

— Хорошо, буду.

— Они нервничают, очень сердиты, — прокомментировал Гуров, опуская трубку. — Его давно назначили, чего это он так самоутверждается?

— Наживешь врагов на ровном месте. — Крячко состроил недовольную гримасу. — Зачем он тебе нужен? Что ты у него будешь спрашивать?

— Понятия не имею, — легко солгал Гуров.

Барчуку не было и сорока, был он невысок, полноват и улыбчив, одет в протокольно-строгий костюм, белоснежную рубашку, галстук в тонкую полоску. Он крепко пожал Гурову руку, извинился, что по телефону хамил, доброжелательно кивнул Крячко.

День был солнечный, весенний, грязь подсохла, новый дом сверкал стеклами. Когда хозяин и оперативники прибыли, у дома стоял грузовик, разгружали мебель.

— И зачем я такую махину отгрохал? — удивлялся искренне Барчук. —Жадность человеческая предела не знает. Я не хотел, но половина загрызла: «В кои-то веки... Не будь дураком... На людей взгляни, что мы хуже?» — Он махнул рукой.

«Половина» с испариной на круглом лице, блестя голубыми азартными глазами, командовала грузчиками, крикнула мужу:

— Ты чего приперся? Думаешь, без тебя не справимся?

Женщина собралась исчезнуть в доме, но Гуров ловко подхватил ее под руку и быстро заговорил:

— Роскошный дом, мадам, просто роскошный! Сколько вкуса, фантазии... — И прошел с мадам Барчук в дом.

И хотя Гуров отнюдь не походил не персонаж Булгакова, Крячко неожиданно вспомнил Коровьева из «Мастера и Маргариты» и фыркнул.

— А ваш полковник — мужик не промах, знает, с какого боку к женщине подъехать. Но, честно сказать, пустые хлопоты. Моя лишь выглядит провинциалочкой, на самом деле — хитрющая бестия. Она ведь и мебель прямо со склада, мимо магазина, приобрела, и доставку задарма выбила.

— Что бы мы без наших жен делали? — бормотал Крячко, отметив во фразе чиновника слова «приобрела», «задарма» и «выбила». «А не заигрывает ли высокий чиновник с обыкновенными ментами? А если так, то к чему бы это?» — рассуждая так, Крячко простодушно улыбался.

Видно, вице-премьер краев не знал, по телефону начальственно перебирал, теперь разыгрывал из себя эдакого рубаху-парня. Судить о человеке по первому впечатлению крайне непрофессионально, но Крячко не любил в людях фальшь и отсутствие чувства меры. Он постарался взглянуть на хозяина с симпатией и подумал, что если чиновник, разговаривая с Гуровым, манеру вести себя не изменит, то Лева выдаст чиновнику так, что тому мало не покажется.

А в это время молодая бойкая хозяйка, которая просила называть ее запросто Асей, командовала

грузчиками, которые затаскивали в дом мебель для кабинета вице-премьера. Когда «просто Ася» рванулась к одному из «бандитов», который, по ее мнению, пытался изувечить крышку письменного стола, Гуров остался в холле и через кухню вышел на веранду Здесь убили человека, на выстеленном красивым линолеумом полу в двух местах остались меловые полоски. Это эксперты чертили контуры тела.

Веранда была огромная. Гуров на глаз определил, что в длину она метров девять и в ширину не меньше пяти. Окна застеклены, изнутри закрыты жалюзи, рекламу которых можно постоянно видеть и по телевизору, и в газетах.

Гуров закурил, отодвинул жалюзи и увидел, что окна снаружи забраны кованой решеткой. В момент выстрела окна были открыты, но решетка, конечно, сильно затрудняла стрельбу. Убитый был на пять сантиметров ниже Гурова и получил пулю в лоб. Сыщик подошел к задней стене веранды, почти ткнулся в нее лобом, вынул из кармана загодя приготовленную пятисантиметровую палочку, отмерил высоту и авторучкой поставил на ней точку. Стена была слегка шероховатая, блекло-зеленого цвета. Гуров сделал два шага вдоль стены в направлении места, где был убит человек, и внимательно начал стену осматривать, чтобы заметить инородное пятнышко, которое находилось на заданной высоте. Особой прозорливости не понадобилось. Это была круглая дырочка диаметром миллиметров пять, то есть соответствовала калибру пули, изъятой из черепа трупа. Дырочка была чем-то замазана, может, мастикой или пластилином, значения не имело и Гурова в данном случае не интересовало.

— Ну-с, о чем же мы будем беседовать, господа? — открывая бар, спросил Барчук. — Чем разрешите угостить?

— Минералочкой, Анатолий Трофимович, — сказал Гуров. — Сами понимаете, служба.

— Я-то понимаю, да выпить хочется, тем более что благоверная занята, а к начальству мне сегодня не ходить. — Барчук вздохнул, открыл бутылку воды, наполнил три бокала. — Будем соблюдать протокол. — Он жестом пригласил гостей к стойке. — Меня всегда интересовало: что, сыщики заготавливают свои ловушки заранее или решают данный вопрос по ходу беседы?

— По-разному случается, — ответил Крячко, который видел, что друг о чем-то напряженно думает, значит, разговор надо взять на себя. — Но к вам, уважаемый Анатолий Трофимович, наши приемчики никаким краем. Простите жаргон, хотел сказать, что вас на чем-либо подлавливать нам без надобности.

— Но зачем-то вы приехали? — Барчук хитро подмигнул. — А я следователю уже все рассказал, да и рассказывать-то было нечего. Мы вышли на веранду, друзья встали, обнявшись, я поправил свет, ведь уже стемнело, приготовился снимать, в этот момент Игорь и рухнул. Мне известно, что прошлой осенью в Бисковитого пытались стрелять из пистолета, скрытого в видеокамере, но в моем фотоаппарате...

— Они, — перебил хозяина Крячко и кивнул на Гурова, — не последний сыщик России. Они много знают, а уж ваш фотоаппарат «Никон-Ф» так досконально. А уж то, что человек был застрелен из карабина, даже мне известно.

Гуров безразлично улыбался, наблюдая за Крячко, который разыгрывал из себя недалекого мента, и за вице-премьером, пытавшимся держаться непринужденно.

— Лев Иванович, хотя график сегодняшнего дня у меня уже полетел к чертовой матери, но время все равно ограничено. — Барчук сменил дружеский тон

на официальный. — Если вы решили меня снова допрашивать, приступайте.

— Вы назвали убитого по имени. Он был вашим другом, вы были на «ты»? — спросил Гуров.

— Нет, Игорь Михайлович Скоп не был моим другом. Мы не встречались вне службы, да и в моем кабинете Скоп бывал лишь два или три раза, — ответил Барчук. И пояснил: — Чиновничья иерархия, вице-премьер и заместитель министра встречаются нечасто. Из присутствовавших в тот вечер я лично пригласил лишь Якушева, к которому имел деловое предложение, и Яшина из охраны Президента. Не поймите превратно, Еркина из команды Бисковитого и Скопа официально приглашал тоже я, но инициатива исходила от супруги. Она, кажется, с их женами знакома, в общем, уговорила. Мы даже в очередной раз повздорили.

Гуров согласно кивал, смотрел понимающе, мол, жене отказывать в пустяковых капризах не по-мужски. Но Крячко видел: друг не слушает хозяина, думает о своем.

— Анатолий Трофимович, а чья идея собраться в узком мужском кругу? — спросил Гуров.

— Если честно, супруга настояла, — ответил Барчук. — Она постоянно обвиняет меня в недальновидности, в том, что я не расширяю круг личных знакомств. Убедила меня, мол, предлог благовидный, пригласи влиятельных мужиков, выпейте, поговорите за жизнь. Вот так. — Он развел руками.

— Надеюсь, вы понимаете, что один из ваших гостей прямо или косвенно причастен к убийству? — Гуров не смотрел на хозяина, рисовал пальцем на мраморной стойке бара замысловатые вензеля.

— Абсолютно исключено! — воскликнул Барчук. — Как вам подобное в голову пришло?

— Ну, если вы так уверены, что никто из гостей

к убийству умышленно или невольно руку не приложил, значит, снайпера организовали вы, Анатолий Трофимович, — задумчиво произнес Гуров таким обыденным тоном, словно обвинял не в убийстве, а говорил о чем-то повседневном.

Крячко глянул на друга с сожалением, как на тяжело и безнадежно больного. Барчук широко разинутым ртом хватал воздух, вены на его висках вздулись. Он походил на человека, вынырнувшего из-под воды на последнем издыхании, уже изрядно этой воды нахлебавшись.

Гуров взял со стойки стакан с минералкой, вложил в ладонь Барчуку, прижал его пальцы к стакану, сказал:

— Не уроните, выпейте, сейчас пройдет. Поверьте моему опыту, любое убийство — сильный удар по нервной системе.

Барчук послушно сделал несколько глотков, поперхнулся, наконец с трудом выговорил:

— Вы понимаете, что говорите?

— Такова моя профессия, обязан понимать. Врач, установив, что у больного рак, сочувствует человеку, но помочь не может. Я вам сочувствую, хотя, честно сказать, не очень.

— Аудиенция окончена! До свидания, господа полицейские! — Барчук поставил стакан, шагнул было к дверям, но Гуров взял его за локоть. Вице-премьер лишь неловко дернулся и закричал: — А за это вы ответите!

— Это вряд ли. — Гуров подвел Барчука к большому кожаному креслу, заботливо усадил. — Прежде чем вы, Анатолий Трофимович, нажалуетесь министру, я переговорю с журналистами. Газеты и телевидение за несколько дней приготовят из вас такое блюдо, что не только кресло вице-премьера, но даже стульчик завканцелярией никто вам не доверит. Я

сейчас вам набросаю конспект своего выступления, вы его выслушаете, подумаете и решите, как жить дальше.

Гуров прошелся по гостиной, начал говорить негромко, отчетливо выговаривая слова, делая многозначительные паузы.

— В загородной резиденции члена правительства собрались несколько высокопоставленных чиновников якобы для того, чтобы отметить, или, как выражаются на Руси, обмыть окончание работ по строительству замка. После обеда хозяин предложил гостям сфотографироваться на память и, достав аппарат, начал делать снимки. Казалось бы, обычная история. Но здесь начинаются некоторые странности, которые закончились трагедией. Хозяин сделал несколько снимков, скорее всего — шесть, чтобы каждому впоследствии вручить по фотографии и оставить один снимок для семейного альбома.

Гуров вновь прошелся, выдержал паузу, но Барчук молчал, сидел в глубоком кресле, опустив голову.

— Хозяин так увлекся фотографированием, что начал водить гостей из комнаты в комнату, непрерывно щелкая аппаратом, и наконец вывел всех на веранду. Отметим, что уже стемнело, снимок качественным получиться не мог, а погода не благоприятствовала пребыванию на открытой веранде. Не благоприятствовала, — повторил Гуров. — Даже если учесть количество выпитого. Кто-то из гостей — кто именно, можно уточнить у следователя прокуратуры — даже воспротивился выходить на воздух, но хозяин настоял, включил дополнительное освещение, которое было приготовлено заранее.

Гуров вновь замолчал, вынул сигареты, взглянул на хозяина. Барчук вяло махнул рукой, и сыщик закурил.

— Вы хотите сказать, что я организовал покуше-

ние и умышленно вывел гостей под выстрел? — Барчук попытался спросить иронически, получилось лишь растерянно.

— Я лишь воспроизвожу события, предшествующие убийству, — ответил Гуров. — Уже заканчиваю, лишь подчеркну, что фотограф довольно тщательно расставлял гостей...

— Не хватало света! — перебил Барчук.

— Кому не хватало света? Фотографу или снайперу? — Гуров пожал плечами. — Я подскажу данный вопрос следователю прокуратуры, уверен, что журналистов такой вопрос заинтересует. Вы, Анатолий Трофимович, утверждаете, что обед супруга организовала, как говорится, экспромтом, на скорую руку. Гостей вы приглашали за два-три дня, не более, но нанять киллера требует времени, указать ему нужную позицию может лишь человек, который знает расположение вашего дома, знает, что веранда выходит на стройплощадку соседей. Вы утверждаете, что никто из ваших гостей не может иметь отношения к убийству. А кто может? На данный вопрос обязана ответить милиция. Так вот я, полковник Гуров, сыщик с более чем двадцатилетним стажем, отвечаю, что при данном раскладе на девяносто с лишним процентов убийство организовал хозяин шалаша, фотограф, который темным ненастным вечером вывел жертву под пулю киллера. Если у вас есть вопросы, я попытаюсь на них ответить.

— Мальчишка! — на пороге появилась мадам. — Раз ты изволил приехать, подыми жирный зад, взгляни на кабинет, который тебе отгрохала твоя женушка!

— Мадам, будьте любезны, выйдите отсюда и прикройте за собой дверь плотно. — Барчук выбрался из кресла, распрямился, одернул пиджак, даже поправил галстук.

Супруга вылетела, хлопнула дверью, тут же приоткрыла ее, вновь закрыла, уже тихо и аккуратно.

Барчук разительно изменился: фигура собранная, движения неторопливые, четкие, лицо мужественное, даже интересное — словом, хозяин превратился в чиновника высокого ранга, человека волевого и думающего.

— Вам, господа, нельзя, а мне сейчас так просто необходимо. — Он открыл дверцу бара, взял, не глядя, одну из бутылок, плеснул в хрустальный стакан, выпил.

Крячко наблюдал за Барчуком с любопытством. Гуров смотрел в окно, проверял, как закрываются и открываются жалюзи.

Хозяин взял со стола радиотелефон, набрал номер, соединившись, сказал:

— Вадим, это я. Заболел, сейчас нахожусь за городом, вернусь в квартиру — позвоню. Все отмени: где следует, извиняйся, где можно — надави. До завтра, я оставляю тебя за старшего. Все! — И вернул аппарат на место.

— Лев Иванович, вы нарисовали мрачную, но достаточно реалистичную картину. — Барчук собрался выпить еще, но удержался, закрыл дверцу бара. — Меня предупреждали... Гуров... Гуров... Честно сказать, как человек, ни в чем не виноватый, я не испугался и не внял предупреждениям. У меня к вам лишь один вопрос.

Гуров перестал баловаться с жалюзи, повернулся, кивнул:

— Слушаю вас внимательно.

— Вам, опытному сыщику, не кажется, что против меня улик слишком много?

— Извините, Анатолий Трофимович, но улик, как и денег, слишком много не бывает, — неожиданно вмешался Крячко. — Не хватает, такое случается. А слишком много? Такого не припомню.

Барчук взглянул на Крячко и брезгливо поморщился. Станислав решил, что Гурову полезно передохнуть, изобразил на лице обиду и продолжал:

— Я в сыске, конечно, не Гуров, но и не «шестерка». А они, — Крячко кивнул на друга, — не Президент, потому рядом с собой ни холуя, ни дурака держать не станут. А чтобы мои слова не выглядели пустым хвастовством, подброшу вам пустяшный вопрос. Сегодня привезли мебель для вашего кабинета.

— Ну? — Барчук смотрел недоуменно.

— Ваша супруга — не Клара Цеткин, женщина обыкновенная. А женщина никогда не станет приглашать в дом гостей, пока дом не обставлен окончательно. Так что ваше утверждение, что инициатором вашего мальчишника была она, вызывает серьезное сомнение. А выражаясь без реверансов, вы попросту врете. Мальчишник организовали вы сами, почему-то спешили, не могли чуть обождать. Может, живой Скоп вам уже поперек горла встал? А мертвый, он тихий, никому не мешает.

Барчук еще больше выпрямился, даже привстал на носки, казалось, сорвется, закричит, но сдержался, лишь пробормотал:

— Интересно, чем гэбэшники неделю занимались, если у вас, сыщиков, на второй день столько вопросов?

— Они жопы свои берегли, — ответил Крячко.

— Станислав! — резко сказал Гуров.

Он недолюбливал «соседей», так повелось исстари, но говорить об этом считал возможным только между своими. Кроме того, Гуров знал, СБ, ФСК, или как их ни называй, за последние годы понесли огромные потери специалистов. К сожалению, лучшие всегда гибнут первыми.

— Я приношу свои извинения, Анатолий Трофимович. — Гуров взглянул на Крячко недобро. —

Только у меня еще вопросы остались. Мне, например, извините, непонятно, почему, когда Скоп упал с пулей во лбу, вы бросились в сад с криками: «Машину угнали!» И пробежали весь участок. Хотя мы проверяли, грязь засохла, но носиться по рытвинам — занятие не из приятных.

— Ну! — Барчук взмахнул руками. — Эмоциональный срыв! У вас каждый день трупы, а я впервые...

— А карабинчик-то у крана вы заметили и принесли... — усмехнулся Гуров. — Срыв, понятно, но то, что вы карабинчик платочком обернули, чтобы на оружии пальчики не оставить, это уже не срыв, а расчет.

— Случайно же, полковник. — Барчук чувствовал, что оправдывается, выглядит несолидно.

— Господин полковник, если удобнее, то Лев Иванович, — поправил Гуров. — Полицейские чиновники всегда были занудами, так исстари повелось.

— Да не убивал я! Что вы мне дело вяжете? Нужен мне Скоп? Если хотите, это я ему поперек пути стоял, а не он мне. Вы же умный человек, должны понимать: зампремьеры не убивают замминистров. Существуют иные способы.

— Да не подозреваю я вас, Анатолий Трофимович! — сказал Гуров. — Иначе мы бы с вами разговаривали в другом месте и в ином тоне.

— Это точно, — вставил Крячко. — Убийство — история серьезная, и никакой премьер вас бы не спас. Они вас не подозревают, успокойтесь.

— Не лезь. — Смягчая слова, Гуров улыбнулся. — Итак, среди ваших гостей находился сотрудник из охраны Президента?

— Не рядовой сотрудник...

— Тем более! — перебил хозяина Гуров. — Допрашивать вас всех следует тщательно, придется зада-

вать неудобные вопросы. Ребята из контрразведки достаточно опытны и вопросы у них были бы те же, что и у меня. СБ и ФСК — службы разные, но ворон ворону глаз не выклюет. Некто наверху сказал, мол, не лезь, не умничай, обожди. Как видите, все очень просто.

— Значит, контрразведчиков остановили, дело передали в МВД, а ментов приструнить невозможно? — насмешливо сказал Барчук, в голосе которого вновь зазвучали начальственные нотки.

— Приструнить ментов? — переспросил Гуров, почесал седой висок, долго и с интересом смотрел на хозяина. — Можно и приструнить. Действительно, зачем разыскивать убийцу, если процесс розыска доставляет неудобства высокопоставленным чиновникам?

— Лев Иванович, вы неправильно меня поняли, — быстро сказал Барчук. — Я выразился неудачно.

— Неосторожно, — поправил Гуров. — В принципе высказывать вслух свои мысли — неосторожно, даже опасно. Станислав, у тебя пленка не кончилась?

— Не должно, однако проверим. — Крячко поднял стоявший у его ног кейс, раскрыл, вынул магнитофон, канцелярскую папку, положил на стол. Проверив магнитофон, Крячко покачал головой, сказал: — Еще минут на сорок имеется, потом заменим кассету.

— Сорок минут нам хватит. Верно, Анатолий Трофимович? — Гуров вновь взглянул на хозяина.

Барчук не потерял лица, не закричал, не начал юлить, лишь спросил:

— Нарушаете закон, дело привычное?

— Никто не устанавливал подслушивающих устройств. Иметь при себе магнитофон никому не запрещено. Я передам запись нашей беседы в прокуратуру, следователь решит, какой из моих вопросов дублировать и внести в официальный протокол. Вы

запамятовали, Анатолий Трофимович, что на веранде вашего дома убили человека, и я вам доступно объяснил, что некоторые ваши поступки в вечер убийства вызывают недоумение. Я умышленно показал вам магнитофон, вы знаете, что наша беседа записывалась. Вы вправе потребовать, чтобы магнитофон выключили, вправе прекратить нашу встречу и попросить нас удалиться. Мне лично хотелось бы задать вам еще несколько вопросов. Решайте.

— Выключите! — импульсивно воскликнул Барчук.

Крячко нажал на клавишу, остановил запись. Теперь Барчук, копируя Гурова, прошелся по гостиной, долго молчал, махнул рукой и сказал:

— Включайте, у меня нет гарантий, что магнитофон имеется в одном экземпляре.

— Разумная мысль, — прокомментировал Гуров.

— Вы бандиты, в России творится беспредел.

— Свежая мысль. А беспредел, это когда убивают людей, или беспредел начинается в тот момент, когда милиция записывает на пленку рассуждения вице-премьера?

— Лев Иванович, вы сильный человек, не вытирайте ноги о поверженного противника. Давайте ваши вопросы, перечислите их сразу, чтобы я мог сосредоточиться.

Гуров с Крячко переглянулись и рассмеялись. Более эмоциональный Крячко, продолжая смеяться, сказал:

— Ну, вы даете, Анатолий Трофимович! Ну никак вы не можете забыть, что являетесь большим чиновником! Мне видится, что, если вас поволокут на эшафот башку рубить, вы попросите палача коврик постелить, чтобы вы, стоя на коленях, штаны не испачкали.

— Станислав, ты со своими ментовскими прибаут-

ками даже мне надоел. — Гуров повернулся к Барчуку, кивнул. — Вопросы? Извините! Характеристики каждого из ваших гостей, включая убитого, и ваши личные и служебные взаимоотношения с каждым. С какой целью вы организовали обед? Почему в данный день, а не выждали, пока особняк будет полностью обставлен? С какой целью вы проводили фотографирование? Почему вы фотографировали сначала в спальной комнате, которая расположена на втором этаже, и только потом на веранде, на первом этаже? Пожалуй, все, — закончил Гуров.

Крячко взглянул на друга недоуменно, но промолчал.

— Юридической силы ваши ответы и магнитофонная запись не имеют. — Гуров ответил на взгляд Крячко иронической улыбкой. — Вам предстоит долгий, утомительный допрос в прокуратуре, где вы поймете, что наш сегодняшний разговор лишь светская болтовня, не более.

Барчук отвечал неторопливо, лаконично, достаточно убедительно для людей менее опытных. Если бы сыщики захотели, то разбили бы аргументацию хозяина в пух и прах. Но такой задачи они перед собой не ставили, потому согласно кивали и поддакивали.

Пока Барчук излагал свою складную историю, он окончательно пришел в себя и, закончив отвечать, спросил:

— Простите, почему вы не интересуетесь главным? Кому я рассказывал о предстоящем обеде, как киллер узнал о том, что мы собираемся, где и когда?

— Анатолий Трофимович, если вы имеете отношение к выстрелу, то правду никогда не скажете, — ответил Гуров. — Если не имеете, то ничего интересного для нас вы не знаете. Зачем задавать пустые вопросы? Решим, как разговаривать с прессой. Мы ничего нового не выяснили. И пока вы будете вести

себя как законопослушный гражданин, мы, оперативники, будем стоять на такой версии. Если следователь прокуратуры начнет на вас жаловаться, поберегитесь.

— Шантаж? — воскликнул Барчук.

— Я бы сказал иначе. Предупреждение.

Вежливо, сухо попрощавшись, сыщики направились к машине. Крячко оглянулся, сказал:

— А кабинет мы так и не посмотрели.

В «мерседесе» они несколько минут молчали; вырулив на шоссе, Крячко сказал:

— Мне представляется, что Барчук каким-то краем в истории замазан.

— Или его подставляют, — ответил Гуров. — Я бы с тобой согласился, но интересы вице-премьера не пересекаются с интересами замминистра.

— Не скажи, финансы, то есть денежки, тугрики и прочие пфенинги... Ни на какую зарплату подобную махину построить и обставить невозможно. — Крячко по-блатному цыкнул зубом. — Иной вопрос, каким образом такой чиновник может выйти на киллера?

— Здесь как раз очень просто, — усмехнулся Гуров. — Никакого киллера не было.

Вскоре в кабинет Орлова пришел следователь прокуратуры Гойда, раскланявшись с генералом, сказал:

— Мое руководство ворчит: что-то к ментам зачастил, не поймешь, кто руководит следствием и кто кому подчиняется.

— Присядь, Игорь Федорович, — Орлов указал на стол для совещаний, — сейчас распоряжусь. Тебе кофе, чай?

— Едино, — ответил Гойда, усаживаясь и раскрывая папку с материалами. — Много твои парни накопали?

Орлов распорядился принести кофе и чай, позвать Гурова и Крячко, усмехнувшись, сказал:

— У меня Станислав, умница, хитрец и балагур время от времени вводит в обиход различные словечки, фразочки, которые прилипают словно репей. Так вот, сейчас Станислав бы сказал: «Накопали, мало не покажется».

— Здравствуйте, — сказал, входя в кабинет, Гуров, глянул на любимый подоконник, понял, что придется сидеть вместе со всеми за столом, обреченно кивнул и занял стул в самом дальнем конце стола.

Тут же вошли секретарь Верочка с большим электрическим чайником и Крячко с подносом, на котором была посуда и две упаковки импортного печенья или чего-то другого заграничного. Верочка тут же ушла, а Станислав начал хозяйничать: расставлять приборы, варварски надрывать яркую обертку, вытряхивая содержимое на тарелки, и, предваряя серьезный разговор, трепаться:

— Сейчас бы бутерброд с «Докторской» либо «Любительской», но их теперь не делают. Лев Иванович, обратил внимание, какая суетня в вестибюле? Я решил, какие иностранцы прибыли или из самой Думы кто соизволил заглянуть, а оказывается, прокуратура нагрянула. Игорь Федорович, вам чай, кофе или ну его на фиг?

— Как ты, Станислав, не устаешь? — Орлов сел во главе стола, подвинул чашку. — Мне кофе, пожалуйста.

— Мне уставать начальство не велит.

Крячко кивнул на Гурова; тот вынул из полиэтиленового мешка крепление, которое, конечно, разыскал Михаил Захарченко, протер тряпкой, положил перед Гойдой.

— Игорь, у тебя одна попытка понять, что это за железка и где найдена.

Гойда с любопытством повертел самодельное крепление, прокрутил винты на обоих концах, сказал:

— Я такую штуку искал, оперативникам приказывал, признаю, силен ты, Лев Иванович. Догадки, предположения и факты суть вещи разные. Но данное крепление к делу не приложишь, потому как его обнаружение юридически не оформлено и доказательством быть не может.

— Мы ребята простые, не ленивые, вернемся, положим, где нашли, соберем табор свидетелей, оформим, как прикажете, — сказал Крячко.

— Крепление карабина к стойке крана никогда не будет доказательством в деле, — лениво ответил Гуров. — Факт существования такого крепления максимально концентрирует круг розыска убийцы. И только.

— Что является доказательством, решает следствие, затем суд. — Гойда насупился. — Неужели трудно было оформить по-человечески?

— Потому мы прокуратуру и не любим, — буркнул Крячко. — Значит, вмятины на карабине вы видели, существование зажима предполагали, искали, гэбэшников посылали — не нашли. Сейчас, когда вам этот чертов зажим преподнесли на блюдечке с голубой каемочкой, вы недовольны каемочкой.

— Доволен, Станислав, доволен. — Гойда вновь покрутил винты. — Однако непорядок, и мне непонятно...

— Оформить находку надлежащим образом не было возможности, — перебил Орлов. — И хватит об этом, хотите — берите, не нужна — выбросите. — Он сердился редко, сейчас, казалось бы, из-за ерунды набычился, голосом погустел.

— Непонятно: железку нужную нашли, а оформить находку не сумели. И объяснить не можете? Или не там нашли? Или распорядились изготовить по

своему чертежу? Это не я говорю, — торопливо добавил Гойда. — Лично я вам верю как себе. Но прокурор и судьи на ситуацию могут взглянуть иначе. Об адвокатах я уже не говорю.

Орлов сунул два пальца за воротник, дернул, чтобы не давило, верхняя пуговица рубашки отскочила, галстук съехал набок.

Гуров предупреждающе выставил ладонь, мол, не стоит пороть горячку, сейчас разберемся.

— Игорь, я тебе объясню два раза, первый — он же последний. Сумеешь понять, будут на тебя розыскники пахать, не сумеешь — они начнут служить, выполнять твои поручения. Эту железку отыскал не я и не Станислав, а мой агент. Я ему объяснил, что следует искать, где конкретно, и он нашел, потому что очень старался. А старался человек, так как кое-что мне должен. У нас не принято задавать друг другу лишние вопросы. Даже генерал-лейтенант Орлов, мой начальник и друг, у меня не спрашивает, кто искал и почему так старался. На этом стоит и стоять будет уголовный розыск. К делу приобщить крепление нельзя, никакого свидетеля у тебя нет и никогда не будет. Я железку сюда притащил и тебе показал, чтобы ты знал: карабин крепился. От данной печки и танцуй.

— Если танцевать умеешь, — вставил Крячко и шлепнул себя по затылку.

Орлов успокоился, вытягивая губы дудочкой, пытался вернуть галстук на место. Гойда мужик умный, пробормотал извинения, тут же сказал, что милицейским агентам не верит, они врут, сообщают лишь то, что оперативник желает услышать.

— Верно, — кивнул Крячко. — Крохотный нюансик существует, господин старший следователь по особо важным делам. Каков оперативник, таков и агент. Вы сейчас изволите иметь дело с Львом Ивановичем Гуровым.

— Закончили, вопрос сняли. — Гуров поднялся, шагнул к Гойде, взял лежавшую перед ним железку и убрал в свой пакет. — Тебе крепление ни к чему, а нам может пригодиться. Мы не в суде, для нас ясно, что карабин был намертво прикреплен, следовательно, стрелять мог лишь в одну точку.

— Вот именно, Лев Иванович, вот именно, — оживился Гойда. — Когда я, осматривая карабин, заметил следы зажима, я сразу подумал о креплении. Но, поразмыслив, понял: если карабин намертво зажать, а только при таком зажиме могли остаться следы, то прицеливаться из карабина уже нельзя. При стрельбе он будет всаживать пуля в пулю, поэтому я идею крепления и отбросил. Оно могло иметь место, но не в нашем случае, а ранее.

— Именно укрепленный карабин будет всаживать пуля в пулю. Ты умница, Игорь Федорович, — сказал Гуров. — Рассуждай дальше.

— Если поставить жертву в нужном месте и произвести выстрел, промах исключен. — Гойда радостно потер руки. — Ты был на веранде, но и я там был. Естественно, что карабин не виден.

— К тому же было темно, как у негра в желудке, — вставил Крячко. Он не знал разгадки, но отлично знал Гурова и понимал, если у Левы нет решения, он разговор не поддержит.

— Я встал на место, с которого предположительно был произведен выстрел, в бинокль посмотрел на веранду, — продолжал Гойда. — Конечно, место поражения заранее определить можно, но лишь приблизительно. И выставить на веранде человека, чтобы ему угодило в центр лба, невозможно, головой ручаюсь.

— У тебя ее заклинило, дорогой, потому ты и ручаешься. Я сейчас клинышек выбью, ты свою головушку очень беречь будешь.

— Нужен контрольный выстрел, — сказал Орлов — Затем поставить жертву затылком к отверстию в стене, тогда человек получит пулю в лоб.

Гуров незаметно для остальных показал Орлову большой палец. Генерал довольно улыбнулся, даже хихикнул уж совсем не по-генеральски.

Крячко понял все одновременно с Орловым, но с искренним удивлением произнес:

— Ну и голова у вас, Петр Николаевич. Мне, грешнику, с начальником повезло, ну сил нет. А как вы полагаете, господин следователь?

Гойда сидел понурившись, переживал не оттого, что кто-то оказался умнее, а потому что, человек самолюбивый, ткнулся носом в принципе на простой ступеньке.

— Ну, Лев Иванович, чего молчишь? Ты след от пули контрольного выстрела в стене веранды нашел?

Гуров чуть было не произнес традиционное: «Обязательно», удержался и молча кивнул.

— Покрытие на стене модное, шероховатое, дырочку зашпаклевали, но точно цвет подобрать не удалось; уверен, пулю не извлекли, она в стене.

— Ну, господа, мое время истекло. — Орлов поднялся. — Дела иные ждут. Вы продолжите свои беседы в кабинете сыщиков. — Он пожал руку Гурову и Крячко, а следователя обнял за плечо. — Задержитесь на минуточку.

Когда подчиненные и друзья вышли, Орлов отпустил Гойду, хотел взять печеньице со стола и выругался:

— Станислав, сукин сын, печенье упер! Ты следи за ним, давно примечаю, хоть и полковник, а на руку нечист. Ты после рукопожатия с Крячко свои пальцы пересчитывай. И вот еще... — генерал, подыскивая слова, запнулся. — Ты извини старика за совет, но с Гуровым лучше не соревноваться. Я его, пацана,

воспитал, мое самолюбие больнее твоего, однако смирился. Ну, такой он, не виноват, от природы умен неприлично. Ну и черт с ним! Его жалеть и беречь следует, и беречь в первую очередь от него самого.

— Спасибо, Петр Николаевич, я постараюсь. — Гойда попрощался и пошел к оперативникам.

Гойда сидел за столом Гурова; хотя все три стола были совершенно одинаковые, место слева от окна считалось главным.

— Таким образом, Лев Иванович, вы предлагаете версию, что убийство совершил один из присутствовавших на вилле, — устало произнес Гойда. Разговор продолжался не один час, и устал не только следователь, сыщики тоже порядочно выдохлись.

— Мы имеем, — Гуров прошелся по кабинету, присел на край гостевого стола, — укрепленный карабин, нацеленный на веранду, пулю в стене веранды, сточенный спусковой механизм, который дает возможность произвести выстрел, лишь коснувшись спускового крючка.

— Не шибко понятное фотографирование на вилле и уж совсем непонятная попытка сделать снимок на холодной, пустой, темной веранде, — добавил Крячко.

— Как нажали на спусковой крючок? — спросил Гойда. — Можно предположить, что протянули обыкновенную нитку и, когда жертва оказалась в нужном месте, слегка дернули. Все из области предположений, ничего не доказывается. Я вас понимаю, друзья, вы работали, получили определенный результат, я критикую. Вы в полном праве сказать, мол, не нравится — предложи что-нибудь получше. У меня ничего получше нет, а то, что вы построили, уж больно шатко, честно сказать, соплями склеено.

— Мы тоже понимаем, — кивнул Крячко. — Ты

же запись нашего разговора с Барчуком слышал? Допроси его официально по существу каждого вопроса.

— Убежден, что Барчук явится с адвокатом либо предварительно проконсультируется с ним. И ваши вопросы, типа «почему собрались в еще не обставленной даче?», «кто был инициатором организации обеда?», «почему делали снимки сначала на втором этаже, только позже на веранде?» останутся без ответа как не имеющие отношения к происшедшему. Если ваши предположения верны, то осуществить столь хитро задуманный план был способен только хозяин виллы. Следует копать в служебных отношениях, пересечениях интересов между вице-премьером и замминистра. В каком вопросе, в проведении какой финансовой операции замминистра мог встать на пути Барчука, встать столь прочно и непреодолимо, что лишь убийство последнего...

— Извини, Игорь, — перебил Гуров. — Нам в финансовых комбинациях не разобраться. Твое предложение не годится. Дом строится с фундамента, а не с крыши. В данном случае фундаментом должно служить не классическое «кому выгодно?», а наше личное, всех троих, убеждение, кто конкретно организовал убийство.

Гойда вскочил, возмущенно замахал руками, от возмущения он не мог произнести ни слова.

— Игорек, расстегни ты на время свой прокурорский мундир! — Гуров рассмеялся. — Мы не собираемся творить беззаконие. Мы не мальчики и не выложим на твой стол лишь предположения и убеждения. Но нам убеждения необходимы. Когда мы узнаем, кто убийца, упремся рогами, будем добывать доказательства. Мы будем знать и помалкивать, и наши начальники, какие бы они золотые ни были, не должны знать, что мы знаем. Ни твой помощник

прокурора Федул Иванович Драч, умница и честнейший мужик, ни наш генерал и друг Петр Николаевич Орлов. Начальству мы докладываем добытые факты, а наши предположения, голословные убеждения — наше личное. Мы можем добывать доказательства месяц, год, может, придется ждать ошибки, нового преступления убийцы. И нечестно грузить на начальников, у них не одна группа.

— Согласен, — сказал Гойда. — Сколько у нас подозреваемых? Пятеро.

— Меня не спрашивают, но я бы оставил троих, — сказал Крячко. — Я бы исключил самого Барчука, уж больно много против него косвенных улик. И Якушева: у него такая уйма денег, что нет смысла мараться с фигурой масштаба замминистра.

— Два дня назад ты рассуждал иначе, — сказал Гуров.

— Я поумнел. Я не знаю Якушева так хорошо, как знаешь ты, однако при его самомнении, величии не представляю, как он месит грязь на том участке.

— Становишься психологом, — усмехнулся Гуров.

— От тебя и не такую заразу подцепить можно.

— С вами не соскучишься. — Гойда сделал пометки в своем блокноте. — Остаются: Яшин Егор Владимирович, замнач Управления охраны Президента, — начальник Яшина нам глотки перервет; Еркин Олег Кузьмич, председатель комиссии у Бисковитого, — тут слов не надо, сами понимаете; Ждан Юрий Олегович, помощник Президента. Ни один из них в прокуратуру больше не придет, заявит по телефону, что единожды допрашивался и баста. И вы при всей вашей ловкости к ним не подберетесь.

— Обижаешь, начальник! — Крячко призывно взглянул на Гурова, который ответил безразличной улыбкой.

— Известно, все гениальное просто, — начал Гу-

ров. — Откроем карты, бросим на стол, деликатно намекнем, что, к нашему величайшему сожалению, господа хорошие, убийство совершил один из вас. Подозрение в убийстве — не надоевшее обвинение в воровстве...

— Меня повесят, содрав прокурорский мундир вместе с кожей, — прокомментировал Гойда.

— Ты слишком высокого мнения о власть имущих. Они не мушкетеры: «Один за всех и все за одного!» Ни один начальник не захочет держать рядом с собой возможного убийцу.

— Ельцин же держит рядом Грачева, и ничего!

— Заткнись! — Гуров матерно выругался, выпил из стоявшей на столе бутылки пепси. — Извини, Станислав, извини!

— Ладно уж, мы привыкшие. — Крячко широко перекрестил друга.

— Игорь, ты не должен ни в коем случае никого ни в чем обвинять. Барчук у тебя в ближайшее время объявится, пусть с двумя адвокатами. Ты вежливо улыбаешься, благодаришь, извиняешься, все путем, по протоколу. Затем мягко, с болью в сердце, заикаясь и не договаривая, сообщаешь о вновь вскрывшихся обстоятельствах. Будь они прокляты, эти обстоятельства, и трижды проклята судьба, которая свалила неподъемный груз на твои хилые плечи.

— Выгонят из ментов, в поэты подашься.

— Станислав, меня за долготерпение живым на небо возьмут, — ответил Гуров и вновь повернулся к следователю. — Извини за поучения, но у меня было время все обдумать и подготовиться.

Гойда вспомнил напутственные слова генерала и миролюбиво кивнул.

— Затем ты приглашаешь Барчука, обязательно с адвокатом, эксперта НТО и едешь в знакомый замок. Место, где вошла контрольная пуля в стену веранды,

ты найдешь без особого труда, эксперт извлекает пулю, оформляешь все должным образом.

— Адвокат заявляет протест, мол, неизвестно, каким образом пуля туда попала, — говорит Гойда, но не протестуя, а явно предлагая Гурову развивать свою мысль дальше.

— И адвокат прав, действительно неизвестно, но именно здесь был убит человек, и твоя обязанность пулю изъять и отправить на сравнительную экспертизу. Ты, следователь прокуратуры, сожалеешь, но обязан выполнить свой долг. Здесь ты можешь исполнить классный номер, Игорь. Непрерывно повторяя, что кощунственно подозревать хозяина в убийстве, пригласи Барчука с адвокатом пройти по участку от веранды к предположительному месту, где был укреплен карабин. Скажи: предполагаешь, была натянута нитка, убийца нитку оборвал, но кусочек мог где-нибудь зацепиться.

— Даже если нитку найдем, ничего не докажем. — На лице Гойды проступил румянец, следователь уже понял, к чему клонит сыщик.

— Конечно, не докажете, — согласился Гуров. — Но не только нитка, даже ее поиск укажет на группу господ, находящихся на веранде в момент убийства. Ты ничего не говоришь, никого не подозреваешь, ты — лишь зануда-следователь, работаешь. А они, господа правители, мучаются вопросами. А убийца может и предпринять некоторые шаги, возможно, ошибочные. А мы будем ждать! Станислав, мы умеем ждать?

Крячко, ранее улыбавшийся, не выдержал и рассмеялся.

— Я молчал, но не могу больше. Лев Иванович, ты помнишь, какая на участке земля? Теперь представь, как вице-премьер с адвокатом в модных ботиночках топают по щиколотку в земляной жиже от веранды до крана. А? Картина, достойная кисти Айвазовского!

— Он писал море, — возразил Гойда.

— Там и есть море грязи. Вы, господин следователь, не забудьте резиновые сапоги прихватить.

— Спасибо за предупреждение. — Гойда, насупившись, сложил свои бумажки в кейс и поднялся. — Барчук придет, а остальные — не уверен.

Крячко распахнул перед следователем прокуратуры дверь. Гуров, взяв его под руку, доверительно произнес:

— Думаю, что в ближайшие дни у вас появятся все герои. Я попрошу Станислава, он меня любит и не откажет, «проговориться» какому-нибудь журналисту, что расследование остановилось из-за того, что высокопоставленные чиновники отказываются давать показания.

— Я же болтун, запросто проговорюсь, даже прокомментирую. — Крячко состроил дурацкую рожу. — А тут выборы на носу. Ой, чего будет! — Он схватился за голову. — Моя любимая газета «МК», ребята там добрые, без фантазии, они скромно напишут.

— Ну, удачи вам, сыщики! — Гойда поклонился и вышел.

Оставшись вдвоем, Гуров и Крячко, с одной стороны, облегченно вздохнули и расслабились, с другой — сосредоточенно задумались. Гуров сел за свой стол, начал передвигать стоявшие на нем предметы, как-то: телефон, настольную лампу, чернильницу, которые Гойда сдвинул с положенных мест. Крячко занялся уходом за чахлым кактусом, который, скукожившись, мерз на подоконнике.

— Ты обещал, найдем крепление, отметим, — сказал Крячко.

— Вечером.

— А сейчас пошлешь меня собирать материалы на героев? К Яшину и Ждану не подойти. На работу к

ним, в Кремль, меня не пустят, соседи по дому, убежден, со мной разговаривать не станут.

— Не прибедняйся, пролезешь, подходы найдешь, только позже. Сначала Гойда тряхнет Барчука, пойдут круги, тогда твой черед. А сейчас я тебя действительно пошлю, только совсем в иную сторону.

— Хозяин — барин, холоп готов служить.

— Отправляйся в картотеку, найди нам парочку серьезных авторитетов. Они должны отвечать следующим требованиям... — Гуров замолчал, открыл лежавшую перед ним папку с чистой бумагой, начал сосредоточенно чертить треугольнички и другие геометрические фигуры в проекции.

Крячко отлично знал, когда можно пошутить, когда следует помолчать. Он сел напротив друга, следил за его ручкой, которая вычерчивала фигуры ровно, словно по линеечке. Неизвестно, в который раз Крячко пытался понять, имеют ли чертежи друга какое-либо значение, или он чертит для того, чтобы сосредоточиться. Скорее последнее, так как впоследствии смятые листы отправлялись в мусорную корзину.

— Значится, так, — Гуров взглянул на друга. — Авторитеты, чтобы их имя знал каждый бандит в Москве. Кровавая суть либо легенды обязательно. Охрана, боевики, все сегодняшние примочки. Официально проживает в Москве или, допустим, в Солнцеве, лучше, если занимает официальную должность. Генеральный директор, президент, соучредитель, не важно. Желательно, чтобы сидел или хотя бы арестовывался, чтобы о нем писали, говорили по ящику. Короче, нам нужен хорошо известный, кровавый, располагающий огневой защитой.

— Ельцин, Грачев, могу сразу назвать еще десяток.

Крячко втянул голову в плечи, но Гуров не рассердился, сказал одобрительно:

— Направление верное, калибр выбери поменьше.

К тому же ты невнимателен. Я сказал: уголовные авторитеты, для которых официальное прикрытие лишь забава. А ты назвал людей, для которых официальный пост — главное, а кровавые разборки — забава. Можно одного, лучше двоих, и обязательно список ближайших родственников: отец, мать, дядья, деды, если есть, взрослые дети, малолетних не надо. Где родственники живут, чем занимаются.

— Сделаю, но на кой черт, не понимаю! Если они в законе, их не тронешь...

— Возможно, я на воду дую, но видится мне, что скоро нам с тобой понадобится серьезная охрана. Что мы имеем? Два пистолета! Можем взять еще по одному, станет четыре. Пустяк, нам нужны стволы и защита беспредела.

— Ты пойдешь на связь с беспредельщиками-убийцами? — Крячко даже побледнел.

— Не говори глупостей и выполняй.

Крячко пожал плечами, направился к двери, уже открыл, когда на пороге появилась женщина. Мужчина, стоявший за ней, громко сказал:

— Здравствуйте, извините за непрошеное вторжение. Проходи, Танечка, у них вид неприятный, а суть нормальная — красивых женщин не едят.

Женщина и мужчина вошли, и Крячко, многозначительно хмыкнув, вышел и прикрыл за собой дверь.

Глава пятая

Гуров встал из-за стола, узнав популярного телеведущего Александра Турина, поклонился незнакомой женщине.

— Лев Иванович Гуров.

— Татьяна Евгеньевна Ташкова. — Она протянула руку.

Обычно женщинам такого класса Гуров руку целовал, сейчас ограничился рукопожатием.

— Здравствуйте, Александр. Какими ветрами занесло?

— Здравствуйте, Лев Иванович. — Турин выдал свою знаменитую улыбку. — Ехали мимо, кругом стреляют, я и предложил Татьяне — она режиссер, практически мой начальник, — заглянем к человеку, который, может, и не угостит, но в обиду не даст.

— Располагайтесь, если сумеете. — Гуров обвел рукой скудную обстановку кабинета. — А чем угостить — найдем. — Он позвонил секретарю Орлова. — Верочка, приготовь кофе, пожалуйста, у меня гости.

— Знаю, я же им пропуска заказывала! — весело ответила девушка.

— Кто разрешил?

— Петр Николаевич. Они позвонили из бюро пропусков. Петр Николаевич сказал пропустить и направить к Гурову.

— Целую и жду кофе.

— Простите, Лев Иванович, но печенье Станислав украл, так что ищите у себя, кофе сейчас будет. Рюмки?

— Валяй, спасибо. — Гуров оглядел кабинет. — Станислав спер у начальства печенье, где-то спрятал.

— Значит, у вас тоже воруют? — улыбнулась Татьяна.

— Обязательно. В России живем: не украл — день пропал. — Гуров подошел к вешалке, тряхнул свой плащ, вынул из-под него пачку импортного печенья.

Вошла Верочка с подносом, исполнила книксен, подмигнула Гурову, который стоял с пачкой печенья в руках, и, стрельнув взглядом на гостей, удалилась. Гуров достал из письменного стола початую бутылку коньяка, наполнил рюмки, жестом пригласил к имп-

ровизированному столу, взял чашку кофе и сел в свой угол. Татьяна взяла чашку и рюмку, заняла место Крячко, то есть напротив Гурова, а Турин остался за гостевым столом, на котором и стоял поднос с угощением.

— Лев Иванович, а вы? — Турин указал на рюмку

— Я мысленно, мне нельзя, вечером в засаде, сам понимаешь. — Гуров с сожалением покачал головой.

— Да все-то вы врете! В жизни о засаде не скажете! Танюша, смотри на этого человека, еще молодой, а уже легенда. Давай за него выпьем, он того заслуживает. Даже не потому, что спас меня прошлым годом, что в принципе совсем неплохо, а потому как Лев Иванович — мужик настоящий.

— Согласна! — Татьяна подняла рюмку. — Смотрится Лев Иванович более чем, — кивнула она и выпила.

— Александр, выкладывай, зачем явился? — спросил Гуров. Не отдавая себе в том отчета, он избегал смотреть на женщину, сидевшую напротив.

— Нас интересует убийство замминистра финансов. Я пытался говорить в пресс-центре контрразведки, все бессмысленно. Вчера узнал, что дело передано вам, потому и пришел.

— Что интересного? Убийство как убийство, мешал кому-то человек, его застрелили. Нормально.

— У вас такой юмор?

— Лишь констатация факта. — Гуров впервые внимательно посмотрел на гостью.

Не сказать — красива, но мимо не пройдешь. Главное, конечно, глаза: миндалевидные, затемненные густыми длинными ресницами; смуглая кожа с персиковым пушком, нос короткий, прямой, губы излишне полные, негроидные, жгучая брюнетка с копной якобы неуложенных волос. Рост средний, грудь полновата, талия имеется, но не сказать, что

тонкая, старается казаться выше, оттого высоченный каблук и подчеркнуто прямая осанка. Возраст определить сыщик не решился бы: тридцать с небольшим, возможно, сорок без года или двух.

— Смотрите, словно прицениваетесь, будто к вещи, которую собираетесь купить, — с легким вызовом сказала Татьяна и перевела взгляд на Турина. — Саша, человек констатирует факт, что в России убивают, считает, мол, это нормально. Как любят выражаться на Западе, мы, налогоплательщики, можем требовать...

— Кто мешает? — перебил Гуров. — Требуйте.

— Вы занимаетесь расследованием...

— Я занимаюсь розыском.

— Не перебивайте, будьте элементарно вежливы.

— Если я скажу, что вы снимаете картины, вы меня поправите, скажете, мол, снимает оператор, а режиссер фильмы ставит, создает. Кстати, Александр сказал, что вы режиссер, а документов ваших я не видел. Извольте! — Он перегнулся через стол, протянул руку.

— Как? — Татьяна покраснела. — Вы требуете мои документы?

— Прошу.

— Лев Иванович, кончайте, — попытался вмешаться Турин.

Но Гуров глянул недобро и повторил:

— Извольте предъявить ваше удостоверение.

Татьяна открыла сумочку, достала красную книжечку, чуть ли не швырнула через стол, но Гуров перехватил ее руку, удостоверение изучил внимательно.

— Благодарю, Татьяна Евгеньевна, профессия приучила к осторожности. Саша — ловелас, вы — женщина интересная, могли уговорить парня, мол, пред-

ставь ты меня этому менту. А сама не режиссер, а журналистка, и получу я за ротозейство дополнительную головную боль.

— Ваши извинения принимаются. Объясните мне, не режиссеру, а человеку, женщине, почему сидите в кабинете, равнодушный, спокойный, когда убивают людей, тем более журналистов, вот Стаса Травкина, телезвезду, убили.

— Я родился в России, следую традициям. В России не принято арестовывать и наказывать преступников. И чем больше человек пролил крови, тем безопаснее он себя чувствует. Разрешите? — Гуров закурил. — Вы человек образованный, не буду совершать экскурс в историю. Наши дни — Вильнюс, Баку, Тбилиси, Карабах, уничтожен российский город Грозный. Все убийцы на местах, известны, вы — молчок. И вдруг Стаса убили! А он такой известный и популярный был! И что вы на телевидении по поводу его смерти устроили, так это ваш позор. Рядом детишек невинных убивают, вы об этом две фразы в «Новостях». Матерого мужика, который сам был не без греха, шлепнули, так телевидение отключили, затем траурные лживые речи в двух студиях. Значит, люди делятся на две категории? Одних, безвестных, можно изничтожать с колыбели, других, популярных, тех не тронь? А уж лицемерия сколько было! Слезы, рыдания, золотого парня убили!

— Лев Иванович, остановись, о покойном нельзя так, — сказал Турин. — Стас приличным парнем был, талантливым безусловно.

— Что приличным и талантливым — верю, а что не без греха — никогда. А что у него две студии друзей набралось, так это уж сплошное лицемерие и ложь. Хватит об этом, каждый при своем. Что конкретно вас интересует в убийстве заместителя министра? Вы считаете, что убийцу высокопоставленного

чиновника мы должны разыскивать как-то по-особенному?

Гуров был взбешен и не пытался скрывать свое бешенство. Он встретился взглядом с Татьяной, увидел в ее глазах ужас и спросил:

— Циничный, страшный я человек?

Она опустила ресницы, что-то тихо пробормотала. Гуров не расслышал, повернулся к Турину:

— Что у тебя, выкладывай.

— У меня, как у всех, тоска. Я знаю, дело передано вам недавно. Безнадежно?

— Отнюдь.

— Найдете?

— Убийца не гриб. Убийцу не находят, а разыскивают. Разыщем, никуда он от меня не денется.

— И с экрана так сказать можно?

— Говори, коли не терпится. Только упомяни, мол, в личной беседе инициатор розыска высказал свое личное мнение. А прежде, чем говорить, подумай. Я сказал лишь, что разыщем, отнюдь не докажем и уж совсем необязательно судить станем. Вон сколько убийц по Москве в черных лимузинах да под охраной раскатывают, ни одного не судят и не собираются. Может, я такого убийцу разыщу, что не его, а меня посадят. А еще проще, убьют.

Борис Галей вновь обошел двухкомнатную квартиру, отремонтированную и обставленную в прошлом году по последнему слову техники. Киллер тогда провернул гениальную операцию. Получив с заказчиков, ныне покойных, двести тысяч долларов, Галей долго решал, под каким соусом начать тратить такие деньги? Ответ подсказал телевизионный агент «МММ» Леня Голубков, который по несколько раз в день рассказывал телезрителям, как он обогатился за счет щедрой компании «МММ», вложив в нее свои

трудовые сбережения. Галей не верил ни в какие общества, компании, лотереи, отлично понимая, что все это сплошное надувательство, отъем денег у дураков. Но ведь продажу таких бумажек никто не регистрирует? Галей купил десяток акций, нарезал по формату кипу бумаги, изготовил несколько «кукол», прикинувшись дурачком или счастливчиком, каждый волен называть, как пожелает. Галей ничем не рисковал, «впаривать» «куклы» никому не собирался, лишь засветил их перед окружающими.

Любимый младший брат Сашка целыми днями был дома: одна нога у него усохла, он прыгал на костылях. Братья родились на Масловке, здесь схоронили алкашей-родителей. Братьев Галеев знали все аборигены. К Сашке постоянно заглядывали на огонек, кто искренне желая помочь, сгонять в магазин или еще чего. Иные — так, потрепаться, да и стакан нужен, а на кухне всегда уютнее, чем в подъезде. Чего долго кашу по тарелке размазывать, дал «куклы» брату, наказал: покажи невзначай дружкам, скажи, братан скупал еще по копеечной цене, сейчас мы богатенькие. Через два дня вся Масловка знала, что братья Галеи выиграли в «МММ» «мильярд». Русский человек, когда треплется, мельчить не станет, а людская молва распространяется со скоростью звука, что, как известно, медленнее скорости света, однако очень быстро.

Таким образом, Борис Галей «отмыл» полученные за убийство доллары, не прибегая к сложным банковским операциям. Знай зачуханные наркобароны столь простой способ отмывания «черных» денег, они, бароны, не ломали бы свои головы над хитроумными комбинациями. Но западные мафиози родились не в России, не знали законов и обычаев Москвы, в общем, эти подпольные миллионеры — люди несчастные. Ну и пусть их, крутятся как-то, с голоду не дохнут.

Первым делом Борис отремонтировал и оборудовал квартиру по классу люкс, купил себе скромные «жигули», но потом жизнь дала трещину, фортуна повернулась затылком, и, как уже рассказывалось, киллер остался жив лишь чудом. Теперь, решив вернуться в отчий дом, Борис который день раздумывал, как жить дальше. Он купил себе свежую «семерку» пятилетнюю «шестерку» братану, которого обслуживал серьезный, непьющий, чему в доме придавали большое значение, Мишка Захарченко. Сейчас он с Сашкой играл в карты на кухне; помалкивали, прислушиваясь к шагам Бориса, который мерно расхаживал по квартире.

— Братан, есть будешь? — спросил оставшийся в дураках Сашка, тасуя колоду. — Михаил мировые пельмени купил, сварить — одна минута.

— Валяйте, — ответил Борис, останавливаясь у окна и глядя на опостылевший двор.

У Бориса возникло много забот. Первое — кончались доллары, так как значительную часть их забрали гэбэшники, когда Галей «засветил» свой тайник, отдавая «горячий» «вальтер». «Ну и мудак же я, — клял он себя. — Ну из головы вон, что вместе с «вальтером» «зеленые» лежат».

За последние годы, когда профессией бывшего офицера ГБ стало выполнение заказных убийств, Галей перестал ценить деньги, и оставшиеся десять штук баксов, коих хватило бы средней московской семье на год спокойной жизни, он и за деньги не считал. Галей почему-то полагал, стоит ему объявиться, и Якушев выложит «лимон», слова не сказав и глазом не моргнув. Но разговор с магнатом получился скоротечным. Галей отчего-то сбивался, имени своего и обстоятельств заочного знакомства не сказал, Якушев положил трубку. Галей тешился мыслью, что финансист не понял, с кем говорит. Сегодня Якушев

должен вернуться из Цюриха, так сказала секретарша. Сегодня Галей на туза и надавит, сок пойдет. Деньги нужны срочно, так как получать с других фраеров, стоявших в вечер убийства на веранде, будет сложнее. Фамилии и прочие данные фраеров Галей узнал из газет, адреса и прямые телефоны назвал полковник Ильин. Конечно, с мудаком из охраны Президента придется повозиться, наверняка считает себя «крутым», захочет подловить, благо люди у него есть. Но тут Галей решил просто связаться, выставить условия, проверить место первой явки, и если заметит наружку, а при его опыте он засечет «ребят» наверняка, следует уйти на дно. День переждать и «крутого» охранника ликвидировать. А деньги, которые мертвяк не уплатил, поделить поровну между оставшимися в живых. Которым объяснить, что надбавка появилась в связи с кончиной их упрямого сотоварища.

Как он ликвидирует Яшина, киллер еще не думал, но не сомневался в успехе. Надо решить первый вопрос: получить деньги с Якушева, купить винтарь с оптикой, найти тир, проверить себя, чуть выждать. Обдумывая все детали, Галей с каждым днем все больше убеждался, что необходим напарник. Опытный, смелый человек, бывалый, главное, верный. Где такого взять? Все существо Галея противилось работе с партнером.

Курсант школы КГБ Галей отлично помнил наставления Старца, бывшего ликвидатора, работавшего еще за «железным занавесом». Старец появлялся перед курсантами в парике, гриме, темных очках, сам порой подшучивая над этим. Но в его шутках и остротах постоянно звучала насмешка над птенцами. Мол, «я старый, трусливый перестраховщик, уже не бойцовский петух, лишь карикатура. Верно-верно. Поживем и увидим, кто из вас вообще доживет до моего возраста».

Так вот, Старец неоднократно повторял, что при любых условиях ликвидатор должен стремиться работать в одиночку. Если вас двое, опасность провала увеличивается не в два раза, во много раз. Приобретая партнера, вы приобретаете врага номер один. Уже не контрразведка и охранники объекта становятся вашими основными врагами, а ваш партнер. Запомните, птенчики, хотите жить — работайте всегда в одиночку. Если ситуация вынудит брать партнера, выбирайте спокойного дебила, его легче ликвидировать. Если вам требуется партнер не как одноразовый шприц, а думающий человек многоразового использования, станьте для него так жизненно необходимы, как противогаз во время газовой атаки. Создайте ситуацию, которая бы исключала для него любую возможность забрать вашу жизнь и самому остаться в живых.

— Братан! — крикнул Саша. — Пельмени готовы! Тебе подать или ты здесь присядешь?

— Слова какие освоил... — Борис вышел на кухню. — Где прикажете?

Мишка Захарченко накрыл на выдвижном столе, подвинул хозяину удобное кресло, поставил тарелку с пельменями, солонку, перечницу. Галей впервые обратил внимание, что посуда вся одинаковая, явно дорогая.

— Подарок чей? Или на харчах экономишь? — спросил Галей, дуя на горячий пельмень, и заметил, что меньшой внезапно покраснел.

Съев, обжигаясь, несколько пельменей, Борис отодвинул тарелку:

— Пусть поостынут, горячо, вкус пропадает. Михаил, возьми в баре стакан, плесни мне граммов несколько.

— Поберегись, братан! — недовольно буркнул Сашка. — Или память отшибло, благоверных забыл?

Они когда нас с тобой делали, наверняка пьяные были. Если с тобой что-то — я ведь тоже не жилец!

— Не боись, Сашок, я помру не от водки. — Галей взял у Мишки стакан, опрокинул разом, вновь подвинул пельмени. — Мишаня, ты моего младшего как свою ладонь знаешь, скажи, у него деваха завелась?

Мишка взглянул невинно, пожав плечами, пробормотал:

— Я не видел, Борис Сергеевич.

— Что друга не выдаешь, молодец. А эту посуду, — он стукнул вилкой по тарелке, — на все сто — женщина покупала. И хорошо, когда в доме женщина есть. Только как ее определить, чтобы не баба была, не девка, а женщина?

Михаил сидел в сторонке, слушал рассуждения Бориса о женщинах и думал, как хитро в человеке переплетается и уживается черное и белое, гладкое и колючее. Борис — убийца, на все сто — убийца. Сколько он вдов, сирот оставил, старух безутешных? Наверняка сам не знает, ему такое и неинтересно. А брата любит, факт ясный как погожий день. Послушаешь, так и женщин любит, и говорит о них уважительно, без бывалых историй и мата.

— Я, Борис, не темню, ходит ко мне молодая, — сказал Сашка. — Так увечный я, стесняюсь. Когда платные заскакивают, так мне моя нога не мешает. Они за деньгами приходят, получают, у кого какая нога, их не касается. А вот когда она приходит я не могу...

— Ты это брось! — перебил Борис. — После войны такой мужик, как ты, для любой краше ордена был.

— Сейчас не война.

— Это у тебя не война, в тереме живешь. Я не попрекаю, мне в удовольствие тебе помогать.

— Слушай, никогда не просил... — Сашка кусал

губы, говорил через силу. — Ты меня с Мишкой, — он кивнул на Захарченко, — на пару недель куда к морю, под солнышко отправил бы. Или не по деньгам нам? Если куда подешевле, в Болгарии, говорят, не дороже нашего Сочи. Ты не думай, что я с жиру. Уж больно загореть охота, может, тогда мой костыль сухой не таким страшным будет.

— Кончай тарахтеть, сделаем. Сейчас не могу, а через недельку один человек должок вернет и отправлю.

И не хотел Михаил думать о Гурове, но невольно отметил. Значит, сейчас у Галея денег нет, ждет через неделю. О должнике он сказку братану лепит. Да что же я за сука? Сижу в доме, ем, пью, на чужой машине катаюсь, и думаю, как человека в ментовку заложить! Не буду звонить, пусть мне сыскарь любые песни поет. И от зла на себя осевшим, сиплым голосом сказал:

— Борис Сергеевич, вас тут один человек ищет.

— В детстве мы пели: «Кто ищет, тот всегда найдет!» Что за человек?

— Возраста моего, полагаю, из «шестерок», но под козырную масть красится. Небольшой срок отбыл, словечки знает.

— Такой даром не нужен! Скажи, не видел меня! Уехал.

— Так вроде он не сам по себе, а письмишко к вам имеет.

— Пусть зайдет, Сашке оставит.

— Я так и объявил. А он говорит, что велено из рук в руки. Я его к Бате направил, может, дело какое, поинтересуетесь?

— Нет у меня к блатным интересу: они люди на воле временно, как бы на поруки отпущены. Ну, ребятки, за кормежку спасибо. — Борис поднялся. — Ты, Сашок, готовься один жить, я думаю семьей

обзавестись. И не надо тебе рядом со мной быть. Видеться, конечно, будем, «зелень» я тебе подброшу, но у тебя голова есть и работает. Ты мой брат, ты меня любишь, но ты обо мне ничего не знаешь.

— Я и не знаю, — тоскливо произнес Сашка и кивнул.

— И знать никогда не будешь. Нам с билетами «МММ» один раз в жизни подфартило, я кое-что в оборот пустил, нам до конца жизни хватит.

В дверь позвонили. Борис схватился за пустой карман, изобразил улыбку, пошел открывать. Он распахнул дверь, но на лестничной площадке никого не было, а с лестницы доносилась дробь каблуков убегающего человека. В дверной ручке торчал смятый конверт.

— Конспираторы херовы! — выругался Галей, забрал конверт, вернулся в квартиру. — Внизу ящик для писем имеется. — Он разорвал конверт, достал лист плотной белой бумаги.

Галей отметил: конверт дешевый, замусоленный, записка на дорогой бумаге с водяными знаками, текст написан не шариковой ручкой, а пером, почерк твердый, уверенный, заглавные буквы и красная строка выделены четко. Лишь отметив все это, Галей прошел в комнату, опустился в низкое кресло, прочитал:

«Привет, Борис!

Не могу дозвониться, потому пишу! Мы знакомы, но не встречались лет сто. Я учился с тобой в одной школе, в параллельном классе. Вы нас звали «букашками». В классе четвертом или пятом мы с тобой однажды «стыкались». Ты мне разбил нос, я тебе подбил глаз. У меня кликуха была — Лёнчик, так как фамилия Леонтьев, звать Аким. Не помнишь, думаю, да это и не важно. Я о тебе, Борис, наслышан, полагаю, нам имеет смысл встретиться, тему для

разговора найдем. Я живу в области, позвонить мне трудно, но если имеешь желание и время, заскочи на Речной вокзал в кабак, спроси Акима, нас сведут.

С дружеским приветом. Одноклассник».

Письмо Галею понравилось. Отличная бумага, почерк, простота содержания свидетельствовали, что писал человек уверенный, серьезный.

— Михаил! — позвал Галей. Когда Захарченко вышел из кухни, сказал: — Подойди ближе. — И усадил на соседний стул.

Михаил понял: Борис не хочет, чтобы Сашка слышал их разговор.

— Письмецо получил, — кивнул Галей на лист, который держал в руке. — Парень пишет, что учились в школе, да не помню я. Ты в кабаке на Речном бываешь?

— Редко, но ребят местных знаю, не всех, конечно, — ответил Мишка.

— Аким Леонтьев, Лёнчик — слыхал?

— Слыхал... — Михаил потупился. — Он из солнцевских, в «Речнике» у него то ли невеста, то ли жена.

— Ну?

— Борис Сергеевич, тот человек, если мы об одном говорим, очень серьезный. Я его и не видел ни разу, знаю, что есть такой, не из молодых отморозков, вашего возраста.

— Еще чего говорят? Ну, Михаил, телись, что из тебя каждое слово силком вытягивать?

— Чего говорят? За разговор денег не берут. Слышал, что два парня с месяц назад в «Речнике» поддали, под сильно «крутых» красились, трепались, что Лёнчик им долю должен и не отдает. Тем парням и до тачки дойти не дали, раскрошили из «калашникова». А может, все вранье. Кто знает?

— Ну, ладно, разговор забудь. — Борис поднялся, обнял брата, сказал, что будет звонить, и ушел.

Гуров с утра встречался с нужными людьми; разговоры вышли пустыми; сыщик появился в кабинете лишь к двенадцати дня, злой и сосредоточенный. Он от одной встречи ожидал результат и сейчас не мог решить, то ли агент устал и хочет устраниться, то ли сам увяз в каком-то деле и на встрече не врал. И то и другое было, мягко выражаясь, не здорово.

Крячко, сидевший за своим столом, бездумно смотрел газету. Когда Гуров вошел, Станислав вскочил.

— Вольно! — Гуров махнул рукой, снял сырой плащ, повесил на приоткрытую дверцу шкафа. — У меня день не заладился, так что береги начальника: не трепись, докладывай только о приятном.

— Новостей навалом и все розовые.

— Ну-ну. — Гуров закурил, к столу не сел, хотя увидел, что на нем лежит записка.

— Гойда с Барчуком и евойным адвокатом выехали в имение.

— Молодец, Станислав, — похвалил Гуров, словно выезд следователя прокуратуры с вице-премьером на место преступления — заслуга полковника Крячко.

— Всегда рад...— Крячко чуть было не понесло, но он сдержался, продолжал деловито: — Из болота криминальных авторитетов по вашему указанию выловлены два достойнейших. Их данные на вашем столе. Оба разрабатываются МУРом. Вы будете смеяться, господин полковник, но одного из них работают на предмет вербовки. Кого в МУР набрали? Они, по-моему, умом двинулись.

Крячко добился своего, Гуров провел ладонями по лицу, улыбнулся.

— Станислав, мы с тобой ушли — два ума убыло, понятно, что остальные двинулись.

— Вам смешно, а мне за державу обидно.

— А что авторитета на вербовку готовят — тебе компьютер подсказал?

— До этого пока не дошли, у меня свои источники.

— Так ты, старый волк, предупреди молодых.

— Я начальнику отдела позвонил, ни одной, кроме своей, фамилии не назвал, предложил заглянуть, мол, хочу от ошибки уберечь. Так этот майор, сопляк, говорил почтительно, но так, словно я не старый сыщик, а комсомольский вожак либо депутат Думы, который его, битого опера, собирается розыскному делу учить.

— Вроде не старый, а уже обидчивый. Они там, на земле, совсем измордовались. А ты любил звонки из министерства?

— Начальство всегда право. — Крячко тяжело вздохнул. — Тебе звонила мадам с телевидения. Как я понял, та, что посещала намедни, велела кланяться, обещала позвонить. И вот сей момент звонил парень, себя не назвал, мне кажется, что это Мишка Захарченко. Голос у него больно тухлый, может больше не позвонить. А у него наверняка что-то есть по Галею. А теперь, Лев Иванович, скажи, зачем тебе данные на кровяных авторитетов понадобились? — Он указал на папочку, лежавшую на столе Гурова.

— Все тебе расскажи да объясни. — Гуров сел за свой стол, открыл папку, начал изучать. — Так, привлекался за убийство, не доказано... Еще убийство... Освобожден... Работает, женат, взрослый сын... Отец... Дядя... Прекрасно, наличие родственников очень важно, пожалуй, главное. А второй? Мухтар Азимов? Этого я знаю. Узбек. Наркотики. Золото. Разве он в Москве?

— Там адресочек записан, даже телефончик, можешь позвонить, — съязвил Крячко. — Отца с матерью перевез, себе квартиру купил, родителям купил, дочка подрастет, замуж выйдет, ей тоже купит.

— Завидуешь, значит. — Гуров взял ручку, почеркал немного текст Крячко, позвонил секретарю Орлова. — Верунчик, загляни на секунду.

Когда Верочка зашла, протянул ей папочку.

— Извини, что не зашел сам, не могу оставить телефон. Тут всего две неполные странички. Сделай, пожалуйста, мне по два экземпляра. Гриф «сов. секретно» не ставь, но так оно и есть, так что учти. Сделай быстро, генерал это видеть не должен.

— Хорошо, Лев Иванович, — Верочка взяла документы. — А соучастие какая статья?

— Верка, у тебя телефон! — Гуров даже привстал, словно сам собрался бежать в приемную.

— Секретарь беспокоится о соучастии, подчиненного и друга ты используешь втемную, — начал рассуждать Крячко, когда дверь за Верочкой закрылась. — Вице-премьера ты при свидетелях шантажируешь. От следователя прокуратуры важные сведения утаиваешь. Как говорила покойная мама, «букет моей бабушки». Никогда не знал, что означает данное выражение. Ко мне оно применялось в случаях, когда я ухитрялся враз натворить кучу проступков.

— Ты забыл приплюсовать в бабушкин букет, что вчера я обещал поставить тебе выпивку, — сказал Гуров и снял трубку зазвонившего телефона. — Да, вас слушают... Надеюсь, ты из автомата? — Он подвинул настольный календарь, взял ручку. — Понял. Молодец. Как у него с деньгами?.. Ну, если кто ему должен, отдаст обязательно... Что? — Гуров рассмеялся. — Ты, приятель, за него не волнуйся. Борис себя обидеть не позволит. Будь здоров и спасибо. — Он положил трубку, сделал запись в календаре, взглянул на Крячко.

— Михаил? — спросил тот. — Что нового?

— Мало не покажется. Аким Леонтьев, слыхал?

— Лёнчик? «Крутой», грамотный, осторожный, торчал между ворами и нынешними отморозками. Мне казалось, он завязал, подался в коммерцию.

— Если Борис Галей председатель коммерческого банка, Лёнчик ищет связи с Галеем.

— Коли такой союз произойдет, нам действительно мало не покажется.

— Об Акиме Леонтьеве я только слышал, а Бориса Галея хорошо знаю. Борис к себе чужака не подпустит, он и своего-то стороной обойдет.

— На мой взгляд, Галей перепрофилируется. Человек, заглянувший в свой гроб, хочет стать другим человеком.

— Это вряд ли, Станислав. Человек, выросший в нищете, поднявшись к большим деньгам, назад в нужду не пойдет. А на нынешнем рынке Галею места нет, да и Аким в коммерцию звать не станет. Если Леонтьев ищет Галея, значит, в торговле не преуспел, а из банды ушел... Ищет равноправного партнера.

— Банк вдвоем не взять... — Крячко почесал в затылке. — Они оба стрелки, чего они еще могут придумать? Твой парень к ним приблизиться, конечно, не может.

— Да и я не позволю. Они могут его лишь разово использовать и сразу убрать. Все! — Гуров хлопнул ладонью по столу. — Информации недостаточно, будем ждать.

— Там ждать, здесь ждать! — Крячко собрался сплюнуть на пол, взглянул на Гурова, сглотнул. — Допустим, сегодня прокуратура тряхнет Барчука. Он замандражит, начнет звонить, советоваться. С кого начнем мы? Яшин? Еркин? Ждан? Куда ни сунься, везде получишь по рогам.

— Я начну с Якушева, который сегодня вернулся из Цюриха. Считаю, именно с него должен начать Галей.

— Возможно, возможно, однако Якушева не расколоть и помощника из него не сделать, — возразил Крячко. — Ты великий сыщик, однако силенки соизмеряй. Якушев — не наш уровень, на него не надавишь, не напугаешь. Он десяти вице-премьеров стоит.

— Но жизнь у него одна? — спросил Гуров. — И Галея он знает, как мы с тобой. И он знает, что, кроме нас, его никто не защитит.

— Он откупится.

— Верно. Но это уже не слова, а поступки. Человек, совершивший поступки, обязательно совершает и ошибки.

Крячко задумался, долго молчал, ежился, морщился, казалось, превозмогая боль, хотел сказать, но передумал.

— Ладно, уговорил. — Гуров поднялся. — Сегодня среда, но мы работали в субботу, а я и в воскресенье. Сегодня с обеда объявляется выходной. Зайдем к Верочке, заберем свои бумажки и едем ко мне.

Гуров взял у Верочки плотный конверт с отпечатанными материалами, сказал, что они с полковником Крячко отбывают в неизвестном направлении, сегодня не вернутся, но в случае крайней необходимости его можно найти по домашнему телефону.

Секретарь понимающе кивнула и спросила:

— Эта дама с телевидения, якобы режиссер, вас нашла? — В голосе секретаря звучали ревнивые нотки.

— Бог миловал! — Гуров поцеловал Верочку в щеку, быстро вышел, махнул рукой Крячко, который у соседнего кабинета разговаривал с двумя офицерами, и направился к лифту.

— Всех интересуют наши успехи в розыске киллера, ликвидировавшего замминистра, — сказал Крячко, догнав Гурова и нажимая кнопку вызова лифта. — Кто у нас служит, не пойму. Останавливают в коридоре, начинают задавать вопросы...

Двери лифта раздвинулись. Гуров посторонился, пропуская выходившую из кабины женщину, хотел войти в лифт, но почувствовал, что его взяли за руку

— Здравствуйте, Лев Иванович. Вы на удивление рассеянны.

— Здравствуйте, — механически ответил Гуров, с сожалением глядя на закрывшиеся двери, взглянул на остановившую его женщину и узнал Татьяну Ташкову, которая вчера была у него вместе с телеведущим Александром Туриным.

— Извините, Татьяна Евгеньевна, задумался. — Гуров несколько смешался, глянул на Крячко.

— Здравствуйте. — Станислав поклонился. — Меня представлять не надо. Я друг, подчиненный, напарник и соратник по кличке Станислав.

— Очень приятно. — Татьяна пожала Крячко руку. — С утра ищу вас, бегаю по министерству, собираю материал для передачи, вдохновляюсь, так сказать.

Гуров собрался ответить, что вдохновляться следует не в министерстве, а в отделении милиции или патрульной машине, когда проходивший по коридору генерал Орлов громко сказал: «Лев Иванович, зайдите!» — и проследовал в свой кабинет.

— Извините. — Гуров кивнул и пошел следом за начальством.

— Засыпались, — сказал Крячко, беззастенчиво разглядывая Татьяну. — Хотели сорваться с уроков, налетели на директора. Ваша вина, Татьяна Евгеньевна. Будем ждать здесь или пройдем в наш кабинет?

— Этот генерал — ваш начальник? — спросила Татьяна, кивнув в сторону коридора.

— Обязательно начальник, иначе Лев Иванович никогда бы не бросил столь очаровательную женщину.

— Как вы думаете, это надолго?

— Вряд ли, но нас вполне могут сей момент послать куда Макар телят не гонял. — Крячко обошел вокруг гостьи, словно вокруг статуи, удовлетворенно хмыкнул.

— Станислав, у вас своеобразные манеры.

— Мент, чего с него взять. Значит, материал собираете? — Крячко кивнул, быстро прикидывая, какую пользу можно извлечь из встречи с телевизионщицей.

Крячко хотел поехать к Гурову, выпить, потрепаться за жизнь. С другой стороны, он знал, чем такое мероприятие закончится. После семи вечера он, Крячко, будет рваться домой, но ему будет совестно оставлять друга в одиночестве. В результате Крячко может у Гурова заночевать, жена с дочкой обидятся и будут правы.

— Гуров великий сыщик и отличный парень. — Крячко заглянул женщине в глаза.

— Я вам верю. — Татьяна улыбнулась. — Что дальше?

— Его следует изучить детально, в различной обстановке.

— Вы сводник?

— Каждый женатый мужик — сводник, потому как одновременно и завидует, и сочувствует. В общем так, Танечка. Вы мне нравитесь, я вас приглашаю в гости к Льву Ивановичу. Вы знаете, какая у него квартира? Как можно делать о человеке передачу, не побывав у него дома? Какая обстановка! А кухня! А ванная, с ума можно сойти!

Татьяна наблюдала за Крячко с любопытством. Когда он упомянул о ванной комнате, женщина фыркнула и сказала:

— Станислав, к вам необходимо привыкнуть.

— Ко мне? — Крячко смотрел удивленно. — Вы попытайтесь привыкнуть к Гурову!

— А на кой черт мне к нему привыкать? — Татьяна, не позволявшая мужчинам разговаривать с собой в подобном тоне, рассердилась. — Отложим знакомство до следующего раза. — И нажала кнопку лифта.

— Как скажете, мадам! — Крячко поклонился. — Только другого раза может не представиться.

Татьяна смотрела задумчиво, решая, что ей больше хочется. Поехать с этими странными мужиками или послать их и отправиться домой? Вчера Гуров произвел на нее двойственное впечатление: раздражал и притягивал одновременно.

— По коням! — Гуров появился стремительно, взял Татьяну и Крячко под руки, ввел в лифт, который только раздвинул двери. — Надо убираться из этого здания немедленно.

Глава шестая

Гуров подсадил даму в «мерседес», Крячко прыгнул в свою «семерку»; вскоре они уже парковались у подъезда дома, некогда стоявшего на Никитском бульваре, затем много лет на Суворовском, сегодня вновь вернувшегося на Никитский. Дом был большой и не путешествовал. Это бульвар перестраивали, обрезали да переименовывали.

Татьяна Ташкова — женщина своенравная, пользовалась у мужчин успехом, да и профессия приучила ее командовать — несколько растерялась под быстрым мощным напором милицейских сыщиков. Они обращались с ней вроде уважительно, но ни о чем не спрашивали, открывали двери, закрывали двери, вводили ее, выводили, пока она не оказалась за бронированной дверью. За спиной лязгнули мощные засовы, и Гуров то ли усадил, то ли кинул Татьяну в огромное низкое кресло, громко заявив:

— Вот и ладушки! И пусть они все горят голубым пламенем!

Крячко пронес привезенные пакеты на кухню, выглянул и спросил:

— Уже стреляют?

— Простите, Танечка, буквально две минуты. — Гуров улыбнулся, взглянул на друга, который уже снял пиджак, подпоясал фартук, а пистолет отцепить забыл. — То ли этот аферист, на веранде которого убивают, то ли евойный адвокат напугали Яшина и Ждана, те накапали своим шефам, накрутили нашего министра, и все это дерьмо обрушилось на голову Петра.

— А мы с тобой сбежали! Молодцы! — Крячко хлопнул себя по животу. В фартуке и с пистолетом Станислав выглядел комично.

— Ты чего-нибудь сними, либо тряпку с живота, либо пистолет из-под мышки, — сказал Гуров. — Мы не сбежали, а выполнили приказ своего начальника, который велел нам убираться с глаз и не показываться до особого распоряжения. Наливай! Господа сыщики изволят отдыхать!

— Слушаюсь, шеф! Как в лучших домах! — Крячко подвинул журнальный столик, расставил высокие стаканы, ловко нарезал апельсин, принес из кухни замороженную бутылку водки и налил.

Татьяна взглянула на вмиг запотевший стакан, прикрыла глаза.

— Танечка, данная бутылка пролежала в заморозке двадцать семь дней! — торжественно произнес Крячко, поднимая стакан. — Ровно столько дней ваши покорные слуги были трезвенниками. Но все проходит. За вас! За встречу! За удачу! И чтобы в нас промахнулись!

— Здоровья! — Гуров чокнулся с Таней, выпил, зажевал долькой апельсина.

— Станислав, вы налили щедро. — Татьяна осторожно взяла стакан. — Но и в тост запихнули столько, что отказываться неприлично.

— «Чтобы в нас промахнулись» на самом донышке лежит.

— Водка лежит? — Татьяна усмехнулась. — Да Бог с вами, пусть «лежит водка», главное, чтобы в вас промахнулись. — Она выпила половину, тяжело выдохнула, осторожно вытерла слезу и допила до конца.

— Во! Я сразу понял, что ты свой человек, Танюша! Умница! Пошли готовить ужин, я тебе такое про Гурова расскажу, ахнешь!

— Татьяна Евгеньевна, простите парня! — Гуров закурил. — Тяжелое детство, кругом уголовники, генералы — кошмар!

— Да уж ладно, мы тоже Кембриджев не кончали, — рассмеялась Татьяна, протягивая руки. — Помогите мне выбраться из кресла, я чего-нибудь вам сготовлю.

Гуров помог женщине подняться из низкого кресла, прошел с ней на кухню.

— У нас равноправие, готовим вместе! — заявил Крячко, показывая Гурову большой палец.

Борис Галей и Аким Леонтьев выпили, вернее пригубили, из рюмок. Встретились они на Речном вокзале, но Галей в местном ресторане оставаться не захотел. Они прокатились на своих машинах по Ленинградскому шоссе, развернулись, устроились в ресторанчике «Айястан», который несколько лет назад был моден, особенно у приезжих армян, а сейчас почти пустовал.

Они взяли бутылку водки и простую закуску, поглядывали друг на друга изучающе. Аким открыто, Борис исподтишка.

— Я бы тебя узнал, — сказал Аким. — Сколько лет минуло, а узнал бы. Лобастый и уши маленькие, прижатые, глядишь исподлобья, запомнилось.

— А я тебя никогда и не видел, — ответил равнодушно Борис.— Школа, детство, оставим. — Он махнул рукой. — Кто ты есть, какие у тебя ко мне дела?

Акиму, как и Галею, было за тридцать, но внешне они были совершенно разные. Борис выглядел старше, видимо, за счет своей сдержанности, скупости движений и мимики, тяжелого взгляда. Аким был высок, под метр девяносто, широкоплеч, русоволос и улыбчив, хотел выглядеть простецки и беззаботно. Галея такая манера не обманывала, в мужике чувствовалась скрытая опасность. Борису и широкая улыбка нового знакомого, и эта опасность, порой проскальзывавшая во взгляде, нравились. Сам Галей считал свою манеру держаться, неприкрытую угрюмость серьезным недостатком и пытался бороться с собой, улыбался через силу, даже шутил, но знал, что получается у него плохо.

— Какие у меня к тебе дела? Так сразу и не скажешь. Понимаешь, Борис, доверчивые в наши дни долго не живут. Я давно ищу партнера. — Аким улыбнулся широко, хлопнул себя по груди, спросил: — Дурак? Согласен. Я отлично понимаю: ты мне не доверишься, что естественно. Борис, мы нужны друг другу, кто-то должен был сделать первый шаг. Я слышал о тебе, ты наводил справки обо мне.

Подошел официант, принес долму, которую они заказали на горячее.

Аким слышал о Галее и его брате, об их потрясающей удаче с «МММ», отлично понимая, что это номер, который провернул Борис для отмывания денег. А как он деньги добыл? Борис работал в КГБ, уволился, опыт оперативной работы у него остался. Слухи о том, что Борис в КГБ был ликвидатором, конечно, полное фуфло. Возможно, и слушок тот пустил сам Борис, чтобы шпана не доставала. В прошлом году Бориса брали гэбэшники, это Акиму известно точно. Один из парней, что охранял Галея, имел связь с Акимом и проболтался. Работал с Борисом какой-то гэбэшный чин, характер разработки

охранник не знал, потом поступил приказ Бориса Галея ликвидировать. Но где-то сработали плохо, мужик жив, арестовать его не могут, значит, предъявить ему нечего. Галей — киллер, решил Аким, работал один, где-то засветился, и спецслужбы на него вышли. Дальше работать один он не может, ему нужен партнер. И Акиму нужен партнер, так как нынешнее положение его не устраивает.

Официант разложил долму и пошел к единственно занятому столу, за которым шумно гуляла компания кавказцев, видимо, армян.

Борис взял бутылку, долил в рюмки, молча кивнул и выпил.

— Я слышал, ты не пьешь, — сказал Аким.

— Старею. Скучно. — Борис оглядел зал, задержал взгляд на шумной компании, отвернулся.

— О тебе не расспрашиваю, скажу о себе коротко, и ты поймешь, зачем искал встречи с тобой.

— Валяй, только лишнего не говори.

— Старики с Масловки уехали, я в другую школу перешел, — начал Аким, тоже выпил, попробовал долму, сморщился. — Мясо забыли положить. Отец, старый большевик, идейный, определил меня в военное училище. Вышел лейтенантом. Физия у меня нормальная, начальству нравился, характер терпели. Потом Афган, как все, не лучший, но и не из последних. Стрелял, убивал, прятался, все как на войне. Никакому особому карате не обучался, знаю несколько ударов. В общем, меня голыми руками не возьмешь. После дембеля вернулся в Москву, из армии уволился, обрыдло. Родители померли, живу один. Ну, парни ко мне тянутся, ты сам лидер, знаешь. Только ты одиночество предпочитаешь, а я команду собрал. Без крови не обошлось, два раза брали меня, освободили за недоказанностью.

— Вербовали? — спросил неожиданно Галей.

— Подкатывались пару раз, но за горло не брали Я, конечно, на всех учетах состою и всем конторам известен.

— И сколько под тобой стукачей обретается? — задумчиво спросил Галей.

— Рядом со мной два человека, они вне подозрений, — ответил Аким; заметив усмешку Бориса, рассмеялся. — Я твоей агентурной подготовки не имею, но кое-что знаю. Убийцу ни одна служба вербовать не станет. Они гуляют за недоказанностью, а доказательства в моих руках. Шлепнуть они меня могут, сдать — никогда.

— Это серьезно, — согласился Галей. — Команда у тебя собрана, на хлеб хватает, чего ко мне тянешься?

— Объясню. Извини, Борис, ты в стороне, расклад не знаешь. Воры, со своими законами, особняком, особо к нам не лезут. Я с ними контактирую, не залупаюсь без дела, они тюрьмы и зоны в основном держат.

— Понятно. — Галей немного оттаял, тут и выпитое сказалось, и Акима прочувствовал, чутье подсказало, что парень уж точно не конторой подослан, вышел на связь в поисках личной корысти, что нормально.

— Все неприятности от молодых, которые любят хватать и стрелять. Я лично за просто так человека не обижу, а эти отморозки беспредел творят. Они могут последнюю дойную корову зарезать, чтобы сию минуту нажраться, а завтра хоть трава не расти. Хотели на меня наехать, но мои ребята тоже стрелять умеют Надоело. Среди моих тоже авторитетики подрастают, самостоятельности хотят.

— Так твоя держава распадается? — Галей вновь налил и выпил, поднял голову, улыбнулся свободно, почти раскованно. — Понимаю, надоело тебе вожаком ходить, воли захотел.

— По сути, так. — Аким решил пить с Галеем вровень, тоже опрокинул рюмку. — Когда стаю ведешь, так ведь и она тоже тебя ведет. Борис, верных, умных людей нет, куски сшибаем. Не скажу маленькие, но куски. Хочу дела и одного партнера, за которого не надо думать, решать, контролировать, бояться.

— В этой жизни ты всегда будешь бояться, — усмехнулся Галей. — Инстинкт самосохранения. Только кто же из серьезных людей тебя в партнеры возьмет, когда ты кругом засвеченный, на всех учетах состоишь?

— У тебя один окрас, у меня совсем другой. Нас ни одна служба не соединит.

— А какой у меня окрас? — быстро спросил Галей и взглянул остро, пытливо.

Аким понял, что все ранее сказанное лишь общий треп, вот он, главный вопрос. Неверный ответ — иди гуляй. Борис спрячется в раковине, не подпустит.

— Откуда мне знать? — Аким улыбнулся. — Тебя прошлым годом гэбэшники брали, значит, твой окрас им известен. Ты одиночка, тоже известно, билеты «МММ» — для участкового и других придурков. Вот и вся моя информация. Теперь слушай мои предположения. Ты человек умный, специально обученный, поставил крупное дело в одиночку. Гэбэшники тебя просчитали, хапнули, хотели в своих целях использовать, но ты им оказался не по зубам. Они знают, что ты объявился, знают твой почерк, потому ты сам двинуться не можешь. Что я могу предложить? Десяток шустрых ребят, которых можно по мелким поручениям использовать втемную. К примеру, тебе наружку за кем понадобится установить. Не станешь же ты сам мотаться, да одному такое и не под силу. Ребята не только тебя, они меня не знают. Ты мне задачу

поставил, я ее по каналам передал, пацаны на скоростных тачках все выполнили и довольны.

Галей выставил большой палец, кивнул и спросил:

— А кто парней оплачивать будет?

— Мои должники. Такие пустяки — не твоя забота.

— А тебе какой профит мои дела решать?

— Если ты дело задумаешь и поставишь, то исполнителем меня пустишь. А сам, к примеру, загораешь на Золотых песках в Болгарии. Службы кинутся искать, почуют, что Галей тут должен быть, ну просто обязан, так как больше некому. А ты в Шереметьево загорелый прилетаешь, тебе даже лень плечами пожать, в казенный кабинет зайти, дурацкие вопросы выслушать, рад бы, да времени нету. Я тебе весь кусок отдаю, ты мне долю выделяешь. Риск у тебя лишь один, что я после первого же дела соскочу. Так я не идиот, ты тоже подстрахуйся и не давай мне такого дела, чтобы я мог тебя скатить. Дело, поставленное тобой, не привлечет внимания спецслужб к авторитету Лёнчику. Потому как масть совсем иная.

— И за какую же сумму ты меня скатишь?

— Велишь взять и передать тебе... — Аким взглянул на Бориса оценивающе, — велишь передать тебе миллионов пять баксов, могу не выдержать, скатить.

— Пять «лимонов»? — Галей искренне хохотнул. — Высоко себя ценишь. А если всего два, так отдашь?

Аким задумался, вновь взглянул на Бориса и твердо сказал:

— Лучше один. Тогда точно передам. А дорого ценю я не себя, а тебя. С тобой выгодней пять раз по миллиону сделать, чем схватить один и сбежать.

— Допустим, я тебе поверил. Только вот где взять тот миллион?

— Кабы знал, не сидел бы тут, а жил бы у теплого синего моря.

— Ты парень открытый, честный?

— Не скажу, не знаю. Продавать — не продавал, а про себя не знаю. Может, и честный, а может, не продавался потому, что мне мою цену не давали.

— Стреляешь хорошо? — спросил неожиданно Галей.

— Смотря из чего, на каком расстоянии. Точно не снайпер, в ближнем бою, из пистолета стреляю быстро.

— Тир имеешь?

— Имею. Хочешь потренироваться?

— Возможно. Хорошую винтовку для снайперской стрельбы достанешь?

— Сразу не скажу. Я в снайперских делах не мастак, надо проконсультироваться, — признался Аким.

— Это хреново. — Борис долго молчал, затем сказал: — Подготовь мне тир. «Вальтер» или «беретту-девятку», патронов для тренировки. Будешь готов, позвони брату, скажи, что Бориса ждут завтра утром. А сам подъезжай к этому кабаку через день, в восемнадцать.

— Понял. — Аким кивнул.

— Будь здоров, поезжай, я тут маленько задержусь.

— Удачи. — Аким поднялся, неторопливо вышел из ресторана.

Галей велел официанту убрать со стола, подать чашку кофе и счет, вынул из внутреннего кармана пиджака магнитофон, перемотал пленку, включил воспроизведение, магнитофон положил в карман, надел специальные очки и начал слушать весь разговор с Акимом с самого начала.

Проснулся Гуров, как обычно, в семь, почувствовал незнакомый запах, приподнялся на локте, взглянул в лицо спящей рядом женщины и вспомнил

вчерашний день и вечер до мельчайших подробностей.

Обедали втроем, около семи Станислав уехал домой, Таня осталась, словно так и должно быть, оставаться у малознакомого мужчины. Пили мало, как шарахнули по стакану по приезде, так весь обед и до отбытия Крячко больше не притрагивались. Говорила в основном Татьяна, рассказывала телевизионные сплетни, деланно возмущалась, выясняя, что мужчины не знают популярнейших телезвезд.

— Менты, Танечка, темные менты! — смеялся Крячко. — У вас своя компания, у нас — своя. Я же не прихожу в ужас от того, что вы не знаете Семена по кличке Беспалый, за которым шесть покойников и бесчисленное количество разбойных нападений. Сеня, душевный человек, мечтал перерезать вашему покорному слуге горло, — он кивнул в сторону Гурова, — но чуть замешкался и отправился в мир иной. Существует мудрая пословица: «Никогда не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня».

Спустя несколько часов Гуров взял Татьяну на руки, напомнил мудрую пословицу и отнес в ванную комнату. Сейчас женщина спит, в спальне витает незнакомый запах. Вчерашний вечер и ночь уходят в прошлое, наваливается новый день.

— Сегодня шестое апреля, четверг, одна тысяча девятьсот девяносто пятого года от Рождества Христова! — сказал Гуров и выпрыгнул из постели.

— А я, может, спать хочу, — пробормотала Татьяна, натягивая одеяло на голову.

— У тебя здоровые инстинкты.

Гуров прошел в гостиную и начал делать гимнастику. Занимался он халтурно, для очистки совести; незаметно увлекся, пропотел, принял душ и громко сказал:

— Подъем! Ванная свободна.

— А кофе дадут? — спросила Татьяна, проскальзывая в ванную. Татьяна завернулась в простыню, как в римскую тогу; стараясь казаться выше, ступала на кончиках пальцев.

— В зависимости от вашего поведения, мадам, — ответил Гуров, проходя на кухню.

— Буду стараться, господин полковник. — Татьяна говорила что-то еще, но Гуров не слышал, удивленно оглядывая чисто убранную кухню, вымытую, стоявшую на своих местах посуду.

«Значит, пока я спал, Татьяна поднялась, убрала и все вымыла», — понял Гуров, но он не знал, приятна ему такая забота или нет. Она женщина взрослая, самостоятельная, живет по своим законам.

За завтраком она взглянула на Гурова, загадочно улыбнулась и сказала:

— Ты прекрасно восстанавливаешься, вчера я чуть было тебя не пожалела — такой ты был замордованный, потерянный. Сейчас ты словно ледком схваченный, взгляд жесткий, даже когда улыбаешься.

— Нельзя мужчине говорить о его слабостях.

— Почему? Глупости! Если мужик слабак, так словами его не исправишь, а коли он Лев Иванович Гуров, то слова от него отлетают, как от стенки горох. Я рада, что встретила тебя, благодарна, что ты о любви не говоришь и планов в отношении меня никаких не строишь.

— Не загораживайся, никто не собирается причинить тебе боль. Сколько тебе понадобится на макияж и прочие женские хитрости?

— Минут тридцать.

— Не торопись, мне надо поговорить по телефону.

Татьяна убрала со стола, быстро перемыла посуду, скрылась в ванной. Гуров позвонил Орлову домой, услышав ответ, сказал:

— Добрый день, Петр. Надеюсь, сегодня ты отошел?

— Здравствуй, Лева. — Орлов, видимо, завтракал, через небольшую паузу продолжил: — Приказ ясен и прост: убийство раскрыть, свидетелей не беспокоить.

— Убийство мы раскроем, только не докажем...

— Раз не докажешь, значит, не раскроешь, — перебил Орлов. — Может, бросить все к нехорошей матери, изображать активность, писать длинные бумаги?

— Можно, мой генерал. Есть один нюанс — вернулся к жизни Борис Галей. Оплачивал его работу Якушев, команду о ликвидации Галея давал полковник Ильин. Деньги у киллера на исходе, по имеющимся у меня данным, он собирается получать долги.

— Ты сам большой и умный, думай, как лучше. Я вас прикрою, вы со Станиславом до понедельника в конторе не появляйтесь. Якобы вы ищете подходы к воскресшему киллеру, косите на него как на убийцу замминистра.

— Интересная мысль, Петр, только кто в нее поверит?

— Никто и вникать не станет. Лева, я тебя Христа ради прошу, не беспокой ты в эти дни героев, пусть они от тебя отдохнут. Пока. — И Орлов положил трубку.

— Я готова. — Татьяна вошла в гостиную, в макияже и на высоких каблуках она чувствовала себя значительно увереннее.

— Какие дела на сегодня? — без любопытства, лишь из вежливости поинтересовался Гуров, набирая номер.

Татьяна поняла, что ответа не ждут, присела на валик дивана, взяла со стола сигареты. Она не курила, дымила порой из баловства.

— Проснулся? Дома нормально? — спросил Гуров, услышав в трубке голос Крячко.

— Дочь ушла в школу, жена на работу, я домываю посуду! — рапортовал Крячко. — Готов служить без страха и упрека!

— Тебе дали гулять до понедельника. Так у Петра — душа генеральская, широкая, а я, твой начальник — известный жлоб. Потому приезжай ко мне...

— От меня привет, — сказала Татьяна, неумело прикуривая.

— Вчера вечером Татьяна Евгеньевна передавала тебе привет.

— Польщен, передай поклон. Я через пять минут выезжаю. Да, Танюше скажи, чтобы дождалась меня, я ее подброшу в телецентр или куда надо.

— Передам. — Гуров положил трубку. — Станислав велел передать, что если требуется, он тебя подбросит.

— Странные вы, менты, люди. — Татьяна взяла свой плащ, сумочку. — До двери проводишь?

— Обязательно. Даже до лифта. — Гуров поднялся, отомкнул стальные двери, вышел первым, вызвал лифт. — Я не хам, Танюша, но я не хочу выглядеть лучше, чем есть на самом деле. Если будет настроение, к вечеру позвони сюда.

— Обязательно. — Татьяна состроила гримасу, чмокнула Гурова в щеку и вошла в подъехавшую кабину.

Полковник Ильин вышел из генеральского кабинета, еле сдерживая переполнявшую его радость и, казалось бы, уже потерянное ощущение свободы. Ильин уже давно не мучился угрызениями совести, многолетняя служба отучила. Он был до крайности циничен, при необходимости жесток и, будучи человеком умным, считал, что на нем уже давно клейма

негде ставить. Неожиданно все оказалось значительно сложнее.

До визита Галея полковник был убежден, что давно работает исключительно за деньги, никаких идейных убеждений у него нет, как нет давным-давно ни у кого из окружающих. Существует лишь один интерес — личное благополучие, все остальное — от лукавого. Так было, когда полковник платил членские взносы, так осталось, когда он вместе со всеми на партию наплевал. Причем наплевал совершенно искренне, так как в данной организации, как бы она ни называлась, лучше, чем где-либо еще, знали, что самыми бездарными сотрудниками, самыми старательными подхалимами и мздоимцами всегда были именно партийные выдвиженцы.

О собственной морали Ильин был невысокого мнения, убежденный, что надо быть как все; можно работать чуть лучше, но знать грань, иначе — вышвырнут. Прослыть чистюлей и умником значительно опаснее, чем быть заподозренным в мелком взяточничестве. О какой морали тут говорить?

Когда Галей ушел, Ильин понял, что схвачен. Либо стать информатором киллера и получать за это валюту, либо увольняться и, вполне возможно, пойти под суд. С помощью Галея на бывшего полковника можно при желании, а умельцы такие всегда найдутся, навешать — лет на несколько хватит. Ради спасения чести мундира, который заплевали как могли, бывшего коллегу никто спасать не станет. Поначалу, лишь прикинув возможное служебное расследование, примерно зная, кто его будет вести, Ильин понял, что станет высокооплачиваемым информатором, получит солидные деньги, а дальше — жизнь подскажет. Можно укатить за рубеж, там тоже обласкают и деньжат подкинут...

Прошли сутки. Ильин с удивлением отметил, что

стал хуже спать. Еще через несколько дней он перестал спать совсем, ударился в воспоминания, но вспоминал в основном почему-то о провалах и совершенных им подлостях. Утром он попросил жену вызвать врача, позвонил секретарю, сказал, что заболел.

— Аннушка, сколько лет мы женаты? — спросил он у жены.

— Действительно заболел. — Жена приложила к его лбу сухую ладонь. — Аннушкой ты меня не называл лет сто, наверное.

— А где альбом с нашими первыми фотографиями?

Жена взглянула еще внимательнее, вскоре принесла пакет с карточками.

— В те годы у нас не было альбома, Игорь, — сказала она, присела на диван, на котором прилег Ильин. — Ты скрываешь от меня что-то? Ты серьезно болен?

— Я всю жизнь свою скрываю от тебя. — Ильин хотел пошутить, но понял, что сказал правду, и нахмурился.

Потом он долго рассматривал фотографии, вспоминал высшую школу, присвоение первого офицерского звания, дурные мечты о работе за рубежом. Вспомнил, что по молодости мечтал работать нелегалом. Это с его-то способностями к языкам! Вспомнил первый орден, который он получил не к юбилею, а за настоящее дело. Он собственноручно задержал шпиона. Не липу, не оступившегося человека, которого долго водили, кормили дезами и провоцировали, а настоящего, активного шпиона. С группой прикрытия что-то случилось, произошла какая-то накладка, и он брал опытного агента один на один. Потом было много орденов, о которых лучше не вспоминать...

А когда он скурвился, стал подначиваться к любо-

му начальнику? Они приходили из парторганов и комсомола, уходили, отбывая в богатые страны, а он, тогда еще порядочный парень, капитан Ильин, работал и работал.

Его начали обходить в званиях и по должности. Вспомнил. он сломался на диссидентах. Его вызвал начальник отдела, сунул тоненькую папочку, сказал, мол, и твой час пришел, разберись с этими жидами — пойдешь наверх. Он честно изучил материал, понял, что имеет дело с сопливыми мальчишками, которые организовали в институте литкружок, читают запрещенных тогда Ахматову, Цветаеву, Мандельштама, в общем, занимаются ерундой. И он, мудак, даже не выписал повестки, не доложил руководству, а пригласил «любителей русской словесности» по телефону и сказал им: «Кончайте, ребята, ерундой заниматься. Сказано — нельзя, значит — нельзя!» Что тогда началось! Папочку с доносами у него забрали, собрались уволить. Тут ему повезло, он взял группу валютчиков. И не просто людей, торгующих долларами, а фальшивомонетчиков. Ильина оставили в покое, а над литкружковцами устроили показательный процесс. После этого случая он и «поплыл». Значит, честная, принципиальная служба не нужна? Будем служить, как вам угодно!

Потом Горбачев... демократы... Службу трясли и перетряхивали. Памятник «железному Феликсу» сломали и уволокли, но контрразведку закрыть невозможно, не форточка. И тут вспомнили, что когда-то Ильин был в оппозиции репрессиям, защищал каких-то поэтов. Он никогда в оппозиции не был, голову бы оторвали, никого защищать не смел. Но служба защищалась, нужны были и положительные примеры, и тут выяснилось, что один из мальчишек-рифмоплетов, которых Ильин отказался разрабатывать, фактически предупредил об опасности, сегодня — извест-

ный поэт, живет в Америке. Ильину дали полковника и отдел. Но уже было поздно, он уже ссучился, давно шел по тропе «Чего прикажете?».

И в прошлом году Ильину поручили найти киллера, который многократно использовал «вальтер» калибра девять миллиметров. И тут кто-то «стукнул», подсунули Галея. Ильин понял, его начальника, молодого выдвиженца, используют втемную, плетут интригу, им нужен не столько киллер, сколько «горячий» «вальтер». Ильин добыл «вальтер», а ликвидацию Галея поручил мудакам. А куда денешься, если оперативников стоящих поразгоняли. В результате Галей остался жив и держит за горло.

Недавно сломавшийся, готовый служить информатором ловкого уголовника и убийцы, Ильин неожиданно, в первую очередь для себя самого, выпрямился, налился упрямством и силой.

Он вышел на работу, сдал бюллетень раньше срока, надел лучший костюм и белоснежную рубашку, стал выглядеть моложе, увереннее. Он позвонил секретарю генерала, хотя в большинстве случаев соединялся с ним напрямую, и записался на прием, оговорив тридцать минут, предупредив, что просит принять по личному вопросу.

Генерал принял в тот же день. Увидев вошедшего Ильина, поднялся, развел руками, улыбнулся:

— Удивляешь, Игорь Трофимович! Записался на прием, словно и не родной вовсе! Молодой, красивый... Ты, случаем, не замуж собрался?

— Как решите, господин генерал: можно замуж, можно в крематорий.

— Без привычной папки... Ну да, ты же по личному... Ну, присядем, потолкуем по личному. — Генерал указал на мягкую мебель в углу большого кабинета. — Можно по рюмке? А что, Президенту можно, а нам нельзя?

— Обождем, господин генерал, — ответил Ильин. — Доложу, потом решим. Может, мне рюмку мышьяка следует выпить.

— Ну-ну! Только без мелодрам, уважаемый. Мы чекисты. Пусть их отменили, но старая закваска осталась.

Генерал откупорил бутылку боржоми, плеснул в стаканы. Он пришел в контрразведку из канцелярии бывшего ЦК, в оперативной работе не смыслил, правда, и не лез в нее, считая своей обязанностью лишь читать бумажки, приходящие из аппарата Президента, и определять общие направления.

Сухим военным языком Ильин объяснил ситуацию. Доложил, что по вине полковника Ильина ликвидация киллера, чей пистолет использовался при покушении в ноябре прошлого года, не удалась. Борис Сергеевич Галей — киллер, преступления которого на данный момент не доказываются, — явился в кабинет полковника Ильина и предложил ему стать платным осведомителем, короче, пытался завербовать.

Ильин опустил тот факт, что повторно встречался с Галеем на своей конспиративной квартире и сообщил киллеру номера домашних и рабочих телефонов Ждана, Яшина, Барчука и Еркина.

— Что бы мы ни решили, следует подать рапорт, — сказал генерал и, хихикнув, добавил: — Все начинается с бумажки.

— Я писать, естественно, ничего не стану, господин генерал, — уверенно сказал Ильин. — Задерживался Галей негласно, пистолет у него изъяли незаконно. Заговори мы сегодня об этом «вальтере», очень многим эта история не понравится. Извините, но глупость изволите говорить, господин генерал.

Образно выражаясь, у генерала «отвалилась челюсть». Говенный начальник отдела, полковник, ко-

торого генерал считал просто ручным, не только возражал, но посмел хамить. Многолетняя выучка в партийном аппарате приучила генерала к выдержке, никогда он не отвечал на нападение. Если напали по глупости, то с дураками всегда не поздно расправиться. А если человек агрессивен оттого, что у него появилась мощная «спина», ты наглеца одернешь и разобьешь морду в кровь.

— Ну, прости, Игорь Трофимович. Я в ваших делах не дока, решай сам. — Генерал благосклонно кивнул, начиная решать сложнейшую задачу со многими неизвестными.

Генерала не волновали воскресшие киллеры, «горячее» оружие, покушения и пустяковые убийства. Чья рука легла на плечо этого старого гэбэшника? Что означает явка полкаша вроде бы с повинной? Какого решения ждут от него, генерала, который уже присмотрел себе подходящее место в окружении Президента? Генерал сразу отметил парадный костюм полковника, иную посадку головы, тон голоса, но не придал этому особого значения.

— Какие же будут соображения у опытного чекиста? — Генерал поднялся из мягкого кресла, пересел за служебный стол.

— Выслуги у меня более чем достаточно, возраст подходящий. Я подаю рапорт об отставке, прохожу полагающееся медобследование. Вы подыскиваете мне замену. Когда Галей решит с полковником Ильиным свести счеты, то выяснит, что такого человека в аппарате ФСБ нет. Существует отставной полковник, пенсионер. Насколько я понимаю психологию Галея, он от меня откажется. Таким образом, я уйду, а вас, господин генерал, данная ситуация не коснется.

— Благодарю, но о своей персоне я способен и сам позаботиться.— Генерал пытался говорить беспечно.

— Недооцениваете опасность, — возразил Ильин. — Кто же вас защитит? Не тот ли ферт, что сидел тут прошлой осенью, когда решался вопрос с Галеем? Сегодня этот сосунок на волне, завтра — от него и следа не останется. Волна, господин генерал, следа не оставляет, она просто уходит.

— Начнем с того, что я, Игорь Трофимович, не из пугливых. Никакого рапорта об отставке я от вас не приму. Вы мне сказали, что киллер жив, собирается активизироваться, пытался оказать на вас давление. Так ваш Галей просто неумен. Заведите на него разработку. Как вы выражаетесь, обставьте агентурой. Когда убийца будет доказательно арестован, делом займется прокуратура. Галей волен писать хоть в ООН... Все, благодарю вас за искренность. — Генерал, предваряя всякие возражения, выставил перед собой ладони. — Существование таких людей, как вы, господин полковник, лишний раз доказывает, что среди чекистов выросли сильные, порядочные бойцы.

Ильин вернулся в кабинет чуть ли не насвистывая.

Секретарь ему улыбнулась, сказала:

— Отлично выглядите, Игорь.

И оглянулась. Лет десять назад они порой занимались любовью.

— Спасибо, Танечка!

Он закрыл за собой дверь, отловил в нижнем ящике стола бутылку коньяка, зубами выдернул пробку, сделал солидный глоток, опустился в кресло, задумался.

Перевернуть ситуацию на сто восемьдесят градусов, взять Галея с поличным и всем доказать, что он, полковник Ильин... Он просчитывал варианты, и эйфория медленно уходила. Довольно быстро он понял, что золотопогонный партаппаратчик запросто переиграл бывалого чекиста. Почему эта падаль не приняла отставку? Казалось бы, всем удобно и спокой-

но... «Сильные, порядочные бойцы»? И на такую дешевку он клюнул! Подлюге нужен козел отпущения. А он и есть козел! Ты хочешь меня подставить? Не годится, полковник Ильин начальника завалит Но мертвый Ильин никого не завалит! Портрет в рамочке... Подушечка с орденами... Скорбные лица. Слова...

Подожди, подлюга, Ильин живой. Как в старые добрые времена, чувство опасности не выбило полковника из седла, а добавило злости и силы.

Первым делом, не класть все яйца в одну корзину перестраховаться. Нужен честный и сильный парень. Гуров? Имя выскочило первым и безусловным. Конечно, Гуров, но не напрямую. Необходим связник, обязательно чекист. Где же взять такого, не продажного и не бздуна?

Вскоре Ильин убедился, что в его окружении подходящий человек отсутствует. Достукался, окружил себя подлизами и двурушниками! Нет среди друзей, ищи среди врагов. И вскоре парень нашелся. Майор Кулагин... «Он меня терпеть не может и в приятелях у полковника Гурова. Павел Кулагин мне и нужен», — решил Ильин, позвонил секретарю и распорядился вызвать майора.

— Он на задании, — попыталась возразить секретарь.

— Знаю я ихние задания! Немедля!

Кулагина разыскали быстро: он молол воду в ступе по делу убийства Травкина.

— Здравия желаю, господин полковник, — безучастно произнес майор, входя в кабинет. — Как здоровье? Слышал, вы слегка приболели.

— Здравствуй, присядь. — Ильин оглядел невидную, но хорошо скроенную фигуру майора. — Может, тебе это и неприятно слышать, но ничем обрадовать не могу — на здоровье не жалуюсь.

— Я всем желаю здоровья. — Кулагин сел, закинул ногу на ногу, вид сохранил деловой, не разгильдяйский. — Я желаю здоровья даже врачу, больной врач вызывает жалость. А жалеть врача опасно для собственного здоровья.

— Философ... — Ильин усмехнулся. — Скажи, майор, за что ты меня не любишь? — Коротко вздохнул и добавил: — Можешь не отвечать.

Кулагин был оперативником, и почувствовав в начальнике перемену, взглянул внимательно. Обычно майор полковнику в лицо не смотрел, лишь мазал взглядом: мол, нечего смотреть, и так все известно.

— Ты с полковником Гуровым из главка угро в нормальных отношениях, я знаю.

— Нормально, коллеги, — никчемно ответил майор, чувствуя, что с полковником творится непонятное. Майор словно впервые увидел нелюбимого, главное, неуважаемого начальника. Увидел в полковнике нечто очень важное, доселе совершенно незнакомое. Майор исподволь оглянулся, словно проверяя, в тот ли кабинет попал. Полковник смотрел на него жестко, без обычной брезгливой улыбки.

— Почему я тебя не люблю, знаю. — Ильин открыл лежавшую перед ним папку, вынул страницу, на которой было что-то написано от руки, и обычный почтовый конверт. — Я тебе завидую, Павел. Зависть встречается разная, не всегда злая и черная... Прочти и хорошенько запомни. — Он протянул через стол бумагу и конверт.

Запись была простая, запоминалась легко, тем более что все перечисленные фамилии майор прекрасно знал. Но общий смысл он не улавливал.

— Запомнил? Запечатай в конверт, убери в карман.

Полковник подождал, пока подчиненный выполнил приказание, затем сухо продолжил:

— Конверт передашь в руки Гурова. Если с конвертом что-либо случится, всякое бывает, тогда передашь содержимое на словах. Понял?

— Так точно, Игорь Трофимович. Когда передать? Сегодня?

— Нет, когда со мной что-нибудь случится. К примеру, если я под трамвай попаду.

Атмосфера в кабинете стала тяжелой. Казалось, воздух уплотнился, или, наоборот, воздуха стало не хватать. Стараясь разрядить обстановку, майор сказал:

— Ну, от трамвая вы застрахованы, Игорь Трофимович. — Кулагин заставил себя улыбнуться. — Трамваи по Москве уже не бегают.

— Много ты знаешь, майор... Иди.

— Всего доброго, Игорь Трофимович. — Кулагин протиснулся в дверь боком, словно не хватало сил открыть ее как следует.

Глава седьмая

На этот раз Гуров и Крячко пришли в прокуратуру. Гойда сидел за своим столом.

— За вчерашний день — гора бумаг и неприятностей. Как я и ожидал, повторный выезд на виллу ничего существенного не дал.

— Ты пулю из стены вытащил? — спросил Гуров.

— И уже отдал на экспертизу. Судя по всему, пуля выпущена из того же карабина. Официальное заключение будет к вечеру.

— А говоришь, ничего существенного, — удивился Крячко. — А ты желал бы, чтобы кто-то из данных господ с повинной явился?

— Желал бы! — с вызовом ответил Гойда. — Но они бросились не в данный кабинет, а к своим начальникам. И началось...

— Сочувствую, — перебил Гуров. — К начальству и прочей ерунде мы еще вернемся. Как Барчук вел себя на выезде?

— Как и предполагалось, он был с адвокатом.

— А чего ты не пресек? Никакого обвинения ему не предъявлено. Или для высших чиновников законы иные? — Гуров раздражался, но отнюдь не потому, что следователь допустил на выезд адвоката. Сыщик был раздражен на себя, что мешает Гойде сосредоточиться, лезет с никчемными вопросами. Они рождаются оттого, что у него, полковника Гурова, нет ни настоящих вопросов, ни собственной линии поведения. Совершенно ни к чему вспомнилась Татьяна, какой у нее косящий, постоянно вопросительный взгляд и оливковые полные груди с темными выпуклыми сосками. — Мы что, стопроцентные импотенты? Мы уже ничего не соображаем? — вспылил он вновь и осекся. — Извини, Игорь, кроме неприятностей, другие новости имеются?

— Понимаешь ли, Лев Иванович, лично я не шибко верю в вашу версию, каким образом произвели выстрел, — медленно и, как обычно, занудливо начал говорить следователь. — Вам лучше меня известно: если решили убить — делают все просто. Однако, в силу того, что у меня иной версии нет, я попытался вернуться к вопросу: кто на каком месте стоял из присутствующих на веранде. Возникают некоторые разночтения, но не в том, кто где конкретно стоял: последнее зафиксировано точно, все действующие лица в своих показаниях едины.

— Натурально Михаил Сергеевич, много слов при нуле информации, — пробормотал Крячко.

— А сейчас вообще собьюсь. — Гойда нацепил очки, стал подглядывать в бумажку. — Меня заинтересовал вопрос, который подсказал Лев Иванович: когда все наконец вышли на веранду, то остановились,

собрались фотографироваться или менялись местами, перестанавливались? Барчук вынес лампу, направляя свет, но, судя по его показаниям, он никому не указывал, где конкретно стоять, и произнес лишь одно вполне понятное слово: «Плотнее». Но тем не менее люди местами менялись.

— Не тяни! Кто менялся? По чьей инициативе? — Крячко даже привстал со стула. — Говори, прокурорская твоя душа!

Гойда в принципе был человеком невозмутимым, да и к темпераменту Станислава привык, потому, разглядывая свои записи, ждал, пока страсти улягутся.

— Видите ли, что странно... — Гойда неторопливо откашлялся. — Необыкновенную активность непосредственно проявил депутат Еркин, что в принципе объяснить можно. Но дважды переходил с места на место и даже просил приятелей подвинуться господин Яшин, который служит в Управлении охраны Президента и подчиняется непосредственно Коржанову. Яшин мужик здоровый, а гости выпивши были. Яшин с краю встал, как двинет всех, крикнув что-то вроде «куча мала»; кто-то ойкнул, расступились, а у Скопа дырка во лбу. Вот когда я попытался дозвониться до господина Яшина, тут все телефоны словно взорвались. Даже господин Черномырдин соизволил в трубку пробурчать своё явное неудовольствие. Ну, я голоса премьера не знаю, меня мог распекать его десятый помощник по водопроводной линии. Я получил указание следствие по делу прекратить, розыск преступников продолжить.

— Я дал такое указание, — пробасил, входя в кабинет, помощник прокурора Федул Иванович Драч. — Так что, дорогие сыщики, как говорится, «до побачення». Будут новости — заходите, а лясы точить мне с вами недосуг.

Высоченный жилистый мужик с лохматыми бровями, руками-граблями, он больше походил на деревенского старосту, даже на вора в законе, который держит зону намертво и даже зам по оперчасти старается пройти мимо законника побыстрее, но уж никак не на блюстителя закона высокого ранга, коим Драч является по уму, совести, а не только по должности.

— Зайдите, хлопцы, ко мне, я вам мозги прочищу. — Он широко прошагал в свой кабинет, прикрыл дверь, кивнул на стулья.

Некоторое время Драч молчал, скреб небритый подбородок, судя по всему, такую щетину следовало брить дважды в день. Драч давным-давно знал Орлова, сам некогда работал в розыске, знал и Гурова с Крячко, считал их сыскарями классными, но никогда не выказывал своего расположения.

— Ты сегодня, Лев Иванович, какой-то малость пришибленный, без привычного лоску и гонора. А ты, Станислав, приболел?

— С чего взяли? — буркнул недовольно Крячко.

— А чего молчишь? Начальники вам по хвостам надавали? Так привычное дело. Не будешь получать, не узнаешь — кто начальник.

— Имел я всех начальников!

— Правильно, начальники приходят и уходят, а сыщики остаются. Не разрешают взять силой, заманите их хитростью. Кто Игорька Скопа грохнул, знаете?

— Знаем, что кто-то из своих, — брякнул Крячко и шагнул в сторону от Гурова.

— Вот оно как? Вот куда вы свои грязные ментовские руки суете? И это в такой момент! Когда каждый либо в кресле усидит, либо живот положит! Другой мечтает соседу хребет сломать и повыше вскарабкаться, а вы тут со своими глупостями все

порушить желаете? А чего же вы в такой ситуации хотите, какой реакции? Я ваших фигурантов знаю. Кого бы вы ни дернули, вы затрагиваете интересы самых высоких чинов: Президента, премьера, Коржанова, лидера ведущей и самой скандальной партии. У вас остается лишь бедный и несчастный Якушев. Но он — единственный, кто на вас действительно плевать хотел. У Якушева — серьезные деньги, он может в любой момент покинуть Россию и не возвращаться, пока вы не состаритесь и не забудете смешную историю с убийством Игорька Скопа. Я его зову Игорьком, потому как знал сызмальства.

— Я в этой импрессионистской, или как она называется, живописи ни хрена не понимаю, — сказал Крячко. — Я человек старомодный, консервативный. Привык, если человека нарисовали, чтобы ноги, руки, голова находились на месте и в положенном количестве. Так что натюрморт ваш, господин Драч, я абсолютно не воспринимаю. Человека убили? Плохо, но понятно. Убийцу требуется разыскать, снабдить необходимыми уликами и сопроводить в данный кабинет. Верно? Я ясно излагаю? А кто у него начальник, какие у начальника интересы — тут я совсем плохой, смотрю дурнем, будто на картину, где девица с тремя грудями и четырьмя руками изображена. Я дивлюсь, а мне слюнявым шепотом сообщают, какой великий маэстро ту девицу соорудил. Я вас, господин хороший, хочу спросить: тот великий маэстро с этой дивой в койку лечь рискнет?

Драч махнул на Крячко рукой, мол, отправляйте в морг и никакой реанимации, взглянул на молчавшего Гурова.

— Ну а ты понял, куда попал?

— Мне ни к чему, Федул Иванович. Ведь это они попали, а не я. У меня сон хороший.

Драч был человеком, повидавшим много, и сотруд-

ником опытным, потому сразу услыхал в голосе Гурова злость, в словах — подтекст.

— Пояснить не желаешь?

— Можно, только ни к чему вам лишнее.

— А ты, парень, хвост не подымай! Убийцу разыскать не можешь?

— Могу, но власти не разрешают, вы в частности. А вам, Федул Иванович, не чиновнику прокуратуры, а другу моего любимого начальника, моему приятелю, скажу. История эта может очень круто завернуться. Вся пятерка, что стояла на веранде, — прекрасный объект для шантажа. Деловые люди об убийстве узнали из газет, имена известны. У серьезных авторитетов агентура — не чета нашей. Поспрашивают, разнюхают, поймут, что нету такого, значит, залетный стрельнул и убил. Действительное положение вещей никому и в голову не придет. Умный человек рассудит здраво: имею пять жирных гусей, если я по перышку у каждого выдерну, то всем будет хорошо. А я ничем не рискую, так как не шантажирую, а прошу деньги за охрану персоны. Вот тогда ваши «неприкасаемые» сок дадут. И прибегут они ко мне. Что особенно смешно, убийца тоже прибежит, он никак в стороне остаться не может.

— И когда ты такую интересную историю сочинил?

— На досуге, Федул Иванович, исключительно в личное время. Разрешите идти?

— Яшин, заместитель начальника Управления охраны Президента, никогда не пойдет к менту, попытается разобраться сам, благо люди и техника у него имеются.

— Вот Яшина и убьют первым, а деньги, которые он хотел сохранить, разделят на четверых оставшихся.

— А убийством Яшина, в их представлении чело-

века всесильного, они остальных так напугают, что людишки исподнее снимут и добровольно отдадут. Какой выстрел самый страшный? Хиросима? Чернобыль? Ни хрена! Пулька, что у твоего виска свистнула! Можно слышать и видеть тысячи смертей. Неприятно, обидно за человечество. Народ, человечество — это много и далеко, поэтому абстрактно. А если с тебя лично ушанку пулей собьет, тогда ты узнаешь, в каком месте у тебя находится копчик. Нашему Грачеву повоевать больно хочется? Дали бы мне возможность девять граммов в кокарду его фуражки засадить, поверьте, друзья, он бы в миг миротворцем стал.

— Обычная человеческая психология, — подытожил Драч.

— Ага! — по-мальчишески ответил Гуров. — На ней и выстроена пирамида Галея. Когда друзья по обмыванию дачи попрощаются с господином Яшином, каждый вспомнит, где у него золотой лежит, и прибежит, и принесет.

— И все такие трусы? — тихо возмутился Драч.

— Я лично трус, — ответил Гуров. — Но не понесу из гонора, обучен опять же. Я бы с квартиры съехал и начал встречную охоту.

— Проходили, — вставил Крячко.

— Если они к нам за помощью не кинутся, Галей их додавит. С оставшихся в живых получит деньги, — с этими словами Гуров встал, взял Крячко под руку, шагнул через порог, кивнул и прикрыл за собой дверь кабинета Федула Ивановича Драча.

Галей не решил, будет он использовать Акима — Лёнчика или оставит про запас. Одно предложение Акима было очень соблазнительно — использовать его пацанов для наружного наблюдения. Держать ребят втемную — дело нехитрое. Они, получив зада-

ние, решат, что авторитеты выбирают жертву для ограбления. Задержание такого «наружника» ментовкой — дело неопасное. Они задерживались десятки раз. Где получится — откупятся, а если доставят в отделение, подержат да выгонят, предъявлять нечего. Разве что штраф за превышение скорости, так с этим выгоднее разбираться на месте.

Галей четверым — Якушева он исключил — выслал на домашний адрес совершенно одинаковые письма такого содержания:

«Уважаемый господин! Я не знаю причин, по которым очень метко стреляющий человек решил свести с Вами счеты. Убийство И.М. Скопа произошло в Вашем присутствии. Если Вы желаете избегнуть столь печальной участи, предлагаю Вам передать мне миллион долларов наличными. Обращаться в органы, даже половые, не рекомендуется. Я даю Вам на размышление двое суток, после чего позвоню домой. Отсутствие прослушивающих устройств, а также запись нашего разговора гарантируется Вашей стороной. Если предложение принимается и деньги выплачиваются, я беру Вас под свою охрану. Рядом с Вами не будут ходить и ездить дебилы, в Вас не станут стрелять. Если мое предложение Вас не устраивает, скажите мне об этом по телефону.

Предупреждение. Если Вы попытаетесь захватить меня в момент получения денег, то смерть Ваша предрешена.

Оплата гарантирует жизнь. Попытка предательства — смерть. Ваше право — не принять мое предложение, сыграть в орлянку».

Галей заклеил конверты, надписал адреса. Разобрал машинку, выбросил в мусорный ящик, снял и выбросил перчатки.

Помощник Президента Юрий Олегович Ждан недавно въехал в четырехкомнатную огромную квартиру, где поселился с давно нелюбимой женой. Единственный сын с молодой женой остался в прежней трехкомнатной кооперативной, которую четверть века назад построил отец Ждана.

Было воскресенье, помощник взял домой кое-какую работу. Поднявшись поутру, слонялся без дела, завтрак готовить было лень, будить жену даже в голову не приходило, все, что она скажет и сделает, известно заранее.

Пятьдесят лет, роскошная квартира, дача, личная и служебная машина. О чем еще может мечтать человек? Лицо, приближенное к императору... В отношении данной близости Ждан себя не обманывал, но к самой ручке не лез, уж больно тесно, затолкают, ноги оттопчут. А он любил покой. Оттого, что Ждан не лез, лишнего не хотел, коллеги относились к нему доброжелательно, что не мешало им за его спиной порой ехидно улыбаться, порой доверительно говорить, что и у кормушки человек пристроился, да не ест как следует, вроде бы даром место занимает. Но дело свое Ждан знал прекрасно, подготовленные им бумаги всегда были безукоризненны. И «сам» даже с тяжелого похмелья не чиркал их, молча отправляя в папку «На исполнение». Это совсем не значит, что документы, подготовленные Жданом, впоследствии исполнялись. Существовали первые помощники, иные более приближенные лица, они решали по-своему. Но Ждана это уже не касалось. Он делал свою работу внимательно и честно.

Да, квартира была хороша. Тут женушка подсуетилась и была права: бери, если сегодня положено, а то завтра можешь не получить ничего. По чьим

постелям она суетилась, он не интересовался очень давно. Знал, что его супругу многие побаиваются значительно больше, чем его самого. Дал Бог женщине и ум и красоту, об остальном забыл или посчитал, что этого для одной вполне достаточно.

Погода хреновая, на дачу не поедешь. У «самого» сегодня собираются, Ждана, естественно, не пригласили. Оно и к лучшему. Близко его не зовут, далеко не прогонят. Хотя за «не пригласили» супруга заехала ему туфлей в физиономию, еле увернулся. А уж слова она говорила, что ни у какого Даля не отыщешь. А ведь в девичестве была из интеллигентной семьи.

Он хотел открыть бар, но испугался, что дверца сильно скрипит, а дверь в спальню приоткрыта. Дверь закрыть, опять можно нарваться на неприятности. Он решил вопрос в обход: ушел на кухню — то ли итальянскую, может, немецкую, тут он не дока, — залез в холодильник, быстро выпил стопку водки, чем-то зажевал и бодро отправился в кабинет, считая, что операция прошла на высшем уровне. Вчера Вера — так звали супругу, выбрала же она для себя более звучное имя — Вероника — устраивала деловой ужин, на котором Ждана обязывали «пить как все», поэтому запах от утренней рюмки уловить невозможно.

Он любил свой письменный стол и садился за него всегда с удовольствием. Удобное деловое кресло, без верчений, кручений, хорошие ручки, качественная работа, ничего лишнего. Еще он любил стол за то, что он являлся неприкосновенной собственностью хозяина, даже пыль с него Ждан стирал собственноручно. Когда он отстаивал независимость стола, разразился грандиозный скандал. Вера визжала, голос рвала. На удивление самому себе, Ждан был непоколебим, заявив, что, если единожды заметит, что к столу

кто-то прикасался, будет запирать кабинет на ключ, который повесит себе на грудь вместо креста. И Вера смирилась. Женщина умная, она предпочитала скорее не подходить к столу, чем прилюдно признать, что муж не пускает ее в свой кабинет.

Он любил свой стол, ведь у любого человека, даже если он стопроцентный подкаблучник, должна иметься собственность. У него был стол; сидя за ним, Ждан ощущал себя человеком самостоятельным, подтягивал брюки, расправлял плечи; даже блеклые глаза в этот момент становились у помощника как в детстве, голубели.

Он вынул из ящика тряпочку, протер пыль, проверил все ли на месте, что было совсем нетрудно, так как, кроме папки, Ждан на столе ничего не держал. Сегодня рядом с хозяйской папкой лежала пухлая стопка газет. Обычно он их просматривал на работе, и хотя вчера в кабинет заезжал, газет не видел. Он отложил «Правду», хотя и говорил, что противников надо знать, взял «Известия», из которых выпал незнакомый конверт. Обычный конверт, каких Ждан не получал давным-давно. Ведь ежу понятно, что письма народа до помощника «самого» не доходят.

«Конверт как конверт, раз добрался сюда, надо в него заглянуть», — размышлял Ждан, думая о том, что «любимая» заспалась и можно успеть на кухню к холодильнику. Но лень победила, он взял ножичек — супружница из Швейцарии привезла, — вскрыл конверт и долго читал, чего это напечатано на плохой бумаге таким ужасным шрифтом.

Больше всего потрясал не факт угрозы смертью, а что кто-то считает, что у него, Юрия Олеговича Ждана, имеется миллион долларов.

Жена вошла тихо, потянулась, плотнее запахнула халат, который недавно привезла из Израиля. Она была не намазана, но все равно красива.

— Не помешала? — спросила она обеспокоенно и с издевкой одновременно.

Согласно написанному много лет сценарию, муж должен был вскочить, низко раскланяться и сказать. «Я польщен, королева, какая честь!» — семеня подбежать и приложиться к ручке.

Ждан взглянул на красивую — в сорок лет Вера была красива даже утром — чужую женщину, взял со стола письмо, вялой рукой отбросил на несколько сантиметров.

— Взгляни. Письмо адресовано мне, но написано явно тебе.

— Мужчина должен гордиться, что жена в тридцать лет пользуется успехом. — Вероника решила, что супруг получил письмо отставного любовника.

— Дура! Тебе уже сорок! — Ждан и не ожидал, что еще способен повысить на жену голос.

— За «дуру» заплатишь, — сказала спокойно Вероника, не подозревая, что употребляет воровской жаргон.

— Ты заплатишь, у меня зарплата.

Вероника не обратила внимания на слова мужа, взяла письмо небрежно, двумя пальчиками, взглянула, перечитала, по привычке накинулась на мужа:

— Это как понимать прикажете?

— Уж как пожелаешь, так и понимай, стерва! Мне никто и никогда не писал бы подобной ерунды. Нет на всем свете такого идиота, который мог бы вообразить, что у меня имеется миллион долларов!

— Спокойно, Юрик, спокойно! Я сейчас приведу себя в порядок и зайду к Яшину, он человек военный. А ты из дома не выходи, телефонную трубку не снимай.

Получив от Ильина все данные на разрабатываемых, Галей съездил по каждому адресу. Лишь Жданы

и Яшин жили в одном доме, а «крестьянин» Еркин — в Митине. Галей побывал во все домах, установил подслушивающую аппаратуру. Он хотя и понимал, что Яшин к своему генералу не дернется, но решил перестраховаться.

Миллион Галей назначил всем одинаково, подозревая, что у Яшина таких денег нет, так и черт с ним. Все равно он бы начал устраивать ловушки, фокусничать. В глазах других Яшин был фигурой наиболее мощной, поэтому прощальный поцелуй произведет наибольший эффект.

Напротив дома Яшина и Ждана громоздился долгострой, где легко было пристроить магнитофон. Должен же Галей знать, о чем беседуют «пациенты».

Почему Галей назначил миллион? Во-первых, красиво, во-вторых, пусть чувствуют размах, в-третьих, и торговаться есть от чего.

В настоящее время Галей слушал разговор супругов Ждан.

В это время в далеком Митине, которое Галей не мог слышать, тоже разыгрывалась трагедия.

Олег Кузьмич Еркин, председательствующий в одной из комиссий ЛДПР, маленький, головастый, совсем необразованный, но крайне сообразительный и хитрый, точно знал, что миллион долларов у него имеется. Он даже знал, где этот миллион лежит. Правда, там было больше, чем миллион, но ведь в письме шел разговор именно о такой сумме.

«Розыгрыш? Злая шутка? Шантаж? Вербовка? Кто? Где? Главное, за что? Бисковитый? Он хоть и разыгрывает мужичка с придурью, взаправду совсем не дурак. Таких писулек строчить не станет. А может, это проверка? Точно, проверяют, имею я или не имею. Своровал или не своровал. Да уж больно на простачка наживка рассчитана». Он снова схватил

письмо, перечитал, даже бумагу понюхал. «Обещают звонить, пущай звонят. Отвечу: мол, ошибочка произошла, денег у меня таких никогда не было, я такие миллионы разве что в кино про гангстеров видел. А в гости к Барчуку я попал случайно. Я и с правительственной ориентацией не согласный: если они чего говорят, я всегда красную кнопку жму».

Получение письма сбило Олега Кузьмича с очень серьезной мысли. Он проводил мировую операцию по обмену своей депутатской квартиры в Митине на приватизированную квартиру в Москве, и не где-нибудь, а на Большой Полянке, в солидном каменном доме, построенном еще при царе Горохе. На доме даже охранная медная табличка имеется. Хозяйка, ровесница Октября, осталась одна в трех комнатах, боится, что подселят к ней кого, уплотнят. К ней и иностранцы, и наши черные подъезжали. Большие деньги дают, только бабуся собственной тени боится. Как иностранец объявится, ей уже видится, что в ЧК ведут. А если черный какой объявляется, так она на все замки, сама к телефону прижимается, словно Анка-пулеметчица, в милицию названивает, что грабят. Позже Еркин узнал, что старуху так в милиции и зовут — Анка-пулеметчица.

А квартира! Ахнешь. Потолки — высь необъятная, там на облачках купидончики нарисованы. Ну, засрана фатера так еще. Как в семнадцатом въехали, так может, раз в году к Пасхе пол мыли, а уж на остальное без слез и не взглянешь. Ну, Еркин — мужик хозяйственный, он что — товар не понимает? Очень Олег Кузьмич хозяйке приглянулся. Ну, во-первых, он сразу с мильтоном и техником-смотрителем пришел, тем заплатить пришлось, святое дело. Во-вторых, конечно, бабке найважнейше, что депутат. Она долго его книжечку заскорузлыми пальцами мусолила, допытывалась, с каких он мест, сама она, хоть и

родилась в Москве, так на век деревенской и осталась.

Мильтон с техником враз почувствовали, что жареным пахнет. Им, конечно, иностранцы и черные тоже сулили, но со своим вернее, опять же депутат, не подкопаешься.

Еркин хозяйке себя и по телевизору показал: объявил, когда выступать будет. Его телевизионщики снимали, а в ящике и не было. Да бабка не поняла сослепу, все про его чубчик и розовенькую рубашечку рассказывала. Тут главное провернуть обмен этим годом, до перевыборов, а то так и останешься под Тулой с поросятами, женой-злыдней да двумя девками, неизвестно как сделанными.

А здесь такая заморочка с почтой пришла, миллион за охрану требуют.

Тяжелые мысли прервал телефонный звонок. Еркин не торопясь снял трубку, выждал паузу; он всегда строг становился, когда приходилось говорить по телефону.

— Алле, Еркин слушает.

— Здравствуйте, Олег Кузьмич, — прозвучал мелодичный женский голос. — Вас беспокоит Вероника Андреевна Ждан, супруга помощника Президента.

(Этот разговор Галей уже слушал, так как стоял недалеко от дома и силы техники хватало.)

— Здравствуйте. — Еркин кивнул, словно звонившая могла его видеть, имя-отчество женщины он, конечно, тут же забыл.

— Олег Кузьмич, извините, что по пустякам беспокою, но моему мужу тут письмо пришло. — Вероника взглянула на Яшина, который слушал разговор по параллельному аппарату. — Так вот письмо пришло, кажется, на нем был штемпель — «Ознакомить с депутатами Думы», а я письмо, естественно, не читая, куда-то засунула.

Еркин еле дождался паузы и быстро сказал:

— Я никакого письма не получал, служебные дела по телефону не обсуждаю. — И брякнул трубку. Вот, сука! Чья она жена? Как фамилия? Еркин ударил кулаком по голове, но ответа не получил.

Заместитель начальника могущественного Управления по охране Президента Егор Владимирович Яшин находился в припадке бешенства; в ярости он мог сокрушить горы, а уж изящный гарнитур из натурального ореха, который окружал его в настоящий момент, тем более. Яшин имел рост под два метра, весил около ста сорока килограммов, некогда был мастером спорта по вольной борьбе, но и сегодня был незаурядно силен.

— Суки, падлы, чего придумали! Эта думовская гнида, недомерок, конечно, врет. Он наверняка получил письмо. Твой получил, я получил, а Еркину, ядрена его мать, выслать постеснялись. Кто же такую крутую кашу варит? На что рассчитывает? Вот так, испугавшись одного мертвяка, мы ему просто так, за милую душу, по миллиону баксов отвалим?

Вероника Ждан сидела на диванчике, поводя хотя и коровьими, но красивыми глазами. Она знала: следует ждать, пока мужик не перебесится.

Они были любовниками, что к делу отношения не имело. Любовников хватало, на сегодня даже организовался избыток. Егор был охранник, раньше работал в угро.

— Чего ты молчишь, сука? — Яшин не был оригиналом, выпил коньяку.

— Егор, веди себя достойно. — У Вероники шок уже прошел, она даже испытывала облегчение, что оказалась в подобном положении не одна. — Налей мне выпить.

— Не барыня! — Яшин махнул в сторону бара.

— Егор, налей мне, пожалуйста. — Голос Вероники звучал вкрадчиво.

Однако ее вкрадчивость вдруг коснулась неведомой струны, которая звучала в нем в тот момент, когда Яшин прочитал и осознал послание Галея. Страх, опасность, боль разбудила эта звучащая все громче струна. А после слов ненужной уже любовницы звук будто раздвоился, зазвучал мощнее. И одновременно словно ожили две опасности — та, далекая и неведомая, и эта, тут рядом. Он заставил себя улыбнуться, механически наполнил рюмку, протянул женщине. Она тоже улыбнулась ему в ответ. Яшин увидел, что зубы у нее острые, а глаза вовсе не коровьи, скорее змеиные.

— Понимаешь, Егорушка, когда подобное пишут помощнику Президента, то помощнику усиливают охрану. — Она отпила из рюмки, сделала недовольную гримасу. — Когда такое письмо получает замнач охраны, то я не знаю, что он делает.

(Данный разговор Галей слушал особенно внимательно.)

— Но мы были вместе, и я не виноват! Ведь всем послали! Можно проверить!

— Кретин! Ну и что ты намерен делать?

— Думать!

— Если тем местом, которым ты хвастаешься, то оно никуда не годится.

— Сука! Ну, не в добрый час я тебя встретил!

— Еще раз скажешь, и я тебя раздавлю. А хуже, что ты будешь кричать вслед ушедшему поезду, никто и не услышит. Главное, тебе самому уже станет неинтересно.

— Чего ты хочешь?

— Чтобы ты подобрал сопли, вспомнил, что ты мужик и оперативник, вспомнил своих друзей, которые еще не заросли жирком, еще охотятся и знают не как снять штаны, а как вынуть из них пистолет.

— Друзья? Вероника, не будь наивной!

— О, я далеко не наивна! Ты защитишь нас и себя или выплатишь два миллиона долларов. У моего мужа денег нет, он человек порядочный, а я денег не дам. Усвоил?

— Я не собираюсь платить, ты в уме?

— Прекрасно. В письме сказано, что позвонят через неделю. Значит, в следующее воскресенье ты начнешь с человеком переговоры. А деньги ты на всякий случай приготовь. И не один миллион, а два. Якушев деньги или иную защиту найдет. Барчук может обратиться к твоему шефу, генералу Коржанову. Вот уже посмеемся, жаль, его самого в списке нет. Судьба гниды из Думы меня не интересует. Кажется, я все тебе объяснила. — Вероника махнула ручкой и отправилась к себе.

Галей понял, что дамочка ушла, отключился и уехал от «высокопоставленного» дома. В принципе киллер не узнал ничего нового. Он знал, Яшин платить не станет. Да и получать с него Галей не собирался, слишком опасно. Киллер обрек охранника на заклание; пусть мужик побегает, поднимет волну, рассыпает угрозы, а потом умрет в назидание оставшимся в живых. Яшин хоть и в охране Президента, но возможности у него сильно ограничены. К шефу своему, всесильному Коржанову, Яшин не пойдет, побоится. Стыдно, когда охранник просит охрану, главное — не объяснить миллион баксов. Откуда? Тут и считать нечего, не пойдет и конец. Ну, найдет он двух дружков из бывших или нынешних ментов. Да какие друзья у человека, который на чужих костях себе кресло соорудил.

Пока милиция занималась своими глупостями, пыталась найти улики, Галей ждал заветного воскресенья, чтобы поговорить с «должниками». На неделе

возвращался из Цюриха Якушев. С таким богатым и серьезным человеком следовало встретиться лично.

В пятницу в приемной Якушева творится что-то несусветное. Оставалась суббота — неделю назад Якушев был на месте и в субботу, — но телефонный звонок не получился.

Якушев работал в своем кабинете. Как обычно, стоило отлучиться на несколько дней, скапливалась гора срочных бумаг, половина из которых и не требовала его личного вмешательства, подсовывалась замами из перестраховки. Как уже говорилось, он обладал феноменальной памятью и, просматривая документы, лишь изредка прибегал к помощи компьютера.

Якушев лишь вчера вернулся из Цюриха, города, в котором ни один уважающий себя человек в субботу не работает. Но Якушев вернулся в Россию, относился к своей судьбе стоически. Почему-то вспомнилось, что и в прошлую субботу он тоже работал. Это объяснялось предстоящим отъездом, но тогда раздался этот идиотский звонок и тут же явился милиционер. Как большинство россиян, Якушев не любил милицию, но в прошлую субботу к нему пришел не просто мент, а личность незаурядная, которая вела хотя и немного наивный, но крайне опасный разговор.

Неприятные воспоминания выбили его из колеи. Он прекратил работать, собрался вызвать машину, когда раздался звонок секретаря. Якушев нажал клавишу, разрешая секретарю войти.

Она пересекла кабинет и на серебряном подносе протянула шефу визитную карточку. Вид у девушки был извиняющийся, она даже пожала плечами. Он усмехнулся, ободряюще подмигнул, взял визитку, на которой значилось: «И. И. Иванов», дальше от руки

был написан номер телефона. Якушев очень хотел бы не помнить данный номер, связанные с ним грязь и кровь, да ничего из памяти не смывается. Это был номер, по которому Якушев звонил в прошлом году и давал распоряжение о ликвидации депутата Сивкова, затем посредника Карасика. Якушев не сомневался, что все концы отрублены; оказалось, ошибался. Оттуда и странный звонок, и необычный милиционер, сегодняшний визитер тоже из прошлого.

— Просите, — кивнул Якушев.

Он внимательно осмотрел вошедшего Галея, который был в своем обычном маскарадном параде. Драповое пальто с отложным бархатным воротником, белоснежная рубашка, в руке шляпа и короткая трость.

Якушев жестом предложил садиться и, скрывая замешательство, саркастически сказал:

— Знаете, только Александр Сергеевич Пушкин позволял себе писать на визитных карточках столь лаконично.

— Я не Пушкин. — Галей даже не улыбнулся. — Однако вы меня приняли.

Якушев заставил себя посмотреть в лицо гостя, увидев лицо бесцветное и одновременно выразительное, подумал· «Теперь я знаю, как выглядит киллер».

— За одну и ту же работу я два раза никогда не беру, Виктор Михайлович. Но случаются обстоятельства, когда меня вынуждают нарушать собственные принципы.

Якушев не ответил, решая, что предпринять. Гость знал номер телефона, находящегося в пьяном притоне, по которому Якушев вел переговоры с киллером, отдавал задания, договаривался о передаче денег. Интуиция подсказывала: сидевший перед ним человек и есть тот самый киллер, ликвидировавший Сивкова, затем выведшего на него Карасика. Киллер

брал деньги авансом, работу выполнял безукоризненно и, по мнению Якушева, знать заказчика никак не мог.

В принципе если заказчик не знал Галея, то и он не интересовал киллера, так как при всем кровавом цинизме работы Галей придерживался определенных принципов. Лишних денег ему не требовалось, оберегал он лишь свою безопасность. Виноват в расшифровке Якушева был предыдущий заказчик, президент некой финансовой компании Михаил Михайлович Карасик. Еще получая предыдущий заказ, Галей заметил, что Карасик нервничает, а попросту говоря — трусит. А это не годилось. Как не годилось и то, что взаимоотношения с Карасиком затягивались, а длинная ниточка обязательно когонибудь приведет. Карасика следовало ликвидировать, но оставаться без всякой связи с финансистом Галей не хотел. Хотя он не был жаден, патологической страстью к убийству не страдал, считал, что полученных долларов ему с братом хватит до конца жизни, но чем черт не шутит. И Галей пожелал своего последнего заказчика установить. Может, и не понадобится никогда, но запас карман не тянет. Финансисты ни хера в оперативной работе не понимали. Галей просчитал, когда они должны были встретиться, взял под наблюдение Карасика, который и привел его к Якушеву.

Потом у Галея начались неприятности. Сначала киллера засек полковник Гуров, через которого на киллера вышли гэбэшники, в частности полковник Ильин. Долгая история закончилась, как уже известно, спасением Галея, но потерей «честно заработанных» денег, которые гэбэшники изъяли почти полностью.

Галей изобрел новый вид «заработка»: составил список из пяти «налогоплательщиков». Первым в

список в силу давнего знакомства попал Виктор Михайлович Якушев. Галей прекрасно понимал, что Якушев самый крутой из пятерки, но и самый безопасный и денежный.

— Каковы ваши проблемы? — Якушев толкнул ногтем визитку Галея, который, согласно кивнув, убрал ее в карман.

— По не зависящим от меня причинам у меня осенью изъяли полученный от вас гонорар.

— Я не знаю, о чем вы говорите. Наш банк осуществляет ежедневно сотни платежей. — Якушев внимательно оценивал гостя. Несколько старомодная, но очень высокого класса одежда импонировала банкиру. Спокойствие и уверенность профессионала говорили о том, что придется платить. Денег не жалко, но у Якушева тоже были принципы: не платить дважды за одну и ту же работу. Главное — нельзя оказываться в зависимости от другого человека: человек, потерявший деньги, это человек, потерявший деньги.

— Согласен. — Галей перекинул ногу на ногу, надел на коленку шляпу-котелок, обвел тростью помещение, задержался на телефонных аппаратах и поморщился. — Уважаю принципиальных, но не люблю дураков. — Он при желании умел выражаться очень интеллигентно, вынул из кармана блокнот, серебряный «паркер» с золотым пером, написал: «С Вас 2 млн. 500 тыс. немедленно», — и продолжал говорить: — К вам, уважаемый Виктор Михайлович, это, естественно, не относится. — И положил записку на стол Якушева. Тот пробежал текст глазами, записку смял, бросил в пепельницу и поджег. — Аппендицит — простейшая операция, — спокойно говорил Галей. — Однако люди гибнут в основном в результате самых простых операций. Профессионалы и еще раз профессионалы. Они в большой цене

и их крайне мало. Поверьте, любезнейший Виктор Михайлович, но я никак не ожидал, что когда-нибудь увижу вас. Случилось. Но может так произойти, что вам тоже понадобится небольшая услуга.

— Как я вас найду?

— Это невозможно.

Решив, что точно будет платить, Якушев вынул из стального ящика стола пачку долларов, протянул Галею. Тот, не глядя, положил их во внутренний карман пиджака.

— Я понимаю, солидную сумму солидный человек при себе не держит, но вы ее приготовьте. Вскоре, думаю — на следующей неделе, произойдет небольшое событие, которое лишний раз вам докажет, насколько вы умны и предусмотрительны. Я улетаю. Рад знакомству...

Галей поднялся, кивнул и направился к двери. Якушев завороженно смотрел на прямую, неширокую спину киллера и рассуждал: а хорошо или плохо, что этот человек объявился?

Галей свернул у любимого «Динамо», повертелся в переулках, проверился. Слежки не было. А кому он сейчас нужен?! Ильин будет молчать, «стучать» не будет, но драться не полезет, точка. Телефончики «гусей» полковник дал правильные. Уже проверено, пора начинать действовать. Конечно, пятидесяти штук, которые глазом не моргнув отстегнул Якушев, хватит надолго. Можно жить, никуда не лезть, послать этого Акима. Но с другой стороны...

Начался апрель, восьмое. Прошла неделя, как Галей был у Якушева, получил доллары, обещал небольшое событие. Но ничего не предпринял: выходит, похвастался. Так можно свой высокий, как его, рейтинг потерять. «Ладно, вперед. Неделю мне Якушев

простит, тем более, что мое дело к его делам касательства не имеет».

Галей свернул на Красноармейскую, остановился у ближайшего киоска. У машины тут же появился Аким, втиснул мощное тело на переднее сиденье, отодвинул его в упор.

— Привет, Борис. Солидную тачку надо иметь. Хочешь подарю?

— Обойдусь. Ну, что твои пацаны, работают или языком треплют?

— Ребята работают почти неделю, они к дисциплине приучены, работаешь — в субботу деньги получаешь, — ответил Аким, широко улыбаясь. — Я могу из своих заплатить, но полагаю — это не порядок. Дело твое, ты мне ни словечка, куш неизвестен, моя доля в тумане. Борис, я тебя уважаю, но в «шестерках» состоять не желаю.

— Обижаешь, Лёнчик. — Галей рулил в сторону Тимирязевского парка, где из-за непогоды шныряли лишь одинокие собачники, да мамаши с колясками, накрывшись зонтами, томились на сырых скамейках. — Я «шестерок» в свою машину не пускаю, да и не помню, когда говорил с ними. Ты сколько ребят за Яшиным держишь?

— Как ты и велел, две пятерки. В обед они меняются. Только жалуются: ездит он мало, в Кремле сидит, а вылетает, так в эскорте Президента, а за их машинами не уследишь, и не потому, что движка не хватает

— Аким, я объяснял, меня служба этого холуя не интересует. Когда он в общей колонне, пусть катится. Мне нужно найти его личный маршрут. Не может у такого мужчины бабы не быть. Знаешь, куда царь пешком ходит?

— В сортир.

— Молодец. — Галей скупо улыбнулся. — Найдите, куда Яшин ездит один.

— Домой.

— Нет, дом не годится. В подъезде дома vбивают лишь фраера.

— Он явно — бабник, юбку ему подсунуть нетрудно, — сказал Аким.

— Сложно. Раз сложно, значит, плохо. Да, в отношении денег... — Галей вынул пачку долларов, развернув веером, отделил десять тысяч. — Заплати ребятам. Ты говорил, что ребятам будут платить твои, но я не люблю брать в долг. Возьми свою долю, да не теряй, они на дороге не валяются. А ты сам-то не мандражишь? Завалить такого волка, нервы в порядке держать следует. Покажи свою машинку. — Галей встал у глухой аллеи.

— Так ты же велел ничего при себе не иметь, — ответил Аким.

— Велел, теперь проверяю. — Борис одобрительно улыбнулся.

— Между прочим, Борис, у меня в своем районе врагов, как у сучки блох.

— Вот ты в своем районе хоть с огнеметом разъезжай, а когда ко мне идешь, должен быть чистым.

— Я офицер, хоть и в отставке, и дисциплину понимаю.

— Чую, пока вертится все как надо. Ты о своей доле говорил. За Яшина получишь полтинник, хотя он этого и не стоит. Затем еще четыре раза по стольнику. Там стрелять не придется, но и даром не дадут, годится?

— Годится, — с трудом выговорил Аким, думая не о том как подобраться к Яшину, а о том, за какие дела он получит еще четыреста тысяч долларов, раз стрелять-то не придется, и что в сумме у него образуется полмиллиона баксов в принципе за пустяковую работу. О таких деньгах Аким-Лёнчик и мечтать не мог. Он все вспоминал, как Галей небрежно вынул из

кармана новенькую пачку долларов, развернул их веером и, не считая, выделил Акиму десять штук, остальные сунул в карман. Так сколько и на каких делах имеет сам Борис?..

Галей долго наблюдал за напарником, аж скучно стало, вспомнил старого клоуна в очках и сарказм в его голосе, стало еще скучнее. Но в отличие от Акима Галей думал и о ликвидации Яшина. Решение пришло почти готовым, завернутым в узорчатую бумагу и перевязанным розовой ленточкой. Оно было просто и естественно, походило на скверно изготовленный фальшивый червонец, который ты в пору безденежья поддал ногой на мостовой. Галей взвесил монету, попробовал на зуб, всмотрелся в профиль последнего императора, прочитал надпись, выбитую по ребру червонца, — все настоящее. Так какого дьявола ты валяешься тут, среди слюнявых окурков и мятых банок из-под пепси?!

Аким золотого червонца не видел. Галей опустил тяжеленную монетку в карман и сказал:

— Знаешь, Лёнчик, мы разыграем кон иначе. Ты с ребятишками расплатись, наружку с Яшина сними. Он сам придет в указанное тобой место, вовремя придет. Он же не заявит по телефону: приходи, я тебе мозги вышибу! Он тебя захочет подловить, заявить, что деньги готовы, а ты якобы поверишь.

— Так он всю округу оцепит! — сказал Аким, и впервые в его глазах мелькнул страх.

— Какую округу? Москву? — Галей чуть было не рассмеялся. — Он кого искать будет? Он станет ждать, кто возьмет оставленный им пакет. Ты мудака уведешь от его «куклы», которую и будет «пасти» пара затруханных ментов. А ты шлепнешь героя и отправишься по своим делам. Меня в Москве не будет, я прилечу через день, ты получишь свои бабки, операция продолжится.

У Акима перехватило дух, не выдержал, спросил:
— Яшин не заплатит, а другие заплатят?
— И его долю тоже, — самодовольно ответил Галей. Судьбу напарника он определил. Лишить его жизни будет справедливо. Это называется «упреждающий ход», но лишать возможности примерить победителя слишком жестоко.
Да, Галею вдруг захотелось поболтать — никогда раньше он не имел зрителя.
— Мы разошлем оставшимся лохам письма, в которых выразим глубочайшее сожаление в смерти их неразумного партнера. И опять же с сожалением скажем, что долю безвременно почившего придется выплатить оставшимся в живых.
— Я не спрашиваю, кто они, но, судя по Яшину, его сотоварищи — люди влиятельные.
— Все относительно, Аким.
— Они окружат себя такой стеной, не подберешься.
— А страх? Ты представляешь, всесильный человек не может в театр или кабак пойти? Они слышали: в России — беспредел. Человек на слух и по ящику ничего не воспринимает. Раз далеко, значит, не его. Возьмем тебя, Аким. Ты парень грамотный, газеты смотришь, знаешь, сколько человек на земле ежедневно от голоду мрут?
— Пойдем, выпьем, Борис... Промозгло.
— В машине имеется. Хлебни, я за рулем.
Аким достал из «бардачка» бутылку с вином, сделал несколько крупных глотков. Галей наблюдал за ним с легкой улыбкой.
— Люди в Африке, в Индии от голоду мрут. Тебя не колышет, верно? У тебя кусок хлеба есть, а те, что мрут, они далеко. Вот понимаешь, мы с тобой, остальные москвичи, вся Россия для правителей далеко. Говорят, что они не знают, что творится. Глупости!

Они все прекрасно знают! Но творится все где-то далеко, а у них розовый толчок и все в полном порядке. А сейчас стоит встать на ноги, отдай деньги или помрешь! Тогда все так близко окажется!

— Галей, ты никак стихи пишешь?

— Точно, с рифмой спать ложусь. Потому они так судорожно воруют, боятся не успеть.

— А коли они страх победят, мы отступим?

— Победить свой страх может только человек, в таком деле тренированный. Ты говорил, они окружат себя стеной. И сколько они ту стену держать будут? У нас с тобой без их говенных долларов по несколько сотен будет. Мы знаешь сколько ждать можем?

— Долго, — подумав, ответил Аким. — Год так запросто.

— Если смерть Яшина их до срока не расколет, мы месяца через три еще один трупик уложим, а в записках укажем, что долги живых удваиваются, а ежели они твердо решили не платить, то лучше всем вместе собраться, выпить и удавиться.

— А ты, Галей, случаем, не за справедливость? Может, ты Робин Гуд?

— В России за справедливость ратуют только шизики, — ответил Галей. — Это кто по-честному. А кричат о справедливости все. Кто громче кричит, тот больший кус урвать желает. Я тоже при своем куске. Как думаешь, удавятся они или не удавятся?

— Жалко, такие деньжищи пропадут.

— Да никогда они такого не сделают. За свою жизнь заплатят как миленькие.

— Могут сбежать, — хлебнув из бутылки еще, сказал Аким.

— Один может, но я его не отпущу, — ответил Галей. — Хватит мечтать, ля-ля разводить, давай о сегодяшнем дне думать. Вот ты, умник, выпил, я тебя к тачке подброшу, тебе за руль садиться.

— Да я ментов этих... — Аким встретился взглядом с Галеем и умолк.

— Афган... Десантник... Фуфло, — презрительно сказал Галей. — Поехали, но если ты на какой-нибудь мелочевке до ликвидации Яшина лопухнешься снимаю с довольствия. Учти.

Глава девятая

Преступники в воскресенье второго апреля, если можно к их поступкам применить подобное выражение, развили бурную деятельность, а вот сыщики занимались ничем. Если бы они знали о письмах, то нашли бы себе занятие, а на нет и суда нет.

Крячко уехал с семьей в гости, где пытался привычно шутить, но все видели, что настроение у Станислава отвратительное, и его усадили играть в шахматы.

Гуров вытер в квартире пыль, ждал звонка Татьяны, не дождался и приехал в кабинет, где делать было нечего, но зато отсутствовал соблазн выпить, да и могли случайно позвонить по делу. И сыщик дождался, позвонил Мишка Захарченко, сообщил такое, что лучше бы не звонил.

Вчера вечером Борис Галей в парадном виде уезжал часа на три, вернулся веселый, дал брату пять тысяч долларов, обещал в ближайшее время отправить в Болгарию отдыхать вместе с Мишкой. Чему Мишка был, естественно, рад неописуемо.

Пробыл Галей дома недолго, у него где-то явно еще хата имеется, ругался на солнцевских ребят, обзывал их шпаной. Особенно матюгнул Лёнчика, заявив, что тот не авторитет, а мелкий кусочник.

Из полученной информации Гуров сделал два вывода. Якушев на сделку с Галеем пошел, а скорее всего, временно от него откупился А Борис Галей и Аким Леонтьев не сошлись характерами. Следова-

тельно, либо Галей решил работать без партнера, либо станет искать партнера в другом месте.

Только полковник опустил трубку, как телефон вновь ожил, но это опять звонила не Татьяна, а мягкий мужской голос неуверенно произнес:

— Здравствуйте. Извините, что беспокою в воскресный день. Можно попросить Льва Ивановича Гурова?

У Гурова существовало несколько стереотипных ответов, но чутье подсказало, что следует говорить как можно мягче.

— Здравствуйте. Спасибо, что позвонили. У нас воскресный день — обычный, рабочий. Гуров вас слушает.

— Лев Иванович?

— Лев Иванович, — признался Гуров.

— Даже не знаю, с чего начать...

— Если вам не трудно, то проще назвать себя.

— Да-да, конечно. Вас беспокоит Юрий Олегович Ждан. У Бориса Николаевича много помощников, я один из них.

— Очень приятно, Юрий Олегович. Я вас слушаю.

— Понимаете ли, Лев Иванович, с того самого злополучного вечера мне не дает покоя одна мысль: почему был убит именно Игорь Михайлович Скоп? Я постоянно об этом думаю. Он, в силу своего служебного положения, не представлял интереса... Ну, финансового интереса. Он ничего ценного не распределял, фондов давно не выделял. Нехорошо так говорить о покойном, но занимаемая им должность была никому не нужна. Если быть честным, она никогда не была нужна, эдакий отстойник перед отправкой на пенсию. Вы меня извините, я лезу не в свое дело, но, может быть, хотели убить кого-нибудь другого?

— Возможно. У вас есть предположения?

— Если прибегнуть к методу исключения, то един-

ственный, кого могли пытаться убить, это хозяин дачи.

— Мысль интересная. А вы бы не хотели со мной встретиться, Юрий Олегович? — спросил Гуров. — У меня тоже имеются весьма занятные мысли.

— С удовольствием, Лев Иванович, но я чиновник. Я не могу по своему желанию встать и уехать, тем более в вашу организацию.

Гуров чувствовал, почти был уверен, Ждан хочет с ним встретиться и поговорить.

— Нет проблем, я с удовольствием приеду к вам. Назовите час, завтра в...

— Нет, нет, это абсолютно исключено.

— Так. Вы обедаете, конечно, у себя, но могли бы...

Договорить Гурову не дали, раздались частые гудки. Гуров взглянул на определитель номера, набрал, в ответ снова частые гудки.

— Будь я проклят, если это не проделки супруги! — выругался Гуров и записал номер Ждана в блокнот.

В дверь постучали, и не ожидая ответа, в кабинет вошел майор контрразведки Кулагин.

— Здравия желаю, Лев Иванович! — произнес он сходу, бросил на стол Крячко папку, сел. — Вот и дожили, начали отстреливать своих.

— Своих легче, — философски ответил Гуров. — Кого?

— Шефа моего, полковника Ильина.

— Гуров взглянул недоуменно, после небольшой паузы сказал:

— Да уж, это совсем своих, родных, можно сказать.

Пока Гуров говорил, Кулагин достал из кармана конверт, хотел перебросить через стол, поднялся, подошел, протянул сам.

— Игорь Трофимович просил передать, если с ним что-нибудь случится. Вручить вам из рук в руки...

— Получил из рук в руки, — пробормотал Гуров, распечатал конверт, прочитал записку. — Читал?

— Игорь Трофимович дал прочитать. Сказал: если с текстом что-нибудь произойдет, пересказать содержание.

— Ты почему без звонка, в воскресенье, прямо в кабинет? — спросил зачем-то Гуров, нахмурился и матюгнулся. — Как его?

— При выходе из подъезда дома. Кажется, разрезали из «клина». Полковник дважды выстрелил вслед машине, значит, пистолет держал наготове.

— Письмо написал, пистолет наготове. Из машины стреляют либо на секунду раньше, либо притормаживают, а у колес мертвая зона! — неожиданно закричал Гуров. — Падать следовало, сразу падать... Что делать будем? Ваши все на рога уже встали? Сами убили, сами ищут! Дерьмовое дело, майор! Очень дерьмовое! — Он хлопнул ладонью по полученной от Ильина записке. — Рассказывай, с самого начала.

Майор уложился в две минуты.

— По существу, мне добавить нечего, — закончил он. — Удивился я очень. Я покойного, грешным делом, не любил.

— Я его хорошим оперативником знал, потом поломали его, сам знаешь. Теперь у нас два дела. — Гуров взял записку Ильина, прочитал вслух: — «Лев Иванович, раз ты это читаешь, значит, меня шлепнули. Часто думал, как они это осуществят. Полагаю, взорвут. Это уже история. Объявился Галей. Каюсь, не проследил его ликвидацию. Хотел меня шантажировать, я для вида согласился, хотелось выведать его планы. Успел выяснить, что он собирается заниматься Яшиным, Барчуком, Жданом, Еркиным и Якуше-

вым. Известно, что они все находились в доме Барчука, когда был убит замминистра Скоп. Я выложил все напрямую руководству, писать отказался, значит, документов нет. Я предложил написать рапорт на увольнение, но генерал возражал, предложил заниматься Галеем. Я сдуру обрадовался, потом прикинул, выяснилось, что я оказываюсь крайним. Вместе со мной уходит неудачное покушение на Бисковитого и никчемная вербовка Галея. Такие пятна на своем мундире НКВД, КГБ, ФСК или (нецензурное слово) иметь не должно. Поэтому и пишу, разберись с Галеем и его компанией. Ну а если за меня слово скажешь, низкий поклон.

Покойный полковник контрразведки Ильин».

Не ожидая вопросов, Павел Кулагин заговорил:

— Ну, как положено, создана специальная группа, следственная бригада во главе с помощником прокурора города, розыскную группу возглавляет майор Кулагин.

— Очень хорошо! — Гуров потер ладони. — Значит, следствием занимается Драч.

— Он, старый пень. Упрямый, буквоед, чтобы бумажка к бумажке, шаг в сторону — расстрел.

— Федул Иванович такой, — согласился Гуров. — У него лишь одно достоинство. Федул — кристальной честности мужик и оперативную тропу прокладывал, когда тебя на свете не было. Федул — друг моего начальника главка розыска и мой дружбан. Мы начнем эти дела врозь, потом они сами объединятся.

— Это точно? Лев Иванович, ты не того?..

— Значит, Борис Галей из киллера решил превратиться в шантажиста-афериста. А ведь если в его письмах угрозы нет, требований выплаты денег нет, то и состава преступления тоже нет. Каково? Достать бы хоть одно письмо. Мне недавно звонил Юрий Олегович Ждан, по-моему, он ищет поддержки.

— Случайно знаю, очень интеллигентный и порядочный мужик, — сказал Кулагин. — Но жена у него, Василиса Премудрая, не приведи Господь.

— Вот она-то и разъединила нас.

— И навсегда. Такой правду сказать, что касторки выпить.

— А если их разъединить? И со Жданом поговорить откровенно?

— Раз она в курсе, да еще знает, что муж вам пытался звонить, их только разрубить можно.

— Эх, Станислава нет, ты мне своим пессимизмом на психику давишь. Ладно. Значит, будем рубить...

Гуров подвинул телефон, набрал номер Татьяны. Ответила дочь:

— Здравствуйте.

— Здравствуйте. Позовите, пожалуйста, Татьяну Евгеньевну.

— Ах, это вы! Очень приятно, меня Яна зовут. Лев Иванович, мамы нет дома. — Девочка говорила детским голосом со взрослым интонациями. — Знаете, Лев Иванович, мама на вас ужасно зла и уехала в монтажную, значит, с концами...

— Яна, вы можете позвонить в монтажную? — предельно вежливо спросил Гуров, мысленно посылая к чертовой матери всех детей-вундеркиндов и акселерацию.

— Я могу позвонить, уважаемый Лев Иванович, но дело...

— Яна, мне некогда играть в куклы, у меня другие игры. Мне срочно нужна ваша мать. Ясно? Найдите ее и передайте. Я у себя в кабинете. — Гуров положил трубку, она не лопнула лишь потому, что электрикам надоело менять разбитые аппараты, и ребята пришлепали к внутренней стороне трубки и корпусу прокладки из жести.

— Душевный вы человек, — сказал Павел. — Что ко мне? Меня можно достать рукой.

— Ты — старший группы, работай, — не сказал, скорее зарычал Гуров. — Я не верю, чтобы Игоря ликвидировали ваши парни.

— У нас разные есть.

— Не верю не из-за их душевных качеств, а потому, что такую дерзкую акцию им не доверяют. Опасно. Павлик, тебе надо найти одного из двурушников, которому шепнули, что Ильин опасен. А двурушник шепнул авторитетам, которые и отдали приказ. Скоро мы их всех узнаем по трупам, но нам они нужны живые. А конкретно нужен лишь один человек. Авторитет, имеющий серьезное прикрытие. Он «завязал» с криминальным прошлым год или два назад. Будет здорово, если ты вычислишь «шептуна» из ваших, захватишь его, запрешь в крепком амбаре. Сколько у тебя надежных ребят?

Кулагин задумался.

— Двенадцать... десять...

— У тебя сын? Сколько ему?

— Три года. — Кулагин смешался.

— Как зовут?

— Вовка. Владимир Павлович. — Кулагин покраснел.

— Если ты, майор, ошибешься — Владимир Павлович останется сиротой. Тебе лучше рассчитывать на пять человек. Вернешься, скажешь, что был на «встрече», садись писать рапорт. В наше министерство заезжал, деваха одна нравится. Она работает в бюро пропусков, зовут Лена. Загляни, сегодня ее смена.

— Все знают, что я жену...

— Убирайся! Все знают, да никто не верит.

Наступило воскресенье. Галею полагалось звонить, но он тянул время. Пусть понервничают. Киллер, полагая, что депутат Еркин просто сбежит из дома,

набрал его номер первым. Прослушав десять гудков, Галей разъединился, набрал снова.

— Гнида, — с печалью в голосе резюмировал Галей, услышав второй десяток гудков, и взглянул на стоявшего рядом Акима. — Поверь, дружище, намучаемся мы с этим крестьянином.

Они стояли на углу Калининского проспекта и Никитского бульвара, у здания почты. Воскресным днем Москва была пустовата, точнее, не забита, словно банка солеными опятами, среди людской толчеи местами можно было видеть асфальт.

— Борис, мы решили начать с Яшина, так и звони, чего тянуть, — сказал Аким, который начинал нервничать, что не ускользнуло от внимательного взгляда Галея.

Галей промолчал и позвонил Ждану. Ответила женщина:

— Але-е!

— Привет, мужика свово кликни...

Вероника от такой грубости замялась, но быстро взяла себя в руки.

— В настоящее время его нет дома. — Она подмигнула сидевшему напротив супругу. — Кто его спрашивает? Я могу быть чем-нибудь полезна?

— Баба, если не очень страшная, всегда может быть полезна, — усмехнулся Галей. — У тебя один муж-то? Дак вот, чтобы завтра, в двадцать два, он был дома. Усекла?

Не дав Веронике произнести заготовленную фразу, Галей отсоединился, набрал номер Яшина, услышал частые гудки, удовлетворенно кивнул.

— Начались переговоры. Это Вероника, супружница Ждана, наставляет рога мужу, уже вешать некуда. Сейчас главный разговор. Если Яшин сумел разжиться техникой и транспортом, во что я не верю, он болтать обождет, а на худший вариант у нас

одна минута. Видишь, Аким, — указал Галей на поток машин. — Верное дело. А ты говорил, за город поедем, там уйти легче. Если торопишься в тюрьму, то за городом легче. А так как мы хотим обедать, то здесь сподручнее. Секундное дело, и ты в потоке, куда хочешь, туда и рулишь.

— Ну, давай, звони, они, наверное, уже наговорились, — сказал Аким.

— Закончим дело, я тебя на воды пошлю. — Галей неодобрительно качнул головой, уже сомневаясь, можно ли такому парню доверять даже самую простую часть операции.

Они сильны в стае, где все знают, что он вожак. А сам по себе парнишка только вид имеет, нервы никуда.

Галей набрал номер Яшина, сунул себе под верхнюю губу плоский леденец, стал посасывать.

— Слушаю! — Голос Яшина звучал более чем уверенно. Галею показалось, что он по телефону чувствует запах спиртного.

— Здравствуй, неприятное дело мне поручили...

— Здравствуй, кто говорит?

— Будешь придуриваться, козел, положу трубку! — Леденец под губой Галея изменял его голос до неузнаваемости. — Ты мне сто лет не нужен, сказали позвонить, я и звоню.

— Простите. — Голос Яшина сильно помягчел. — Я совершенно не понял вашего письма.

— Я неграмотный, писем не пишу. Киевский вокзал в Москве найдешь? Завтра в три, то есть в пятнадцать, а то ты в три ночи прибудешь. В багажном отделении возьмешь целлофановый мешок, а дальше действуй, как там сказано или как желаешь. — Галей повесил трубку, проглотил конфету и сказал: — Пойдем пообедаем. Я на вокзал, завтра меня не должно быть в Москве.

Гурову нужно было увидеть одно из писем Галея, которые он разослал своим жертвам. Но главное, чтобы один из пятерых шантажируемых чиновников признался в получении письма и пошел на откровенный разговор.

Яшин — отпадал, заместитель начальника Управления охраны Президента не признается, это равносильно служебному самоубийству. Якушев практически наверняка никаких писем не получал, имел уже личную встречу с Галеем, поддержал материально. Сволочь. Он чувствует себя в безопасности, желает выпутаться из истории малой кровью. Для него главное не деньги, а сохранение имиджа.

Еркин Олег Кузьмич — из крестьян, он поддерживает ЛДПР, наверняка куплен. Миллионы крестьян рвут пупки на полях, пытаются прокормиться. Еркин пролез в Думу. Наверняка демагог он, хоть и крестьянин. Красный крестьянин — все отнять и поделить. Если Галей ему написал, значит, знает: Еркин наворовать успел. Правды не скажет. Молча умрет на кресте.

Барчук Анатолий Владимирович, вице-премьер, старый знакомый, любитель адвокатов. В личный контакт не вступить, а исхитришься, Барчук спрячется в раковину.

Ждан Юрий Олегович, помощник Президента, судя по всему интеллигентный, мягкий, находится под каблуком у жены.

Гуров ударил кулаком по столу, считая подобные эмоциональные всплески слабостью, даже непозволительной роскошью, которую может позволить себе лишь избалованное начальство. Но сыщик был сильно не в себе, потому даже крикнул:

— И где, черт побери, эта ведьма?

Дверь открылась без стука, и порог переступила Татьяна Евгеньевна Ташкова.

— Как, черт возьми, ты проходишь в закрытое учреждение? — сказал Гуров, так как сказать больше ему в принципе было нечего.

— Ты звал меня? Чай гони... Нехорошо, пугаешь маленьких девочек. — Татьяна подошла, поцеловала Гурова в щеку, села за стол Крячко. — Ну и стулья у вас, колготок не напасешься. — Неожиданно сощурив и без того узкие глаза, Татьяна спросила: — Это меня ты ведьмой назвал?

— Значит, дочка разыскала тебя. Молодец.

— Она позвонила диспетчеру и сказала, что у меня квартира горит. Когда меня нашли и я позвонила домой, эта чертовка заявила, что если я не объявлюсь, то ты застрелишься. А так как о пожаре уже было сказано, дали разъездную машину. Короче, Гуров, что случилось?

Он коротко объяснил ситуацию. Мол, имеются муж и жена. Он помощник Президента. Она — жена помощника, держит супруга мертвой хваткой, а он крайне нужен в единственном числе.

Задав несколько наводящих вопросов и, с точки зрения Гурова, получив нулевую информацию, Татьяна довольно кивнула и подвинула телефон.

— Здравствуйте, как я рада, что застала вас, — сказала Татьяна деловым и одновременно медовым голосом. — Я говорю с супругой помощника Президента?

— Да, а вы кто будете? — послышалось в трубке.

— Центральное телевидение, режиссер Ташкова.

— Очень приятно. — Голос Вероники сильно помягчел. — Да, я супруга Юрия Олеговича, меня зовут Вероника Андреевна.

— Вероника Андреевна, — повторила Татьяна медленно, как бы пробуя имя на язык. — Неплохо, хотя... Впрочем, это потом. Вероника Андреевна, вкратце, я хочу создать портреты людей из окружения Прези-

дента, в частности жен этих людей. Надо сказать, у меня не очень получается...

— Неудивительно, — вставила Вероника. — А к кому вы обращались?

— К моему удивлению, жены наших лидеров скованно держатся, обладают небольшим словарным запасом...

— Предупреждаю, я тоже не Уильям Шекспир, — рассмеялась Вероника.

Татьяна поддержала ее и сказала:

— Вы знакомы с Шекспиром, и это уже прекрасно! Вы знаете его имя — великолепно! Вы не могли бы приехать на студию и попробоваться?

— Когда?

— Сейчас, естественно.

— Но я не в форме...

— Пустяки, Вероника Андреевна. У нас работают профессионалы, вас причешут, подберут блузочку и нужный макияж.

Предложение было более чем соблазнительным, но Вероника вспомнила сегодняшний день, взглянула на дверь в кабинет мужа и простонала:

— Никак не могу, дикая мигрень. Давайте договоримся на завтра.

Гуров, слушавший разговор по параллельному телефону, отрицательно покачал головой.

— Вероника, мы с вами уже почти родственные души. Но телевидение есть телевидение, сейчас или никогда. А мигрень, простите, попахивает нафталином, говорят: голова раскалывается. А это мы поправим.

— Ну, хорошо, — засмеялась Вероника. — Только я приду с мужем.

— Ни в коем случае. Его присутствие будет вам мешать.

И тут в Веронике появился червячок сомнения:

— Дайте ваш номер, я вам перезвоню.

— Записывайте.

Гуров схватился за голову, первые три цифры МВД были всем хорошо известны, а телевидение совсем в другом районе Москвы. Татьяна махнула рукой и покрутила пальцем у виска.

— Да, я слушаю, — сказала Вероника.

Татьяна продиктовала номер диспетчерской, сказала, чтобы спрашивали режиссера Ташкову.

— Вам скажут, что у меня дома пожар, так дом в порядке, я бегаю по студии, выбиваю просмотровый зал. Пропуск я вам закажу, приезжайте. Дежурный на контроле будет знать, где я в данный момент. — Татьяна положила трубку, взглянула на Гурова. — Думаешь, только у тебя запарки и кризисы?

Гуров проследил, как мадам Ждан прыгнула в машину и умчалась на телевидение, был невежлив с вахтером, который хотел выяснить, в какую квартиру направляется «посторонний».

— Я не сомневался, что ты вернешься... — Ждан открыл Гурову дверь, последние слова у хозяина не получились.

— Я не грабитель! — Гуров втолкнул Ждана в квартиру, достал удостоверение. — Полковник Гуров. Нас сегодня грубо прервали, а мне нужно продолжить разговор.

Юрий Олегович Ждан походил на ученого, каким его изображали в наших картинах 30 — 40-х годов: очки, спадающие на лоб волосы, раскоординированные движения, смущенная улыбка. Гуров прошел за хозяином в кабинет, закрыл за собой дверь, спросил:

— В квартире никого нет?

— Я ничего не скажу! — Ждан сел за стол, скрестил руки.

— Вообще ничего? А «здравствуйте»? — улыбнулся Гуров.

— Вы ворвались...

— Простите, Юрий Олегович, я не ворвался, а вошел. Вы мне звонили, хотели сообщить нечто важное, но нас разъединили. — Гуров осмотрел кабинет, увидел на стене огромный портрет красивой женщины с полуобнаженной грудью и злыми глазами.

— Ваша жена? Очаровательная женщина... Так что вы хотели мне сказать и не успели? Вы начали говорить, что получили странное письмо.

Это была дешевая уловка, ни о каком письме Ждан сказать не успел.

— Простите — нервы, — пробормотал Ждан. — Тяжелый день да еще простуда. — Он неестественно кашлянул.

— Какое письмо вы получили? — повторил Гуров, прекрасно зная подобную категорию людей, способных вывалить все сразу или упереться и отрицать очевидное.

— Куда и зачем вы увезли мою жену? Я не жил в тридцать седьмом, но наслышан достаточно. Значит, все начинается снова?

Гуров понял, что проиграл. Слабый с виду человек уперся и не отступит.

— Я не знаю, куда поехала ваша жена...

— Конечно, вы не знаете! Что вам надо?! Я сейчас же позвоню в администрацию Президента! Я без боя не сдамся!.. — Ждан схватил телефонный аппарат, дернул слишком сильно и оборвал шнур. — Смешно. Телефон, конечно, отключен. А требовать с меня, полунищего чиновника, миллион долларов, разве не смешно? На какую разведку я работаю? Вы сразу скажите на какую, чтобы я не путался...

— У вас чай где найти? — спросил Гуров и отправился искать кухню.

Шлепая тапочками и поддерживая спадающие тре-

нировочные штаны костюма «Адидас», Ждан кинулся следом за Гуровым.

На кухне они столкнулись, почти обнялись, и полковник мощными ладонями взял худые руки чиновника, спросил:

— Юрий Олегович, вы спиртное употребляете? Знаете, я за сегодняшний день так надергался, просто необходимо.

Хозяин глянул из-под сильных очков подслеповато, отчего казалось, что подозрительно.

— Вы на работе, вам нельзя...

— Сегодня воскресенье! А все дела не переделаешь! Покажите, где стоит?

— Должно быть в холодильнике...

— Гениальная мысль! — Гуров распахнул гигантский холодильник, где обнаружил бутылку водки, недопитую на треть. — Сейчас мы ее оприходуем, нам легче станет.

— Вероника заметит.

— А мы воды дольем, свалим на пьяных гостей.

Ждан довольно хихикнул. Гуров выставил на стол стаканы, помыл и разрезал яблоко, разлил водку, в бутылку налил воды, профессионально стер пальцевые отпечатки, убрал в холодильник.

— Ну, вздрогнули!

Гуров чокнулся со Жданом и, пока тот глотал и давился, выплеснул свою порцию в раковину. Ждан, утирая слезы, жевал яблоко, а Гуров ему нравоучительно пояснял:

— Я сотрудник уголовного розыска. А ты, Юрий, никогда не путай ментов и гэбэшников, у нас служба разная Ты же мне почему позвонил? По делу об убийстве. Обыкновенный криминал. Вы хоть чиновники из больших, а умираете, как люди обыкновенные. Поэтому вами занимается ментовка. Вот ежели ты какой секрет продашь и миллион получишь... Так какой у тебя миллион-то спрашивали и за что?

— Это Веркины дела! — Ждан обреченно махнул рукой. — Значит, ты обыкновенный мент и тебя каждый может послать?..

— «Далеко-далеко, где кочуют туманы...» — запел Гуров, и ему стало неловко, что он ломает такую дешевую комедию. Почему-то особенно неловко было оттого, что он вообще не выпил и стал обманщиком вдвойне.

Хозяин словно перехватил мысль гостя, сказал.

— В доме выпивка имеется, но Верка бар запирает и ключ прячет. Но не думай, не от меня, я непьющий. — Ждан схватил Гурова за лацкан пиджака.

Сыщик отвернулся, от рюмки водки непьющий не качается. Рассудил прагматично: так как другой игры нет, будем играть в ту, которая имеется. Ждан неслышно дергал дверцу бара. Гуров посмотрел замочек, пазы, приподнял дверцу вверх и распахнул на себя. Оглядев содержимое, полковник убедился, что закупить столько невозможно, только наворовать, и ему стало веселее на душе, словно он получил индульгенцию. Он налил в два стакана граммов по сто хорошего виски и сказал:

— Давай выпьем, протрезвеем и поговорим о том, как тебе ловчее сохранить жизнь.

На этот раз Гуров выпил, проследил, чтобы выпил хозяин, убрал посуду, захлопнул бар, взял Ждана за локоть жестко, повел в кабинет, усадил в кресло, сказал:

— Кончай валять дурака, я пьяных в жизни повидал. Где письмо?

— У Вероники, она его Егору Яшину отнесла, — трезво ответил хозяин.

— В милицию такие бумажки относить следует, а не соседям. Вы, Юрий Олегович, доктор наук!

— У меня жена доктор, — зло ответил Ждан. — А я неизвестно кто, примерно в чине писаря состою.

— Хорошо, зайдем с другой стороны. Вы утверждаете, что убивать Игоря Михайловича Скопа не было никакого смысла. А кого из присутствующих был смысл убивать?

— Убивать грешно. — Ждан не прикидывался, действительно слегка захмелел.

— Интересная мысль, вы к ней пришли сегодня или еще вчера?

— Прошу не издеваться.

— А я вас прошу глупости не изрекать.

— Жизнь человеческая — глупость? Я должен как следует надраться, иначе у меня не будет сил встретиться с моей очаровательной супругой. А вы знаете, господин полковник, что она действительно очаровательная? Вы ее скоро отпустите?

— Ее никто не держит. Женщина желает блеснуть на телеэкране — это естественно. Значит, миллиона у вас нет, отдавать вам нечего. Но вам могут не поверить.

— Плевать я хотел! Откройте мне снова бар, я возьму бутылку.

— Сожалею, но вынужден отказать.

— Тогда я сам. — Ждан полез в ящик с инструментами.

— Не делайте этого, вам необходимо быть трезвым. Преступник считает, что у вас деньги есть. Мне неизвестны его замыслы, но ничем хорошим они для вас обернуться не могут. Возможно, деньги имеются у вашей жены. Вымогателя, как правило, берут в момент получения им денег. Вы неспособны, но, судя по всему, ваша супруга вполне может вести с преступниками переговоры, условиться о встрече.

— Они уже говорили сегодня. Вероника сказала, что такую огромную сумму требуется собрать. Они договорились на среду.

— Вы что, совсем не любите жену?

— Какое вам дело. Ее будут охранять.

— Яшин с молодцами?

— Меня не касается. Поймите, полковник, я доктор наук, интеллигентный человек, я в жизни не украл ни копейки. Вы откроете мне бар? Или я разнесу его к чертовой матери! — Ждан взял молоток и стамеску, подошел к дверце из резного дерева.

— Стойте. — Гуров вновь приподнял, затем отпустил дверцу. — Напивайтесь, только без меня.

— Хотите остаться чистеньким? — Ждан схватил полную бутылку виски и убежал с ней в кабинет.

Гуров вновь закрыл бар, отнес инструменты в ящик, вернулся в кабинет. Сыщик понимал, что всякий разговор бессмыслен. Хозяин ему изрядно надоел и, понимая, что ничего ему от Ждана не добиться, Гуров спросил:

— Доктор! Профессор! Интеллигент! В жизни копейки не украл. А откуда у вашей жены, профессор, миллион долларов? Вашей зарплаты не хватит такой бар купить. Все повторяется, интеллигенция в роли наблюдателей и резонеров. А вы даже за свои собственные поступки не хотите ответ держать.

— А чего я-то? — Ждан ловко выпил из горлышка. — Муж за жену не отвечает!

— Она вашим именем торгует. Вашим, господин профессор, доктор наук и помощник Президента России. Ведь вашей супруге лично цена долларов сто, и то любителя искать придется. Бог с вами! Как я понимаю, Ланселоту вашей дамы противник попался не по зубам. Я в рацарские времена не жил, тогда, наверное, говорили: противник не по плечу.

Гуров взглянул на телефонный аппарат, увидел, что шнур совсем не оборван, лишь выдернут из розетки, вставил его на место, набрал номер Татьяны. Ответила, конечно, Яна:

— Слушаю.

— А ты знаешь, что за ложный вызов на пожар могут и по попе надавать?

— Я что, в пожарную команду звонила? Я, по-вашему, дурочка, да?

— Маму можешь найти?

— Безусловно.

— Надо отвечать: «Обязательно». Будь другом, скажи ей, что я безуспешно выступил, еду домой голодный и злой.

— Не говорите в рифму, господин полковник, — ответила Яна. — Будет выполнено. Так, я понимаю, маму я сегодня не увижу?

— Ты боишься оставаться одна?

— Глупости, сейчас еще и девяти нет. Но вы все-таки разберитесь, порядок надо навести, меня, например, удочерить. Хотя, чурики-чурики, то, что мне нравится ваш голос, который звучит так, словно вы только что отобедали людоедом, и что от вас без ума моя мать, основания недостаточные, чтобы становиться вашей дочерью.

— Вполне разумно. — Гуров положил трубку, взглянул на дремлющего в кресле доктора наук и профессора, вышел из квартиры, захлопнул дверь и, ожидая лифта, раздумывал, по каким конкретно вопросам Ждан помогает Президенту России?

Галей устроился в СВ литерного поезда Москва-Петербург. В купе он ехал один, чему радовался — не любил болтливых попутчиков. В Питере знакомые были, он собирался вечерней «Стрелой» вернуться в Москву. День следовало провести таким образом, чтобы ни один умнющий мент не докопался, что поездка организована только ради создания алиби. Две встречи деловые, не придерешься: Галею назначена встреча у врачей в отношении брата.

Ликвидация Яшина спланирована примерно на семнадцать часов с минутами, а встреча с доктором

в Петербурге назначена еще неделю назад на семнадцать.

Галей мандражил и неизмеримо больше, чем когда занимался ликвидацией сам. Он расписал все действия Акима по минутам, ошибка исключалась. Но Галей знал, человек существо несовершенное, потому ждал худшего. Главная опасность проводимой, не слишком вообще-то сложной операции — это нервы Акима. Поздно Галей разобрался, что нервы у парня в Афгане попортили всерьез. Такое следовало засечь с ходу. Коли парень-здоровяк непрерывно улыбается, ему следует в кино сниматься, а не напряженную работу выполнять. Ну и хватит, как говорится, лицом к стене, слушать стук колес.

Татьяна записала передачу экспромтом. Сложилось буквально все. Сорвалась запланированная запись и освободилась студия. Мальчики-операторы были хорошими знакомыми, главное — профессиональными. Гримерную не заказывали, но на месте оказалась старый мастер, которая поняла Татьяну с полуслова.

Но главное, конечно, героиня. Когда Татьяна встретила Веронику Андреевну Ждан у бюро пропусков, пока они дошли до студии, режиссер напрочь забыла, что выполняет лишь задание Гурова. Ее так увлекла эта великолепная, далеко не юная, но по-женски в самом расцвете дама. Ее фигура, пластика и свобода движений, абсолютная уверенность в себе, которая, казалось, прямо стекает с ее ухоженных ногтей. Причем видно, что эти руки «сделаны» не за пять минут до съемки, они никогда не знали никакой работы. Это были руки патрицианки. Фигура гостьи была далека от совершенства: коротковатые ноги, бедра просто широки, тяжелый зад. Мужики шутили, что на такой зад можно без всякого риска поставить стакан с водкой.

Подобные мелочи режиссера не волновали, так как героиня будет давать интервью, сидя в кресле. Волосы в легком беспорядке, но их и не надо причесывать. Роскошная, в меру оголенная грудь, не вызывала никаких мыслей о деторождении и прочих глупостях продолжения рода. Женщина прекрасно знает, зачем ей такая грудь. О такой груди мечтает любой мужчина, желающий получить удовольствие. А глаза? Они прозрачны и бездонны, восхитительно красивы в своей пустоте. А рот? Казалось бы, какой накрасишь, такой и получишь, но это трагическая ошибка — малевать можно губы! Рот складывается из губ, зубов и языка. И боги не знают, что важнее, боги и не ведают, зачем они наградили женщину губами, зубами и языком. Есть и говорить? Какая пошлость. Любить, завлекать и лгать. И мелочи — посылать умирать, воровать и подличать.

Вероника естественно и уверенно расположилась в кресле перед камерой, глянула в объектив. Посмотрев на нее, любой дебил понял бы, что не услышит и слова правды. Оператор не выдержал, показал ей большой палец, а женщина ему язык, и оператор почувствовал, что джинсы ему сильно жмут.

Татьяна брала интервью мастерски, представила гостью, жену помощника Президента, и чуть отпустила вожжи. Вероника заполнила экран полностью. Ведущая регулярно спрашивала о муже. Вопрос тонул, не успев вынырнуть на поверхность. Татьяна сказала «стоп», улыбнулась Веронике, подумав: жаль, что Вероника жена помощника, а не Президента.

Главный оператор подошел в Татьяне, безразлично спросил:

— Какую передачу ты делаешь? Запамятовал.

— «Семь минут интервью. Жены наших политиков».

— Ее не выпустят в эфир.

— Почему? — Татьяна взглянула так, что оператор вмиг понял, что режиссер у него тоже женщина.

Вероника укатила на личном «вольво». Татьяна села в «жигули» Гурова, зябко передернула плечами, спросила:

— Я тебе помогла?

— Ты сделала все, что могла. Это главное.

— Скажи, Гуров, я ведь не ошибаюсь: ты мою дочь никогда не видел, а уже боишься, да?

— У моей жены была младшая сестра, мы с ней в шашки играли. Я ее боялся. Теперь они живут в Америке. А я был уверен, что знаю любовь.

— Извини.

— Нормально. Чем человек старше, тем сентиментальнее. Жена ушла от меня, когда ей было примерно столько лет, сколько тебе.

— Неправда.

— Возможно, и неправда. Я начал забывать, кому сколько лет.

Татьяна взглянула на жесткий профиль Гурова, поняла, что его сегодняшняя комбинация провалилась, и, стремясь отвлечь его мысли от прошлого, сказала:

— Я сделала прекрасное интервью. Твоя протеже оказалась на удивление интересной и содержательной женщиной. Правда, ее содержание глубоко запрятано в ней самой. Обычно люди перед камерой теряются, зажимаются, даже немеют. Госпожа Ждан настолько увлечена собственной персоной, что не замечает окружающий мир, потому ей ничто не мешает. Редкое качество. Каков у нее муж?

— Обыкновенный. Доктор. Профессор. Худший вид интеллигента. Убийцу Стаса Травкина разыскали?

— Ты у меня спрашиваешь?

— И не разыщут. Пока полицейский России и

гражданин России не будут относиться к родине и другу к другу одинаково, работа полицейского — лишь мартышкин труд.

— Но виновата в этом в первую очередь милиция. Если бы ты знал...

— Я знаю, менты творят беззаконие. Им велели, их так приучили, показывают соответствующий пример.

— А ты?

— А что я? Стал профессиональнее, опытнее, злее, циничнее. Взяток в открытой форме не беру. А квартира, машина? Можно сказать, что заработал. Так сказать и оправдать все можно, милочка.

— Я тебе не «милочка»! И почему ты едешь к себе, когда ты сначала должен отвезти даму?

Гуров остановил машину, уперся лбом в боковое стекло и молчал.

Поезд Москва-Петербург неожиданно дернулся, заскрежетал длинным железным телом и остановился. Галей от толчка проснулся, сел, глянул в темное окно, зажег свет и выругался:

— Какой сон сорвали, подлюги! А пилить еще четыре часа.

Галею снилось, что он стоит босиком на животе депутата Еркина и подпрыгивает. У депутата вывалился язык, пена изо рта течет, а пена-то означает доллары. А Галей вроде как говорит: мол, давай еще, немного осталось. А Еркин глаза выпучил, отходить совсем стал и шепчет: «Христом клянусь, нету больше». А Галей ему: «Ты с самого начала клялся, что нету, — почти миллион наблевал, еще выблюешь».

Блевал во сне Еркин, а погано было во рту у Галея. Он надел тапки, сходил к проводнику, взял стакан холодного чая, прополоскал рот, вернулся в купе и достал бутылку коньяка. Галей берегся от самопала,

покупал спиртное в фирменных магазинах. Выпив полстакана, он закурил, начал вспоминать давешний разговор с настоящим Еркиным. А разговор такой имел место, потому врут люди, что сны берутся как бы сами по себе — ниоткуда.

Как и другие интересующие его квартиры, фатеру гребаного депутата в Митине он установил на прослушивание, что при современной электронике просто, как самолетик в детстве из бумаги смастерить.

Галей подъехал к дому, послушал депутатское шарканье, бренчанье посуды и прочую муру, понял, гости к Еркину заходят редко, и позвонил ему из машины. Галей представился дружбаном одного большого человека, который, мол, интересуется: что, великий депутат за охрану своей персоны собирается платить или будет жизнью в этой Москве рисковать?

Ответ Еркина получился путаный, непонятный ответ. Начал он с того, что просил передать большому человеку низкий поклон за проявленную заботу об его ничтожной жизни. Затем депутат просил пардону, объясняя, что срочно в сортир надобно.

Галей отсоединил клемму, объехал квартал. Еркин то ли бегал на кухню хватить стакашек, то ли просил соседей позвонить в ментовку, узнать, кто у него, депутата, на проводе.

— Ну, чего ты, мужик, очистил животик? — ласково спросил Галей, позвонив вторично.

И тут Еркин запел иную песню, что благодарность остается, но у больших людей большие заботы, потому возможны ошибки. Такая ошибка и с ним, Еркиным, произошла, потому как он в депутаты попал в первый раз, исключительно по казусу, сам он из Еркиных, которые всю жизнь по земле словно навозные жуки ползают. Понятно, что Еркины на своем веку, окромя рублей, никаких денег не имеют.

— Что долго так? — недовольно спросил Галей. — Нету у тебя баксов, так и скажи. У меня, к примеру, тоже нету, а было бы... Кто чего от меня получит. И ты молоток, что не отдаешь. А то ишь, кровопийцы, придумали добровольное страхование жизни.

— Да нету у меня! — закричал Еркин.

— Нету, и не ори, — спокойно сказал Галей. — Я на твоей стороне, обрисую в лучшем виде. А ты живи — не тужи, никого не бойся.

— Ну спасибо, ну благодарствуй! У меня и срок этот чертов кончается. Домой, в деревню, поросят кормить.

Галей, усмехаясь, положил трубку, зная точно, что никогда Олег Еркин в деревне не жил, а со школьной скамьи тропил себе комсомольскую тропу, а вот родители у него действительно в деревне живут, и денег он, Еркин, из комсомольской кассы наворовал достаточно.

А весь цирк Галей разыгрывал с одной целью, чтобы не сбежал хитрец с наворованным раньше времени.

Поезд снова дернулся. Галей налил себе на самое донышко, запечатал бутылку, взглянул на часы. По его расчетам, жить Егору Яшину оставалось менее двенадцати часов.

И вице-премьер Анатолий Трофимович Барчук в эту дрянную ночь тоже не спал, как не спал и его на людях грозная, а в семейном быту тихая Анна Петровна. Они сидели за столом в гостиной городской квартиры, играли в карты. Муж поддавался, как мог. Анна играла лучше, только шельмовала. Проигрывая раз за разом, она вздыхала, бормотала о незаконченном высшем образовании, порой говорила:

— Умен ты у меня, Толик, незауряден, а следователя прокуратуры в дом пускать не следовало.

— Все ты знаешь, Аннушка, кого пустить, кого за порогом оставить. Только не можно это, я должен быть вне подозрений.

— Не следовало несуразную компанию собирать. Тут я одна виновата. — Анна бросила карты: — Сдаюсь.

— Как же это? — возмутился муж. — У тебя и король, и дама козырная!

Анна смешала карты.

— Глупости все, на каждой сдаче козыри новые. Помню, студентом ты мне рубашоночку розовую с кружевами подарил.

— Сорок пять рублей... Было такое...

— Ох и счастлива я была! Теперь в жизни радости никакой — одна головная боль.

— Брось, Анка, образуется!

— Кто Игоря убил? Кому он мешал, зам зачуханного министра?

— Забудь. Что с письмом и звонком делать? — Барчук подпер голову ладонями. — У тебя снотворное есть?

— Ты не зря первым в парк бросился, якобы убийцу искать! Ты прости грешную, не смелого ты десятка, Игорек. Жена мужа хорошо знает, глубоко. Если следователь за меня возьмется, я тебя поневоле выдам.

— Клянусь здоровьем Павлика, не искал я ничего. А побежал вперед не от смелости, от страха, чтобы на меня никто ничего не подумал.

Анна достала из шкафа штоф с рябиновой настойкой, налила две большие рюмки толстого граненого стекла.

— Все выбросить хотела бабкины рюмки, вот и сгодились.

Барчук перекрестил рот, выпил залпом, шумно выдохнул:

— Крепка...

Анна выпила не торопясь, обтерла губы, спросила:

— И чего ты там нашел?

— Винтовку, ты же знаешь.

— Всем показал карабин, а что-то схоронил, скорее выбросил.

— Ну что прилипла? — без злобы спросил Барчук. — То дело скоро замнут. Что с этим письмом и звонком делать?

— Признаваться, — убежденно ответила Анна. — Только правду надо говорить всю, до донышка. Ни милицейских сыскарей, ни прокурорского тебе не обмануть. Я как баба говорю, нутром чую. В одном солжешь, и в другое верить не будут.

— А миллион?

— Нету у тебя, не было никогда. В этом вопросе насмерть надо стоять. Так и так, тебя сверху снимут, а нам больше и не надо ничего, будешь каким-нибудь никчемным министром.

— Могут и поглубже засунуть.

— С глаз долой, из сердца вон. Не можешь ты править, душой мягок, правитель должен быть... — Анна сжала кулак. — Нам-то с тобой к чему лукавить? И двигают тебя и привечают оттого, что не перечишь. А тебе за твою доброту куски с барского стола. А нам и куски сгодятся. Домишко отстроили, землицы прихватили? И хватит, надо меру знать. Конечно, со Скопом, этим недомерком, накладка получилась, кому он мешал, не пойму.

— Вот и я не пойму, оттого и руки дрожат, налейка!

Анна налила мужу в бабушкин стопарик, себе немного.

— А пишет и звонит плохой человек. Думает, мы

со страху отдадим чего. Ты властям всю правду расскажи, ведь невиновный ты. Тебя охранять должны.

— Невиновных бьют крепче. Меня охраняют от дураков и пьяниц.

— Дом и деньги не отберут. Сегодня в России, слава Богу, ни у кого ничего не отбирают. Вон — Булат-кровопийца, сколько невинной крови пролил, на нарах сидел, вышел и снова в квартире Брежнева обитает, ничего ему не сделали. Ты по сравнению с теми, да и нынешними убийцами святой человек.

— Да не в церкви мы! Дура, простого не поймешь! Когда в другого человека стреляют, то одно, когда в тебя лично — совсем иное. Когда Скоп грохнулся с пулей во лбу, у меня ноги подкосились. То моя была пуля!

Жена подошла к Барчуку, прижала его голову к своей мягкой груди.

Еркин считал деньги. С вечера он старательно пытался заснуть, даже чуток подремал, но вспомнился телефонный разговор, веселый, уверенный голос собеседника, и сон пропал. Стало ясно, звонивший валял дурака, никакого дяди не существовало, просто объявился человек, желающий состояние Еркина, нажитое каторжным трудом, забрать себе. И человек знал, деньги у Еркина имеются, и почему-то не сомневался — депутат свои кровные отдаст.

Он долго лежал, смотрел в потолок, надоело, поднялся, поставил чайник. Он давно не считал свои капиталы, справедливо полагая: пересчитывать свои — просто глупо. А тут мелькнула мысль: пусть он, Еркин, такой умный, а чего-то не допер, и деньги могут отобрать. У него больше миллиона долларов, но сколько точно? Вот исхитрятся, миллион заберут, так сколько останется?

Конечно, он не держал деньги в квартире, они были хитро рассованы по норкам. Он даже не поленился, съездил к родителям в деревню — вот старики удивились-то! — и сховал там пакетик, упакованный в баночку стеклянную, знаем мы эти миноискатели.

Список своего состояния он зашифровал под телефонные номера, а места хранения обозвал простыми русскими именами. Книжечку имел в двух экземплярах, одну всегда при себе. То ли нервишки разыгрались, только пересчитывал Еркин в третий раз, и все пятерка куда-то девалась, то она вроде есть, а вот ее и нету. Миллион триста семьдесят пять выходило или восемьдесят, наконец, ровно?

Солидные деньги, да Бог с ними. Он решил, пусть будет без пятерки, а найдется, так в радость. Тогда он умножил сумму на пять тысяч сто пять. И хоть закончил техникум, а выговорить полученный результат никак не мог.

А ведь он, Олег Кузьмич Еркин, на сегодня побогаче самого Саввы Морозова. А Савва не бедным мужиком на Руси слыл. Ну, в те времена и рупь иной вес имел. Вот до чего русского мужика довели, поначалу эти большевики разоряли, потом коммунисты принялись, конечно, немец большой урон нанес...

Но Россия была, и мужик русский есть, заработать всегда сумеет. Вот и он, Еркин, казалось бы, из ничего капитал нажил. А подсказку дал Чубай с этими ваучерами. Только не каждый ту подсказку услышал правильно. Он, Олег Еркин, очень правильно понял.

Что такое приватизация, Еркин не понимал точно. Да и большинство россиян не понимало. Приватизируют завод, который всю жизнь принадлежал государству, его оценят и продадут рабочим завода. И тут начинается ерунда, то есть разбазаривание государственных денег. Государственные деньги всегда были

ничьи деньги, а завод всегда принадлежал народу, то есть никому. И Еркин точно понял: кто будет оценивать завод, тот и положит деньги в карман.

Депутат Олег Еркин, происхождение какое надо, образование — нужное, внешность — с него Леню Голубкова придумали, даже артиста подобрали. Чтобы каждый имущий, не еврей, не шибко умный и уж совсем не интеллигент, в нем своего парня почувствовал.

И, не прилагая особенного труда, Еркин начал заседать в различных комиссиях. А почему нет? Личной заинтересованности нет, пайщиком не является, представляет законодательную власть. Люди, заинтересованные в приобретении зачуханного магазина или модернизированного на Западе завода, быстро разобрались, что Еркин фигура хоть и невеликая, но очень полезная. В общем, попал Еркин на золотое дно и, как всякий житейски хитрый человек, понял: главное — не зарываться, всех поддерживать, со всеми дружить и пить водку, постоянно говорить о равноправии и бескорыстии.

Вскоре Олег Еркин в определенных кругах, где занимаются мелким бизнесом, ничем не отличающимся от обыкновенного воровства, стал фигурой известной, даже заметной. Он ни за что не отвечал, ни в одном денежном документе не расписывался, он лишь вносил предложение от имени народа и от его имени голосовал.

Сегодня он с превеликим трудом заработал один миллион триста восемьдесят тысяч долларов. И отдавать кровью добытое не собирается.

Правда, когда в тот странный вечер Скоп рухнул с дыркой во лбу, то ноги у Еркина подкосились, чудилось: в него метили, да промахнулись. Когда где-то убивают, Бог с ним, когда рядом — сильно на нервы действует.

Вероника с телевидения вернулась, только в квартиру вошла, поняла: кто-то приходил.

К приходу жены Ждан малость протрезвел, даже умылся, но лица не приобрел. Она увидела перед ним бутылку, которой быть здесь не должно, собралась устроить истерику, но передумала и сказала ласково:

— Расслабиться решил? Тоже правильно. Только как же ты бар сумел открыть?

— Это не я, — быстро ответил Ждан. — Это Лев Иванович.

— Какой еще Лев Иванович? — спросила Вероника, хотя отлично поняла, кто хозяйничал в квартире, лишь не могла понять, чем это кончилось.

— Я ему ничего не сказал. Мол, письмо у тебя, а я и не видел его толком.

Вероника в который раз за время жизни с мужем поняла, что он умный и добрый мудак, привычно удивилась, как такие качества умещаются в одном человеке, взяла бутылку, сделала глоток, безвольно опустилась в кресло. Она еще не старая, но уже и не молодая женщина; она устала пахать в этой жизни, тяжко пахать за двоих, порой невмоготу.

С телевидением ее обманули, устроили цирк. Потребовалось козу из дома увести, сунули под нос морковь, и застучала дура копытами. Она и фамилии той бабы телевизионной не помнила, как пьяная была. А и помнила бы, что докажешь? Что доказывать и кому? Что мент мог здесь вынюхивать? Да ни черта, Юрка и не знает ничего, а письма все получили.

Егорка Яшин — не ума палата, но с письмами разберется, все-таки с Коржановым работает, а тому в рот палец не клади. Завтра, она взглянула на часы, уже сегодня Егор покончит с беспредельщиком. Надо же такое придумать: если хочешь спокойно жить — плати, да не кустики — миллион долларов. Солидных

людей, словно паршивых торгашей, насильственной охраной облагают. Не дурак придумал, отнюдь не дурак. Был когда-то популярен фантастический роман «Продавец воздуха». Хочешь дышать — покупай воздух, дыши в свое удовольствие. А не хочешь, денег нет, так никто не виноват. Блестяще придумано. Так то фантастика — придумано все. А тут в обыденной жизни хотят получить деньги. Не за бизнес, не за место получше, а просто так, за право жить.

Гуров и Татьяна скромно поужинали. Она убрала со стола, перемыла посуду, налила в хрустальные стаканы виски и, поджав ноги, уселась в кресло.

— Ты не пьян совсем. — В голосе женщины слышалось и одобрение, и некая ностальгия по ушедшему. — Я эгоистка, но когда ты выпьешь, с тобой легче общаться.

— Я знаю. Мой любимый Хемингуэй говорил. «Пить можно всегда, только не тогда, когда ты работаешь и сражаешься».

— Значит, тебе — никогда нельзя?

— Значит. Станислав обвинил меня в пьянстве, я согласился, мы бросили вдвоем. Теперь он хнычет, называет меня сатрапом.

— Ты можешь мне ответить?

— Нет. — Гуров отодвинул стакан, достал сигареты.

— Ты даже не знаешь...

— Знаю... Не люблю бессмысленных, слюнявых разговоров. Я такой, ничего не поделаешь.

— Не перебивай меня! Ты считаешь, их начнут убивать?

— Видимо, начнут с Яшина. Я должен их охранять, а не хочу. Гибнут десятки невинных, а я обязан растаскивать клубок гадюк. Убили Игоря Ильина —

полковника КГБ. Человек всегда жил хорошо, а в последнее время плохо. Они его заставили жить плохо, а умер он как мужик. Значит, они властны только над нашей жизнью, над смертью они не властны.

— Но ты и живешь, как человек.

— Не надо, Танюша. Я живу как могу, и не более того. Я занимаюсь совершенно бессмысленной работой. Поле проросло сорняками, их уже больше, чем злаков. Поле следует перепахать, засеять по-новой, а я пытаюсь прополоть его руками. Надо идти в политику, становиться подвижником, а у меня на это нет ни смелости, ни силы. А чудак Гуров их устраивает, пусть живут несколько особей, для смеха и разнообразия. Изменить они ничего не могут.

Татьяна видела, как лицо Гурова посерело, заблестело от пота.

— В конце концов, не имеет никакого значения, кто кого убил в этой расчудесной компании. Можно не сходя с места высчитать, кто точно не убивал, и взглянуть на оставшихся. Якушев, Барчук, Яшин и Ждан исключаются из потенциальных убийц полностью. Остается Еркин и сам Игорь Скоп, который в силу недоумия попал под собственную пулю. Ну, определю точно, допустим, докажу, что мне видится невозможным. Произойдет чудо, и я докажу! Что? Что изменится? Сейчас ими заинтересовался профессиональный киллер Галей. Они его создали, выпестовали, дитя пожирает своих родителей. Даже интересно. Он их не убьет, высосет кровь. А у них, кроме денег, другой крови нет.

— Замолчи, прошу. Будь проклят тот день, когда я увидела тебя.

Гуров рассмеялся, вытер лицо ладонью.

— Я тоже их дитя, кровопиец. Только во мне ген другой, тут они бессильны. — Он выпил виски, вновь

рассмеялся, налил и опять выпил. Женщина, как всегда, победила.

— Ты любишь меня? Я красивая?

— Ты не красивая.

— Ты хочешь познакомиться с моей дочерью?

— Чем позже, тем лучше!

— Боишься?

— Боюсь! Я это уже проходил.

— Ну и черт с тобой. Я вижу, как расправились у тебя плечи, физиономия снова наглая! Отнеси меня в спальню!

Гуров взял женщину на руки, принес в спальню, легонько подкинул, но положил на кровать аккуратно, мягко.

Глава десятая

Егор Яшин заснул, когда ночь уже валилась к утру, заснул глубоко, но тут же его разбудил звонок. Яшин резко сел, так быстро он поднимался лишь в казарме, много лет назад. Часы показывали десять, значит, спал он порядочно, часов пять с лишним. Зазвонил телефон, и Яшин матюгнулся, так как уже должен был находиться на службе.

— Слушаю, — сказал Яшин, стараясь казаться спокойным и уверенным.

— Выходя из дома, не забудь взять почту, — произнес совсем детский голос, и трубку повесили.

Взмахнув руками и дав себе слово завтра же начать делать гимнастику, Яшин поднялся, занялся привычными делами: бритье, завтрак. Пристегнул плечевую кобуру, которая так неудобна и с оперативной точки зрения и с бытовой, так как рвет и пачкает рубашки. На службу можно и не торопиться, расписание Президента известно, а непосредственный начальник вылетел в город, куда днями собирается Президент.

Яшин никогда не жаловался на нервы, и врачи на него поглядывали с уважением, словно их заслуга, что он такой спокойный и уравновешенный.

Он не собирался отдавать ни копейки, но кейс при себе иметь обязан. Таковой имелся, и с секретным замком: постороннему не открыть. В принципе вся затея с заманиванием и захватом шантажиста казалась Яшину чем-то несерьезным, похожим на игру. И на что рассчитывает человек? Уму не постижимо. Заместитель начальника Управления охраны Президента по первому требованию выложит миллион долларов? Оборзели совсем, остатки ума растеряли...

Из своих оперативников Яшин выбрал двоих, которые были ему должны по гроб жизни, особенно подробно в план операции их не посвящая, сказал, что будут работать на подстраховке, а по его маяку стрелять на поражение, и все. Договорились, что поедут на двух машинах. На машине Яшина установили маяк, обе имели радиотелефоны. Ясно, что Киевский вокзал только начало пути, деньги на вокзале даже последний дурак брать не станет.

Яшин не забыл про почтовый ящик, в котором обнаружил простой конверт с запиской: «Откроешь ячейку двадцать пять, код — сегодняшнее число». К тебе подойдут, скажут, что делать. Покажешь деньги. Если денег не будет или за тобой увидят хвост, ты свободен».

Он смял записку. Значит, они не такие простые. Ясно, подойдет связник, которого бери хоть на крест, хоть жги каленым железом, он и не знает ничего.

Нужны деньги! Где взять? У него за бугром есть, так не затребуешь, да и рисковать нельзя. Изготовить «куклу»? Тоже уметь надо, непростое дело.

Яшин никогда не считал себя «умником» и относился к данной категории людей с достаточным скепси-

сом. «Умники» порой нужны, но лишь для обслуживания парней хватких, умелых. Он считал себя одним из хватких и умелых, всегда находился на вторых ролях. Боссы менялись, он ни разу не подвел. Сейчас ему никто не укажет, не прикрикнет, он все должен решить сам. А до встречи со связником оставалось около четырех часов.

Яшин вышел из подъезда, потоптался на месте, вернулся к лифту и поднялся в квартиру Вероники Ждан.

За подъездом, из которого с первой попытки не сумел выйти Яшин, наблюдал Станислав Крячко. Приехав сюда к девяти, когда Яшин должен был выехать на службу, Станислав ругал себя последними словами, но Гурову доставалось больше.

«Их Величеству кажется, что с бугаем Яшиным должно произойти *нечто?* И полковник-важняк должен проследить за придурком, вычислить это *нечто.* Может, у Яшина расстройство желудка или, наоборот, — запор?»

В десять часов Станислав позвонил Гурову и спросил:

— Лев Иванович, а как ты свои наития определяешь? Они земного происхождения или космического?

— Станислав, забыл предупредить: если Яшина начнут убивать — не мешай. Но исполнителя возьми живым.

— Спасибо за доверие. А если желающих будет несколько и все с автоматами?

— Нам с тобой нужен один. А на несколько, да еще с автоматами, у тебя при всем желании рук не хватит.

— Черный юмор и плевое отношение к подчиненному. — Крячко положил трубку, за подъездом на-

блюдал уже с интересом. Почему Яшин не идет на службу?

В одиннадцать Яшин вышел, повертелся на месте и вернулся в подъезд.

Крячко о происшедшем доложил, начал думать. Решил, что, возможно, Яшин вызвал машину, которая не пришла.

— Ты меня слышишь? — спросил Гуров.

— Ну?

— Я ошибся. Галей хочет получить с охранника деньги. Думаю, они ему какие-то условия выставили, в почтовый ящик положили. Он эти условия выполнить не может.

Яшин позвонил в квартиру к Жданам, не зная, что будет говорить. Слава Богу, дверь открыла мадам. Юрий уже уехал на работу.

— Короче, Вероника, я не стану тебе ничего объяснять, но моя встреча и все последующие под угрозой срыва.

— Если не объяснишь, я тебе не смогу помочь, — с непредсказуемой женской логикой ответила Вероника.

— Ты права, — усмехнулся Яшин. — Все предусмотрел, а в ерунде прокололся. Они еще до встречи с организатором хотят видеть доллары.

— Нормально. Не дураки. Надеюсь, ты заготовил «куклу»?

— Мать твою так! Вот не заготовил. — Яшин отлично понял, что свалял дурака, оправдания ему нет, злился на себя еще больше.

— Потом поговорим, дорогой. — Вероника ушла в глубь квартиры, оставив незваного гостя в прихожей. Вернулась хозяйка с кейсом. — Здесь ровно миллион. С тебя двадцать тысяч, десять я заплатила за изготовление. — Она открыла кейс, и Яшин уви-

дел ровно выложенные пачки сотенных в банковской упаковке. — Итого тридцать тысяч.

— Не ношу же я их в кармане! — Яшин переложил пачки в свой кейс. Они были абсолютно настоящие, даже с желтой контрольной полосой по ребру каждой пачки. — Ты упростила задачу. — Яшин захлопнул кейс, запер секретный замок. — Вечером ты получишь кейс.

Яшин вошел в камеру хранения Киевского вокзала без одной минуты три. Он знал, что вокзальные оперативники наблюдают за пассажирами, и привлекать к себе внимание нельзя. Он набрал код, открыл двадцать пятую ячейку, взял лежавшую в нем небольшую коробочку и небрежно прикрыл дверцу, когда услышал негромкий голос:

— Здорово, братишка! Каким судьбами?

Яшин и Аким были одного роста, оба широкоплечие, и перегородили узкий проход между металлическими ячейками. Сразу образовался небольшой затор.

Какая-то женщина с двумя пацанами, крепко державшимися за мамкину юбку, пыталась засунуть в ячейку непомерно большой узел.

— Мать, надо было два соорудить, не войдет, — сказал Аким.

Яшин смотрел в широченную спину Акима и чувствовал тяжесть внизу живота, ему вдруг захотелось в туалет.

— Да проходите, чо, золото ховаете?

Аким не был так уверен, что гэбэшник баксы не принесет. Уверенный в прикрытии, он покажет настоящие доллары. А такую сумму Аким выпустить из рук никак не может. С чем Аким соглашался безоговорочно, так это с требованием, чтобы при нем не то что пистолета, пилочки для ногтей не было. По пути

следования было три остановки, на второй Аким и получит пистолет с глушителем.

Сейчас Аким видел, что гэбэшник от страха весь трясется, морда в поту. Отнять у него баксы — жизнь временно остановить. Галей поймет, что ни один чекист не стоит миллиона «зеленых». А ехать — значит рисковать. Две машины сопровождения, гаишники, и вообще дорога полна неожиданностей. На случай, если придется взять руль на себя, Аким запасся помощником, о котором Галей никогда не узнает. Этот парень был действительно современным Гаврошем. Роста среднего, фигурой неказистый, одет как все: кожанка из Турции, штаны из Лапландии, кеды под фирму, взгляд рассеянный. В руках парень держал цветастый плотный пакет, в котором можно было легко упрятать франтоватый кейс гэбэшника. Через несколько секунд этого подручного обнаружить в толпе было бы невозможно.

Но Крячко засек Гавроша практически сразу, уж больно последовательно он держался за Яшиным. Полковник парня засек, но определить его роль в создавшейся ситуации не сумел.

— Ты, парень, вроде и встрече не рад. — Аким, улыбаясь, подталкивал Яшина к свободному углу. — Дай взглянуть, чего там у тебя в кейсе, да я пошел. Смрадно тут, а я вообще не люблю закрытые помещения.

Яшин, пытаясь унять резь в животе, присел, мокрыми пальцами тыкал в шифровый замок.

— Слушай сюда, — прижимая Яшина к стене и загораживая его собой от окружающих, вещал Аким. — В ящике ты взял приемник-передатчик, у меня такой же. Они настроены на одну волну, так что ты ничего не крути, тогда мы сможем говорить друг с другом. Я тебе буду диктовать, куда ехать. В одном месте мы остановимся, ты переложишь баксы в про-

стой мешок, может, в твоем чемоданчике радио запрятано. Понял? Ну, показывай товар, чего возишься? Или ты туфту привез, баклан?

— Все честно... живот у меня... Не могу! — прошептал Яшин, опускаясь еще ниже на пол, и сунул кейс в руки Акима.

Тот подозрительно огляделся, увидел своего парня, мужика, возившегося поодаль с мешком, и, наконец, взял кейс.

— Шифр?

— Тысяча девятьсот девяносто пять, — ответил Яшин.

— Если рванет, так обоих, — Аким положил кейс на голову Яшина, который в этот момент уже сидел на полу, открыл, увидел банковские пачки долларов и сторонне, словно не его касается, подумал: «Я честно предупреждал, миллион не давай». Он захлопнул кейс и вдруг увидел, что сидевший на полу гэбист натурально плачет, а из-под него расплывается мокрое пятно и пахнет обыкновенным говном.

Аким кивнул подручному, бросил в его цветастый пакет кейс, повернулся к Яшину, который, оскальзываясь на собственном дерьме, пытался подняться.

— Сиди, останешься жив, — прошептал Аким, толкнул Яшина в лоб, и тот шлепнулся на пол.

Аким не мог видеть, что его «шестерка» успел сделать по залу лишь несколько шагов, как ткнулся животом в ствол пистолета. Сначала Крячко решил оглушить парня, разобраться потом. Но сыщик не знал, что творится за спиной, и вспомнив шутку Гурова, что на всех рук не хватит, выхватил у малого пакет с кейсом, отвесил парню по шее так, чтобы мало не показалось, и сунул добычу в свой мешок.

Движения Крячко были так быстры и непринужденны, что заняли всего несколько секунд, и никто из окружающих не заметил ни пистолета в его руке, ни

исчезнувшего в мешке из-под картошки сверкающего кейса.

Яшин сидел в луже и держался за живот, вонь от него исходила страшная. Аким уже отошел на несколько шагов, когда услышал голос с хорошо знакомой интонацией:

— Стоять! Руки за голову! Вести себя хорошо! За твоей спиной прячется парнишка из уголовного розыска. — Крячко ловко обыскал Акима, вынул из внутреннего кармана паспорт, присвистнул: — Чем ты ткнул этого мужика, что сидит в собственном дерьме позади нас?

— Можно повернуться, командир? — спокойно спросил Аким, медленно повернулся, одарил Крячко своей фирменной улыбкой. — Разрешите опустить руки?

Аким вмиг оценил уверенное спокойствие опера, что пушку он не достал, стоит хорошо, правильно.

— Ты смотри — и паспорт настоящий. Как же ты, солидный авторитет... — Крячко голос приглушил, и собравшийся было народ начал расходиться по своим вокзальным делам. — Не ожидал от тебя, Лёнчик, что ты в такое дерьмо вмажешься.

— Идемте, командир, взглянем на героя. Ежели на нем хоть царапина, я без суда в зону пойду, — сказал Аким, которому, с одной стороны, льстило, что опер сразу его опознал, с другой — подобная засветка была совершенно ни к чему.

Все время Крячко боковым зрением держал свой мешок, валявшийся в трех шагах от тяжело осевшего Яшина. Крячко подошел, первым делом ткнул мешок ногой, убедился, что «кукла» на месте, затем обратился к Яшину участливо:

— Вам плохо, Егор Владимирович?

— Кто вы такой?

— Вам помощь не нужна? — уже без всякого

участия, чистым ментовским тоном спросил Крячко. — Гражданин Яшин, вы к данному гражданину претензий не имеете?

— У меня пропал кейс!

Прибежала уборщица. За ней, шмурыгая, подошел сонный сержант; услышав последнюю фразу Яшина, проснулся и закричал:

— За хулиганство накажем! Дома не срешь посреди комнаты?! Пойдем в отделение! Там тебе такой кейс устроим!

Яшин поднялся на ноги, шагнул, из-под брючины потекло. Сержант схватил — знал бы парнишка, кого хватал, — Яшина за рукав:

— Бесстыжая морда, заплати Екатерине, она не обязана твое говно убирать.

Как развивались события дальше, Крячко не слышал, подхватив свой мешок, он пошел к машине.

Настал звездный час Станислава Крячко. Он рассказывал о происшедших событиях Орлову и Гурову.

Чтобы не беспокоили сообщениями об убийствах и прочих творящихся в России безобразиях, друзья собрались не в кабинете генерала, а у оперативников.

Крячко был бесподобен. Орлов промокал свое бульдожье лицо носовым платком, Гуров порой лишь сдержанно хрюкал.

— Главное, конечно, запах! — Крячко закатил глаза и схватился за живот.

— Верим! — быстро сказал Гуров. — Потому марш в гальюн!

— Обижаешь, командир! — Крячко вышел степенно, из коридора донеслась дробь его ботинок.

— Успеет? — озабоченно спросил Орлов.

— Должен успеть. — Гуров кончиками пальцев повернул лежавший на столе кейс с «куклами», сказал

совсем об ином: — Петр, меня мой мальчик очень беспокоит. Недавно Галей заявил, что никаких дел у него с Лёнчиком быть не может. Если Галей по округе слух пустил, слава Богу. А если он моего парнишку проверяет, заподозрил в чем? Я жизнью парня рисковать не могу. И отослать его из Москвы сейчас никак нельзя, это только укрепит Галея в его подозрениях. А всю жизнь прятать парня мы не можем, не в Америке живем.

— Глупости, — с несвойственной ему быстротой ответил генерал. — У тебя в мозгах помутнение. Кабы Галей хоть чуток твоего парня подозревал, то никогда Акима сразу в дело не задействовал бы. Да еще в такое дело. Он же собирался Яшина убрать и его смертью остальных придавить. Ему Аким — Лёнчик нужен был лишь для одного дела. Как одноразовый шприц.

Гуров и Орлов посмотрели друг другу в глаза и одновременно вскочили.

— Ко мне! — Орлов бросился из кабинета. — От меня проще!

Длинноногий Гуров еле поспевал за коротышкой-начальником.

Орлов влетел в свой кабинет, снял одну из трубок.

— Говорит генерал-лейтенант Орлов, соедините меня с начальником ГАИ города... Здравствуйте, это я. Мне немедленно нужен городской телефонный номер автомашины марки... — Орлов подвинул к себе записку Гурова, — «мерседес-300». — Он продиктовал госзнак и номер. — Не знаю, кому она принадлежит, дорогой, и на кого оформлялась. Сейчас на ней ездит Аким Леонтьев по кличке Лёнчик, солнцевская группировка. Машина заминирована, а парень мне нужен живым. Дашь всем постам? — Орлов взглянул на Гурова. — Нет, тогда он не нужен живым. А я не знаю, как вы даете телефоны, но знаю, в каких вы отношениях в телефонщиками... А ты

тогда — мудак, а не полковник! Найди мне номер и забудь, что я у тебя его спрашивал!

— Если мы его зацепим, наверняка выйдем на убийц Ильина, — сказал Гуров. — Главное, на заказчиков.

— Это ты мне говоришь? — безразлично поинтересовался Орлов.

— Конечно, нет. — Гуров повернулся к Крячко, который вошел тихо и протянул ключ, оставленный в дверях кабинета.

Крячко был не в курсе, но понимал: происходит нечто серьезное, и ждут телефонного звонка.

— Чтобы время скоротать, предлагаю подбить бабки на сегодняшний день. Что — имеем, что — хотим...

Орлов согласно кивнул Гурову.

— По убийству на даче Барчука?

— Розыск преступника временно прекратить. Мое мнение, что дурацкую затею осуществил сам Скоп, случайно застрелился. На веранде в момент фотографирования возникла сумятица. Возможно, люди были изрядно пьяны, возникли амбиции. Кто-то не хотел рядом с X, который, в свою очередь, не желал находиться рядом с Y. Скопа толкнули, а на палец у него была намотана нитка, он непроизвольно дернул рукой и получил пулю. Я могу еще доказать, что лишь Скоп и Еркин, перед тем как сесть за стол, выпадали из поля зрения окружающих почти на час. Один — якобы ходил в свою машину, которая стояла поодаль, второй объясняет, что лазил на чердак, интересовался устройством, собирается творить нечто подобное. Самострел представляет собой из себя детское устройство, доказывающее, что его устанавливал дилетант, действовал в одиночку.

— Скоп случайно застрелился. — Орлов хмыкнул, хитро прищурился.

— Так кто тогда разобрал самострел? — продолжал за друга Гуров. — Барчук нашел карабин. Какой хозяин захочет, чтобы на его даче был обнаружен самострел? Петр Николаевич, поймите, данная история печальна, но не суть важна. Отложим, со временем разберемся. Вот убийство полковника Ильина хоть и не потрясло Россию, но видится мне очень опасным. Сигнал исходил из верхов контрразведки, а выполнялся уголовниками. Если это не коррупция, тогда подберите другое определение.

— Ты Ильина знал? Он мог пойти на контакт с уголовниками?

— Я знал Игоря давно. Очень толковый оперативник. Последние годы мы с ним не ладили. Перестройка «конторы» его доконала, отдел его использовали не по назначению, он был на ножах с Коржановым. Игорь передал мне предсмертную записку...

— Почему не доложил?

— Виноват, господин генерал-лейтенант!

— Что ты плетешь вокруг Галея?

Зазвонил телефон спецсвязи, все притихли. Орлов снял трубку.

— Слушаю. Да? — Генерал подвинул календарь, записал номер телефона. — Молодец.

Он положил трубку, ткнул пальцем в свою запись.

— Городской номер вашего Акима. Взрыв пока не зафиксирован.

— Надо срочно звонить. — Гуров подсел к столу, развернул один из аппаратов, глянул на Крячко, кивнул: — Давай. Ты его сегодня видел. Хоть какой, а контакт.

— Завсегда так, как нырять, так Станислав. — Но в голосе Крячко звучало удовлетворение.

— Парень, есть основания полагать, что Галей машину Акима заминировал, шарахнуть может в любой момент, — сказал Орлов таким тоном, словно сообщил, что дождик собирается.

— Планировалась поездка... Остановки... Проверки... Временный фактор, — бормотал Крячко. Лицо его преобразилось — из округлого и добродушного превратилось в злую маску.

Он подвинул аппарат, посмотрел на Гурова пустым взглядом, твердым пальцем набрал номер.

— Але! — ответили почти сразу.

— Аким?

— Кто его спрашивает?

— Аким, с тобой говорит полковник уголовного розыска.

— Чего?

— Молчи и слушай. Твоя тачка заминирована, выключи немедленно мотор и паркуйся в сторонке. Если ты, сука, плохо поставишь железку и она взорвется и покалечит людей, я тебя достану.

— Слушай, командир, движок выключил, еду накатом.

— Ты где?

— Хер его знает! Какой-то переулок у Трубной, впереди Садовое. Вижу подходящий двор.

— Молодец! Заезжай.

— Встал, падла!

— Рискни, Аким. Представь, что не знаешь.

— А мать твою, бога в душу! Не из бумаги сделаны! Повернул ключ, вроде не взорвался.

— Спокойно, Аким. Улыбнись. Мне еще днем твоя простецкая улыбка понравилась. Ты ведь помнишь, я попросил тебя руки поднять?

— Так это ты, сука! Простите, господин полковник. Очень ловко вы кейсом завладели, уважаю. Бабки-то настоящие?

— Жопой на вулкане сидишь, а деньгами интересуешься. Слушай внимательно. Выходишь из машины, ключ из замка зажигания не вынимай, ищешь телефон.

— Воду в пустыне скорее найдешь.

— Понял. Стережешь машину, лучше стоять за столбом или углом здания. К машине никого не подпускаешь, ждешь нас. Мы сейчас подъедем, специалиста привезем, а ты за это время рассчитай весь путь, по которому должен был возить Яшина,прежде чем грохнуть. Если Галей поставил мину, ну, с часовым механизмом, то он рассчитал твой путь до самого конца, накинул время на непредвиденные остановки. В общем, прикинь время. Он хотел тебя прикончить, когда ты вернешься домой.

— Обижаешь, начальник. Я в жизни человека ничем, кроме кулака, не тронул. У меня и пушки нет, сам проверял.

— Обрисуй, где стоишь, мы выезжаем. — Крячко некоторое время слушал, кивая. — Понял. Едем. — Он повернулся к Гурову. — Какого агента ты слепишь из него, Лев Иванович!

— Почему я? — искренне удивился Гуров.

— Потому как мне такой конь не по руке. Не удержать.

Через несколько минут, прихватив с собой двух сотрудников из научно-технического отдела, сыщики уже отъехали от министерства.

Глава одиннадцатая

Орлов проводил ребят, битых, опытных волкодавов, и невольно взгрустнул. И потому, что спало напряжение, на котором генерал держался, как на допинге. И просто потому, что они были молодые, хотя и считали себя стариками. А он, Петр Орлов, был сильно немолодой, он даже себе не говорил — старый, считал себя еще ого-го, особенно после многочасовых сидений на советах, коллегиях и различных совещаниях. Он чувствовал себя на подобных сборищах

молодым, так как соображал быстрее, формулировал мысли четче, с интересом, а не с пренебрежением выслушивал сорокалетних генералов.

А что, Станислав прав, Лева вполне может завербовать Акима-Лёнчика. Подумав о вербовке, Орлов почувствовал, что поймал мысль, которая у него появилась во время описания Крячко своих подвигов на вокзале. Да, мысль была отличная и наглая. А вот куда-то девалась.

Он выбрался из-за стола и, непроизвольно копируя Гурова, прошелся по кабинету. Возможно ли завербовать Акима? Агентурного дела не заводить, кличку не присваивать, не заставлять что-либо писать, просто взять на короткую связь. Он — напарник киллера Галея. И неважно, что последний решил его ликвидировать, что, кстати сказать, пока не подтвердилось.

А как воспримет Галей Акима, который не ликвидировал Яшина и неизвестно каким образом остался жив? Гуров — мастак, легенду сочинит, но Галей — профессионал, который не поверит ни в какую легенду, оправдывающую провал и чудесное спасение.

Акима и Галея можно «поссорить», посеяв в них недоверие друг к другу, и мирно развести. Пусть Галей колупается со своими «должниками», а мы со стороны посмотрим, что у него получится. Он хотел затерроризировать всех смертью Яшина, который в решающий момент наложил в штаны. Вот! Та самая ниточка, которую мусолил генерал во время рассказа Крячко. Яшин прилюдно опозорился! Правая рука Коржанова, который из простого охранника стал крупной политической фигурой. Генералу Коржанову плевать, в каком дерьме Яшин. Но коли твоя правая рука в дерьме, то в дерьме ты сам, с ног до головы. И в жизни не отмоешься. Простят предательство, кражу миллионов, убийство невинных людей

простят. Неверно, люди не простят, но со временем забудут. Но обосранные штаны не забудут никогда. Потому что это смешно и очень воняет. Если генерал Орлов даст делу ход, то Яшин — политический труп, его не возьмут охранником даже в пивной ларек. И как бы генерал Коржанов ни открещивался от своего подчиненного, как бы ни топтал его ногами, Коржанов тоже труп.

А кейс с десятитысячными «куклами» долларов в банковской упаковке? Такие «куклы» может изготовить только профессионал, и его не так уж трудно найти. И на кейсе пальцевые отпечатки Яшина. Это петля, на которой можно повесить не только Яшина, Коржанова, но и фигуры покрупнее.

Орлов тяжело вздохнул и неискренне пожалел, что не тяготеет к политике. А за сколько такой материал можно продать? Орлов хрюкнул от удовольствия, хотя не мог торговать подобным материалом по человеческим, этическим соображениям, и потом прекрасно понимал, что данная история имеет цену только сегодня. Завтра она превратится лишь во вчерашнее говно и только.

— Сегодня — значит, сегодня, — решительно произнес генерал и приоткрыл дверь в приемную. — Верочка!

— Я здесь, Петр Николаевич.

— Чем занята?

— Делаю лицо. Вы забыли, господин генерал, что подарили мне два билета в «Ленком» и выделили кавалера.

— Не зли меня, не зови господином генералом! Последнее задание, и можешь отправляться в свой театр. В Управлении охраны Президента есть такой полковник, Яшин Егор Владимирович. Срочно разыщи и передай, что я прошу его прибыть немедленно. Думаю, что в настоящий момент он находится дома.

— Ой, Петр Николаевич! Коржановский парень может и не прийти.

Разговаривали они через полуоткрытую дверь, при последних словах Верочка вошла в кабинет.

— Петр Николаевич, миленький...

— Верка! — перебил Орлов. — Знай свое место, выполняй. Немедленно! Иначе пошлю за ним «газик» с «галстуком».

Орлов прикрыл дверь, чтобы не слышать разговор секретаря с «могущественным» полковником.

Зазвонил городской аппарат, Орлов снял трубку.

— Орлов слушает.

— Все в цвет, Петр Николаевич. Взрыв должен произойти через сорок две минуты, — доложил Гуров.

— Работай, тебя учить — только портить. Вас там, естественно, быть не должно. Пусть все идет своим порядком.

— Возможны жертвы.

— Невозможны.

— Нас быть не должно, и жертв быть не должно...

— Не морочь мне голову, придумай. — Орлов положил трубку, кряхтя и ругаясь, начал надевать генеральский мундир.

Орлов редко вербовал с позиции силы, обычно вынуждая к сотрудничеству, а вербовка старшего офицера вообще была запрещена. Но он твердо решил выжать из ситуации максимум. Каждый опытный оперативник знает, что человек, вынужденный давать информацию под угрозой разоблачения, похож на змею, которую ты держишь за горло и отсасываешь у нее яд. Во-первых, такая ситуация может продолжаться очень недолго. Вербовщику трудно контролировать наличие яда, он кончился, следует ждать, пока накопится новый, не давить зря. Во-вторых, змея постоянно пытается вывернуться и вонзить зубы в держащую ее руку.

Вошла Верочка, сообщила, что полковник Яшин выезжает, и взглянула на любимого начальника странно, казалось, с осуждением. Без нужды протерла пепельницу, хотела что-то сказать, но лишь упрямо наклонила голову.

— Не бодайся, лучше рубашку поправь, вечно она у меня не в порядке. Сердешный полковник сказал, что при смерти, градусник лопнул, в общем, тебе его жалко.

— Жалко! — Верочка поправила на генерале воротничок, даже сняла какую-то пушинку с рукава. — Он сильно провинился?

— Он провинился, когда родился, — неожиданно пропел Орлов, сделал «звериное» лицо и занял свое место.

Он отлично знал, что за столом выглядит солидно, даже грозно: среднего роста, широкоплечий и коротконогий, рукастый, головастый, с лохматыми бровями. Сидя за столом, генерал казался гигантом и на людей, плохо его знающих, производил тяжелое впечатление. А если учесть, что бывало, когда он существом своим соответствовал внешности, то Верочка в своей комнатке держала аптечку. Особым успехом пользовались валерьянка и сердечные настойки.

Верочка заглянула, спросила взглядом. Орлов кивнул, и секретарь, открыв Яшину дверь, бросилась искать аптечку.

Яшин вошел, четко доложил о прибытии. Орлов кивнул, руки не подал, указал на кресло, хмыкнул:

— Рассказывайте.

— Что рассказывать, господин генерал-лейтенант?

Голос у Яшина оказался низкий, красивый, не дрожал.

Орлов потер ладонями лицо, отчего ни одной морщинки не убавилось, лишь брови вздыбились еще больше.

— Если я виноват, право, не знаю в чем, то меня должны допрашивать в инспекции по личному составу. И не вашего министерства.

— А если такой хлыщ в карман залез, то, может быть, с него хватит и опера отделения милиции? Мне на таких говнюков всегда время жалко. Ты что, в смотровую щель танка смотришь, что ничего не видишь? Вон на дальнем конце стола для совещаний лежит твой кейс. В нем находится сто пачек якобы по десять тысяч долларов США. Пачки опечатаны, имеют все необходимые реквизиты Центрального банка. Но долларовых купюр в каждой пачке только две. В простонародье такая штука называется «куклой». Вот я хотел бы знать, как данный «миллион» к вам попал и кому вы сегодня, десятого апреля тысяча девятьсот девяносто пятого года, пытались его передать. Никчемные подробности, что вы в момент передачи обосрались, можете не описывать.

— Данный кейс был у меня похищен несколько дней назад, дальнейшая его судьба мне неизвестна. Я о пропаже не заявлял, так как не хотел, чтобы вокруг моего имени велись лишние разговоры. Их и так хватает.

Генерал Орлов улыбнулся улыбкой черной пантеры Багиры из мультфильма «Маугли». Он снял трубку и попросил пригласить в кабинет эксперта по дактилоскопии.

— Я же сказал, что данный кейс недавно принадлежал мне. Естественно, на нем имеются мои пальцевые отпечатки.

— А вот то, что ты узнал свой кейс на таком расстоянии — неестественно.

— Узнал по царапинке на крышке.

— Так я его тебе и положил царапинкой вверх. Не буду я с тобой спорить, пока ты громко и внятно не скажешь: «Дяденька милиционер, дурак я, и судьба у

меня дурацкая. Душу берите, а тело хоть на время оставьте!» Могу тебя успокоить, никогда не пугаю, зря не говорю, дело твое безнадежное. Ты можешь все взять на себя, пойти под суд, получить срок, малым он тебе не покажется, и тянуть его до конца. Напоминаю, что исправительно-трудовые учреждения подчиняются нашему ведомству. Другой путь — продать мне своего генерала со всеми его гнилыми потрохами, то есть стать моим негласным. — Орлов поднял палец. — Никаких корочек, бумажек, подписок, кличек. Лишь дружеские и честные встречи. Ты все время будешь пытаться меня обмануть, я буду тебя на лжи ловить. Жить будем весело. Парень, стой! — Генерал вскочил. — Ты мне тут не наложишь кучу? У меня секретарь — девушка, а запах три дня держится. Иди, иди, по коридору направо, там увидишь.

Яшин молча вышел. Верочка ввела эксперта с неизменным чемоданчиком в руках.

— Здравия желаю, я вообще-то домой собрался.

— Привет, Саша. Домой это хорошо, тут делов-то всего ничего. Этому хлыщу, что в туалет побег, пальцы откатать.

— Полковнику? Без надлежащего оформления?

— Саша, не строй из себя... девочку. — Орлов взглянул на Верочку, и она покраснела. — Еще несколько пальчиков снимешь и домой.

Эксперт возился с пленкой, снял отпечатки с крышки кейса, затем несколько отпечатков со стодолларовых купюр, которыми были обклеены «куклы», когда вернулся Яшин. Он облегчил желудок, набрался сил и наглости и заявил:

— Я официально заявляю, что данный кейс ранее принадлежал мне. Был похищен у меня из квартиры неизвестным лицом, и дальнейшая судьба кейса мне неизвестна. Мне также неизвестно, что конкретно находится в кейсе в настоящий момент.

Эксперт закрыл кейс, расстелил на столе бланк для пальцевых отпечатков, достал подушечку, похожую на ту, какой пользуются секретари, чтобы зафиксировать на документе печать.

— А я не желаю! — крикнул Яшин.

На пороге кабинета появился Гуров и Крячко. Последний беззаботно спросил:

— А может, ударить его, Петр Николаевич? Я в жизни человека в кабинете не бил. А мне интересно, и люди интересуются. А мне и сказать нечего.

— Тебе нельзя, Станислав, — ответил генерал. — Тебе сейчас с человеком предстоит душевный разговор вести, нужен контакт. Пусть Гуров стукнет.

Разговор велся столь обыденно и безразлично, словно решался вопрос, кому вынести в коридор чемодан.

— Лев Иванович, вполсилы. Ты слышал? Мне с ним еще беседовать.

— Он умный, его бить не надо. — Гуров отстранил эксперта, откатал очумевшему Яшину пальцы. — Пройди в туалет, вымой руки. Верочка, дай гостю пемзу.

— Ну и юмор у вас, розыскников, — попытался пошутить Яшин.

Гуров ударил его ребром ладони по бицепсу, рука Яшина безжизненно повисла.

— Надеюсь, левая? А вы, господин, не трогайте моего приятеля! — Крячко схватил Яшина за рукав, потащил в коридор. — Егорушка, пойдем мыть ручки. А то времени уже до хрена, да ты еще и пишешь, наверно,медленно.

— Я ничего писать не буду!

— Верно! Мы с тобой сразимся в морской бой.

В кабинете оперативников Крячко убеждал Яшина писать правду, мол, так получится быстрее. Они скорее сбегут из этой чертовой конторы, окажутся дома, хлобыстнут по стакану и забудут такой неудач-

ный день. Крячко признавал, что объяснения Яшина о том, что кейс ранее принадлежал ему, даже дураку доказывают, откуда на кейсе появились пальцевые отпечатки Яшина. «Это ты здорово подстроил, снимаю шапку! Но зачем же ты пачки-«куклы» лапал? Они лежат и лежат, никого не трогают, а ты их пальцами хватаешь и хочешь людей убедить, что никогда их не видел».

— Вот, Егор Владимирович, ты пишешь, что такого-то числа, примерно в пятнадцать часов, пришел в багажное отделение Киевского вокзала. И правду пишешь, а потом опять ахинею начинаешь нести. А то тебя не видели! Я глаз с тебя не спускал. Человек, к которому ты пришел, тебя видел, ему ты открыл кейс и показал его содержимое. А говоришь, кейса у тебя не было. Хороший ты парень, только чудной. А сержант? А уборщица Екатерина, которой ты полтинник сунул, чтобы она за тобой прибрала? Хороший ты парень, Егор Владимирович, но не торопишься домой, не хочешь душ принять, грехи смыть и стакан выпить. Потому сиди, сочиняй, а я к генералу пойду, скажу, что ты дозреваешь.

Орлов сидел в своем кресле, а Гуров на любимом подоконнике дымил в окно.

— Тачку хотя мы и подорвали у дома любовницы Акима, Галей все равно ему не поверит, — убежденно сказал Гуров. — Нас он не учует. Но Аким слишком много дров наломал, ведь кейс с «куклами» мы вернуть не можем. Акима мы сможем использовать только для развала его группировки и выяснения, не пропадал ли кто в соседней группе. Считаю, ликвидаторов Ильина уже нет в живых. Но кто? Кто из генералов контрразведки дал команду ликвидировать полковника Ильина?! Что ты молчишь, старик? Виданное ли дело, чтобы руками преступников уби-

вали своих офицеров? Что бы он ни натворил. Вот уже где беспредел так беспредел. Я найду этого генерала и убью его лично. Я не стану для этого нанимать бандитов.

— Лева, я знаю тебя всю жизнь и впервые слышу, чтобы ты говорил лишние слова, — пробормотал Орлов и взглянул на друга настороженно, так как Гуров на самом деле словами не бросался, даже в горячке. Раз Гуров говорит, что найдет и убьет, — значит, он так и поступит. По крайней мере, Гуров сделает все от себя зависящее, чтобы свою угрозу выполнить. Значит, у него имеется некий план и определенные возможности, которые не известны Орлову. А это очень плохо. Когда Лева недоговаривает, обманывает по мелочам, в основном беспокоясь о карьере начальника, это не здорово, но простительно. Но когда полковник-важняк, с его опытом, подготовкой, агентурой, собирается убить генерала ФСК, пусть тот кругом виноват, то наши конторы пошли вразнос.

Гуров прекрасно понял, о чем думает стареющий генерал, и сказал:

— Если ты не дашь добро, я пальцем не пошевельну. У меня есть отец и ты, я вас не подведу.

Гуров сидел в своих «жигулях». Рядом, боком к Гурову, загораживая широкой спиной боковое окно, расположился Аким. Когда он садился в машину, сыщик сумел проверить его на «металл», убедился, что бандит пришел без оружия. Молчали, даже не поздоровались, лишь кивнули друг другу.

— Будете вербовать? — спросил равнодушно Аким. — Большой интерес ко мне уголовка проявляет.

— Сегодня вторник. Когда у тебя встреча с Галеем?

— С Галеем? — Аким задумался. Отрицать зна-

комство глупо, как-никак менты ему жизнь спасли.
— Есть встреча, да не пойду.

— Можно не ходить, — согласился Гуров. — Только он слух пустит, что ты миллион забрал и кинул его не по-воровски.

— А мы с Галеем оба — не воры. Он — киллер-одиночка, я — авторитет среднего разлива. Нам сходка не грозит.

Гуров все знал и соседа практически не слушал, решая, как правильнее использовать сильного, самолюбивого парня, которому надоело верховодить шпаной и мелкими бандитами, собирать налог, трахать подневольных девчонок, руководить дебилами и рвачами. Акиму требовалось больше. Не денег. Видимо, потребности у него нормальные и денег хватает. Ему требуется размах. Ему всего хватает и ничего у него нет. Дома нет, женщины, достойной, какую он желал бы, — нет, друзей тоже нет. Потому он и отыскал Галея, личность сильную, незаурядную. Но тот подложил ему бомбу, решил взорвать. Правда, Гуров подозревал, что сам Аким тоже схитрил, ведь он забрал кейс у Яшина. А такое не могло быть сделано по плану Галея, да и Аким сам подтверждает, что путь предстоял долгий.

— Так что будем делать? — не выдержал долгого молчания Аким.

— Не знаю. Ты Яшина не убил — хорошо, я могу тебя не арестовывать. — Гуров заметил насмешливую улыбку соседа, который в данный момент наверняка считал себя сильнее противника. Такое положение Гурова устраивало. Он всегда предпочитал выглядеть слабее, что давало в результате большее преимущество.

— Ты Яшина не убил, но планы его сорвал...

— Он, падла, меня спустить решил, — перебил Аким.

— Галею в происшедшем не разобраться. Но одно он поймет ясно — ты ход операции нарушил...

— А он тачку взорвал!

— Заткнись, слушай старших! Может, к взрыву он никакого отношения не имеет, а ты у Яшина кейс забрал и в живых остался. Это факты, не требующие доказательств.

— Так я же и крайний? — Аким присвистнул.

— У тебя позднее зажигание, парень. Слушай внимательно, сейчас мы комбинацию перевернем. На вокзале ты передал Яшину нужные слова, взглянул на баксы, решил, что они настоящие. И тут понял, что тебя хотят брать. Ты вырубил Яшина, рванул к дверям. Из-за толкотни опера не могли стрелять. Ты добежал до машины первым и двинул по проспекту, попал в общую «пробку». Запомни, в «пробке» у гостиницы «Белград», стоя лицом к МИДу, ты должен побывать обязательно. В этот момент ты снова открыл кейс, разорвал одну из пачек и понял, что схватил «куклу». При выходе из «пробки» ты грубо нарушил, покорежил «иностранца», побил свой «мерс», но ушел и заткнулся во двор в переулке между Поварской и Новым Арбатом, переждал. Галей поверит, так как знает, что Яшин об операции начальству не докладывал и настоящей «наружки» у него быть не могло. Позже ты добрался к своей девице. «Мерс» бросил во дворе, за квартал. Около шести вечера, точное время ты не засек, неподалеку рвануло. Когда ты собрался уезжать, увидел обгорелые останки. Ты понял, какая падла этот Галей. Твой главный козырь — взрыв. Но не забывай, что Галей неправильно просчитал психологию Яшина. С чего это крупному гэбэшнику кататься по городу и переговариваться по рации? Когда ты, готовенький, рядом.

— Галей считал, что Яшин не клюнет на «шестерку».

— Ты не похож на «шестерку». Это первая ошибка Галея.

— Вы так говорите, будто у нас с Галеем состоится душевный разговор.

— Ты на встречу не пойдешь. Когда Галей объявится, он уже будет знать, что и ты жив, и Яшин жив. Пошлешь вместо себя пацана и дашь ему вот это. — Гуров вынул из кармана одну «куклу», десятитысячную пачку долларов с надорванным краем.

Аким взял пачку, повертел и убрал в карман.

— Он, когда эту «куклу» увидит, все сам просчитает и начнет тебя искать.

— А я?

— Тебе Галей нужен?

— В гробу его видал, он не партнер.

— Так и веди себя соответствующе.

— Вы меня спасли, от Галея отмазали, я вам за это должен своих ребят отдать? — Аким оскалился.

— Они клиенты местной ментовки, я по воробьям не стреляю. У меня друга расстреляли на Маршала Жукова.

— Слышал, но это не мои, — горячо заговорил Аким. — Клянусь, не мои. Исполнителей, кажись, уже оприходовали.

— Мне нужен заказчик. Главный.

— Если его и знают, то лишь один человек.

— Кто?

— Узнал бы, но к нему не подойти. Там деньги большие.

— Узнаешь — позвони. И своих пацанов приструни, чтобы кровью не обливались. Тебе легко свою позицию объяснить: Галей тебя подставил, на тебя вышли оперы-важняки, следует всем притихнуть, иначе передавят как котят.

Именно в этот момент Аким увидел, какое нехорошее лицо у сидевшего рядом мента. Вчера, когда

разминировали машину, а затем перегоняли ее на другое место, Аким особо не обращал внимания на молчаливого мужика, так как командовал другой, тот круглолицый опер с Киевского вокзала. Затем круглолицый отступил в тень, кивнул на этого и в своей задушевной ментовской манере сказал:

— Аким, запомни дядечку, он мужик не очень плохой. — Причем физиономия говорила об обратном. — Он хочет с тобой завтра утром встретиться, поговорить о футболе.

Дядечка, который «не очень плохой», назвал время, место, модель, номер своей машины и ушел.

— Так я соскочу, только меня и видели! — Аким разозлился на бездушный, безапелляционный тон мужичка.

— В Америку! — Знакомый мент азартно кивнул. — Только сегодня, Аким! На завтрашний рейс ты уже не успеешь. — Улыбочка у мента куда-то девалась, он посмотрел на высокого в туго подпоясанном плаще, который курил неподалеку. — Ты приди минут за пять до назначенного срока и не шали. Советую. Очень.

Вчера виделись, сегодня долго говорили. Аким только и узнал о новом знакомом, что зовут его Львом Ивановичем. Человек он спокойный, неторопливый, а в лицо ему как-то не глядел. А сейчас глянул и стало муторно, вспомнил Галея с его мертвым оскалом. Он вновь взглянул на Гурова и впервые подумал: «А ведь передушит как котят!»

Неожиданно глаза у Гурова посветлели, лицо преобразилось, стало вроде даже красивее, а сказал он странное:

— Ты береги себя, Аким. Людей не обижай. А чужое брать — грех! Ну, с Богом!

Галей приехал из Петербурга, как и положено,

утром. В утренних газетах о смерти Яшина не сообщалось. Особенно внимательно Галей просмотрел «МК», там тоже ничего. О взрыве «мерседеса» тоже нет. Значит, не успели, новости в газету позже попадают.

Встреча с Акимом была назначена на семь часов. И хотя Галей знал, что партнер на встречу не придет, сам явился вовремя, занял тот же столик, сделал скромный заказ. Надо отсидеть положенное, поесть, выпить. А то вдруг покойник кому из своих шепнул, что будет здесь около девятнадцати. Если Галея не будет, поймут, что знает: Аким погиб. А Галею знать об этом было рановато.

Он выпил водки и потрошил безвкусный салат, когда к нему подошли двое, лет двадцати, плотненькие, уверенные.

— Борис Сергеевич? — спросил один, опуская руку в карман.

— Ну? — Борис звякнул стволом пистолета по ножке фужера. — Руку не вынимай, почеши промежность.

— Вам передать велено. — Гонору у подошедшего заметно убавилось.

— Говори.

— Так предмет передать, а он в кармане.

— Вынь аккуратно, не дергайся. — Борис снял предохранитель, взвел курок. — Положи на край стола.

Парень аккуратно вынул из кармана небольшой, завернутый в газету предмет, который походил на плитку шоколада.

— Разверни. — Галей вновь тронул стволом пистолета ножку фужера.

Парень развернул газету, на столе лежала пачка долларов в банковской упаковке, один угол которой был надорван. Соседние столы были пусты, а за

двумя столами у окна обедали и не обращали на происходящее внимания.

— Кто передал? — спросил Галей, хотя ответ уже знал.

— Человек велел передать. Сказал, вы его знаете.

— Когда он послал вас?

— Часа два будет.

— Сегодня?

— Ну.

— Идите. — Галей выждал, пока гонцы Акима уйдут, выпил рюмку водки, взял «куклу», внимательно оглядел, отметив, что исполнена она мастерски, и убрал в карман.

Значит, Аким жив. И Яшин тоже жив, иначе Аким явился бы не один, последовала бы разборка. Что человек не взорвался в машине — случайность, тому много причин. А вот почему он с операции соскакивает и даже объясниться не захотел? Ясно одно: искать Акима, пытаться его вернуть — дело безнадежное и опасное. Конечно, заминировать тачку Акима мог кто угодно, ничто на Галея не указывает. Но оправдываться, объяснять что-либо, выяснять, в какой момент так отлично поставленное дело пошло наперекосяк, значит, терять лицо. Акима-Лёнчика следует забыть. Значит, он, Галей, вновь один. А эти фраера остались непуганными идиотами. Их следует встряхнуть!

На следующий день, во вторник, «непуганные идиоты», правда, не в полном составе, собрались в кабинете следователя Гойды.

Финансиста Якушева не было в Москве. Гуров не мог пригласить Яшина, потому что официальный допрос последнего приводил к обязательному возбуждению уголовного дела. Гуров ему позвонил, выслушал невнятные объяснения о крайней загружен-

ности и оставил вопрос открытым. Чтобы прикрыть отсутствие одного, приняли самоотвод и Анатолия Трофимовича Барчука: высокий чиновник, коллегия и прочая словесная шелуха.

Следователь Гойда многого не знал, да и знать не хотел, так как, будучи прокурорским чиновником, должен был бы реагировать на происходящее в соответствии с законом. Мент, то есть Гуров, тоже лицо официальное, но к ментовским штучкам, к сожалению, привыкли.

Так что к двенадцати часам во вторник в кабинете Гойды собрались помощник Президента Ждан, почему-то с женой (на самом деле не почему-то, а так настоял Гуров) и депутат Госдумы Олег Кузьмич Еркин.

— Здравствуйте, рассаживайтесь. — Гойда надел по такому случаю штатский пиджак, словно от этого переставал быть чиновником прокуратуры.

— До каких пор будет твориться беззаконие? — Если бы Вероника не выплюнула эту фразу с ходу, то, возможно, задохнулась бы.— Пока нас всех не перестреляют?

Прокурорское сердце требовало свято блюсти даже букву закона, и следователь, чтобы как-то оправдать свое бездействие, извинился и вышел.

— А вы, как я понимаю, простой милиционер, — заявила мадам Ждан Гурову. — Вроде тех, что гуляют в метро и под фонарями. Только чином повыше.

— Вера! — одернул ее муж.

— Пусть, я привык, — усмехнулся Гуров. — Гражданку тоже понять можно, она закон нарушила и как вести себя дальше не знает.

— Кто нарушил? Я вас привлеку за клевету!

— В данном кабинете привлекать может лишь один человек, но он вышел. А я могу лишь пригласить милиционера, который вокруг фонаря ходит, и пре-

проводить вас в острог. Часика так на семьдесят два, пока следователь не решит вашу дальнейшую судьбу.

Задача Гурова была простая и сложная одновременно. Вывести из себя экзальтированную дамочку — дело нехитрое. Но как заставить ее проговориться, что она дала «куклу» Яшину, не упоминая его фамилию?

— Простите, — вмешался Ждан, — но это уже запугивание свидетеля.

— Свидетеля чего? Гражданка, когда официально допрашивалась, дала заведомо ложные показания. Второго апреля вы получили письмо определенного содержания. И данный факт от следователя скрыли. В протоколе имеется прямой вопрос и подпись гражданки Ждан. Кстати, вы, Юрий Олегович, можете быть привлечены по аналогичной статье.

— А я не могу! — выкрикнул Еркин. — Я депутат Думы.

— Верно, Олег Кузьмич. Депутат Думы может безнаказанно врать и совершать тяжкие преступления. Вы — народный избранник, вам народ разрешил.

— Тихо, тихо! — Ждан выставил ладони. — Не будем горячиться, разберемся по существу. В нашем присутствии был убит человек, именно по данному вопросу мы и приглашены к следователю прокуратуры. Какое отношение имеют к убийству какие-то письма? Кого касается, что мы их получали или не получали?

Почувствовав почву под ногами, Ждан пошел дальше, шагнул туда, куда шагать ему не следовало.

— Расследование убийства ведет прокуратура. А ваше участие, простите, мне непонятно.

В этот момент и вернулся следователь Гойда.

— Полковник Гуров занимается розыском улик, — сказал он. — Надеюсь, разница между расследованием и розыском всем понятна?

Официальность с лица Гурова исчезла: он стал простым, чуть ли не домашним человеком, занимающимся опостылевшей работой.

— Какой розыск, милейший Игорь Федорович? — Он пожал плечами. — Когда они и слова правды сказать не в силах? Будто это меня шантажируют и могут убить.

— Как убить? — прошептала Вероника.

— Вас интересуют детали? Полагаю, что выстрелом из пистолета. Потом не говорите, что я не предупреждал. Игорь, занеси, пожалуйста, мои слова в протокол. — Гуров резко повернулся к Еркину. — Вам сегодня днем звонили, угрожали? А вы, господин депутат, молчите как рыба! Вы полагаете, что убийца знает о вашей неприкосновенности? Мы будем разговаривать по существу или станем продолжать выяснять, кто чей помощник, кто его жена, а кто получил охранную грамоту от Папы римского?

— Лев Иванович, у меня сегодня день очень плотный. Может, перенесем разговор на завтра? — тихо спросил Гойда.

— Можно, ты — начальник. — Гуров поднялся. — Если ты договорился с убийцей, что он обождет, то и нам можно подождать...

— Нет, нет, нет! — Вероника схватила Гурова за рукав.

Гуров многозначительно пожал ей руку и сказал:

— Господин следователь по особым делам, у меня имеется встречное предложение: вы даете мне поручение официально допросить граждан.

— Господин следователь! Господин следователь, пожалуйста!..

— Хорошо! — прервал Веронику Гойда. — Раз у тебя, господин полковник, день посвободнее — действуй. А поручение я подошлю к вам в министерство, секретарю генерала.

Ждан открыл дверь, пропустил жену и быстро прошмыгнувшего в коридор Еркина, взял Гурова под руку и тихо спросил:

— Все это — цирк, розыгрыш, домашняя заготовка?

— Отчасти, Олег Кузьмич, вы правы. Только отчасти, потому как вам угрожает опасность вполне реальная.

— Вот уж не подумал бы. — Ждан покачал головой. — В жизни не украл, не взял, слова грубого не сказал...

— Верно. Но к сожалению, не обязательно даже говорить. Порой достаточно и промолчать.

Гуров добился своего, заполучив в кабинет мадам Ждан, которая не только не противилась беседе, но, можно сказать, на ней настаивала.

Помощника Президента и депутата Думы Гуров отдал Крячко, предположив, что первый — человек порядочный и никакой полезной информацией не располагает, а второй — хитрец и мелкий ворюга, но натаскал в норку порядочно, и Галей вполне может депутатом заинтересоваться. Только все это пустые хлопоты. Хитростью и на испуг Еркина не взять, а пытать Галей сам не станет.

— Ну, господин полковник, о чем же мы с вами будем беседовать? — Вероника сложила ладони и уперлась в них подбородком.

— О вашей жизни, мадам, и о том, как ее сохранить. Договор следующий: я задаю вопросы, вы на них отвечаете. Не желаете — не отвечаете. Но не просто молчите — заявляете вслух: мол, на данный вопрос отвечать не хочу. Я неравнодушен к красивым женщинам, потому оставляю вам лазейку. Мы ничего не пишем, следовательно, не подписываем. Разговор сугубо конфиденциальный и юридической силы не имеет.

— Так, простите, на кой черт он нужен?

— Вы умны, у вас мужской характер. Отвечу Никто не откровенничает под протоколом. А я должен знать о вас максимум. Это поможет мне сориентироваться в ситуации, в пространстве и времени. В результате я рассчитываю выйти на убийцу прежде, чем он выйдет на вас.

— Поехали, господин полковник! — Она достала из сумочки сигареты и закурила.

Гуров начал задавать быстрые вопросы, касающиеся вечера, когда произошло убийство. Вопросы были малозначительные. Когда узнали о предстоящей вечеринке? Как она отнеслась к тому, что мужчины собираются без жен? Так продолжалось около получаса. Гуров заметил, что женщина устала и несколько разочарована.

— Вы считаете себя сексапильной?

После небольшой паузы Вероника ответила:

— Да.

— Так, по вашему мнению, оценивают вас мужчины?

— Определенного возраста, я не девочка.

— Вашего возраста и старше?

— Да.

— У вас есть любовники?

— Я могу не отвечать?

— Конечно, но практически вы ответили. У вас есть постоянный любовник или все зависит от ситуации?

Вероника закурила новую сигарету и зачем-то оглядела кабинет.

— Скорее от настроения.

— Вы пьете? Крепкое, десертное? Рюмку, две, больше?

— По настроению.

— Егор Яшин был вашим любовником?

— Егор не в моем вкусе.

— Муж знает о вашей личной жизни?

— Она его не интересует.

— Да или нет?

— Нет.

— У вас есть миллион долларов?

— Конечно, нет!

— Дальнейший наш разговор потерял всякий смысл. Вы неискренни.

— А вы что — врач-психолог?

— Некоторый опыт имею.

— Где же я вам соврала?

— Вы знаете сами.

— Докажите.

— Несерьезно. Вы не хотите мне помочь. То ли покрываете преступника, то ли боитесь его. Возможно, одновременно и то и другое.

— Вы что же, полагаете, что я связана с преступным миром?

Гуров улыбнулся и сказал:

— Мир... Народ... Для меня слишком много. Вы поддерживаете связь с отдельными преступниками.

Гурову очень хотелось задать прямой вопрос о «куклах». Он не сомневался, что быстро расколол бы дамочку. Но тогда он засвечивал бы Яшина, а у Петра на этого типа были оперативные планы.

— Глупости, — резко ответила Вероника.

— Попросите у Коржанова охрану. Хотя я лично не верю, что один охранник, которого выделят Юрию Олеговичу, изменит ситуацию.

— Но вы обязаны...

— Простите, — перебил Гуров. — Вы обязаны говорить правду. Не говорите. Я буду выполнять свой долг, искать преступника. — Он встал. — Надеюсь, ваш супруг уже освободился.

— И это все? — разочарованно спросила Вероника.

— А чего вы ожидали? — Гуров подал женщине плащ. — Мы сыщики, а не фокусники. Ваши любовные интриги нас не интересуют. В конце концов, мне безразлично, в каких отношениях вы с Яшиным. Вы оба взрослые люди. Нами найден миллион долларов в пачках по десять тысяч в банковских упаковках, так называемые «куклы». Внутри пачек обыкновенная бумага. Их принадлежность нас очень интересует. Но проверка показала, что Яшин к ним не имеет отношения, ну а уж вы тем более. Так что мы оказались в тупике. Я надеюсь, уважаемая Вероника Андреевна, если у вас появятся новости, вы позвоните.

Проводив гостей, сыщики закрылись в кабинете и предприняли, как они выражались, мозговую атаку.

— Убийство на веранде Барчука можно считать раскрытым, но прокуратура материалы в таком виде не примет, — сказал Крячко. — Так что дело остается за нами.

— По убийству Ильина зацепиться не за что, если только Аким не поможет, — добавил Гуров.

— Ты ему веришь?

— Пока ему выгодно, он будет сообщать правду.

— Как и подавляющее большинство агентуры.

— Зачем Орлов связался с Яшиным? Он же патологический лгун и двурушник. — Гуров присел на край стола, снова заходил по кабинету. — Называя вещи своими именами, мы не имеем ничего. Остается Галей. Он — отдельная карта. Вряд ли Галей оставит сановников в покое, но пока не вижу, что он способен предпринять.

— Доберется до Яшина и убьет, остальные наложат в штаны, нам ничего не скажут, будут платить.

— Нам что? — Гуров пожал плечами. — И кто будет платить? Якушев, может, и заплатил бы, но думаю, он покинул Россию надолго. Из Еркина мож-

но только выжечь, Галей на такое не способен. У Ждана денег нет. Вот несчастный мужик, угораздило его жениться на такой женщине.

— Она его и не спрашивала, женила, сделала карьеру. Вот моя благоверная умеет только стирать да готовить.

— Для Галея остается лишь Барчук. Думаю, он не успел развернуться, а что успел, хозяйственная Анна Петровна пристроила в тот замок, где мы имели честь быть. Вот и весь расклад...

В дверь постучали, попытались открыть, но она была заперта. Крячко подскочил, отодвинул засов.

— Прошу! Или вы ошиблись дверью?

Глава двенадцатая

— Здравствуйте, господа!

Вошедший был чистый иностранец. Не только по одежде и умению ее носить, акценту и тонкому запаху, который он принес в прокуренный кабинет.

— Лев Иванович, скажи, что с человеком делает Европа?! Я чуть было на французском не заговорил. Ну, раз вошел, дверь прикрой. — Крячко вроде бы ерничал, но смотрел на вошедшего цепко.

Еланчук Юрий Петрович, разведчик, контрразведчик, уволенный и восстановленный, уехал около года назад в Вену. Сыщиков не интересовало, торгует Еланчук или шпионит, или всего понемногу. Они знали: Еланчук — фигура крупная, просто так в Москве появиться не может, и уж абсолютно исключено, чтобы он ошибся дверью или зашел в данное здание просто засвидетельствовать почтение давним знакомым.

— Твои все здоровы? — спросил Гуров, который относился к Еланчуку значительно лучше, чем Станислав. — Ты сейчас в Вене? Пришел, рассказывай,

что считаешь нужным. Много не ври, вранья у нас без тебя хватает.

Как всегда элегантный, с шейным платком вместо галстука, Еланчук снял шляпу и плащ, стал еще моложе, хотя ему уже исполнилось сорок пять. Два года назад его уволили из системы КГБ, которая неизвестно как в то время называлась. Он устроился в посредническую фирму и чуть было не увяз в деле по наркотикам. Спас Еланчука Гуров, застрелив единственного свидетеля, способного дать против Еланчука показания. Бандит стрелял в Гурова, тот ответным выстрелом убил его. Мог бы и не убивать, лишь ранить, но помня, что данный человек живым Еланчуку опасен, сыщик убил. Обоюдная перестрелка, никто не докажет, кто что мог. Но генерал Орлов, Крячко, Еланчук и, конечно, сам Гуров знали правду. Знали, но никогда не говорили об этом. Станислав, человек неверующий, считал, что друг взял на душу грех, убивать можно лишь в крайнем случае. Крячко был очевидцем огневого контакта, данный случай не считал крайним, винил в убийстве Еланчука.

Отношения между присутствующими были, мягко выражаясь, непростые.

Когда Еланчук снял плащ и шляпу, Крячко сказал:

— Заодно сними очки и усы.

— Усы могу только сбрить. — Еланчук снял дымчатые очки, сжал пальцами переносицу. — Пытался носить линзы, не могу привыкнуть.

— И долго ты будешь всякую херню городить, прежде чем скажешь, зачем пришел?

— Не хами, Станислав, мне и так неловко, — сказал Еланчук. — Я, ребята, к вам от имени Интерпола. Вы засветились на наших экранах вчера. Шеф сказал: мол, кто да что, и надо немедленно лететь, хотел выслать бригаду. Но я сказал, что вас знаю, в Москве вы больше, чем бригада.

— Если ты нам премию привез, пошли срочно в кабак. А если работу, порядок известен — к начальству. А я лично против, мы свое говно разгрести не можем.

— Верно, иди, Юрий Петрович, к генералу Орлову, а с ним к замминистру, — сказал Гуров.

— Схожу, успеется. — Еланчук достал носовой платок, смахнул со стула пыль, сел. — Я хочу сначала с вами посоветоваться. Если ты, Лев Иванович, согласишься, то сам и решать будешь... Короче. В Италии, предположительно в прошлом году, изготовили доллары. Сумма астрономическая. Один миллиард ушел в Россию. Остальное мы успели перехватить и уничтожить, а эта партия была постоянно под контролем, проявляли связи. За день до ликвидации вся партия пропала.

— Контейнер, — съязвил Крячко.

— Примерно. Доллары изготовлены по хай-классу. Четыре месяца ни одна купюра ни в одном уголке земного шарика не появлялась. Десятого апреля вы их зацепили в «куклах». Ни один аналитик не в состоянии понять, зачем такой горячий товар использовать как оберточную бумагу. Кто изготавливал «куклы»? Где он взял разыскиваемые купюры?

— Кейс с «куклами» я отнял у пацана. Так как руки у меня были заняты, я дал пацану по жопе ногой. В милицию он жаловаться не пошел.

— Когда-нибудь, Станислав, я от твоего юмора удавлюсь. — В голове у Гурова был полный сумбур, он болезненно морщился.

— Удавишься от юмора? — Крячко хмыкнул. — Мы оба тогда попадем в Книгу Гиннеса.

— Ты не доживешь... — Гуров снял телефонную трубку. — Здравия желаю, Петр Николаевич. Разрешите заглянуть на минуточку?.. Спасибо. — Он поло-

жил трубку, кивнул на дверь. — Пошли узнаем, что по этому поводу думает герцог Гогенцоллерн.

Орлов радушно встретил Еланчука, поздоровавшись с ним так, словно вчера расстался, внимательно выслушал его, не задав ни одного вопроса. Когда гость закончил, пожал плечами.

— Вы ищите данные купюры, мы вам поможем. Действуйте.

— Господин генерал-лейтенант, мы находимся здесь лишь в качестве гостей. Ваши люди владеют ситуацией и материалом.

— А я не знаю, как вы работаете, — ответил Орлов. — Существует определенный протокол. Вот согласно данному протоколу и действуйте.

— Мы утонем в бумагах, потеряем уйму времени.

— Ни в одной стране мира вы даже не заикнулись бы о возможности упростить процедуру. В России все можно? Вы потеряли контейнер? Ищите. У вас есть люди, деньги, техника. Боитесь потерять время? Как только я дам людей и они приблизятся к вашему контейнеру, я начну их терять. Ваши парни застрахованы на миллионы, а у наших вдов нищенская пенсия. Какую зарплату вы получаете? Молчите? А премиальные в случае удачи? Сколько американцы выплачивают за обнаружение фальшивого миллиарда? Вот завтра с утра через ваше бюро в Москве обращайтесь к министру. Он у нас большой специалист. Лев Иванович, до моего личного распоряжения, в письменном виде и со всеми печатями, я вам категорически запрещаю заниматься данным делом. Все свободны. Гуров, задержитесь.

Орлов обхватил голову руками, взвихрил и без того непричесанные волосы и внимательно изучал бородавку на собственном носу. Лохматые брови топор-

щились, в широкой груди что-то сипело, наконец, вылилось в длинный вздох.

Знаменитый генерал сыска походил на какого-то зверька, но не на настоящего, а из мультфильма. Он долго молчал, вздыхал, морщился, словно из последних сил удерживал непомерный груз, наконец, спросил:

— Чего молчишь?

— Жду указаний.

— Врешь. Ты просчитываешь, ищешь решение. Нашел?

— Я не умнее тебя.

— Необходимо решить принципиальный вопрос. Мы будем работать или нет? Тебе ясно, как и мне, что если Интерпол пойдет по официальным рельсам, кроме трупов, мы ничего не получим. Все наши совершенно секретные грифы — для наивных людей. Как только документы будут зарегистрированы в канцелярии, начнется утечка информации. Для наших авторитетов что фальшивые доллары, что настоящие — значения не имеет. Важна лишь сумма. Как могли фальшивые доллары быть использованы в создании «куклы»? Это же бред!

— Человек, который лепил «куклы», считал, что доллары настоящие, —ответил Гуров. — Фальшивку изготовляло государство, значит, не каждая машинка фальшивку разоблачит.

— Яшин получил их от Вероники Ждан?

— Петр, Яшина работаешь ты.

— Думаю, что это редкий случай, когда он не врет.

— Как подступиться к этой даме? Очная ставка с Яшиным?

— Можно, но Яшин сгорит, а я думаю, что он ой как еще нам понадобится.

— Ни одному слову Яшина верить нельзя. Я не могу понять, как он нам может понадобиться. Ты —

генерал, тебе виднее. Давай попробуем разложить все по полочкам. Миллиард, фальшивый он или настоящий, —огромные деньги. Даже по объему груза это очень много. Пропасть такой груз может только в России. У нас составы пропадают. Изготовители отправили груз и охрану. Но охрана не может быть ни итальянская, ни французская, только наша чучмекская. Ты знаешь, грузина от абхазца не отличу, а у нас таких народов никто не считал. Считается, все русские. Значит, прибыл груз в пункт N. Думаю, там произошла разборка. И тот, кто груз захватил, не знал, что именно захватил. Груз был среди контейнеров, ящиков, не знаю, как было закамуфлировано. Теперь главный вопрос, каким образом валюта попала в руки человеку, который изготовляет «куклы»? Кто этот человек? Почему он не знает, что доллары фальшивые? У нас единственный выход на этого человека через мадам Ждан. Убежден, что это не прямой ход. Теперь о том, что ты знаешь лучше меня. Если фальшивые доллары попали на компьютеры Интерпола, значит, они попали и на компьютеры изготовителей и охраны. Следовательно — начнется смертоубийство.

Глава тринадцатая

Генерал Орлов сидел в своем кабинете и недобро смотрел на полковника Яшина, который, ссутулившись, приткнулся в кресле напротив.

— И что прикажете с вами делать, Егор Владимирович? Я спрашиваю серьезно, присоветуйте. — На самом деле Орлов ответа не ждал — понимал, что ответ отсутствует. — Вы состоите в связи с женщиной и не можете никак повлиять не нее?!

Орлов схватился за голову, тряхнул ею, словно таким образом надеялся получить ответ.

— Я не докладываю о ваших подвигах, не прикрываю, на кой черт вы мне нужны? Ну выгонят вас сию минуту, будут судить или нет, мне без разницы, мне больший резон дать делу официальный ход.

Фигуристый Яшин вдавился в кресло, пот струился по его вискам, скатываясь на брови.

— Дать официальный ход — провалить дело. Министр вызовет вашу дамочку, она отопрется, и руби концы.

— Извините, господин генерал-лейтенант, — с трудом выговорил Яшин. — Вероника не просто дамочка, а супруга помощника Президента.

И тут Орлов разразился такой матерной руганью, что секретарь не выдержала и плотнее закрыла двойную дверь.

— Ваша «кукла» в машине Интерпола, ФБР держит дело на контроле. Миллиард либо сто миллионов фальшивых долларов даже для Америки не шутка! Чья она жена? А ноту послу в Вашингтоне не желаете? Нас обвинят!..

Верочка до сегодняшнего дня считала двойные тяжелые двери звуконепроницаемыми, а о лексиконе, которым владел любимый начальник, в полном объеме не догадывалась.

Вошедшие в приемную Гуров и Крячко переглянулись.

— В приемную никого не пускать, — сказал Гуров, рванул дубовые двери, взглядом приказал Крячко следовать за ним. Вошел в кабинет, рявкнул:

— Тихо!

Молниеносным движением достал носовой платок, встал между Орловым и Яшиным, закрывая начальника собой, вытер ему лицо, умышленно причинив боль. Гуров глянул на Крячко, и тот достал из шкафа коньяк, налил в стакан.

Выпил Орлов самостоятельно.

Гуров вытянул Яшина из кресла, словно не здоровенного мужика, а ребенка, одернул на нем пиджак, снял с рукава невидимую пушинку и зашептал:

— Когда-нибудь полслова скажешь, зарежут в подворотне пьяным. Понял?

— Понял, — кивнул Яшин и рухнул в кресло.

— Так на чем я остановился, Петр Николаевич? Докладывать официально несерьезно — набегут генералы, министры. Девочка не признается вовек! А не докладывать опасно. Интерпол не Бердичев, требуется отвечать.

— Извините, я тут прохожий, на чай зашел, — неожиданно сказал Крячко. — Полагаю, первым делом надо от истории отсечь генерала. Не знает он ничего. Гуров не доложил. Отвечает за все полковник Гуров и некто полковник Крячко. Первое. А ты, — он ткнул пальцем в Яшина, — ответишь, коль отвечать придется. Не мандражи, мы таких проколов не делаем.

И тут Гуров понял, какой высокий профессионал его друг. Не по тому, что именно он говорил. Гуров мог придумать не хуже. Но Крячко взял инициативу, мастерски держал паузу, заставляя себя слушать.

— Ты, — Крячко ткнул пальцем в Яшина, — идешь к Веронике и излагаешь историю. Мол, Галей «куклу» принял, даже ее сучью душу отпустил, но при условии, что будет еще одна «кукла». Какие у Галея замыслы, ты не в курсе. Еще одна «кукла» — и ты, и Вероника свободны.

— Она не поверит, — пробормотал Яшин.

— А это уж твоя забота, мы же в конце концов тебя, сволочь, спасаем. Я вот сию минуту позвоню твоему генералу.

— Не надо...

— Мудак он и есть мудак. — Крячко махнул рукой и тяжело выдохнул.

Орлов, Гуров и Крячко переглянулись. Генерала Коржанова вообще ставить в известность о происходящем было нельзя. Решать подобный вопрос мог только генерал Орлов, а так как его от операции отсекли, значит, Крячко внаглую блефовал, и не понять это мог только полный кретин.

— Станислав предлагает вариант не ах, но пока мы лучше не имеем, — сказал Орлов. — Только исполнитель мне не нравится. Не справится он со своей любовницей.

Яшин дернулся, попытался привстать, но снова тяжело осел в кресло.

Гуров поднял палец. Орлов взглянул на него вопросительно.

— Ну?

— За долларами идет охота. Изготовители, которые Русь не понимают, как бы ни говорили по-русски, все равно иностранцы. А иностранцы светятся. Я больше боюсь наших авторитетов. Если они пронюхают, начнется война. Сумма велика, а для них что настоящая валюта, что поддельная. Бросят вперед бритоголовых с автоматами. Они идут по следу, мы след не знаем, но можем вычислить, где лежит. Мы имеем принципиальное преимущество. Мы знаем, что работает Интерпол, а авторитеты не знают...

— Где доллары разыскивать? — спросил Крячко и дурашливо хмыкнул.

— Не где, а как. — Гуров ткнул пальцем в Крячко. — Ты и скажешь.

— Оно можно, — ответил Крячко тоном, каким работяги соглашаются загрузить грузовик картошкой. — Пойду к мадам я, так как Гуров —это слишком много, а Яшин может просрать. Задача: вынудить мадам заказать кейс с «куклами», проследить заказ, и тут наш главный ход. «Кукольник» консультировался с кем-то по факту подлинности купюр, иначе бы материал не попал в компьютеры Интерпола.

Станислав Крячко почистил свой лучший костюм, даже погладил брюки, постарался подобрать носки и галстук в цвет, надел белую рубашку, что было для него совсем экстраординарным событием, и отправился к Веронике Ждан, с которой заранее договорился о встрече по телефону.

Вероника Ждан была настоящей женщиной, а значит, и с женской интуицией у нее было все в порядке — она поняла, что простоватый полковник совсем не так прост, как кажется, и на этот раз предстала перед ним примерной женой своего мужа — выглядела скромно, одета была изящно, но без лишнего шика.

— Вероника Андреевна, — Крячко почтительно раскланялся, — простите за визит, он доставил бы мне удовольствие, если бы не необходимость задать вам несколько неприятных вопросов.

— Ну что вы, как говорится, уже свои люди. Заходите, Станислав. Кстати, почему вас все зовут по имени и никогда не называют по отчеству?

Крячко изобразил одну из самых своих добродушных улыбок.

— Понимаете, Вероника, Станислав без отчества — это нечто иностранное, а я тщеславен.

Вероника прекрасно понимала, что перед ней разыгрывается кино и все неприятности впереди.

— Желаете выпить или вы при исполнении?

— Желаю выпить, — ответил Крячко, — хотя и при исполнении.

Вероника открыла шикарный бар.

Крячко сначала хотел изобразить удивление и даже растерянность, но потом твердой рукой взял бутылку виски с черной этикеткой, плеснул себе изрядную дозу, повернулся к хозяйке и спросил:

— А вам?

— То же самое, только меньше.

Взяв бокалы, они сели в гостиной, и Крячко начал реализовывать заранее заготовленную схему.

— Вероника, — начал он. — Вы мне глубоко симпатичны, поэтому не будем крутить. Вы оказались в дерьме по самые уши. Сегодня Яшин отрицает, что кейс с «куклой» получил от вас, но это сегодня. А завтра будет завтра. И лучше, чтобы первой правду сказали вы.

Вероника пригубила из стакана, оценивающе осмотрела Крячко, поняла, что это герой не ее романа, а точнее, что она — не героиня его романа. И спокойно произнесла:

— Если можно, покороче, господин полковник.

— Если совсем коротко, то нам нужен дубликат кейса, который вы выдали Яшину.

— А если я откажусь? — спросила Вероника.

— Произойдет длинная история с неясным концом, — ответил Крячко. — Лучший вариант — вы останетесь на свободе, но уже,конечно, не как жена помощника Президента, а худший — это вульгарная тюрьма.

Вероника молчала долго, выкурила сигарету. Станислав ее не торопил. Наконец погасила сигарету, криво улыбнулась и сказала:

— Не знаю, где слышала, однако люди говорят, что признание облегчает совесть, но удлиняет срок.

— В большинстве случаев люди говорят правильно.

— Так повторите, пожалуйста, что вы хотите?

— Я хочу дубликат «куклы» такого же миллиона, какой вы в свое время передали Яшину.

— Я не знаю, о чем вы говорите. — Вероника вновь закурила. — Но ради любопытства спрошу: а если бы мне удалось достать такой дубликат, то что бы я с этого имела?

— Не знаю, как с совестью, — ответил Крячко, — но срока вы не имели бы наверняка.

— А какие гарантии?

— Мое слово.

— А сколько стоит ваше слово?

— Позвоните полковнику Гурову, он подтвердит, что мое слово — это слово.

— Извините, — Вероника растянула губы в улыбке, — а кто такой полковник Гуров?

— Если вы не знаете полковника Гурова, то наш разговор теряет всяки.. смысл.

Наступила долгая пауза. После чего Вероника спросила:

— Если я возьмусь выполнить ваше поручение, я сильно рискую?

В этот момент Станислав вспомнил одну из заповедей Гурова: «Если ты не знаешь, что ответить, всегда говори правду». Он немного помялся, подбирая слова, и ответил:

— Скажем так: вы рискуете, но меньше, чем в любом другом случае.

Вероника снова выдержала паузу, допила свой виски и спросила:

— Вы считаете, что у меня есть выбор?

Опять же памятуя заповедь своего начальника, Крячко сказал:

— В принципе есть, но я бы вам советовал согласиться.

— Когда вам нужны эти «куклы»?

— Когда вам удобнее их запросить. В качестве объяснения можете сказать, что попали на мошенников, которые отдают эти «куклы» за настоящие доллары.

— Если я сумею договориться, мне предупредить вас о том, что я отправилась за «товаром», или я все время буду находиться под наблюдением?

— Мне кажется, — ответил Крячко, — что подобные мелочи не должны вас интересовать, вы можете

поступить по своему усмотрению. Но я бы вашим телефоном в любом случае не пользовался.

— Значит, никакого протокола и никаких гарантий — только личная договоренность?

— Если желаете, — ответил Крячко, — можем оформить протоколом, но я бы вам этого не советовал.

Когда Станислав сел в свой «мерседес», где его ждал Гуров, который, естественно, слышал весь разговор, он показал Крячко большой палец и сказал:

— Хай-класс! Еще два-три слова, и ты бы ее передавил. Теперь будем ждать результата.

— Всегда рад, шеф, — ответил Станислав, приподняв несуществующую шляпу.

— Ну а теперь простенькая задача, найти этот чертов миллиард. Скажи, Станислав, ты работал когда-нибудь на вокзале?

— Лет сто назад было дело.

— Ты помнишь прием «чемоданчиков»? Стоит эдакая дамочка, ждет посадки у своего вагона, рядом чемодан. Она его даже ногой все время чувствует. Глядь, а чемодана и нет, а вместо ее чемодана — какой-то баул неизвестный. И с воплем «Караул! Украли!» бежит она в поисках своего имущества. А секрет прост: на ее чемодан надели чехол. Вот сдается мне, что пропажа этого миллиарда как раз заключается в том, что на контейнер с валютой надели другой чехол.

— А в таком случае, шеф, — ответил Крячко, — нам следует выяснить, как выглядит упаковка ста миллионов или миллиарда долларов, и чем ее могли прикрыть.

Ночью Гуров не спал. Татьяна, которая лежала рядом, порой просыпалась, смотрела на него вопросительно, но сыщик мало походил на живого человека,

тем более на живого мужчину. Он просчитывал финал. Когда совсем рассвело, он понял, что дело можно передавать в прокуратуру.

Татьяна сначала обиделась, потом, походив по квартире в гуровском халате, который был ей велик, спросила у него:

— Ну и что, полковник? Ты каждое дело заканчиваешь в таком похоронном настроении?

— Нет, Танюша, — ответил он. — Я просто не выношу жару. Ты видишь это марево над камнем, который называется Москвой? Эта жара сегодня меня доконает. Люди придумали правила для того, чтобы их нарушать: я никогда никому не даю ключи от своей квартиры, вот ключи — я уезжаю и не знаю, когда вернусь. Будет настроение — будешь здесь, соскучишься по дочке — поедешь домой.

Гуров с тяжелым вздохом надел портупею с пистолетом, пиджак, даже поправил галстук, поцеловал Татьяну в щеку и вышел из квартиры.

Сегодня у Татьяны был свободный день, на телецентр ехать не нужно, и она занялась уборкой квартиры, которая для холостяцкого жилища имела вполне приличный вид. Закончив уборку и приняв душ, решила пройтись по магазинам, так как недавно получила гонорар и у нее имелись кое-какие деньги.

Она вышла на Никитский бульвар и попала в простенькую ловушку, которая известна любому оперативнику, но не режиссеру телевидения. На переходе она налетела на мужчину , который стоял, немного ссутулившись, и закуривал сигарету. Она узнала своего бывшего любовника, за которого несколько лет назад собиралась выйти замуж.

— Михаил? — удивилась Татьяна. — Какими судьбами ты в этом районе?

— Пытаюсь познакомиться с красивой женщи-

ной. Ты же знаешь, красивые женщины — моя слабость.

— У тебя серебрятся виски, а твоей слабости уже четвертый десяток.

— Ну, хватит шутить. Здравствуй, рад тебя видеть. В принципе я сюда приехал по делу, но меня подвели, и поэтому я свободен, как ветер в поле. А ты куда?

— Да вот хотела пройтись по магазинам.

— Тоже дело. Чего-чего, а магазинов у нас хватает, были бы деньги. А я слышал, что ты выходишь замуж за милиционера.

— Мысль интересная, но для меня новая. Как быстро по Москве расползаются слухи.

— Ну, это естественно, — рассмеялся Михаил. — Ты известный режиссер, он известный мент, и я эту новость услышал еще вчера.

— Значит, ты ее услышал ровно на сутки раньше, чем я.

— По-моему, ты вышла вот из этого желтого дома. Что, там и живет этот знаменитый сыщик?

— Все тебе расскажи. — Татьяна открыла сумочку, вынула зеркальце, мельком критически взглянула на себя и в этот момент поняла, что забыла портмоне с деньгами.

— Ну я и хороша, — рассмеялась она. — Отправилась в магазин и забыла такую малость, как деньги. Так что извини, Михаил, мне надо вернуться.

— А мне позволительно тебя проводить?

— Если будешь вести себя прилично, то позволительно.

— Обижаешь, подруга. Я даже в молодости вел себя прилично. Не забыла?

Они поднялись на третий этаж, у дверей Татьяна на секунду замялась, не зная, удобно ли пустить в квартиру Гурова постороннего мужчину. Но Михаил так предупредительно распахнул перед ней дверь,

что она вошла без колебаний. Михаил шагнул следом. Тяжелая стальная дверь лязгнула, и Татьяна уже автоматическим жестом задвинула засов.

— Я не был в бункере у Гитлера, но представляю, что это жилище несколько похоже на убежище фюрера.

— Не надо завидовать, Миша. Сядь, покури. Я через минуту буду готова. — Татьяна зашла в ванную, и в этот момент Михаил прилепил под стол подслушивающее устройство.

Через пару минут они уже покинули квартиру Гурова.

Около часа они ходили по Калининскому проспекту, заглядывая в многочисленные магазины. Михаил болтал ни о чем, но в его словах проскальзывала ностальгия о прошлом, и он даже позволил себе фразу о своей последней неудачной женитьбе.

Гуров вернулся домой поздно, потный, усталый и злой. Татьяны не было, для одного готовить ужин не хотелось.

Идея о том, что сотни миллионов долларов в карман не положишь, и должна быть солидная охрана, которую не сложно найти даже в таком городе, как Москва, не подтвердилась. Гуров встретился с Лёнчиком, но тот либо лгал, либо действительно был не в курсе того, что происходит в городе. И только прощаясь, Лёнчик безразлично обронил:

— А полкаша вашего из контрразведки убрали не мои ребята, приказ был дан откуда-то сверху, но не военными, там крутятся большие бабки.

И вообще день, от которого Гуров ждал довольно много, прошел в бестолковой суете и ничего конкретного не принес.

Приняв душ и приведя себя более-менее в порядок, Гуров позвонил Орлову, доложил, что пока тянут

пустышку, спросил, есть ли новости от Еланчука. Поленившись разогреть себе ужин, ухватил пару холодных котлет, которые накануне приготовила Татьяна, и, по давней привычке раздевшись догола, упал в кровать, успокаивая себя старой русской пословицей, что «утро вечера мудренее».

Станислав Крячко, как всякий нормальный человек, терпеть не мог ждать. Но вот уже вторые сутки с небольшим перерывом на сон он наблюдал за подъездом квартиры, где находился телефон, по которому звонила Вероника с просьбой о встрече. Он просчитал, что раз Сергей Сергеевич такой опытный ас, то скорее всего он не будет звонить по этому же телефону и интересоваться, есть ли для него новости или нет, потому что сегодня телефону доверяют люди либо абсолютно честные, либо предельно наивные. Он заранее установил всех жильцов и ждал, когда же появится человек, не живущий в этих квартирах, так как о внешности Сергея Сергеевича данными не располагал и знал лишь, что человеку лет около шестидесяти. И вот на вторые сутки в подъезд вошел мужчина среднего роста, одетый достаточно элегантно, с тростью, без головного убора — волосы отливали серебром.

Конечно, никакой убежденности, что это искомый «кукольник», у Крячко не было, но когда мужчина вышел из подъезда буквально через пять минут, Крячко решил взять незнакомца под наблюдение. А когда выяснил, что за квартал от дома за углом в переулке стоят «жигули» незнакомца, был уже практически убежден, что вышел в цвет.

Одному вести наблюдение в Москве за машиной крайне сложно.

Приблизиться нельзя — засветишься, и отпускать нельзя — уйдет у светофора.

Крячко позвонил Гурову, сказал два слова о своих сложностях. Друг его сразу понял и ответил:

— Я сейчас дам команду ГАИ, его остановят у первого же поста и проверят документы.

Так и было сделано.

Крячко бросил преследование и вернулся в контору, где и узнал, что выявленный им человек — Дзарданов Юрий Лазаревич, привлекался за мошенничество в шестьдесят шестом году, но за недоказанностью был отпущен. Таким образом, «кукольник» был установлен. Оставался «пустяк» — установить или хотя бы понять, каким образом фальшивые доллары попали к «кукольнику».

Гуров понимал, что Интерпол рассчитывает не только на него, но наверняка связан с одним из отделов контрразведки. Сыщик позвонил Еланчуку, продиктовал данные Сергея Сергеевича, который, как выяснилось, оказался Юрием Лазаревичем, и сказал:

— Полковник, мы тут кое-что раскопали, пусть твои люди поработают и установят за фигурантом круглосуточное наблюдение. У меня есть подозрение, что он связан с Якушевым. Если наблюдение это подтвердит, то практически вы будете знать, где находятся ваши доллары.

Два дня назад, когда Аким расстался с Гуровым, он твердо решил уехать из Москвы, причем соблюдая все те меры предосторожности, о которых его предупреждал опытный сыщик. Но Лёнчику казалось нечестным смотаться из Москвы, не попрощавшись со своими ребятами. И около девяти вечера он зашел в кабачок, где висели сети, якорь и обычно собирались ребята. Как всегда легкий в разговоре и улыбчивый, он сказал, что уезжает в деревню к матери на несколько дней, и предупредил, чтобы в его отсутствие ничего не предпринималось. Когда он выпил последнюю стопку водки и направился к выходу, то столкнулся с Галеем. Аким был так поражен, что, не

отдавая себе отчета в происходящем, пожал киллеру руку и, кивнув на дверь, сказал:

— Я еду домой.

— Ну, так я тебя провожу, — легко ответил Галей.

Но Аким уже пришел в себя, взял Галея за воротник и толкнул вперед:

— Провожает только конвой, а ты пойдешь впереди.

Когда они вышли на темную промозглую улицу, Аким сказал:

— Подними руки.

Галей привычно оскалился, но команду выполнил. Аким ощупал его и, выяснив, что тот без пистолета, уже спокойнее сказал:

— Ну а теперь ответь, какого ты здесь делаешь?

— Тебя ищу, — спокойно ответил Галей. — Мы вроде как были партнерами.

— Ты о партнерстве молчи, я парень спокойный, но морду сейчас могу набить так, что ты неделю на улицу не покажешься.

— Давай не будем стоять под дождем. Сядем в машину и спокойно потолкуем.

Они сели в «БМВ» Акима, тот включил отопление и сказал:

— Ну, если у тебя есть слова, говори, я тебя слушаю.

Галей с усмешкой взглянул на своего бывшего партнера и неторопливо заговорил:

— Ты, Лёнчик, парень сообразительный, но неопытный. И мозги у тебя устроены так, что ты не склонен анализировать, и если видишь белый цвет, то считаешь, что он действительно белый, а черный — действительно черный. А в жизни все значительно сложнее. Я знаю, что у тебя взорвалась машина и ты жив остался по случаю. И все указывает на то, что сотворил это Борис Галей. Ты сразу пришел к такому

выводу и уже не сомневаешься, что я хотел тебя использовать и спустить в канализацию. Но если бы ты был способен снять верхний слой с этой истории и заглянуть чуточку глубже, то понял бы, что Борис Галей был последним человеком, которому выгодна твоя смерть. Начнем с того, что взрывая машину и уничтожая тебя, я уничтожал и доллары, которые ты мог получить с Яшина, а это сумма нешуточная. Одного этого было достаточно, чтобы понять: машину заминировал не я. Во-вторых, мне очень нужны твои парни, которые прекрасно ведут наружное наблюдение и способны выполнить то, что одному человеку не под силу.

Аким откинулся на сиденье, расправил мощные плечи и подумал, что киллер говорит правду. А Гуров посоветовал ему, Акиму-Лёнчику, убраться из Москвы лишь для того, чтоб Галей остался один и с ним было бы легче расправиться. Так уезжать или остаться? Аким взглянул в жесткое и в то же время как бы сонное лицо соседа, но решения не нашел. И тогда Галей пошел с последнего козыря:

— В Москве сейчас ребята из Интерпола ищут утерянные ими несколько сот тысяч долларов. Если ты не будешь полным мудаком, настропалишь своих ребят, а мы с тобой напряжем мозги, то, возможно, опередим их. Потому что иностранцы в нашей жизни ни хрена не понимают, а контрразведка, на которую они опираются, привыкла разбирать доносы в антисоветской деятельности и годами ловить несуществующих шпионов.

— А Гуров? — спросил Аким. — Он-то во всем разбирается!

— А сыскаря надо просто убить. Незабвенный Иосиф Виссарионович говорил: «Есть человек — есть проблема, нет человека — нет проблемы».

На мгновение у Акима защемило сердце. Он вспом-

нил Гурова и не мог представить его мертвым. Но, в конце концов, полковник обыкновенный мент, и подвернись ему возможность, он посадит Акима-Лёнчика и бровью не поведет. И почему-то вспомнилась его фраза: «Береги себя, Лёнчик!» Ладно! Уж он-то себя побережет.

Гуров вернулся домой радостный и возбужденный. Обнаружение «кукольника» обнадеживало, а уж что-что, а вести наружное наблюдение контрразведка умела лучше, чем кто-либо другой. И если связь между Сергеем Сергеевичем и Якушевым существует, то они это выявят. И дело покатится к финалу.

Войдя в пустую квартиру, Гуров огорчился, что нет Татьяны, — хотелось поговорить и по возможности поделиться успехом. Поставив на плиту бульон с пельменями, он быстренько принял душ, надел свежую рубашку, перекусил и начал расхаживать по квартире, потому что думалось ему лучше всего, когда он ходил.

Зазвонил телефон. Он снял трубку и уже хотел было сказать: «Танюша», когда услышал голос Михаила Захарченко:

— Лев Иванович, здравствуйте, это я, Мишка. Есть новости. Два дня назад Аким-Лёнчик собрал своих ребят и сказал, что уезжает в деревню к матери. При выходе из кабака встретил Бориса Галея, они вместе куда-то ушли, а позавчера Аким снова появился в кабаке, сказал, что никуда не уезжает и предстоит серьезная работа. Что за работа — я не знаю, но четверо из ребят перестали приходить в кабак, и все удивляются, куда они подевались. И прошел слух, будто в Москве ищут целую кучу долларов. Уж не знаю сколько, одни говорят, что сотни миллионов, другие называют аж миллиард, но знаю точно, что у ребят Акима появились деньги, конечно, доллары.

— Спасибо, парень, — спокойно сказал Гуров. — Ты большой молодец!

Гуров положил трубку, откинулся в кресле. Он понял, что Галей переиграл его и сумел вербануть Акима. «Здоровый мужик, а в голове ветер гуляет!» — со злостью подумал Гуров об Акиме-Лёнчике.

Гуров взял с журнального столика пачку сигарет, хотел вытряхнуть одну, но сигареты рассыпались и несколько штук упало на пол. Тихо матерясь за свою неловкость, Гуров начал собирать сигареты и неожиданно увидел глубокий след от ножки кресла, оставшийся на мягком паласе. Тогда Гуров встал на колени, приподнял кресло и понял, что его недавно переставили. Кресло было массивное и тяжелое, Татьяна вряд ли могла бы справиться одна. Значит, в его, Гурова, отсутствие здесь побывал мужчина.

Полковник достал из ящика стола прибор для обнаружения всяческих устройств подслушивания и начал расхаживать по комнате в поисках «жучка». Этого можно было и не делать: достаточно было, сидя в кресле, протянуть руку и провести ладонью по крышке журнального столика снизу, как «жучок» очутился бы в его ладони. Гуров внимательно осмотрел «жучка» и, хотя не был специалистом в электронике, понял, что устройство достаточно слабое и способно передавать лишь разговоры, которые ведутся в гостиной и по телефону. Причем по телефону только в том случае, если говорить из гостиной. Значит, звонок Захарченко хотя и засекли, но слушали только то, что говорил Гуров. А он, слава Богу, ничего лишнего не сказал. Он прилепил «жучка» на место, закурил и понял, что ему предстоит принять нелегкое решение: Татьяну использовали втемную или она участник этой игры? Интуитивно он верил, что Татьяна не способна на двойную игру. Но кроме

интуиции, было и еще одно доказательство ее порядочности.

Если бы женщина была из чужого лагеря, то на кой черт устанавливать этот «жучок» и рисковать, если всю необходимую информацию можно получить непосредственно от нее самой?

Хлопнула входная дверь, и в комнату влетела Татьяна. Она привычно швырнула сумку на диван, начала стаскивать мокрый плащ. Гуров поднялся и помог ей, после чего обнял ее так крепко, что женщина пискнула, взглянула на улыбающегося Гурова удивленно и сразу спросила:

— Что произошло?

— Ничего, Танюша, ничего, — ответил Гуров, пытаясь придать лицу серьезное выражение.

— Врешь, поэтому иди на кухню и приготовь мне яичницу.

Татьяна поужинала, даже выпила рюмку водки. Гуров помялся: он дал себе зарок воздержания. Но сейчас не выдержал и тоже выпил, уж очень удачным был день. Потом он поднялся, плотно закрыл дверь из кухни в гостиную, сел напротив Татьяны и негромко сказал:

— А теперь, дитя мое, расскажи, каких мужиков ты принимаешь в этой квартире в мое отсутствие?

— Не мужиков, а одного мужика, и не принимаю, а пустила на минуточку. А теперь удовлетвори женское любопытство и ответь: как ты об этом узнал?

— Как я узнал, — неинтересно. Мне интересно знать, как ты могла, зная, где и кем я работаю, пустить в квартиру постороннего мужчину?

Татьяна смутилась, порозовела и, слегка запинаясь, подробно рассказала о встрече на бульваре, сказала, что училась вместе с Михаилом, что пятнадцать лет назад у них был роман-экспресс, который начался в понедельник и закончился в четверг.

— Теперь расскажи, как его зовут, как его фамилия, где он работает, чем занимается?

— Что он делает сейчас — я не знаю, он что-то говорил про Внешторг, но в молодости он хотел стать Зорге, учился в специальной школе, уж и не знаю, почему он оттуда ушел. То ли романтика улетучилась, то ли его поперли за что-то, но знаю точно, что училище он не закончил.

— Значит, это Галей, а не Якушев, — вслух сказал Гуров. И повторил: — Галей, а не Якушев... Когда вы находились в квартире и он сидел в кресле в гостиной, ты оставляла его одного?

— Буквально на две минуты, я зашла в ванную.

— Две минуты, дорогая, это уйма времени, и теперь в нашей гостиной имеется подслушивающее устройство. Так что при разговорах учитывай, что ты говоришь не только со мной. Но и не перегибай палку, будь естественной, говори свойственные тебе глупости. Можешь даже про любовь что-нибудь сказать. Слушающий нас человек не должен ничего заподозрить.

Татьяна открыто смотрела в лицо Гурову и неожиданно спросила:

— А почему ты, старый сыскной волк, не подозреваешь меня в сговоре?

— Во-первых, потому что я — старый сыскной волк, а во-вторых, если начинаешь подозревать своих, то надо менять профессию. Ну а теперь пойдем в гостиную и побеседуем с нашим непрошеным гостем.

Когда они уселись в креслах в гостиной,Гуров сказал:

— А ты становишься пьяницей, дорогая моя! И невольно соблазняешь меня, а мне сегодня при моем пиковом положении пить нельзя.

После чего снял трубку и набрал номер Крячко. Услышав голос друга, весело спросил:

— Надеюсь, ты успел поужинать?

— Такая забота настораживает, — ответил Крячко — Мне одеваться на выход?

— Браво, Станислав! Что значит муровская школа! Но ты мне не ответил: ты поужинал или нет? Потому что я тебя приглашаю к себе, а мне тебя кормить совершенно нечем.

— Выезжаю, выезжаю, сытый и довольный, что ты обо мне так заботишься.

Гуров встретил Крячко на лестничной площадке у лифта и коротко изложил ему ситуацию.

— У нас сегодня счастливый день, шеф! Теперь мы можем с ними разыгрывать хочешь — королевский гамбит, хочешь — сицилийскую защиту...

— Я и не знал, что ты такой дока в шахматах!

Они вошли в квартиру, где Гуров сразу бросился в атаку.

— Я не понимаю тебя, Станислав! Ты розыскник, что называется, от Бога, у тебя есть телефонный номер для связи и ты не смог за двое с половиной суток установить, для кого передаются разговоры?

— Может быть, я нарочно? Чтоб у тебя не возникло такой самодовольной улыбки! И вообще, так как я у тебя в гостях и ты сейчас мне не начальник, должен тебе при свидетелях сказать, что ты мне изрядно надоел. Все тебе сделай, причем не сегодня и не завтра, а вчера. И, как говаривал незабвенный Остап Бендер, принеси тебе на блюдечке с голубой каемочкой...

— В квартире, через которую передается для «кукольника» информация, необходимо установить подслушивание. Я уверен, что он просто звонит по телефону и узнает, есть для него что-нибудь или нет. И если он будет звонить не из автомата, то мы зацепим его телефон. Другого способа я не вижу.

— Ну и что? Ты вызвал меня специально для того, чтобы сообщить, что я плохо работаю?

— Ну, извини. — Гуров развел руками. — Чтоб тебе лучше спалось, я хочу с тобой обсудить план наших ближайших действий.

— А завтра в конторе было бы поздно?

— Скажу тебе слова, которых ты никогда не слышал. Никогда не откладывай на завтра то, что можешь сделать сегодня.

— Удивительно свежая мысль! Ну, давай, выкладывай, что нового ты придумал.

— Ты же знаешь, Станислав, ничего нового в сыске не придумаешь, все новое — это давно забытое старое. Пока мы можем только констатировать, что никакими материалами против Галея не располагаем.

— А против Якушева? — спросил Крячко.

— Якушева, мне кажется, мы к делу притягиваем за уши.

Говоря это, Гуров подвинул к себе блокнот, записал все данные на любителя устанавливать жучки и двигать кресла, написал слово «срочно» и поставил восклицательный знак, вырвал листок и положил перед Крячко.

— Да, — продолжал он. — Мы как в том году начали грешить на Якушева в отношении заказных убийств, так сами и уверовали в это. А ведь на самом деле мы не располагали никакими фактами ни о том, что Якушев заказывал убийства, ни о том, что исполнителем являлся Галей. И последние дни у меня создается впечатление, что я как паровоз качусь по рельсам и не могу сделать ни шагу в сторону, а рельсы проложил произвольно.

— В хорошем ты настроении, шеф. Однако весь этот разговор можно было провести завтра, а не тащить человека от семьи.

Гуров повысил голос:

— Я тебе что, робот механический? Мне когда-нибудь выговориться можно?

— У тебя есть Татьяна, перед ней и исповедуйся

— Станислав, тебе уже сорок лет, а ты не знаешь, что женщина слушает исповедь тогда, когда исповедуешься в любви к ней. Во всех остальных случаях она ждет, когда ты перестанешь говорить.

— Хорошего ты мнения о женщинах!

— Тут, как говорится, что выросло — то выросло.

Глава четырнадцатая

Вероника расхаживала по квартире и беспрерывно курила, решая, что ей предпринять. Она была женщина сообразительная и прекрасно понимала, что попала между двух огней. С одной стороны — сыщики уголовного розыска, с другой стороны — исполнитель «кукол», за которым, безусловно, стоит уголовный мир. На чью бы сторону она ни стала, она тут же становилась противником другой стороны. Она вспомнила Сергея Сергеевича, интеллигентного мужчину лет шестидесяти, с вкрадчивыми манерами и тихим голосом, случайно услышанное, что кличка у этого интеллигента — Эсэс, и поняла, что это не первые буквы его имени-отчества, а истинная суть данного человека. Эсэс, передавая ей кейс и провожая к дверям, извиняющимся тоном сказал ей:

— Вы уж, дорогая, не обессудьте, но у меня привычка такая, я с клиентом встречаюсь единожды. Если произойдет какое-нибудь ЧП и вам будет необходимо со мною встретиться, запомните телефончик, позвоните и передайте, что хотите меня видеть, я вас найду. Не хочу вас, мадам, пугать, но если выяснится, что вы находитесь под наблюдением угро, то, независимо от моей судьбы, арестуют меня или убьют, вашей судьбе я не завидую.

После чего Эсэс поцеловал ей ручку, открыл дверь и раскланялся.

Выступать против такого человека было, конечно, очень страшно. Но с другой стороны стоял полковник Гуров, а он был еще страшнее, потому что Эсэс то ли выполнит свою угрозу, то ли нет, а Гуров Веронику посадит наверняка.

Вероника расплющила сигарету в пепельнице с такой силой, словно именно эта сигарета была виновата в ее сложностях. После чего подошла к бару, плеснула в стакан виски, сделала глоток и сняла телефонную трубку. Мелькнула мысль, что телефон может прослушиваться, но она тут же ее отбросила, уверенная, что квартира помощника Президента находится под надежной защитой.

Гуров сидел в своем кабинете, задумчиво смотрел на сидящего напротив Станислава и разговаривал как бы сам с собой...

— Как же это получается, что существует «кукольник» экстра-класса, а мы с ним даже не знакомы? И ни на каких учетах он не состоит.

Сыщик знал, что Сергея Сергеевича задерживали за всю жизнь лишь однажды. Было это больше тридцати лет назад, доказать ничего не удалось, и мошенника отпустили с миром, заполнили на него карточку, но то ли эта карточка не попала в картотеку, то ли картотеку за тридцать лет столько раз перетряхивали, что карточку выбросили за ненадобностью, и знаменитый «кукольник» жил спокойно и припеваючи, поддерживая связь с очень узким кругом надежных людей.

— Ну что, Станислав? Перестанем слова говорить, начнем работать?

— Раз работать, значит, и Станислав понадобился! Мне, конечно, будет приказано искать Михаила, который в молодости волочился за Татьяной.

— Такой сообразительный, и все опером бега-

ешь,— улыбнулся Гуров. — Пусть ты и старший опер, и по особо важным делам, но опер есть опер мент обыкновенный. Ладно, хватит шутки шутить. разыщи этого ловеласа.

— Под землей найду, — ответил Крячко, встал и щелкнул каблуками.

— Ну, тогда с Богом!

Оперативники надели плащи, заперли кабинет и вышли к своим машинам.

Маленький ресторанчик, в котором Гуров надеялся найти Акима-Лёнчика, был оформлен а-ля рыбацкая таверна. На стенах висели сети, люстра походила на якорь, мебель исполнена из грубого массивного дерева. Здесь были столы и на восемь-десять человек, и на двоих, и народу набилось в зале предостаточно. Прежде чем войти, Гуров попытался изобразить на лице беспечную улыбку, а когда вошел, то не оглядывался и направился прямо к бару. И хотя не смотрел по сторонам, боковым зрением заметил, что посетители делятся на две категории: люди случайные, зашедшие выпить кружку пива и стопку водки, и молодые ребята, явно аборигены. Пока Гуров пересекал зал, он чувствовал на себе их внимательные взгляды. Заказав «Кровавую Мэри», то есть водку с томатным соком, Гуров облокотился на стойку бара и беспечно сказал.

— А у вас здесь уютно! Только что за окнами вода не плещет... А так обстановка из романа Грина.

Бармен, явно кавказец, подал ему стакан и с сильным акцентом сказал:

— Какой Грин, дарагой! Ашот хозяин! Настоящий парень! А ты, значит, залетел случайно?

— Да! — ответил Гуров. — Шел мимо, вижу — якорь и сети, решил заглянуть.

И как бы небрежно развернулся к стойке спиной. Прихлебывая из стакана, внимательно оглядел зал.

Аким сидел в компании с молодыми ребятами, на Гурова не смотрел. Но сыщик не сомневался, что авторитет его увидел и понял, что полковник зашел сюда не случайно.

Гуров расплатился и сказал:

— Счастливого плавания, капитан! Передай Ашоту, что он молодец, и я желаю ему легкой воды.

После чего неторопливо закурил и медленно двинулся к выходу.

На улице он без труда нашел «БМВ» Акима и встал неподалеку. Ждать пришлось долго, минут тридцать. Наконец Аким вышел и направился к своей машине. Гуров пересек ему дорогу, сел в свою «семерку», медленно тронулся и в зеркало заднего вида наблюдал, как отъезжает от тротуара мощная «БМВ» Акима-Лёнчика. Так они и ехали в связке, пробиваясь через пробки, пока не выбрались на Волоколамское шоссе, где вскоре Гуров, показав левый поворот и выждав у светофора стрелку, свернул к ресторану «Загородный». Но в ресторан Гуров не поехал, а остановился неподалеку и вышел из машины. Когда Аким подошел, Гуров пожал ему руку так, словно они были давними друзьями и встретились после длительной разлуки.

— Извини, Лев Иванович, но хреновый ты сыщик! Хотя о тебе легенды рассказывают, я по своей шкуре знаю, какой ты ас, но вошел ты в кабак и засветился. И мои пацаны, которые тебя в жизни не видели и не знают, лишь только глянули, зашептали: «А вот и ментовка!» Уж больно ты спокойный и уверенный. Когда обычный человек приходит, он мнется, оглядывается, улыбается без причины, а ты вошел, как к себе домой, и, ни на кого не глянув, двинул к бару, как будто из нашей забегаловки никогда не уходил, а ведь все знают, что человек пришел впервые.

— Ну, извини, — ответил Гуров. — В следующий

раз, когда войду, буду долго вытирать ноги, хлюпать носом и поддергивать штаны.

Моросил мелкий дождик, и они уселись в «БМВ», где Гуров долго молчал и разглядывал Акима так, словно в первый раз увидел.

— Что уставился, командир? — спросил Аким. — Или сильно полюбил? Но видится мне, что приехал ты с меня должок получить. Ведь ты мне намедни жизнь спас, а с моей стороны никакой благодарности.

— Умный ты, — ответил Гуров, — но стрельнул в молоко. Я приехал не должок получать, а взаймы тебе еще дать.

— А мне не надобно, господин полковник. Долгов нахватаешься — потом процентами замучают.

— А у меня привычка дурная, — усмехнулся Гуров. — Если я с человеком работаю, то жизнь его берегу.

— А я и не знал, что работаю в ментовке. — Аким недовольно поморщился. — Что, уже и в штат зачислили? Тогда говори, когда за зарплатой приходить.

— Ты молодой и глупый. Ты что же полагаешь, что полковник, опер-важняк едет через весь город для того, чтобы с тобой шутки шутить? Днями в Москве может начаться серьезная разборка. И видится мне, что первым делом Галей шлепнет Акима-Лёнчика как свидетеля совершенно ненужного.

Насмешливая улыбка сползла с лица Акима, и он неуверенно сказал:

— А что я ему? Ведь это он хотел меня замочить, а не я его.

— Аким, не будь мальчонкой неразумным. Я ведь сказал: «Видится мне». А может, я ошибаюсь. — И после небольшой паузы добавил: — Правда, в таких вопросах я ошибаюсь довольно редко.

— А может, мне самому этого Галея опередить?

— Ну, во-первых, я приехал переговорить с тобой не для того, чтобы началась у вас разборка. Хорош я буду опер главка, если спровоцирую убийство людей. Тебе с Галеем не справиться. Он всегда тебя опередит.

— Так что делать? Уехать из Москвы?

— Я сразу понял, что ты умный. Уехать из Москвы, причем сегодня и не с какого-нибудь центрального вокзала, а пригородной электричкой. И чтобы никто из твоих пацанов не знал, где ты и когда вернешься. Как написал классик, «мавр сделал свое дело, мавр может уходить».

Гуров открыл дверь машины и уже шагнул было на улицу, но Аким схватил его за рукав.

— Так что же вы, господин полковник, приезжали специально меня предупредить?

— Получается. Не переживай, я в своей жизни совершал глупости и покруче.

— Подожди-подожди. — Аким продолжал держать Гурова за рукав. — С самого начала хотел что-то тебе сказать, да запамятовал. А сейчас вспомнил. Ты интересовался, кто замочил полковника из контрразведки. Так вот, я случайно услышал, что исполнителями были два пацана из конкурирующей с нами группы. Их в тот же вечер ликвиднули. А команду давал никакой не генерал и вообще человек не вашего разлива. Штатский человек. То ли банкир, то ли бизнесмен большой. Ни имени, ни фамилии не знаю. А приметы у меня есть довольно точные.

Аким сидел за рулем откинувшись, прикрыв глаза, сосредоточивался, а Гуров начал закуривать и заметил, что руки у него слегка дрожат.

Аким медленно, тщательно подбирая слова, и очень профессионально нарисовал портрет Якушева, затем спросил:

— Это что-нибудь тебе даст?

урову хотелось достать носовой платок и вытереть пот. Ему хотелось обнять этого уголовника, но он не стал возиться с платком и не полез обниматься, а сдержанно ответил:

— Жизнь покажет. В нашей работе, Аким, не всегда знаешь, что сеешь и где вырастет.

А сам подумал: «Я вот ехал и искал тебя и не рассчитывал, что получу такую ценную информацию. А оно так получилось».

— Так мне сегодня уезжать? — спросил Аким.

— Обязательно. А дней через пять позвони мне в кабинет, и я скажу, что дальше.

Гуров хлопнул Акима по плечу, вышел из шикарного «БМВ» и пересел в свой скромный «жигуль».

Пока сыщик возился с зажиганием, мощная машина уже исчезла в потоке Волоколамского шоссе.

«Ах, Якушев, Якушев! Крупным мафиози стал. Вот если удастся установить хоть какую-то связь между «кукольником» и Якушевым, тогда точно определится: у кого искомые доллары. А может быть, на этом работу и прекратить? Передать весь материал Еланчуку в Интерпол, и пусть они решают свои вопросы сами».

Татьяна настояла, и вечером Гуров приехал к ней в гости и наконец познакомился с дочкой.

— Яна. — Девочка протянула Гурову узкую ладошку.

— Очень приятно, Яна! Меня зовут Лев Иванович.

— Да уж догадалась. Вы можете не поверить, но я вас именно таким и представляла. Что же, у моей мамы всегда был отличный вкус. А вы теперь мне будете вроде как отчим?

— Вроде как буду, — рассмеялся Гуров, — если ты уговоришь маму выйти за меня замуж.

— Сделаем, господин полковник! Считайте, что вы отдали приказ, а я приступила к его исполнению.

Вечер прошел очень мило и по-семейному. Яна больше не дурачилась и не умничала, сидела за столом тихо, изредка поглядывала на Гурова, лишь однажды ему подмигнула. И сыщик понял, что приобрел надежного союзника. Около десяти Гуров поднялся. Неожиданно Татьяна сказала:

— Доченька, я поеду со Львом Ивановичем, а ты будь умницей, утром сама позавтракай и загляни все-таки в школу. Хотя бы урока на два.

— Ну, если ты просишь, я зайду в это заведение, хотя это совершенно бессмысленное дело. В математике и физике я все равно ничего не понимаю, а по истории и литературе они мне рассказывают вещи, которые я знаю лучше. По истории вообще говорят сплошное вранье, а литературу преподают так, что Пушкина возненавидишь.

Они ехали по вечернему городу, и Гуров уступил руль Татьяне, которая давно просила об этом. В дневной сутолоке Гуров ей руль не давал, а сейчас, когда на улицах было свободно, пересел на правое сиденье, и Татьяна, как всякий начинающий водитель, осторожно ехала правым рядом и с ужасом смотрела на троллейбус, который приходилось обгонять. Сидя на непривычном месте, Гуров не мог наблюдать в зеркало заднего вида, что делается позади их «жигулей», поэтому постоянно оборачивался, наблюдал за обгонявшими их машинами и вяло поддерживал разговор о том, как все будет чудно и замечательно в этой жизни, если не считать эту чертову работу, которая жизнь и отнимает напрочь.

Когда они выехали на Гоголевский бульвар и уже подъезжали к шахматному клубу, их обогнала «девятка», и Гуров увидел, как из открытого окна высунулся ствол автомата. Он ударил по тормозам, придавив ногу Татьяны, крутанул руль вправо, наезжая

на тротуар, но было уже поздно. Автоматная очередь разрезала машину вдоль.

«Жигули» встали, Гуров дернул Татьяну на себя, крикнул: «Ложись и не двигайся!» — а сам, пригнувшись, открыл правую дверцу и выпрыгнул на асфальт.

«Девятка» тоже встала впереди, метрах в десяти. Из нее плевал свинцом уже не один ствол, а несколько. Пули прошивали жестяную коробку «жигулей», рухнуло лобовое стекло; из «девятки» выскочили темные фигуры, и Гуров открыл ответный огонь.

Почему-то сегодня он взял с собой не любимый «вальтер»-7,6, а «беретту» девятого калибра.

Глушителей не было ни у автоматчиков, ни у «беретты», и грохот стоял, как при настоящем уличном бое. Если до этого кто и шел по тротуару вдоль бульвара, то сейчас обезлюдело, машины, следовавшие за ними, остановились, начали сигналить и подали назад. Возникла пробка, где почему-то каждый из водителей считал нужным нажимать на клаксон. Грохот выстрелов и непрерывные сигналы автомобилей создавали театральный эффект, если к творящемуся убийству можно применить слово «театр».

Первыми двумя выстрелами Гуров уложил двух нападавших, третий бросился назад к машине, но Гуров «прошил» колеса, выстрелил в заднее стекло, надеясь, что не угодит водителю в голову, потому что одного необходимо было взять живым. Когда он подбежал к машине, то на водительском сиденье корчился бритоголовый парнишка, и Гуров, не задумываясь, выстрелил ему в правое плечо. Затем взял с его колен автомат, забросил на заднее сиденье, вынул наручники и приковал парня к рулевому управлению. Где-то вдалеке прозвучал сигнал милицейской машины, которая пыталась пробиться сквозь пробку.

Гуров вышел на проезжую часть, махнул рукой и крикнул:

— Проезжайте, все кончилось!

Водители проезжали мимо, и только поравнявшись, включали третью скорость и исчезали в тоннеле под проспектом. Через несколько секунд подкатила ПМГ, из которой выскочили два молоденьких сержанта и навели на Гурова свои пистолеты. Гуров положил «беретту» на багажник «девятки» и поднял руки.

— Лицом к машине, ноги шире! — командовал один из сержантов срывающимся голосом.

— Я могу стать как скажешь, командир, — ответил Гуров, — но ты видишь, что мое оружие лежит в стороне, а я — полковник главка. И если ты не боишься, можешь подойти ко мне, опустить руку в карман и достать удостоверение.

При этом Гуров неотрывно смотрел на свою «семерку», пытаясь определить, сидит Татьяна или лежит, но было темно, и он ничего не мог толком рассмотреть.

Проверив у Гурова документы, сержанты вытянулись по стойке «смирно». Один из них, который до этого командовал и явно был в группе старшим, спросил:

— Что прикажете, господин полковник?

— А ты сам не знаешь?

Гуров взял «беретту» с багажника, сунул в карман и зашагал к своей машине.

— Вызывай «скорую» и группу МУРа.

Татьяна лежала, опрокинувшись, была жива, но на обращение Гурова никак не реагировала. Гуров не мог понять, куда ее ранили, поэтому сел на переднее сиденье, положил голову любимой женщины себе на колени и стал ждать.

Глава пятнадцатая

Гуров сидел в коридоре института Склифосовского неподалеку от двери операционной, где хирурги сражались за жизнь Татьяны. Вскоре из операционной вышла женщина в зеленом халате, сняла шапочку и марлевую повязку с лица, подошла к Гурову и сказала:

— Дайте закурить.

Гуров вытряхнул из пачки сигарету, щелкнул зажигалкой. Женщина сильно, по-мужски, затянулась и сказала:

— Мы не боги. Шесть пулевых ранений, из которых два смертельных. Чудо, что вы ее вообще довезли.

— Спасибо, — ответил Гуров и тоже закурил.

— Что? — женщина поперхнулась. — За что же спасибо?

— Вы старались.

Женщина посмотрела на Гурова внимательно и спросила:

— А вам самому не надо зайти в операционную? — Она тронула уже засохшую кровь на груди Гурова, взяла его окровавленную руку.

— В операционную мне не надо. А к психиатру я обращусь завтра. Это ее кровь.

— Туалет направо по коридору, — сказала женщина. — Идите и умойтесь.

В туалете он посмотрел на себя в зеркало, увидел, что лицо тоже в крови, видимо, он вытирал пот, и кровь с ладони попала на лицо.

Гуров привез девочку к себе домой. По дороге она треснувшим голосом произнесла только одну фразу:

— Маму убили?

Гуров не ответил. Он не знал, как объяснить происшедшее.

Яна швырнула сумку на диван и села в уголок, поджав ноги, словно зверек, спрятавшийся в норку.

Он прошел в ванную, снял заскорузлую рубашку, умылся, переоделся и вышел к девочке, как приготовленный к казни на эшафот. Ему надо было слишком многое объяснить, и что бы он ни говорил, его слова будут звучать как оправдание, хотя виноват он был лишь в том, что позволил Татьяне сесть за руль.

Автоматная очередь, которую схватила Татьяна в момент нападения, предназначалась ему, сыщику Гурову. Бандиты были уверены, что за рулем именно он. И даже в такой критической ситуации сработал мозг профессионала, и Гуров нашел выход, как объяснить Яне происшедшее, не оправдываясь, а лишь изложив факты.

Было пять утра. Гуров позвонил Крячко. Станислав снял трубку, словно сидел у телефона и ждал звонка.

— Здравствуйте, господин полковник! — сказал Крячко. — Мне надевать штаны?

— Убили Татьяну, — сказал Гуров. — Мы возвращались поздним вечером, и я совершил преступление: разрешил ей сесть за руль. На Гоголевском с нами поравнялась «девятка». Из автомата водителя расстреляли в упор. Татьяна схватила очередь, которая предназначалась мне. Я сидел рядом и даже не мог ее прикрыть собой. Они увидели, что расстреляли не того человека, затормозили и вывалились на улицу. В этот момент я тоже успел выскочить из машины. Двоих застрелил сразу, а третьему прострелил плечо и в наручниках сдал ребятам МУРа. Они подъехали через несколько минут.

Крячко слушал Гурова, который говорил словно механический робот, и голос его звучал как скрип металла по стеклу.

Станислав понял, что все это говорится не ему, Крячко, а Татьяниной дочке, которая, видимо, находилась рядом. Не зная, как помочь другу, Станислав сказал:

— Если бы за рулем был ты, то ничего бы не изменилось. Татьяна ехала правым рядом, убийцы подъехали слева. Ты бы ехал левым рядом, и они бы подъехали справа. Все равно Татьяна находилась бы между убийцами и тобой.

Гуров заставил себя посмотреть на девочку, которая продолжала неподвижно сидеть на диване, и глаза у нее были голубые, фарфоровые, безжизненные, словно у куклы.

— Спасибо, Станислав, — сказал Гуров. — Все это слова. Я даю тебе два дня отпуска, займись похоронами. Татьяна лежит в Склифосовского. Позвони на телевидение, сообщи друзьям. Выбей место на кладбище, я хочу, чтобы ее захоронили по-человечески, а не кремировали.

Гуров положил трубку и сказал:

— Этот диван — твой, располагайся. Белье возьми в шкафу, постарайся привыкнуть, потому что в ближайшие дни ты будешь жить здесь. Я не умею говорить слова, но со временем ты поймешь, что я нормальный человек, а не просто полицейский. Попробуй заснуть, а если не получится — просто полежи. Давай доживем до утра. Знаешь, есть одна мудрая пословица, она гласит: «Дорога даже в тысячу миль начинается с первого шага».

Хоронили Татьяну на кладбище в Митино. Людей было немного, с телевидения приехало всего три человека. Присутствовали несколько офицеров, приятелей Гурова. Неожиданно приехал Орлов, и уж что совсем было необычно — он приехал в форме, и не

просто в форме, а при всех орденах, и не с планочками, которые носил, даже являясь к министру, а именно с орденами. И хотя большинство из них Орлов получил, служа с Гуровым, последний удивился, как много наград у его начальника и друга.

Проходившие по дорожкам кладбища оглядывались на орденоносного генерал-лейтенанта и были убеждены, что хоронят какого-то военного в высоком звании. Когда опустили гроб и бросили первые горсти земли, Гуров обнял Яну за плечи и отошел в сторону.

Неожиданно к ним подошел, покачиваясь, мужчина лет сорока, схватил Гурова за рукав и пьяным голосом зашептал:

— Как же это вышло, мент, что девчонку расстреляли, а на тебе ни царапинки?

— Я объясню, — спокойно ответил Гуров и взял мужчину за воротник плаща. — Отойди, дочка, нам нужно поговорить.

Подскочил вездесущий Крячко и отвел Яну в сторону.

— Теперь слушай меня, — сказал Гуров. — Я знаю точно, что земля вертится. И когда она повернется так, что мы с тобой вновь встретимся, тебе понадобятся врачи. Начинай копить деньги. Нынче медицина стоит дорого. А хозяевам передай, что мой выстрел всегда второй. Они отстрелялись. А сейчас быстро перестань прикидываться пьяным и сделай так, чтоб тебя искали.

Гуров оттолкнул «пьяницу» несильно, но тот еле устоял на ногах, повернулся, засеменил по алейке и скрылся за поворотом.

Гуров работал в розыске третий десяток лет. За эти годы ему досталось предостаточно. Его били

железом по голове и ногами куда придется. Киллер прострелил грудь, пуля прошла в миллиметрах от сердца. Он отлеживался на диване и в реанимации и восстанавливался.

Сейчас сыщика никто пальцем не тронул, но он чуть не рухнул, жил по инерции.

Яна жила у Гурова и, с одной стороны, согревала сыщика, с другой — не давала забыть, что он отдал руль ее матери и сделал девочку сиротой.

Гуров ходил на службу, ничего не делал, сидел несколько часов за столом и уезжал. Приятели его сторонились, начальство не беспокоило.

Крячко сказал, что бандиты в любом случае подъехали бы со стороны, где сидела Татьяна.

Но Гуров знал, что если бы за рулем находился он, то он бы засек приближавшуюся на большой скорости «девятку» и сумел бы принять какие-нибудь меры. Но он отдал руль, и случилось то, что случилось.

Однажды Крячко достал из кармана листок, на котором были перечислены члены семьи одного из самых кровавых мафиози.

— Ты мне приказал составить эту бумаженцию. Я ее таскаю в кармане, зачем — не пойму.

— А, это! — Гуров махнул рукой. — Перестраховывался на случай, если тебя захватят и начнут угрожать расправой над семьей.

— Интересно, как эта бумажка мне поможет? — поинтересовался Крячко.

— Скажешь, если с семьей что случится, Гуров прикажет семью авторитета расстрелять. А адрес исполнителя подбросит твой, то есть того человека, который тебя захватил.

— Но это чистой воды блеф!

— Конечно, но они так боятся этого человека, что рисковать не станут. Так что носи в кармане, не тяжело.

Сотрудники Интерпола нашли доллары, которые еще не успели уйти из Москвы и рассыпаться по России. Еланчук, не рискуя встречаться с Гуровым, передал через Крячко, что им причитаются огромные премиальные, назначенные банками США, на что Гуров ответил, что деньги они не возьмут, и не потому, что гордые, а потому что Минфин просто их не отдаст. Поэтому, если коллеги из Штатов хотят как-то отблагодарить их, пусть сделают им личные подарки. Конкретно — две легковые машины, только пусть оплатят все пошлины и доставку, потому что им, русским, оплатить такой «подарок» не по карману.

Крячко выбрал «мерседес», предупредив, чтобы это была не самая шикарная машина спокойного цвета, а Гуров попросил любую европейскую марку, какую профессионалы ФБР считают подходящей для сыщика.

В кабинете сыщиков теперь было непривычно тихо, так как Гуров часами смотрел в окно, а Крячко отказался от привычных шуток и поглядывал на друга, изредка пытаясь начать разговор, но разговор не получался. Наконец Крячко собрался с силами и сказал:

— Я тебе советую забыть об Акиме-Лёнчике, потому что этого человека мы возьмем, когда захотим. Стоит задержать трех-четырех его парней на «горячем», они заговорят и сдадут своего шефа с потрохами. Думай только о Якушеве и Галее и не откладывай в долгий ящик. Но и не торопись.

Гуров и Крячко сидели в кабинете на своих местах. Станислав поглядывал на шефа настороженно. Очень плохо Гуров выглядел в последние дни. Осунулся, под глазами чернь, словно грим. Он смотрел в

окно, по которому выбивал мелкую дробь нудный дождь. Пытаясь разрядить тяжелую атмосферу, Крячко начал философствовать:

— Если верблюд тащит непомерную ношу, роняет слюну, идет и идет, то женщина считает: коли ему повесить на шею еще один камень, — верблюду станет легче.

— Ты это к чему? — спросил Гуров, не отрывая взгляда от окна.

— Когда ты вызываешь меня ночью, моя заботливая супружница на дорожку никогда не забывает напомнить, мол, ежели я не вернусь, то она с парнем пропадет. Я ей раз сто объяснял, что говорить следует обратное. Она слушает, согласно кивает, затем история повторяется.

После долгой паузы Гуров сказал:

— Когда бандиты увидели, что выдали очередь по водителю, а за рулем не тот человек, они затормозили, развернули свою тачку. Я бросился из машины. Татьяна лежала, придавив мою левую ногу. Выбираясь из машины, я почувствовал, как она вздрогнула Убийцы стреляли вслепую. Но, видно, еще одна пуля попала в Татьяну. Это была моя пуля. Я не остался в машине, чтобы перевязать ее. Бритоголовые шли, чтобы добить нас. Я выбрался на тротуар, остальное ты знаешь.

— Ты сделал все, что мог.

— Слова. — Гуров оторвал взгляд от окна. — Это, дружище, слова. — Он положил широкие ладони на стол и сказал: — Я решил. Поедем ко мне, по дороге тебе расскажу.

Наступал вечер, и стада машин застревали на перекрестках.

Гаишники не справлялись со своей задачей пастухов — разогнать эти отары не представлялось ника-

кой возможности. От Житной, где находилось министерство, до Никитского бульвара, где жил Гуров, они пробивались чуть ли не час.

Гуров изложил свой план, Крячко предложил помощь, но Гуров сухо сказал:

— Это дело мое, и ты в него не лезь.

Из машины Гуров позвонил домой, предупредил Яну, что придет с другом и чтобы она сварила пельмени.

— Слушаюсь, полковник, — ответила девочка и добавила: — А я вообще-то тут котлеты приготовила.

– А картошка у нас есть? — спросил Гуров.

— Немного найду.

— Ну, тогда годятся твои котлеты, и пожарь картошки.

Войдя в квартиру, сыщики сняли плащи, прошли на кухню, после чего Гуров достал из холодильника бутылку водки, налил два стакана. Крячко смотрел изумленно, потому что пить перед сложной операцией было безумием, которое Гуров никогда себе не позволял. Но Гуров твердой рукой взял один стакан и протянул Крячко, дал ему огурец, взял другой стакан, чокнулся и сказал:

— За успех!

— Чтобы в нас промахнулись! — ответил Крячко и выпил.

Гуров поставил свой стакан назад в холодильник.

— Вернусь — выпью. Ну а теперь перекусим — и работать.

Они перешли в гостиную. Гуров сел, развалившись в кресле, вытянул ноги и лениво сказал:

— Ждешь ее, ждешь, госпожу Удачу, а она появляется неожиданно и совсем не на том месте, где ты в засаде.

— И все-таки, шеф, мне непонятно, как появилась на свет эта пленка и как она попала к вам в руки.

— Я всегда говорил тебе, Станислав, делай людям добро, в конце концов откликнется. Ты мне можешь напомнить об Акиме-Лёнчике, которому я спас жизнь, а он убил Татьяну. Что ж, бывает и так. А с пленкой получилось иначе. Оказалось, что в прошлом году Галей и Якушев поддерживали связь по телефону, и аппарат, по которому разговаривал Галей, находился в одном из старых притонов на Арбате. Там собирается совсем никчемная публика, в основном женщины, опустившиеся до дна и даже ниже. Среди них оказалась молодая проститутка, которая была не так пьяна, и, слушая один из разговоров Галея, поняла, что здесь дело пахнет смертоубийством. На следующий день она пригласила мастера, одного из своих любовников, который установил в аппарате записывающее устройство. Делала это она, конечно, не из благотворительных соображений, а стремясь получить компрматериал на этого мужика, который заскакивал на квартиру, с тем, чтобы в дальнейшем получить с него деньги. Но когда она прослушала запись, то поняла, что никакого шантажа здесь не получится, проще застрелиться. Но пленку не выбросила, а оставила кассету так, на всякий случай. Когда она от своих дружков услышала о перестрелке, о смерти женщины и о Гурове, который в этом деле был замешан, то быстро вспомнила, как этот самый Гуров, будучи еще майором, помог ей выпутаться из очень неприятной истории, и после долгих колебаний сегодня утром она принесла мне эту кассету. Если бы ты видел, Станислав, как она старалась не дышать на меня перегаром и вообще казаться, как прежде, молодой и симпатичной. Вот и весь секрет.

— Что же мы имеем? — спросил Крячко.

— Мы имеем не сильные, но доказательства. Мы знаем, кто заказывал прошлогоднее убийство депута-

та Сивкова и кто его ликвидировал. Конечно, для суда этого мало, но для задержания обоих фигурантов и проведения первичных допросов вполне достаточно. Я начну с Якушева и думаю, что он завалит Галея, придумав какой-нибудь вариант вроде того, что это была шутка или что он не верил в реальность происходящего. А получив его показания, я возьму Галея. Имея пленку и протокол допроса, я либо размотаю Галея, либо передам материал в прокуратуру, и пусть они сами решают, что с этим делать. В любом случае мы их арестуем. А как поется в детской песенке: «Раз дощечка, два дощечка — будет лесенка, раз словечко, два словечко — будет песенка». У меня есть агентурный подход к группе Акима-Лёнчика, я выясню, кто причастен к нападению на нас с Татьяной, возьму этих ребят, и под угрозой привлечь их по делу об убийстве Татьяны они споют все, что знают. А это уже узелок на петле Галея.

— И когда ты думаешь приступить?

— Сейчас у нас девятнадцать. Думаю, что полночь — самое время. К прокурору я обращусь только завтра, таким образом, я получу возможность проработать ночь без надзора прокуратуры. Да и сам знаешь, что ночью люди разговорчивее. Ночью люди привыкли спать в мягкой постели, а не сидеть на жестком стуле на допросе.

— Значит, сегодня? — спросил Крячко.

— Сегодня, Станислав, сегодня. Так что готовься. Поедем ты, я и еще возьмем молодого парня. В двенадцать Якушев должен сидеть на этом стуле.

— Поздравлять тебя рано, — сказал Станислав, — но видится мне, что ты вышел в цвет.

— Почти год ждал.

— Брать Якушева — дело безопасное. Так что можешь третьего человека и не приглашать. Мы уж как-нибудь и вдвоем справимся.

Гуров положил пистолет в карман плаща — оружие оттягивало полу и несколько мешало при ходьбе, зато было всегда под рукой, — и кивнул Крячко на дверь.

Из спальни вышла Яна и, глядя фарфоровыми глазами мимо Гурова, сказала:

— Ты учти, полковник, я несовершеннолетняя и жить мне не на что.

— Да ты что, дочка? — Гуров беспечно улыбнулся. — Я смотаюсь по пустяковому делу, тут же вернусь.

— Конечно, — Яна кивнула, — я так и чувствую. — Она ссутулилась и вернулась в спальню.

— Дарвин был неглупый мужик, — сказал Крячко, открывая дверь лифта. — Согласен, мы произошли от обезьян. Но коли он был такой умный, мог бы предупредить, что мужчины и женщины произошли от разных обезьян.

Галей пил чай, казалось, этого человека ничто не заботит, хотя нервы его были напряжены до предела, и что уже совсем не годилось — рука со стаканом дрожала, а в мозгу стучал один и тот же вопрос: что делать?

Надо же, какая-то сука затесалась в тот подвал. Вроде бы все бабы там были возрастные и пьяные в стельку. И в голову не приходило, что кто-то может услышать тот разговор. Как же она, падла, удержалась, не предложила мне купить эту пленку? Сообразительная, стерва, поняла, что я ее отправлю к праотцам прежде, чем она икнет.

А сыскарь прав, этот денежный мешок развалится на части, ему не выдержать допроса, и он сдаст меня со всеми потрохами. Покойная матушка, пьяница, часто говорила: «Сынок, никогда не зарекайся. Жизнь — она себя кажет». Вот зарекся оружие в руки не брать, а куда денешься? Витьку Якушева необходимо быстро спустить в канализацию. Без него с одной пленкой они ничего не докажут.

Брат Сашка резался в гостиной в буру с кем-то из приятелей.

Галей вышел из кухни, заглянул к картежникам, потом открыл тайник, достал «ТТ» и большую пачку долларов. Уложив доллары в конверт, он позвал брата и, когда тот приковылял, отдал ему конверт и сказал:

— Я уезжаю, возможно надолго. Здесь вся наша касса. Живи, ни в чем себе не отказывай, но знай, что деньги в конце концов кончаются.

Сашка смотрел настороженно, но вопросов привычно на задавал, так как знал, что старший все равно ничего не расскажет.

Когда брат забрал деньги и ушел, Борис позвонил Якушеву. В офисе Якушева не было. Позвонил домой, домашний телефон тоже был включен на автоответчик. Галей названивал около часа и, наконец услышал спокойный голос:

— Слушаю вас!

— Слушай, и очень внимательно, — сказал Галей. — Наши прошлогодние разговоры по заказным делам записаны на пленку, которая находится у нашего общего знакомого, этого, мать его так, Гурова.

— Откуда известно? — довольно беспечно спросил Якушев. — Неужто тебе сам Гуров рассказал?

— У тебя нет времени, чтобы выслушивать, откуда мне что известно. К двенадцати за тобой приедут. Это так же точно, как то, что меня зовут Борис Галей. Поэтому возьми носовой платок, загранпаспорт, мотай в Шереметьево и первым рейсом в страну, куда у тебя есть виза, соскакивай.

— А как же ты? — спросил Якушев.

— Заботливый ты мой, — повысил голос Галей. — Ты уберись, а один я с ними разберусь. Пусть они попробуют мне что-нибудь доказать. Тебе не сдю-

жить допроса Гурова. А об меня он все ногти обломает, но ничего не добьется. И не забудь, что я в доле по тем деньгам, которые ты получил недавно.

Когда Галей напомнил о деньгах, Якушев понял, что все это очень серьезно. Он взглянул на часы, увидел, что немного времени у него еще есть, сел за письменный стол, привел в порядок документы, чтобы его отъезд не выглядел как бегство.

Затем бросил в кейс две свежие рубашки и действительно пару носовых платков, положил в карман оба загранпаспорта и небольшую наличность и подумал, что надо дозвониться до Цюриха.

Галей подлетел к дому Якушева, с облегчением увидел, что окна его квартиры еще светятся, а у подъезда стоит «БМВ». Словно новичок, он достал из кармана «ТТ», проверил, есть ли патрон в стволе, снял предохранитель и вышел из машины. Ждать пришлось недолго. Буквально через десять минут Якушев с небольшим кейсом вышел из подъезда и направился к машине.

— Виктор! — окликнул Галей.

Якушев вздрогнул, но, узнав Галея, облегченно вздохнул.

— Кто же провожает без цветов? — попытался пошутить Якушев.

— А цветы, мой друг, я кладу только на могилку — Галей прижал ствол пистолета к груди Якушева и дважды выстрелил.

И хотя глушителя у «ТТ» не было, выстрелы не так уж и прогремели. Да в Москве и привыкли, что вечерами и ночью постреливают. Галей равнодушно посмотрел на валяющегося у его ног партнера, убрал «ТТ» в карман. Был соблазн угнать роскошный «БМВ», но Галей воздержался, понимая, что риск слишком велик. Он вернулся к своим «жигулям», открыл не-

запертую дверцу, когда почти над самым ухом услышал негромкий голос:

— Галей!

В голосе не было угрозы, однако Галей испугался. Он уже не помнил, когда пугался в последний раз. И выстрела он не услышал.

Гуров стоял буквально в двух метрах позади трупа и, хотя знал, что в прокуратуре его ждет неприятный разговор, не удержался и выстрелил в труп еще раз.

Так он и стоял. На противоположной стороне улицы лежал Якушев, а здесь, у его ног, Галей.

Ближайший автомат, на удивление, оказался исправным. Гуров позвонил дежурному по МУРу и вызвал опергруппу.

Договорившись с оперативниками, что на следующий день напишет рапорт, Гуров вернулся домой, где, к своему удивлению, увидел Крячко, который сидел с Яной в гостиной и играл в подкидного дурака.

— Твоего туза я побью козырем, — говорил Крячко. — Я тебя предупреждал, что обыграю, и говорил, что твой полковник скоро вернется.

Гуров молча прошел в кухню, достал из холодильника загодя наполненный стакан, вернулся в гостиную, кивнул Крячко и сказал:

— Обоих наповал. Но разве от этого легче?

Эпилог

Прокуратура установила, что Якушев был убит из пистолета «ТТ», который обнаружили в кармане мертвого Галея. Сам Галей был застрелен сотрудником милиции при попытке скрыться с места преступления.

Аким-Лёнчик был арестован за ограбление инкассатора.

Американцы еще раз доказали, что они люди деловые и сообразительные, прислали машины для Гурова и Крячко в свое посольство. Машины тут же были «проданы» сыщикам. Станислав получил «мерседес-300», а Гуров «пежо-605».

В жизни Барчука, Еркина, Ждана и его супруги никаких существенных перемен не произошло.

Генерал Коржанов, начальник «сгоревшего» Яшина, получил вторую звезду и стал генерал-лейтенантом.

Яна живет у Гурова, фарфоровый блеск в ее глазах растаял, она начала улыбаться, а изредка даже смеется.

Апрель — август 1995 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Презумпция невиновности
Повесть 5

Мщение справедливо
Роман 127

Литературно-художественное издание

ЛЕОНОВ Николай

ПРЕЗУМПЦИЯ НЕВИНОВНОСТИ
Повесть

МЩЕНИЕ СПРАВЕДЛИВО
Роман

Ответственный за выпуск *Е. Орлова*
Художник-оформитель *С. Филатов*
Технический редактор *А. Милехин*
Корректор *Л. Пильгуй*

Лицензия ЛР № 061309 от 17 июня 1992 г.

Подписано в печать с оригинал-макета 18.06.96. Формат 84×108/32. Бумага газетная. Гарнитура «Балтика». Печать высокая. Усл.печ.л. 21,84. Заказ № 6–731. Тираж 25 000 экз. (II з-д 15001–25000).

АОЗТ Издательство «Эксмо». 123298, г. Москва, ул. Народного Ополчения, 38.

МЧФ «Грампус Эйт». 310050, г. Харьков, ул. Руставели, 16/18, к. 17.

Головное предприятие республиканского производственного объединения «Полиграфкнига». 252057, г. Киев, ул. Довженко, 3.

*Книгу **«Мщение справедливо»** и другие произведения **Н. Леонова,** а также все книги серии **«Перехват»** можно приобрести **в Украине** у дилеров издательства **«Грампус Эйт»:***

Днепропетровск
ул Московская 3, Центральная библиотека
ЧП «Киселева» тел **(0562) 93-00-89**

Донецк
ЦУМ,
ПКФ «БАО» тел **(0622) 55-11-44**

Запорожье
ул Медведева, 3, 3-я поликлиника,
Фирма «Библио» тел **(0612) 32-69-77**

Киев
Книжный магазин «Знание», ул Крещатик, 44.
ТКФ «А С А Н А» тел **(044) 243-80-18**

Одесса
ул Комарова 10 магазин фирмы «Вира»
ЧП «Вира» тел **(0482) 69-92-63**

Симферополь
ул Самокиша, 16 магазин фирмы «Велес»
Фирма «Велес» тел **(0652) 25-02-83**

Сумы
ул Казацкий вал, 2
КП «Книголюб» тел **(0542) 22-30-63**

Харьков
ул Сумская, 13, Читальный зал ЦГБ.
Издательство **«Грампус Эйт»,**
тел **(0572) 14-96-06; 21-51-45**

Приглашаем к сотрудничеству организаци для открытия представительств в областны и районных центрах Украины.

НИКОЛАЙ ЛЕОНОВ

Имя писателя Николая Леонова хорошо знакомо каждому,
кто любит и знает российскую детективную литературу.
За плечами автора богатая биография: он был спортсменом,
окончил юридический институт, работал в МУРе.
После увольнения из органов милиции Николай Леонов
становится профессиональным литератором.
Он — автор многих известных книг, киносценариев,
по которым сняты такие известные фильмы, как
«Трактир на Пятницкой», «Вариант «Омега»,
«Агония», «Ринг».

ПРЕЗУМПЦИЯ НЕВИНОВНОСТИ
МЩЕНИЕ СПРАВЕДЛИВО

перехват

Н. ЛЕОНОВ МЩЕНИЕ СПРАВЕДЛИВО